РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ

ПСИХОЛОГИЯ
и
ПСИХОТЕХНИКА

научно-практический журнал

www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

AURORA Group s.r.o.
nota bene

Выходные данные

Номер подписан в печать: 27-03-2024
Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com
Издатель: ООО <НБ-Медиа>
Главный редактор: Спирова Эльвира Маратовна - доктор философских наук, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт философии Российской академии наук, Главный научный сотрудник, руководитель сектора истории антропологических учений, руководитель Научно-образовательного центра, 109240, Россия, г. Москва, ул. Гончарная, 12, с.1, оф. 322, elvira-spirova@mail.ru
ISSN: 2454-0722
Контактная информация:
Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна
E-mail: info@nbpublish.com
тел.+7 (966) 020-34-36
Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.
Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 27-03-2024
Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com
Publisher: NB-Media ltd
Main editor: Spirova El'vira Maratovna - doktor filosofskikh nauk, Federal'noe gosudarstvennoe byudzhetnoe uchrezhdenie nauki Institut filosofii Rossiiskoi akademii nauk, Glavnyi nauchnyi sotrudnik, rukovoditel' sektora istorii antropologicheskikh uchenii, rukovoditel' Nauchno-obrazovatel'nogo tsentra, 109240, Rossiya, g. Moskva, ul. Goncharnaya, 12, s.1, of. 322, elvira-spirova@mail.ru
ISSN: 2454-0722
Contact:
Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna
E-mail: info@nbpublish.com
тел.+7 (966) 020-34-36
Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .
Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редакционный совет

Харитонов Александр Николаевич — кандидат психологических наук, доцент, президент Русского психоаналитического общества.
119002, Россия, Москва, ул. Арбат, 25-2.

Богоявленская Диана Борисовна — доктор психологических наук, профессор, почётный работник Российской академии образования, заслуженный деятель науки РФ, зав. лабораторией Психологического института Российской академии образования. 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, 9, строение 4.

Леонтьев Дмитрий Алексеевич — доктор психологических наук, профессор, профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, 11, строение 9.

Розенова Марина Ивановна — доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры Научных основ экстремальной психологии Факультета "Экстремальная психология" Московского государственного психолого-педагогического университета (МГППУ)

Россохин Андрей Владимирович — доктор психологических наук, старший научный сотрудник факультета психологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, 11, строение 9.

Белинская Елена Павловна - доктор психологических наук, профессор, кафедра социальной психологии, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова .

Пазухина Светлана Вячеславовна – доктор психологических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого", 300026, г. Тула, проспект Ленина, 125pazuhina@mail.ru

Борзова Татьяна Владимировна – доктор психологических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Тихоокеанский государственный университет», профессор кафедры психологии. 680000, Россия, Хабаровск, ул. Карла Маркса, 68, borzova_tatiana@mail.ru

Куликов Леонид Васильевич - доктор психологических наук, профессор кафедры социальной психологии. Санкт-Петербургский госуниверситет, 3. 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова 6, СПбГУ факультет психологии leon-piter@mail.ru

Шаповалов Владимир Иванович — доктор педагогических наук, кандидат психологических наук, доцент профессор кафедры экономики и управления Сочинского государственного университета, первый проректор Института непрерывного профессионального образования.

Алексашкина Людмила Николаевна — доктор педагогических наук ведущий научный сотрудник Центра социально-гуманитарных дисциплин Института стратегии развития образования Российской академии образования.

Поляков Виктор Павлович – доктор педагогических наук, профессор, главный научный сотрудник лаборатории психолого-педагогического и учебно-методического обеспечения развития информатизации образования Центра информатизации образования Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Институт управления

образованием Российской академии образования», 105062, г. Москва, ул. Макаренко, д. 5/16, стр. 1Б, polvikpal@mail.ru

Гогиберидзе Георгий Меджидович — доктор педагогических наук, профессор профессор кафедры социологии и политологии Московского городского педагогического университета.

Аринушкина Анна Александровна – доктор педагогических наук, ФГБНУ ИУО РАО. Центр информатизации образования федерального государственного бюджетного научного учреждения «Институт управления образованием Российской академии образования», главный научный сотрудник, 105062, г. Москва, ул. Макаренко, д. 5/16, anna.arin@mail.ru

Дорофеев Андрей Викторович – доктор педагогических наук, кандидат физико-математических наук, профессор, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы", кафедра педагогики и психологии профессионального образования, 450000, Россия, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Октябрьской революции, 3а

Филатов Олег Константинович — доктор педагогических наук, профессор.

Гельман Виктор Яковлевич – доктор технических наук, профессор, профессор кафедры медицинской информатики и физики ФГБОУ ВО «Северо-Западный государственный медицинский университет им. И.И.Мечникова»,191015, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Кирочная, д.41, gelm@sg2104.spb.edu

Ильинский Игорь Михайлович — доктор философских наук, профессор, ректор Московского гуманитарного университета. 111395, Россия, Москва, ул. Юности, 5/1.

Берд Роберт (Bird Robert) — доктор философии, профессор Чикагского университета (США). 1130 E. 59th St. Chicago, IL 60637

Гиренок Федор Иванович — доктор философских наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой философской антропологии и комплексного изучения человека Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, учебно-научный корпус "Шуваловский".

Лекторский Владислав Александрович — доктор философских наук, профессор, академик Российской академии наук, заведующий сектором теории познания Института философии Российской академии наук. 119991, Россия, Москва, ул. Гончарная, 10

Луков Валерий Андреевич — доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, директор Центра теории и истории культуры Института фундаментальных и прикладных исследований, профессор Московского гуманитарного университета.111395, Россия, Москва, ул. Юности, 5/1.

Намли Елена (Namli Elena) – доктор этики, профессор Упсальского университета (Швеция). Box 514 SE 751 20 Uppsala – Sweden.

Резник Юрий Михайлович — доктор философских наук, профессор, главный сотрудник Института философии Российской академии наук, шеф-редактор журнала «Личность. Культура. Общество». 119991, Россия, Москва, ул. Гончарная, 10.

Спирова Эльвира Маратовна — доктор философских наук, и.о. заведующей сектором истории антропологических учений Института философии Российской академии наук,

главный редактор журналов «Философская мысль», "Психология и психотехника". 119991, Россия, г. Москва, ул. Гончарная, 10.

Фишер Норберт (Fischer Norbert) — доктор, профессор, заведующий кафедрой основных философских вопросов богословия Католического университета в Айхштете (Германия). VdRSSD e.V. – Storksbrede 7 59073 Hamm (Westf.) – Germany.

Шестопал Елена Борисовна — доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой политической социологии и психологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, учебно-научный корпус "Шуваловский".

Дмитренко Татьяна Алексеевна — доктор педагогических наук, профессор. профессор кафедры методики преподавания иностранных языков Московского педагогического государственного университета. Индекс Хирша по РИНЦ = 6 Академик Международной академии наук педагогического образования

Березанцев Андрей Юрьевич - доктор медицинских наук, профессор по специальности "Психиатрия", врач-психиатр, главный научный сотрудник образовательного центра Первой московской клинической психиатрической больницы им. Алексеева. E-mail: berintend@yandex.ru

Артемьева Ольга Аркадьевна - доктор психологических наук, ФГБОУ ВО "Иркутский государственный университет", профессор, руководитель лаборатории методологии и истории психологии, 664025, Россия, г. Иркутск, ул. Чкалова, 2, каб. 205, oaartemeva@yandex.ru

Баксанский Олег Евгеньевич - доктор философских наук, Физический институт имени П. Н. Лебедева РАН, внс, профессор, 107014, Россия, г. Москва, ул. 2 Сокольническая, 1, кв. 28, obucks@mail.ru

Галяшина Елена Игоревна - доктор юридических наук, ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», Директор Центра правовой экспертизы в сфере противодействия идеологии терроризма и профилактики экстремизма, 123995, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудриснкая, 9, каб. 721, eigaljashina@msal.ru

Енгалычев Вали Фатехович - доктор психологических наук, Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Руководитель Научно-исследовательского центра судебной экспертизы и криминалистики , 248002, Россия, Калужский область, г. Калуга, ул. Лесная, 59, valiyen@gmail.com

Каширский Дмитрий Валерьевич - доктор психологических наук, ФГБОУ ВО "Российский государственный социальный университет", профессор факультета психологии, 129226, Россия, г. г Москва, ул. В. Пика, 4, оф. стр. 1, psymath@mail.ru

Краснянская Татьяна Максимовна - доктор психологических наук, АНО ВО "Московский гуманитарный университет", профессор кафедры общей, социальной психологии и истории психологии, 107207, Россия, столичный, г. Москва, ул. Уральская, д.6, к.5, кв. 34, ktm8@yandex.ru

Леньков Сергей Леонидович - доктор психологических наук, ФГБУ "Российская академия

образования", главный аналитик , 170008, Россия, Тверская область, г. Тверь, ул. Склизкова, 27, кв. кв. 77, new_psy@mail.ru

Неволина Виктория Васильевна - доктор педагогических наук, ФГБОУ ВО "Оренбургский государственный медицинский университет", Профессор, ФГБОУ ВО "Оренбургский государственный университет", Профессор, 460040, Россия, г. Оренбург, Мира, 8А, кв. 10, nevolina-v@yandex.ru

Овруцкий Александр Владимирович - доктор философских наук, Южный федеральный университет, Зав. кафедрой рекламы и связей с общественностью, 344019, Россия, Ростовская область область, г. Ростов-на-Дону, ул. 15 линия, 84, кв. 18, alexow1@ya.ru

Ростовцева Марина Викторовна - доктор философских наук, ФГАОУ ВО "Сибирский федеральный университет", заведующая кафедрой, 660062, Россия, г. Красноярск, ул. Вильского, 18а, marin-0880@mail.ru

Рубцова Надежда Евгеньевна - доктор психологических наук, АНО ВО "Российский новый университет", профессор кафедры общей психологии и психологии труда, 170008, Россия, Тверская область, г. Тверь, ул. Склизкова, дом 27, корпус 1, кв. кв. 77, hope432810@yandex.ru

Толстолуцкий Владимир Юрьевич – доктор медицинских наук, профессор, Нижний Новгород, ННГУ, юридический факультет, кафедра уголовного права и процесса, 603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23, tolvlad@yandex.ru

Шевелёва Светлана Анатольевна - доктор медицинских наук, заведующий лабораторией, ФГБУН «ФИЦ питания и биотехнологии», 109240, Россия, Москва, Устьинский проезд, 2/14 Sheveleva@ion.ru

Council of editors

Kharitonov Alexander Nikolaevich — Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, President of the Russian Psychoanalytic Society.
Arbat str., 25-2, Moscow, 119002, Russia.

Bogoyavlenskaya Diana Borisovna — Doctor of Psychological Sciences, Professor, Honorary Worker of the Russian Academy of Education, Honored Scientist of the Russian Federation, Head. laboratory of the Psychological Institute of the Russian Academy of Education. 125009, Russia, Moscow, Mokhovaya str., 9, building 4.

Leontiev Dmitry Alekseevich — Doctor of Psychological Sciences, Professor, Professor of Lomonosov Moscow State University. 11 Mokhovaya str., building 9, Moscow, 125009, Russia.

Rozenova Marina Ivanovna — Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Scientific Foundations of Extreme Psychology of the Faculty of Extreme Psychology of the Moscow State Psychological and Pedagogical University (MGPPU)

Rossokhin Andrey Vladimirovich — Doctor of Psychological Sciences, Senior Researcher at the Faculty of Psychology of Lomonosov Moscow State University. 11 Mokhovaya str., building 9, Moscow, 125009, Russia.

Belinskaya Elena Pavlovna - Doctor of Psychological Sciences, Professor, Department of Social Psychology, Lomonosov Moscow State University.

Svetlana V. Pazukhina – Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Tolstoy Tula State Pedagogical University", 300026, Tula, Lenin Avenue, 125pazuhina@mail.ru

Borzova Tatiana Vladimirovna – Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education "Pacific State University", Professor of the Department of Psychology. 680000, Russia, Khabarovsk, Karl Marx str., 68, borzova_tatiana@mail.ru

Leonid V. Kulikov - Doctor of Psychological Sciences, Professor of the Department of Social Psychology. St. Petersburg State University, 3. 199034, St. Petersburg, nab. Makarova 6, St. Petersburg State University Faculty of Psychology leon-piter@mail.ru

Shapovalov Vladimir Ivanovich — Doctor of Pedagogical Sciences, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Economics and Management of Sochi State University, First Vice-Rector of the Institute of Continuing Professional Education.

Aleksashkina Lyudmila Nikolaevna — Doctor of Pedagogical Sciences, Leading researcher at the Center for Social and Humanitarian Disciplines of the Institute of Educational Development Strategy of the Russian Academy of Education.

Polyakov Viktor Pavlovich – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Chief researcher of the Laboratory of Psychological, Pedagogical and Educational methodological support for the development of Informatization of Education of the Center for Informatization of Education of the Federal State Budgetary Scientific Institution "Institute of Education Management of the Russian Academy of Education", 105062, Moscow, Makarenko str., 5/16, p. 1B, polvikpal@mail.ru

Gogiberidze Georgy Medzhidovich — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor Professor of the Department of Sociology and Political Science of the Moscow City Pedagogical University.

Arinushkina Anna Aleksandrovna – Doctor of Pedagogical Sciences, FGBNU IUO RAO. Center for Informatization of Education of the Federal State Budgetary Scientific Institution "Institute of Education Management of the Russian Academy of Education", Chief Researcher, 5/16 Makarenko str., Moscow, 105062, anna.arin@mail.ru

Dorofeev Andrey Viktorovich – Doctor of Pedagogical Sciences, Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla", Department of Pedagogy and Psychology of Vocational Education, 450000, Russia, Republic of Bashkortostan, Ufa, Oktyabrskaya revolutsii str., 3a

Filatov Oleg Konstantinovich — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor.

Gelman Viktor Yakovlevich – Doctor of Technical Sciences, Professor, Professor of the Department of Medical Informatics and Physics of the I.I.Mechnikov Northwestern State Medical University, 41 Kirochnaya str., Saint Petersburg, 191015, Russia, gelm@sg2104.spb.edu

Ilyinsky Igor Mikhailovich — Doctor of Philosophy, Professor, Rector of the Moscow University for the Humanities. 5/1 Yunosti str., Moscow, 111395, Russia.

Bird Robert — PhD, Professor at the University of Chicago (USA). 1130 E. 59th St. Chicago, IL 60637

Fyodor Ivanovich Girenok — Doctor of Philosophy, Professor, Deputy Head of the Department of Philosophical Anthropology and Complex Human Studies of Lomonosov Moscow State University. 119991, Moscow, Leninskie Gory, Moscow State University, educational and scientific building "Shuvalovsky".

Lector Vladislav Alexandrovich — Doctor of Philosophy, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Head of the Sector of the Theory of Cognition of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. 10 Goncharnaya str., Moscow, 119991, Russia

Valery A. Lukov — Doctor of Philosophy, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Director of the Center for Theory and History of Culture of the Institute of Fundamental and Applied Research, Professor of the Moscow Humanitarian University.5/1 Yunosti str., Moscow, 111395, Russia.

Namli Elena – Doctor of Ethics, Professor at Uppsala University (Sweden). Box 514 SE 751 20 Uppsala – Sweden.

Reznik Yuri Mikhailovich — Doctor of Philosophy, Professor, Chief Employee of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, chief editor of the journal "Personality. Culture. Society". 10 Goncharnaya str., Moscow, 119991, Russia.

Elvira Maratovna Spirova — Doctor of Philosophy, Acting Head of the Department of the History of Anthropological Teachings of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, editor-in-chief of the journals "Philosophical Thought", "Psychology and Psychotechnics". 10 Goncharnaya str., Moscow, 119991, Russia.

Fischer Norbert is a doctor, professor, head of the Department of Basic Philosophical Questions of theology at the Catholic University in Eichstatt (Germany). VdRSSD e.V. –

Storksbrede 7 59073 Hamm (Westf.) – Germany.

Elena Borisovna Shestopal — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Political Sociology and Psychology of Lomonosov Moscow State University. 119991, Moscow, Leninskie Gory, Moscow State University, educational and scientific building "Shuvalovsky".

Dmitrenko Tatiana Alekseevna — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor. Professor of the Department of Methods of Teaching Foreign Languages of the Moscow Pedagogical State University. RSCI Hirsch Index = 6 Academician of the International Academy of Sciences of Pedagogical Education

Berezantsev Andrey Yuryevich - Doctor of Medical Sciences, professor in the specialty "Psychiatry", psychiatrist, chief researcher of the educational center of the First Moscow Clinical Psychiatric Hospital named after Alekseev. E-mail: berintend@yandex.ru

Artemyeva Olga Arkadyevna - Doctor of Psychological Sciences, Irkutsk State University, Professor, Head of the Laboratory of Methodology and History of Psychology, 664025, Russia, Irkutsk, Chkalova str., 2, room 205, oaartemeva@yandex.ru

Baksansky Oleg Evgenievich - Doctor of Philosophy, Lebedev Physical Institute of the Russian Academy of Sciences, VNS, Professor, 107014, Russia, Moscow, 2 Sokolnicheskaya str., 1, sq. 28, obucks@mail.ru

Elena Igorevna Galyashina - Doctor of Law, O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSLA), Director of the Center for Legal Expertise in Countering the Ideology of Terrorism and Preventing Extremism, 9 Sadovaya-Kudriskaya Str., office 721, Moscow, 123995, Russia, eigaljashina@msal.ru

Engalychev Vali Fatekhovich - Doctor of Psychological Sciences, Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky, Head of the Research Center for Forensic Examination and Criminalistics, 59 Lesnaya str., Kaluga, 248002, Kaluga Region, Russia, valiyen@gmail.com

Kashirsky Dmitry Valeryevich - Doctor of Psychological Sciences, Russian State Social University, Professor of the Faculty of Psychology, 129226, Russia, Moscow, V. Pika str., 4, of. p. 1, psymath@mail.ru

Krasnianskaya Tatiana Maksimovna - Doctor of Psychological Sciences, ANO VO "Moscow Humanitarian University", Professor of the Department of General, Social Psychology and History of Psychology, 107207, Russia, Stolichny, Moscow, Uralskaya str., 6, room 5, sq. 34, ktm8@yandex.ru

Sergey Leonidovich Lenkov - Doctor of Psychological Sciences, FSBI "Russian Academy of Education", Chief Analyst, 170008, Russia, Tver region, Tver, Sklizkova str., 27, sq. sq. 77, new_psy@mail.ru

Nevolina Victoria Vasilyevna - Doctor of Pedagogical Sciences, Orenburg State Medical University, Professor, Orenburg State University, Professor, 460040, Russia, Orenburg, Mira, 8A, sq. 10, nevolina-v@yandex.ru

Ovrutsky Alexander Vladimirovich - Doctor of Philosophy, Southern Federal University, Head of the Department of Advertising and Public Relations, 344019, Russia, Rostov region region, Rostov-on-Don, ul. 15 liniya, 84, sq. 18, alexow1@ya.ru

Rostovtseva Marina Viktorovna - Doctor of Philosophy, Siberian Federal University, Head of the Department, 18a Vilskogo str., Krasnoyarsk, 660062, Russia, marin-0880@mail.ru

Rubtsova Nadezhda Evgenievna - Doctor of Psychological Sciences, ANO VO "Russian New University", Professor of the Department of General Psychology and Labor Psychology, 170008, Russia, Tver region, Tver, ul. Sklizkova, house 27, building 1, sq. sq. 77, hope432810@yandex.ru

Tolstolutsky Vladimir Yuryevich – Doctor of Medical Sciences, Professor, Nizhny Novgorod, UNN, Faculty of Law, Department of Criminal Law and Procedure, 603950, Nizhny NovgorodNovgorod, Gagarin Ave., 23, tolvlad@yandex.ru

Sheveleva Svetlana Anatolyevna - Doctor of Medical Sciences, Head of the laboratory, FGBUN "FITZ nutrition and Biotechnology", 109240, Russia, Moscow, Ustinsky passage, 2/14 Sheveleva@ion.ru

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикатором можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или диссертационных работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства http://www.e-notabene.ru кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ…» — неправильно, «История культуры…» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.
- ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....
А в библиографии они должны отображаться так:
[1]
[2]
[3]
[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноску, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноску в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются уголками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (“ ”).
- Тире между датами дается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаях дается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы XX столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору
Зубковой Светлане Вадимовне
E-mail: info@nbpublish.com
или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается…»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невосстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель]. https://chat.openai.com/chat

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенно важно задокументировать точный созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение A для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель]. https://chat.openai.com/chat Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель]. https://chat.openai.com/chat

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: https://chat.openai.com/chat. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

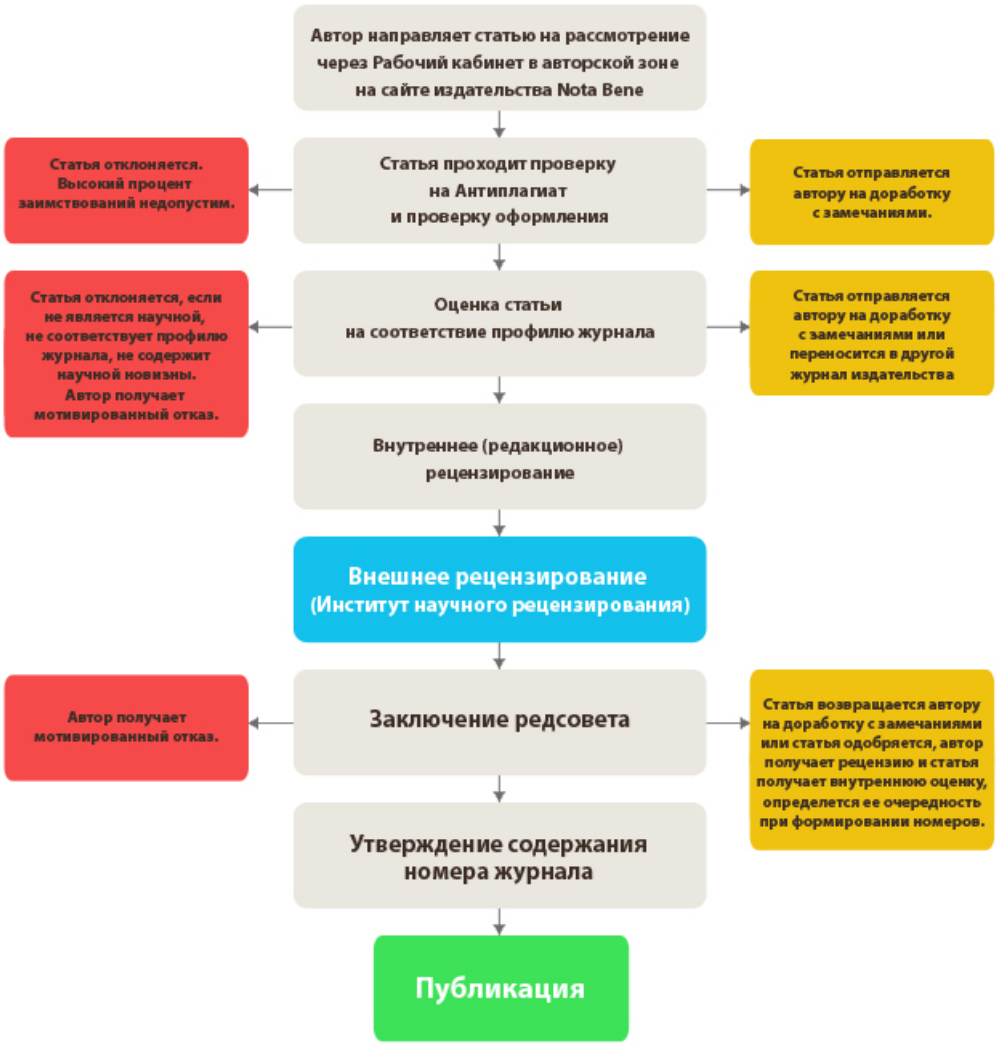
Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

Отправить статью в редакцию

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.



Содержание

Богачев А.М. Синтетическая концепция работы со сновидениями: апробация в области психологической психотерапии и развития личности 1

Качай И.С., Федоренко П.А. Алгоритм составления концептуализации в рационально-эмоционально-поведенческой терапии А. Эллиса 24

Яровая Н.П. Характеристики зрительного восприятия лица пациентов и формирование "насмотренности" в процесс обучения врачей косметологов 42

Мордас Е.С., Демидова А.М. Отношения с матерью и удовлетворенность материнством у женщин среднего возраста 54

Дружинин О.А., Ефимова В.Л., Якубова Г.А., Расулов Э.Ю. Сравнительный анализ сенсомоторных реакций девушек-боксеров и студенток университета, не занимающихся боксом. 70

Никольская А.В., Костригин А.А. Отношение россиян к экономическому неравенству: обоснование экономико-психологического эксперимента 85

Цвекс М.В., Рушина М.А. Индивидуально-психологические особенности патриотичности и ценностные ориентации российских студентов 105

Кипреев С.Н. Особенности формирования патриотизма в ходе преподавания гуманитарных учебных дисциплин кафедры психологии и педагогики 119

Шилова Н.П. Особенности временной перспективы в юношестве в зависимости от уровня получаемого образования: результаты сравнительно исследования 128

Кузьмина А.С., Кривошей К.О. Отношение к болезни ребенка и родительское выгорание женщин, воспитывающих детей с расстройствами аутистического спектра 143

Исаева Е.Р., Мухитова Ю.В., Дмитриев П.И. Особенности окуломоторной активности (движения глаз) у больных шизофренией при распознавании существенных признаков на примере методики «Исключение 4-го лишнего» 157

Пономарева Е.С. Видеоигра как исследовательский инструмент. Экспертные оценки видеоигр 179

Англоязычные метаданные 196

Contents

Bogachev A.M. Synthetic concept of working with dreams: approbation in the field of psychological psychotherapy and personality development 1

Kachay I.S., Fedorenko P.A. Algorithm of conceptualization in rational-emotional-behavioral therapy by A. Ellis 24

Yarovaya N.P. Characteristics of visual perception of patients' faces and the formation of "observation" in the process of training cosmetologists 42

Mordas E.S., Demidova A.M. Relationship with Mother and Satisfaction with Motherhood of Middle-Aged Women 54

Druzhinin O.A., Efimova V.L., Yakubova G.A., Rasulov E.Y. Comparative analysis of sensorimotor reactions of female boxers and non-boxing female university students 70

Nikolskaya A.V., Kostrigin A.A. Attitude of Russians to Economic Inequality: Substantiation of Economic-Psychological Experiment 85

Cveks M.V., Rushina M.A. Individual-psychological features of patriotism and value orientations of Russian students 105

Kipreev S.N. Features of the formation of patriotism in the course of teaching humanitarian academic disciplines of the Department of Psychology and Pedagogy of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia 119

Shilova N.P. Features of the time perspective in youth, depending on the level of education received: the results of a comparative study 128

Kuzmina A.S., Krivoshei K.O. Attitude to the child's illness and parental burnout of women raising children with autism spectrum disorders 143

Isaeva E.R., Mukhitova Y.V., Dmitriev P.I. Features of oculomotor activity (eye movement) in patients with schizophrenia in recognizing essential signs using the example of the "Exclusion of the 4th superfluous" technique 157

Ponomareva E. Video game as a research tool. Video games expert assessments 179

Metadata in english 196

Психология и Психотехника
Правильная ссылка на статью:
Богачев А.М. — Синтетическая концепция работы со сновидениями: апробация в области психологической психотерапии и развития личности // Психология и Психотехника. – 2024. – № 1. DOI: 10.7256/2454-0722.2024.1.43920 EDN: WMFRTA URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43920

Синтетическая концепция работы со сновидениями: апробация в области психологической психотерапии и развития личности

Богачев Алексей Михайлович

ORCID: 0000-0002-9430-2274

научный сотрудник Центра профилактики экстремизма в сфере образования и молодежной среде, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена. Старший преподаватель кафедры практической психологии, Мариупольский государственный гуманитарный университет им А.И. Куинджи

197198, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Большая Пушкарская, 6, кв. 20

amb1976@mail.ru

Статья из рубрики "СОЗНАТЕЛЬНОЕ И БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ"

DOI:

10.7256/2454-0722.2024.1.43920

EDN:

WMFRTA

Дата направления статьи в редакцию:

25-08-2023

Дата публикации:

01-09-2023

Аннотация: В настоящей работе представлены результаты научного исследования, целью которого стало определение эффективности синтетической концепции сновидений при применении ее в области психологической психотерапии (психокоррекуции) и (или) в сфере развития личности. Соответственно, в качестве объекта исследования представлена психическая реальность испытуемых, а в качестве ее предмета исследования – "трансформация состояний и (или) характеристик личности участников эксперимента в контексте применения синтетического алгоритма работы со сновидениями". Исследования проводилось в форме эксперимента, участники которого во взаимодействии с экспериментатором, выполнявший функцию толкователя и "проводника" осмысливали свои сновидения и осуществляли непосредственную работу с ними. Основными выводами, сделанными на основе результатов исследования, стало

подтверждение эффективности представленной синтетической концепции сновидений и, значит, представления о сновидении как об естественном психотерапевтическом (психокоррекционном) механизме, а также о материале, работа с которым способствует развитию личности. С учетом высокого научного интереса и практической значимости изучения целостной структуры психической реальности человека в контексте повышения его психологического благополучия в стрессогенной среде и, в то же время, известной сложности исследования такого феномена, как сновидения, работа может претендовать на статус одного из шагов к научному открытию.

Ключевые слова:

Личность, Сновидение, Трансформация, Развитие, Целостность, Интеграция, Тревожность, Психотерапия, Психокоррекция, Архетип

Введение

По мере развития психологии как науки и прикладного искусства тема работы со сновидениями постоянно становится все более значимой, - вплоть до введения представления о «сновидящем теле» в понятийный аппарат психотерапии [13, 14]. Состояния измененного сознания, близкие с сновидческим, активно исследуются даже на стыке духовной психологии и психофизиологии [17, 20]. Синтез различных подходов в данной области является своего рода «мейнстримом», что выражается и в сфере подготовки диссертационных работ, ярким примером чему является исследование С.А. Парфентьева «Анализ сновидений как метод психодиагностики и психокоррекции личности в социальной психологии», в котором он представляет феномен сновидения как **естественный психотерапевтический механизм**, к которому человечество, так или иначе обращалось на протяжении всей своей истории [15]. Такой подход к сновидениям позволяет рассматривать каждую из концепций сновидений, будь это традиционно психоаналитический подход [1, 2, 3, 4, 21 и др.], юнгианский анализ [22, 23, 24, 25], психосинтез и трансперсональная психология [5, 6, 11], гештальтпсихология [16] и т.д. как один из вариантов описания и объяснения универсальных закономерностей, которые характеризуют сновидение и которые, так или иначе, являются проявлением **диалога между сознанием и бессознательного сновидца, его самопроявлением и самовыражением** и, в конечном счете, **движением его личности к целостности** (зачастую через проработку травмирующего опыта и разрушительных процессов) [10].

На этой теоретической основе и в ходе многолетней практики нами была разработана **прикладная синтетическая теория сновидений**, включающая в себя, в том числе, гипотезу семи сфер (уровней) сновидения, базовый алгоритм работы со сновидениями, критерий эффектности работы со сновидениями, представления об универсальной и контекстуальной символике сновидений.

В настоящей статье изложены результаты исследования, целью которого являлось обоснование практической (прикладной) эффективности данной концепции. Рассмотрим сначала ее основные положения.

Основные положения синтетической теории (концепции) сновидений

В ряде научных работ [7, 8, 9] мы представили концепцию, которая в краткой форме

может быть представлена так:

1 . Сновидение с **психологической точки зрения** представляет собой **вариант внутриличностного диалога и выражения наиболее актуального для личности состояния**.

2 . **Существует семь сфер (уровней) сновидения, в каждом сновидении одна или несколько этих сфер проявляются в наибольшей степени.** Данная структура является иерархической и рядорасположенной одновременно и включает в себя: сферу обработки информации (в том числе предшествующего сновидению периода бодрствования) и (или) прямого исполнения желаний, сферы искаженного исполнения желаний «эго»; сферу межличностных и (или) «объектных» отношений; сферу осмысления символического содержания сновидения; сферу диалога с субличностями и (или) между субличностями («автономными комплексами»); сферу архетипической символики; сферу духовно-мистического переживания и восприятия мира.

3 . **Эффективная психодиагностическая работа** со сновидением подразумевает определение основной сферы (сфер) или уровня (уровней), а также сочетания универсальной символики и индивидуального личностного контекста конкретного сновидения и его содержания.

4 . **Эффективная психотерапевтическая (психокоррекционная) и (или) развивающая личность** работа со сновидениями подразумевает:

- выявление внутриличностного конфликта и (или) основной сферы (уровня) и темы, а также символики, проявляющихся в конкретном сновидении (толкование сновидения);

- выявление оптимального варианта алгоритма работы со сновидениями, разработанного в рамках синтетической работы со сновидениями;

- погружение в пространство сновидения и преодоление основного «барьера» на пути к восстановлению целостности конкретной личности;

- достижения качественно нового уровня целостности личности и закрепление полученного результата.

Представим данную концепцию в чуть более развернутом виде:

Сначала расширим **психологическое определение сновидения**. Сновидение – это фактические обращение к тем образам, символам и метафорам [19], а также состояниям, которые являются наиболее актуальными для выражения того, кем на данный момент является сновидец.

Здесь следует повториться: сновидение – это выражение того, кем на данный момент является сновидец, и очень часто – дополнение к сознательной установке сновидца, указание на то, с чем следует работать (хотя случается, что сновидение есть «просто» переживание, спонтанное исцеление, духовный опыт). К.Г. Юнг писал: «*Я постепенно отказался от ассоциативного метода, слишком далеко уводящего от содержания сна, и предпочел сосредоточиться на самих сновидениях, считая, что они выражают некое сообщение, которое пытается передать подсознание*» [24, стр. 47]

В рамках этой гипотезы выделяются следующие уровни (или «измерения») сновидений [7, 8, 9]:

·**Психофизиологический** – прямое (воображаемое) исполнение физиологических и иных желаний («иногда банан – это просто банан»), а также переживание событий предыдущего дня или очень сильных впечатлений для их информационной обработки;

·**Влечений бессознательного и исполнения желаний в пространстве «эго»** (как правило, искаженное) – здесь действуют описанные Фрейдом механизмы исполнения желаний, сгущения или конденсации (соединение различных образов в один), смещения (замена одних образов другими под влиянием цензуры), вторичной обработки (придание сновидению связности за счет некого «рационального» сюжета) и превращения мыслей в зрительные образы;

·**Глубинных межличностных («объектных») отношений**, то есть выражение на символическом уровне отношений, связанных с первичными привязанностями, сформированными во внутриутробном периоде, младенческом возрасте и раннем детстве и конституирующими «я» сновидца;

·**Субличностно-символический** – на этом уровне идет прямой диалог между различными частями психической реальности (зачастую конфликтующих друг с другом), и на этот уровень сновидец попадает тогда, когда способен воспринимать себя как некую «целостность», соединяющую в себе различные сознательные и бессознательные «комплексы»;

·**Символический** – на этом уровне сновидец воспринимает те или иные дополняющие его осознанную реальность символы (например, «дом», «цветок», «птица») в контексте своей личностной целостности, решения жизненных задач и т.д.;

·**Символико-архетипический** – это встреча с заряженными архетипической энергией образами, обладающими «пророческой» или трансформирующей личность силой (сюда же входят и так называемые «исцеляющие сновидения»);

·**Трансперсональный (духовный)** – переживание прямого духовного опыта высшего порядка, либо опыт трансценденции (описанный, например, в трудах С. Гроффа [11]).

Данные уровни в некоторых случаях могут «перемешиваться», сочетаться друг с другом, что соответствует предложенной нами совместно с А.А. Ломоносом и Н.В. Бобровой синтетической концепции личности [12].

Базовая практическая методика работы со сновидением достаточно проста. Если мы понимаем, что любое сновидение – это различного рода взаимодействие между субъектом и Другим, сознанием и запредельным (бессознательным), то: а) нужно оценивать его в контексте жизненной ситуации и личности сновидца, определить ведущий уровень сновидения; б) обратить внимание на любые элементы диалога или же «указания» на блокировку диалога, односторонность сновидения, попытки самообмана и т.д. в данном сне; в) осмыслить значение появившихся в сновидении символов; г) предложить толкование, позволяющее открыть новые возможности для самопознания, внутриличностного диалога, духовного выбора на осознанном и бессознательном уровнях, перевести «слепые пятна» в зону интеграции опыта, преодолеть те или иные побуждения и (или) самообманы; д) в случае необходимости предложить вернуться в сновидение и начать диалог, сохраняя нравственные установки сознания, встретиться с Другим (пусть зачастую и пугающим). При этом Другим (символом бессознательной части психической реальности) для осознанного «я» сновидца может быть как тот или иной персонаж, так и «другая сторона» сна, отсутствующая в первоначальном его варианте (скажем, природа – для урбанистического сна, женские образы – для «патриархального»

сна, продолжение движения – для сновидения, в котором сновидец замер, наблюдение за процессом – для сновидения, где сновидец «умер» и в ужасе проснулся и т.д.) и е) закрепить произошедшую интеграцию (в зависимости от уровня сновидения закрепление может происходить как на «якорно»-символическом уровне, так и на уровне осмысления) после выхода из сновидения.

Но на каком основании можно утверждать, что наше понимание сна верно, что наша работа со сном реальна, а не фантазийна (иллюзорна)?

Введем **критерии верности толкования сновидения и работы с ним.** Толкование сновидения является верным, а работа с ним – реальной, если данные процессы вызывают у «автора» сновидения бóльшую часть из приведенных ниже феноменов:

• чувство «инсайта» (озарения);

• появление нового комплекса эмоций, ощущений, мыслей;

• сопротивление, вызывающее новый психический материал, подтверждающий наше толкование;

• чувство и ощущение внутренней интеграции;

• субъективное чувство благополучия и (или) изменения в сторону целостности;

• «автономное» поведение образов из сновидения в момент толкования и (или) при работе со сновидением, а также:

• открывают новые поведенческие возможности и

• дают толчок для новой серии сновидений,

• которые соответствуют теории.

То же самое относится и к проблеме различения болезненных фантазий и реальной работы с образами.

Итак, следуя предложенной нами концепции, **психолог, работая в пространстве сновидений, действует как посредник в запуске природного (естественного) процесса, каковым и является сновидение**, и помогает своему подопечному: а) наладить или обогатить диалог между различными частями личности сновидца, зачастую преодолевая те или иные барьеры, для достижения нового уровня целостности; б) получить осознанный доступ к неосознаваемым ресурсам собственной личности; в) научиться лучше понимать себя и, что еще более важно, самостоятельно использовать диагностический, терапевтический и развивающий потенциал сновидений.

Исследование прикладной эффективности синтетической концепции сновидений и его результаты

В целях продолжения апробации и получения научного подтверждения эффективности работы со сновидениями мы провели **исследование, в рамках которого использовали следующие методы:** метод эксперимента, метод исследования отдельных случаев, метод тестирования (с применением таких методик, как тест тревожности Спилбергера и MMPI в модификации СМИЛ), метод самонаблюдения (интроспекции), метод самоотчета, метод анализа и метод интерактивной интерпретации полученных данных.

Отметим, что с учетом специфики рассматриваемого нами феномена (как в области

психологической психотерапии (психокоррекции), так и в сфере развития личности) **метод исследования отдельных случаев является традиционно применимым и вполне «легитимным», что и обусловило его использование**.

Объектом исследования стала психическая реальность участников эксперимента, включая их сновидения, а **предметом** – трансформация состояний и (или) характеристик личности участников эксперимента в контексте применения синтетического алгоритма работы со сновидениями.

В эксперименте изначально приняло участие **29 человек** (все женщины от 18 до 50 лет), которые откликнулись на объявление о его проведении в социальных сетях (половина участников были нам ранее незнакомы лично, другая половина ранее являлась нашими студентами и (или) коллегами). До конца эксперимента дошли **26 испытуемых** (3 участницы прекратили работу после первых двух-трех дней, - негативных состояний у них при этом отмечено не было). Продолжительность эксперимента составила 14 дней (с возможностью продления работы для желающих). Данный срок был выбран, исходя из обычной длины психотерапевтических марафонов с добавлением нескольких дней на возможное осмысление его итогов участниками.

Сформулируем еще раз **цель** эксперимента. Она заключалась в выявлении психотерапетического (психокоррекционного) и (или) развивающего личность потенциала синтетической концепции сновидений. Согласно нашей **гипотезе** этот потенциал высок, а сама концепция может быть рекомендована для практического применения пихотерапевтами и практическими психологами, а также использована для дальнейшего теоретического продвижения в области исследования сновидений.

Эксперимент строился следующим образом: каждая из его участниц изъявила желание совместно работать, прошла соответствующее тестирование и затем на протяжении 14 дней присыла нам либо в социальной сети «Вконтакте», либо в мессенджере Telegram содержание своих сновидений и описание своего состояния после пробуждения. Нами давалось толкование сновидения и (или) рекомендация по работе с ним в соответствии с апробируемой концепцией и включенным в нее алгоритмом работы. После завершения 14-дневного периода испытуемые заново проходили тесты и предлагали обратную связь по итогам работы.

Акцент на замерах именно тревожности обусловлен тем, что это – наиболее динамичная и, одновременно, структурная характеристика личности. **Тревога является хаотической, неинтегрированной, именно неструктурированной энергией, и по нашему предположению научение индивида к диалогу между собственными сознанием и бессознательным позволяет здоровым, созидательным образом интегрировать данную энергию.**

Рассмотрим полученные нами результаты, отметив, что тесты до и после исследования прошли 24 испытуемых, самоотчеты представили также 23 испытуемых.

Результаты по тесту Спилбергера (жирным выделены испытуемые со снижением и ситуативной, и личностной тревожности по итогам эксперимента; подчеркнуты испытуемые со снижением одного из видов тревожности и равновесием в другом; курсивом выделены испытуемые с резким снижением тревожности и (или) показатели резкого снижения тревожности (у тех испытуемых, в отношении которых получены противоречивые количественные данные)):

Номер	Личностная	Ситуативная	Личностная	Личностная

Номер испытуемого	Личностная тревожность до начала эксперимента	Ситуативная тревожность после начала эксперимента	Личностная тревожность до начала эксперимента	Личностная тревожность после начала эксперимента
1. ***Сновидица «А»***	54	39	54	49
2. Сновидица «Б»	*38*	*27*	41	40
3 . Сновидица «В»	31	35	35	37
4. ***Сновидица «Г»***	45	36	62	48
5. **Сновидица «Д»**	27	23	40	37
6. **Сновидица «Е»**	36	28	38	33
7. **Сновидица «Ё»**	27	26	40	37
8 . Сновидица «Ж»	*40*	*29*	34	37
9 . Сновидица «З»	*51*	*38*	36	36
10. ***Сновидица «И»***	41	32	42	35
11. Сновидица «Й»	36	29	33	33
12. ***Сновидица «К»***	42	30	53	44
13. ***Сновидица «Л»***	55	21	52	30
14. Сновидица «М»	*48*	*29*	51	53
15. Сновидица «Н»	45	45	46	41
16. Сновидица «О»	48	49	*53*	*45*
17. **Сновидица «П»**	55	49	39	38
18. Сновидица	26	20	46	48

«Р»				
19. ***Сновидица «С»***	45	34	44	39
20. Сновидица «Т»	*69*	*56*	68	68
21. Сновидица «Х»	29	26	28	29
22. Сновидица «Ц»	40	48	39	47
23. ***Сновидица «Ч»***	*56*	*42*	49	44
24. ***Сновидица "Ц"***	*64*	*39*	*54*	*42*

Примечание: во всех случаях (особенно при отрицательной динамике) работа с участниками эксперимента продолжилась и после истечения 14-дневного срока; сновидицы «У» и «Ф» не предоставили результаты прохождения тестов).

С количественной точки зрения **13 из 24 прошедших тестирование испытуемых (**то есть **54,1%) продемонстрировали снижение уровня ситуативной и личностной тревожности одновременно** (причем в восьми случаях (33.3%) **тревожность понизилась в значительной степени**). Ситуативная тревожность понизилась в **20 случаях** (83.3%), личностная тревожность понизиласьв **16 случаях** (67.7%). И ситуативная, и личностная тревожность у одного и того же испытуемого повысилась в **двух случаях** (8.3%). В трех случаях зафиксировано **понижение ситуативной тревожности при сохранении на прежнем уровне тревожности личностной**, а один раз – наоборот. При суммировании этих случаев со случаями одновременного понижения личностной и ситуативной тревожности **мы получаем 17 сценариев безусловно позитивной психодинамики в рамках эксперимента** (**70.8%).** В трех случаях (12.5%) наблюдалось сочетание существенного или заметного понижения ситуативной тревожности и незначительного повышения тревожности личностной. В одном же случае незначительно (на один балл) повысилась тревожность ситуативная, но существенно (на 8 баллов) понизилась тревожность личностная.

Итак, мы зафиксировали **явную тенденцию в снижению тревожности по результатам эксперимента.** Меньшая выраженность тенденции к снижению личностной тревлжности может объясняться **сравнительной краткосрочностью эксперимента** (отметим, что при длительной (месяцы и годы) работы со сновидениями наши подопечные (клиенты) и их окружение (эксперты) зафиксировали устойчивые долговременные личностные трансформации, а также позитивный эффект работы с конкретным сновидением (в нескольких сотнях случаев), однако мы до сих пор не объективировали это посредством психометрических инструментов, хотя и получили соответствующие самоотчеты, а также отследили поведенческие изменения, увязанные с нашей работой [7,8,9]).

Как видно из полученных нами количественных данных, тенденция очевидна:

применение алгоритма работы со сновидениями, основанного на разработанной нами синтетической концепции сновидений эффективно с психотерапевтической (психокоррекционной) точки зрения, а также в контексте развития личности (хотя **данный инструмент и не является применимым к каждому**). Отметим также, что в большинстве случаев результаты прохождения Спилбергера указывают на серьезные трансформационные процессы в психической реальности испытуемых после направленного обращения к пространству сновидений, что само по себе является результатом (и что, как мы увидим ниже, выражается в самоотчетах испытуемых). Кроме того, повышение уровня тревожности к концу эксперимента для сновидицы «В» стало проявлением субъективно переживаемого и объективно (поведенчески) проявляемого личностного роста (причем в самоотчете она связывает его именно обращением к сновидениям), а работа с ней продолжилась и по окончанию 14-дневного срока.

Полученные нами результаты, на наш взгляд, невозможно объяснить только фактом обращения сознания к своему внутреннему миру, ведь само по себе такое обращение может, наоборот, вызвать хаотизацию процесса и повышение уровня тревоги. Наша же концепция и, соответственно, методика **подразумевает «феноменологическую структуризацию процесса», то есть искомую утилизацию тревоги за счет интеграции личности.**

Что касается результатов прохождения испытуемыми **теста MMPI** (СМИЛ), то они с учетом краткосрочности эксперимента были использованы как дополняющие данные, а также зафиксированы для возможного в дальнейшем длительного исследования.

Так в двух случаях («Сновидица «А» и «Сновидица» «Г») по шкале тревожности **произошло снижение уровня тревоги от зашкаливающей** (выше 70 баллов), **до сравнительно нормальной** (с 78 до 65 и 73 до 57 баллов соответственно), что сопрягается с результатами тестирования по Спилбергеру. В двух случаях («Сновидица В» и «Сновидица С») уровень тревожности по соответствующей шкале MMPI, наоборот, поднялся с 39 до 47 и до 36 до 50 баллов соответственно, однако согласно критериям интерпретации (тем более, что значения по данной шкале были самыми низкими в сравнении с другими шкалами в обеих случаях) это означает преодоление установки на, как принято говорить в профессиональной среде, «*отсутствие осторожности в поступках и щепетильности в вопросах морали, на довольно обнаженный эгоцентризм, сниженную способность к сопереживанию, неконформность установок, грубоватую и жесткую манеру поведения, циничный взгляд на жизненные явления*». В случае со «Сновидицей «Л» мы зафиксировали тенденцию к преодолению такой установки (с 31 до 37 баллов по шкале тревожности) при общем повышении адаптивности практически по всем шкалам. Данные теста MMPI по сновидицам «Ж», «К», «М» являются противоречивыми и не дают определенной информации о наличии или отсутствии трансформации личности и (или) состояний личности. У сновидицы «Р» при понижении ситуативной тревожности на 6 пунктов и повышении личностной на 2 пункта по тесту Спилбергера тест MMPI показал понижение тревожности на 6 пунктов (с 55 до 49). Так или иначе **в 77% случаев результаты теста Спилбергера четко соответствовали результатам MMPI в плане понижения уровня тревожности у испытуемых**. Еще раз подчеркнем, что, принимая во внимание специфику объекта и предмета исследования, мы опираемся на *метод исследования отдельных случаев*, где акцент, как известно, делается, на выявлении **качественных** закономерностей и их дальнейшей экстраполяции. В данном контексте представленные выше количественные процентные соотношения говорят о том, что используемый нами алгоритм работы со сновидениями действительно позволяет трансформировать энергию тревоги в созидательную для личности и ее окружения

энергию.

Возвращаясь к результатам прохождения теста Спилбергера отметим, что **особенно значимым мы считаем резкое снижение уровня ситуативной и (или) личностной тревожности в нескольких случаях.** Еще раз подчеркнем, чтостоль серьезные изменения, связываемые самими испытуемыми с работой в пространстве и с материалом сновидений, по нашему мнению, сами по себе являются существенным результатом.

Содержательная часть исследования

С точки зрения содержательной психодинамики **большинство случаев нашей работы состояло из следующих этапов:** этап адаптации, погружения в мир сновидений (у ряда участниц до начала эксперимента сновидения практически не запоминались); этап погружения в хаотические эмоции, связанные с тем или иным травматическим опытом и (или) внутренними конфликтами, - на этом этапе происходило и получение первичного доступа к внутреннему ресурсу созидания; кульминационный этап максимальной интенсивности негативных переживаний и обретения способности выдерживать их с опорой на внутренний ресурс и утилизировать (трансформировать) в созидательную энергию; этап интеграции.

В нескольких случаях эти этапы повторились в нескольких же «витках спирали» с постепенным закреплением позитивного опыта. Во всех случаях шло внутреннее (при нашем посредничестве), можно сказать, **естественное обучение диалогу с неосознанными частями собственной психики**, сопряженное с восприятием насыщенных энергией образов (зачастую архетипических, таких как «Вода», «Лес», «Гора», «Лестница», «Анима», «Анимус», «Ребенок», «Старец» и т.д.). Во многих (78%) случаях это сопровождалось явственными изменениями в самоощущении и поведении испытуемых, а в одном случае («Сновидица «У») субъективно переживаемый мощный процесс трансформации к окончанию формального срока эксперимента только «набрал обороты».

Теперь рассмотрим как примеры работы со сновидениями, так и самоотчеты участниц эксперимента.

Примеры работы со сновидениями

Приведем примеры возвращения в сновидение и работы с тревогой за счет процесса внутренней интеграции (в каждом из примеров речь идет о разных испытуемых), а также работы со сновидением только за счет его толкования.

Первый пример:

Сновидица: «*Доброе утро, Алексей. Плохо сегодня спала, но к утру уснула и увидела сон. Многоподъездный дом, парадная разрушена, но дом знакомый. Захожу в него и поднимаюсь по лестнице с маленьким мальчиком, лестница без перил, думаю, как опасно, и вдруг мальчик падает. Меня во сне охватывает ужас*».

Терапевт: «*Варвара, здравствуйте, дом - это ваша внутренняя психическая реальность, а лестница - это подъем. Это соединение частей себя. В этом сне Вы встречаетесь одновременно с символом своего детского «я» и с соответствующей частью себя и вечным образом. Мальчик - это вы сами. Это ваша детская связь миром маленькой души вашей, но она же - переживание Вами мира как ребенком, и это в образе мальчика является проявлением связи с Другим. И вот вам трудно сейчас соединить эти части себя, и Вы сами падаете в глубины своего бессознательного. Это не фатально.*

Рекомендую представить себе себя в священном круге, быть в священном круге вокруг вас, защищающий вас круге. Выделите время, пространство себе, безопасно расслабьтесь, если Вам это близко, прочитайте ту молитву, то обращение к высшим силам, которое близко Вам, и вернитесь в момент, когда вас охватывает ужас, а дальше следуйте процессу. Вы можете, все в том числе, помочь мальчику».

Сновидица: «*Алексей, добрый день. Извините, что поздно сразу начну о том, что вчера, как вы мне советовали, по моему сну, я сделала практику, как говорили, нарисовала Круг и вошла в сон и в общем, спасла этого мальчика, вытащила из летящей глубины, сегодня мне снится сон, что я нахожусь в доме. Ну как бы в своем доме и сплю и приходит мужчина начинает меня обнимать целовать, а я задаю вопрос, как ты смог войти в дверь закрыта, то есть дверь закрыта была на замок, но в принципе, сегодня я уже от этого сновидения чувствую такую защиту, страх и ужас ушли*». Пол завершению работы у сновидицы несколько уменьшилась и ситуативная, и личностная тревожности.

Второй пример:

Сновидица: «*Алексей, доброе утро. Сегодня снился сон, после которого было очень тревожное и неприятное послесонье. Дело было опять в старой квартире. Там моя бабушка, но вроде как и мама или даже свекровь. В квадратных очках и с большим животом. Идёт в ванну и её тошнит. Говорит хочу есть, а не могу, все назад выходит и очень от этого злится. Я спрашиваю сколько дней так, говорит дня три. Я начинаю ругать, что это возможно опять непроходимость кишечника, что молчала, что надо к врачу и т..д. Дальше не помню У свекрови, дай Бог ей здоровья была в том году операция как раз из-за этого. Это же какой-то собирательный образ женщин рода и не возможность принятия чего-то, что еда не усваивается*»

Терапевт: «*Василиса, доброе утро. Да, это серьезный сон, связанный с отношениями с старшей женщины, рода прежде всего, конечно, материнской фигуры. Здесь соединяются области личных отношений с матерью и архетипа Рода. И одновременно это состояние разрыва между «хочу и могу» и какая-то неуверенность в своих силах, желание и невозможность. может быть, принять какое-то решение, родить что-то внутри, принять что-то, да, принять усвоить, и соответственно, затем это выход по правильному пути. Рекомендация -представьте сегодня священный круг. Зайдите в священный круг. Вы в нем. Закройте глаза. Вернитесь в это ощущение сна. Помолитесь так, как близко вам и попробуйте разрешить себе изнутри исцелять эту женщину, посмотреть на себя ее глазами и на нее своими, попросить Бога, попросить силу Рода вашего и себя, эту маму, бабушку, свекровь, матерь рода исцелиться. Последуйте процессу. Возможно, он будет не простым, но живительным*».

Сновидица: «*Алексей, благодарю. ох. От слов до слез. Действительно есть не принятие, мама сильно употребляет алкоголь и начались серьёзные нарушения психические. Мне очень трудно это принять. Бабушка тоже пила. Я сделаю то что вы сказали, откликнулось в теле все. Напишу результат. Меня душит несколько дней после приезда от них. И кстати на терапии если я не могу что-то переварить, выход что во сне у меня срабатывает. У меня сейчас включилась тема родовых "страданий" и запрета на счастье. Вышла установка счастье и радость это стыдно... <…> Благодарю за медитацию. Яркие очень образы были, трансформировались. Плачу, очень это что-то глубокое. Нужно в этом пока быть. Это родовая травма похоже, которая уводит в алкоголизацию. Я кстати не могу пить, у меня не расщепляется алкоголь и интоксикация жуткая. Ещё раз благодарю*» (после этой медитации сновидице стало гораздо легче, причем, как минимум, в среднесрочном плане, - прим. автора). По завершению работы у сновидицы

существенно уменьшились и ситуативная, и личностная тревожности.

Третий пример:

Сновидица: «*10 августа. Проснулась в 5 утра, снился сон, подумала что нужно запомнить, обозначила его для себя словом «Оправдание», чтобы вспомнить на утро, но на утро помнила только это слово. С 5 до 7 был ещё один сон, мой ребёнок сидит на берегу озера рядом с медведем, я с мужем в стороне, в разговоре пытаюсь донести до мужа что ребёнку там не безопасно, муж доказывает обратное, мне тревожно. Потом появляется лев или тигр, плохо помню, бежит в сторону ребёнка и медведя, я застываю на месте от дикого страха за ребёнка, лев с медведем дерётся, ребёнок бежит в мою сторону, оказывается рядом со мной, я выдыхаю и просыпаюсь. На утро я была удивлена что видела сны, такого давно не было. В жизни также, я тревожусь за безопасность ребёнка, муж обесценивает мои страхи*».

Терапевт: «*Лес. Это символ бессознательного мира, мира ресурсов, возможностей и страхов. На самом деле, Ваш внутренний «ребенок» готов познавать этот мир. Вы сами готовы принять себя инстинктивную и детскую. Во сне Вы встречаетесь и с символами своей жизненной силы, и с проявлениями частей себя. Попробуйте еще закрыть глаза и вернуться в этот сон. Сосредоточится на том, что видите, слышите, ощущаете, и попробуйте поговорить и с медведем, и со львом, и с ребенком или с ними вместе, а потом напишите мне».*

Сновидица: «*Я подошла к месту где сидел ребёнок и медведь, села рядом с ребёнком, взяла за руку ребёнка, а ребёнок взял за лапу медведя, потом к нам стал подкрадываться лев, при этом рыча, я поманила его рукой, он подошёл ко мне, потом прилёг рядом, я стала его гладить. При этом мне было очень комфортно, я чувствовала умиротворение и невероятную силу, от нашего совместного образа. Я полушепотом говорила: "Я вас принимаю, я вас люблю, я вас понимаю". Медведь мысленно передал мне: «Я твоя опора». Лев передал: «Я твоя защита». Ребёнок сказал: «Я маленький, береги меня*». Отметим, что к данному примеру мы еще вернемся в параграфе, посвященном самоотчетам (обратной связи) участниц эксперимента. Также отметим, что по завершению работы у сновидицы значительно уменьшились и ситуативная, и личностная тревожности.

Четвертый пример:

Сновидица: «*Мне снилось, что мы встретились с молодым человеком. Я куда-то уезжала из того города, в котором мы были оба в этот момент. Мы встретились и гуляли по городу, сидели в кафе и разговаривали. В кафе он заказал два лимонада: апельсиновый и второй. Ещё в кафе был такой момент: мы оба были очень возбуждены, но я понимала, что мы не можем заняться сексом прямо в кафе. Но он был настолько возбуждён, насколько в последний раз был возбужден только со мной. Кароче, без меня он так сильно не возбуждался. [Далее идет описание сексуального взаимодействия во сне с акцкентом на образ "гигантского иливающегося фаллоса", - прим. автора] Потом мы пошли гулять по городу. Мы шли вдоль пруда и разговаривали. В этот момент я чувствовала, что сама себе делаю больно. Нам не нужно было встречаться, потому что меня к нему очень тянет. Я помню, что говорила такую фразу: «Конечно, тебе сейчас легче, потому что ты принял решение о расставании. Мне нужно расстаться с тобой в своей голове. Но я не могу». Он, конечно, не настаивал на том, чтобы я продолжала думать о неё и не сказал ни слова о продолжении отношений. Из того, что я не сказала во время прогулки, но думала: «Я так хочу, чтобы он захотел быть снова вместе, стать*

семьёй. Но это невозможно. Нужно бежать отсюда, бежать. А я прилипла и не могу. В конце сна мы зашли в кафе, где он решил взять кофе, а я сказала, что ничего не хочу. Но попросила помочь с моим большим красным чемоданом и проводить меня на поезд (у меня в жизни такой чемодан). Было ощущение, что я на поезд уже опаздываю, но мы не торопились. Я проснулась раньше, чем уехала, с ощущением боли в сердце и тоски, что ничего нельзя вернуть обратно»

Терапевт: «*Во сне это есть несколько мерностей, несколько уровней. На одном из этих уровней прямо прорабатывается Ваши отношения с молодым человеком, с которым, как я понимаю, вы расстались, но к которому тянет по-человечески, тянет сексуально. В Вас безусловно происходит трансформация, символизируемая поездом, переездом. В любом случае - это новый виток спирали в Вашей жизни, и при всей сложности Вы идёте этим путём, при том что существует и сильная тяга застрять. Вторая мерность связана с древними образами «божественных фаллосов» - «джедов». Это воспроизведение древних фаллических культов, связанных с образами плодородия.*

То, что в нашей жизни воспринимается как секс - это огромная часть нашей жизни, но не только не столько физическая, не только прямое исполнение желаний, как ни странно. Это и архетипическая символика соединения мужского и женского, это соединение противоположностей. Тут речь идеи о Вашей способности быть с мужчиной как таковым, Мужчиной с большой буквы, внутренним Мужчиной.

Это пространство развития конечно связано не только с отношениями «мужчина-женщина» в самом высоком сексуальном плане и далее с желанием создать семью, но и с творческим, «плодородным» движением вперед. .

Сновидица: «*Прочитала несколько раз, как мне кажется, всё поняла. Стало гораздо легче*». Отметим, что по ходу дальнейшей работы со сновидениями у данной сновидицы постепенно проходила сепарация от молодого человека, и образы поезда и вокзала (серьезных перемен в жизни) сменились образом леса, который сновидица исследовала в режиме получения доступа к внутренним ресурсам. По завершению работы уровень ее ситуативной и личностной тревожностей (по тесту Спилбергера) несколько уменьшился, а в субъективном и личностном планах произошло резкое и существенное улучшение состояния.

Мы рассмотрели ряд примеров проведенной в ходе эксперимента работы со сновидениями, затрагивающих различные «сферы» (от исполнения желаний до архетипической), в контексте превращения энергии тревоги в доступную личности ресурсную энергию.

Примеры обратной связи

Приведем также фрагменты обратной связи (самоотчетов) со стороны участниц эксперимента (расположены в порядке предоставления и (или) изучения; двое испытуемых не предоставили самоотчетов):

1. **Сновидица «В»:** «*Алексей, я вам просто безгранично благодарна! Вы открыли для новый мир! У меня были попытки познания через сон, лет 15 назад, когда в одной деревне на берегу Азовского моря в библиотеке я нашла книгу «Толкование сновидений» Фрейда. Мне было сложно ее читать! Но я прочитала и даже что-то выписала себе...но не осознала тогда - это точно! В это году мне попала в руки книга Жрица Итфат. В начале лета пришла мысль, что мне нужно записывать мои сны (просто как желание это делать) и вот ваш проект! Чувствую, как внутри меня происходит*

трансформация. Многое становится более понятным! Спасибо ещё раз! Я очень вам благодарна за ваш проект, за возможность участвовать в нем! <…> ««Оказаться в нужном месте в нужное время - это про мое участие в данном исследовании! Интуитивно решив записывать сны в начале лета, я и предположить не могла, что в августе я буду проходить свой трансформационный путь через психоанализ своих снов! Это настолько интересно и захватывающе, и то что ещё вчера казалось очень сложным, стало вдруг понятным! Осознание - где я - это я, и все субличности во сне - это тоже я! Когда то, что ты не можешь позволить себе прожить на яву, проживается во снах! Я очень благодарна вам, что вы ведёте эту работу, и даёте возможность желающим познавать себя, исцелять душевные раны, находить ответы на волнующие вопросы, трансформироваться в лучшую версию себя! В эти 10 дней ко мне пришли потрясающие возможности в плане профессионального роста, и я сумела воспользоваться ими! Спасибо! Энергетика после данной работы просто мощнейшая!»»

2. **Сновидица «Е»:** «*Тревожность стала и правда меньше, ощутимо. Но всплыли более глубокие корни этой тревожности, под крышечкой её, так сказать. Можно в терапии работать с этим теперь. Для меня был потрясающе интересен опыт работы в таком формате. Я хотела понять свои сновидения достаточно долго. Записывалась на курсы, но включалось сопротивление, и работа не шла.*

Ваши же сообщения попадали в нужную точку, и запускали процесс рефлексии. У меня получилось многое увидеть под другим углом, переосмыслить.

За это время я разбиралась с темой самоценности, и вскрылся очень большой пласт в семейной системе, который сейчас исследую и буду с ним работать. Сновидений стало как будто меньше, раньше было по 3-4 за ночь. Просыпаясь теперь чаще не могу вспомнить что снилось. Сложно записывать, не хочется. В реальном времени мне кажется я стала спокойнее и появилось больше доверия Вселенной, людям, времени. Благодарю Вас и продолжаем эксперимент».

3. **Сновидица «Г»:** «*Это очень здорово. Я даже не ожидала, что через две недели такой результат будет спасибо большое. Я решила участвовать в эксперименте потому, что у меня была тревожность, снились странные и кошмарные сны. Благодаря расшифровке снов, я начала понимать, что происходит со мной и почему мне морально тяжело и плохо. После двух недель работы, я почувствовала лёгкость, мне стало спокойней. Пришло понимание почему в моей жизни происходят те или иные события. Стали налаживаться личные отношения. Я очень довольна результатом».*

4. **Сновидица «Л»:** «*Как время быстро пролетело. Я не думала, что такая простая вещь, как запись снов, приводит к таким результатам. Для меня это какой -то диалог не только с тобой, Алексей, но и с самой собой. Потому что когда начинаешь записывать какую -то ерунду, в процессе понимаешь, что это вовсе не ерунда. Это настоящее послание Себе. Просто в процессе жизни живёшь не задумываясь, на автомате. Не видя те крошки, которые Вселенная разбрасывает, чтоб показать и подсказать Путь. А сны, как оказалось это даже не крошки. Это- целая карта с компасом. <…> Марафон дал мне больше, чем я думала и планировала. Запрос был: обрести уверенность в себе, научиться слушать свою интуицию. И эти желания исполнились. Кроме того, отлично наладился сон. Бессонница прекратилась, процесс засыпания стал быстрее. После пробуждения активность, ощущение, что я действительно отдохнула. За время марафона несколько раз пришлось просыпаться очень рано, но бодрость от этого не уменьшилась. Выяснилось, что сны действительно разговаривают со мной. Дают подсказки, ведут диалоги. Это просто невероятно и потрясающе одновременно».*

5. **Сновидица «Р»:** «*Прессуют по поводу подготовки к выборам, но, что удивительно, воспринимаю все с энтузиастом и безразличием, не бьюсь в припадках, как раньше, "что делать, я не успеваю, подведу того, сего....". Прям кайфую. Спасибо Вам, прежде всего!!! Качество жизни улучшилось. Все делаю с НАСЛАЖДЕНИЕМ. Я поговорила с бабушкой - самой собой" в пещере.было тяжело и сложно. Не могла понять о чем говорить, что обсуждать, но, памятуя о задании, заставила себя что то рассказывать, в итоге, "погрузилась" в дрёму и очнулась с большими буквами в голове НАСЛАЖДЕНИЕ, Они прям ползали друг за другом в хороводе. И я чётко осознала, чего я хочу. Хочу жить с наслаждением, просыпаться не с мыслями " вот опять....", идти на работу не с мыслями " когда же пятница", заниматься домашними делами не с мыслями о том, что пока я мою пол у меня 50 рабочих задач не выполняются. Теперь я даже мою пол с НАСЛАЖДЕНИЕМ. С огромным. <…> Старалась выполнять все инструкции. С увлечением вспоминала и описывала свои сны в деталях. Возникала мысль "зачем так подробно описывать, кому это интересно", но далее ответственность за качество, желание не подвести наставника брали верх над моей врожденной уверенностью в том, что все, что происходит со мной никому не нужно. Я почувствовала новые ощущения важности меня для самой себя, а интерпретации все более меня утверждали в этом. Я осознала, что меня в моей жизни не было. Теперь же я намеренно фиксирую свою ответственность перед собой, свое участие в своей жизни. Хочется не потерять эту внутреннюю силу».*

6. **Сновидица «Й»:** «*Благодарю! Меня и сейчас переполняют чувства благодарности и радости. За время эксперимента я научилась напрямую разговаривать со своим подсознанием (это мое личное мнение). Я уже понимаю, я это знала, и теперь понимала окончательно, что с помощью снов мы творим свою реальность, в смысле того, что сны помогают работе с собой в соответствии с тем, чем мы сейчас живем. Почему я это раньше не понимала? Это инсайт, и он пришел именно сейчас. А как будет дальше, посмотрим. Но очень важно: быть открытой, и быть в безопасности. Это волшебство: работа с Вами, и работы с собой именно таким способом – экологичным и не очень тяжелым. Для меня эксперимент закончился очень хорошо. А дальше будут новый опыт и новые инсайты».*

7 . **Сновидица «Ё»:** «*Да, я реально чувствую, что тревога уменьшилась. Стала спокойнее однозначно. В занятия вступила с нарушениями сна. Проблемы с засыпанием, просыпалась среди ночи или под утро. Перед сном возникала тревога. Да и в течение дня часто накатывали тревожные состояния, какие-то страхи, ожидания негативных событий. Хотя по жизни я не страдала нарушением сна, всегда засыпала легко, да и сама по себе была не особо тревожная. Только серьезные события могли повлиять на качество сна, но все это быстро восстанавливалось. Последнее время стала тревожнее. Сны стала видеть очень редко, не запоминала их, иногда может быть всплывали какие-то обрывки. Конечно, интересно было узнать о такой работе, как это происходит, что из этого получится, узнать о себе новое, может быть, научиться управлять своим состоянием, сновидениями, получать информацию из подсознания, понимать, что движешься в правильном направлении, обрести спокойствие и уверенность. Удивительно, но в процессе работы, практически сразу стала видеть сны, запоминать сюжеты. Часто это были достаточно длительные истории, интересные, захватывающие, мистические, "до мурашек", с развитием. Интересно было слушать и изучать интерпретацию снов. И хотя это была просто интерпретация, перевод на понятный язык образов и символов сна, становилось спокойнее, появлялась уверенность. Изменилось качество сна и жизни. Стало меньше суетливости в мыслях, восстанавливается доверие к жизни. Как-будто появилась опора, которой не хватало. Хотелось бы, чтобы эта опора была внутренняя и непоколебимая.) Появилось ощущение законченности этого этапа*

работы. Однозначно хочется продолжить. Есть ощущение, что приблизился к какой-то важной истине и свет ее уже виден и осязаем».

8 . **Сновидица «Ж»:** *«Вообще после терапии, после этого эксперимента я начала просыпаясь еще какое-то время думать: «Почему там тебе это снилось? И вот я понимаю, что во сне это «я» в других лицах. И ну как бы даже не чувствую для себя больше опасности, даже мне кажется, понимаю то, что во сне могу как-то что-то перестроить, в принципе, мне все понравилось. Мне легко, хорошо, спокойно»;*

9. **Сновидица «Б»:** «*Участие в эксперименте помогло мне увидеть, как происходящее в моей жизни проживается еще раз во сне*».

10. **Сновидица «У»:** «*Мы с вами опять запустили сильные трансформации внутри меня. Но результаты, которых я ожидала от эксперимента, пока не достигнуты. Нужно погрузиться в глубину. Так и остался открытым для вопрос: как сохранить нежность, мягкость доброту при условии постоянно быть сильной…Итог: внутренняя женщина ещё не возрождена, необходимы глубинные работы. В середине эксперимента проходила эмоции отторжения, даже хотелось бросить, но благодарю вашему сопровождению - справилась!! Благодарю вас, Алексей!!!!»*

11. **Сновидица «Н»:** «*Практика полезная и шикарная. Большое спасибо Алексей Вам за неё. Это удочка, а не рыба. Улыбка. Перечитала вчера главу о сновидениях в книге «Путь к Другому». А вот действительно, сейчас находишь новое в книге, есть и ответы на мои вопросы, помогает чуть глубже понять. Перечитать полезно. Улыбка. Огромное спасибо Алексею Михайловичу за эксперимент. Вы помогли на наладить диалог сознательного с подсознанием в особой области – области сновидений. Это очень интересно и тонко. Слушать самого себя, свои ощущения – это очень здорово, это как новый шаг к самопознанию, обязательно с личному росту и развитию. Это структурировало, дало толчок к анализу и осмыслению жизни. Для меня – очень большая польза. Теперь у меня появились некоторые навыки такой работы, и это помогло справиться с некоторыми внешними моментами, вызывающими тревогу, например, с полной заменой крыши в нашем доме, - эта замена началась в самом конце эксперимента».*

12. **Сновидица «И»:** «*Пока я не вижу каких-либо изменений или же результатов. Если коснутся моего личного вопроса (в самом начале) о переменах, то ответа у меня сейчас нет. Слишком много повседневных дел, обязанностей и на такие размышления нет времени. Пока живу по принципу - Делай, что можешь, а там будет, что будет.... Пока вопросы и интересы семьи превыше всего».*

13. **Сновидица «А»:** *«Прошло 14 дней эксперимента, и за это время я смогла лучше понять себя и уже даже могу попытаться сама истолковать сны. Также улучшилось мое состояние, так как теперь я лучше понимаю, что испытываю, и что с этим делать. Смогла поговорить с маленькой собой и другими людьми, что позволило прояснить некоторые ситуации».*

1 4 . **Сновидица «Ф»:** *«Перед проектом сны были очень редким явлением. Не запоминала, не обращала внимания. В процессе работы стала видеть сначала фрагменты, эпизоды, в дальнейшем улучшилось запоминание снов вплоть до мелочей. Начинаю видеть детали. Прослеживается логическая связь. Понимаю, что это только начало. Идет знакомство с собой, открывается ресурс внутренней безопасности. Очень интересно... Если сопоставить с предыдущими моими снами, то видна положительная динамика. Спасибо»;*

15. **Сновидица «Т»:** «*Самое главное, что я заметила, я начинаю сама понимать свои сны. Могу понять их значение и проблему, которую мне нужно проработать. Также улучшилось мое моральное состояние, даже друзья заметили, что я стала как будто улыбчивее».*

16. **Сновидица «К»:** «*За время работы я ощутила себе внутренний стержень. Бывает разное, но он уже возник. Я переосмыслила свои отношения с близкими, перестала что-то доказывать. Пересмотрела отношения к себе, принимаю свою женственность. Изучаю различные мерности сновидений. Процесс идет».*

17. **Сновидица «О»:** «*Наверное, у меня были какие-то завышенные ожидания от себя, что сразу пойдут сны, каждый день я буду их помнить и смогу поменять многое в себе. Была даже какая-то грусть и разочарование, что так мало запоминала. Но теперь понимаю, что может была не готова сразу многое узнать, что быстро не значит качественно и пусть подсознание открывается мне в своем темпе. Из необычного могу отметить, что после сна с ребенком в пещере, где Вы говорили, что возможно какое-то решение важное сейчас или будет в ближайшем будущем, я встретила своего бывшего спустя 10 лет разлуки, к которому были сильные чувства. Причем было ощущение, что Вселенная именно подстроила нашу встречу, т.к. многие события в тот день пошли не по плану. На следующий день я предложила мужу уехать отдыхать, и мы за несколько дней собрались и уехали в Крым. Думаю, эксперимент со снами был одним из важных катализаторов, что мы решились поехать в отпуск, т.к. после событий февраля 2022 года мы никуда не выезжали из Мариуполя. Хочу поблагодарить Вас за то внимание, что Вы оказывали, за Вашу обратную связь. Я сразу почувствовала доверие и надёжность. Ещё раз благодарю за уделённое мне время и Ваши толкования снов!»;*

18. **Сновидица «П»:** «*Мир Снов интересовал и восхищал меня всегда. Поэтому на предложение участия в эксперименте я отреагировала с радостью и огромным желанием. Чего не могу сказать о моём организме: сон стал прерывистым (первые дня четыре-пять), память отказывалась воспроизводить то, что снилось, хотя точно было осознание того, что что-то было, какие-то события во сне происходили. Где-то через неделю от начала эксперимента я как будто успокоилась и сны на утро всплывали в моей памяти (иногда даже в течение дня). Произошло ещё кое-что... Мои сны начали переплетаться с явью: во сне я могла увидеть то, что происходило на самом деле и, наоборот, в жизни я могла что-то сделать или сказать, что видела уже во сне. А ещё, последние три дня мне не хочется просыпаться - события во сне меня увлекают, хотя я в какой-то степени осознаю, что это сон. Иногда хочется подольше побыть в тех событиях (во сне), хотя немного страшно.). Мне кажется, я перешла на какую-то новую ступень сна. Думаю, это есть полезно и познавательно для меня. И я очень хочу окончательно научиться сама понимать свои сны)*».

19. **Сновидица «Д»:** «*До работы я не очень внимательно относилась к содержанию своих снов. Теперь стала замечать повторяющиеся образы и видеть взаимосвязи. Интересно наблюдать за работой подсознательного и находить дополнительный смысл в снах. Самым важным открытием для меня стало следующее: каждый образ во сне — это какая-то часть меня. Даже то, что меня пугает, чему я во сне противостою — это тоже я. Ещё интересно наблюдать за внутренними женщиной и мужчиной. Осознавать новое рождение своей целостности. За время работы самым частым образом был поезд. Потом он сменился на лес. Интересно, куда я пойду дальше)»*

20. **Сновидица «Х»:** «*После эксперимента чувствую себя хорошо. Стала внимательнее относится ко снам - сегодня проснулась и анализировала, какое из моих «Я»*

трансформировалось в то, что я увидела. В общем, есть повод теперь для анализа и размышлений. Вы дали некое направление, оно откликнулось. Спасибо!!»

21. **Сновидица «З»**: *«Меня удивила работа с первым сном с начала эксперимента. "Я подошла к месту где сидел ребёнок и медведь, села рядом с ребёнком, взяла за руку ребёнка, а ребёнок взял за лапу медведя, потом к нам стал подкрадываться лев, при этом рыча, я поманила его рукой, он подошёл ко мне, потом прилёг рядом, я стала его гладить. При этом мне было очень комфортно, я чувствовала умиротворение и невероятную силу, от нашего совместного образа. Я полушопотом говорила :"Я вас принимаю, я вас люблю, я вас понимаю". Медведь мысленно передал мне: «Я твоя опора». Лев передал: «Я твоя защита». Ребёнок сказал: «Я маленький, береги меня". Мне кажется я до сих пор чувствую силу и опору в себе самой, после этой работы. С другими снами тоже был интересный опыт, действительно происходит встреча с внутренним Я. Самочувствие улучшилось, несмотря на неприятные события в настоящий момент в моей жизни, я стала спокойнее, увереннее в себе однозначно. И чувство внутренней силы не покидает меня. Алексей Михайлович, благодарю Вас за всё! <…> Я ещё забыла в отзыве описать реакцию организма на работу: во-первых у меня сначала болела голова по утрам, и ещё были два дня подряд, когда организм как будто очищался от чего то токсичного, в первый день болело горло, к вечеру стало значительно легче, на следующее утро горло не болело, но были проблемы с кишечником и желудком, на третий день все прошло».*

22. **Сновидица «Ч»:** *«Алексей Михайлович, я очень довольна, процесс идёт, тревожность стала меньше. Я раньше не замечала свои сны, а что ещё проходит незамеченным...наверное, много важного».*

23. **Сновидица «С»**: *«До начала путешествия «в страну сновидений» я по-другому относилась к понятию о снах. Часто я их не запоминала или даже не пыталась вспомнить. А иногда, если помнила сон, то искала что-то, что должно со мною произойти. Время нашего путешествия было для меня очень необычным и удивительным. Каждое утро я, прежде чем открыть глаза, вспоминала свой сон. Затем сразу его записывала или повторяла, чтобы не забыть). Когда я получала обратную связь от тебя, Алексей, я, как бы, перезагружалась. И мне это очень нравилось. Понимание и восприятие менялось в лучшую сторону. Я не искала подвох во снах и не ждала сюрпризов)) Я просто жила и радовалась каждому дню! Даже если случались какие-то печальки, я не концентрировала на них внимание. Просто повторяла слова: «все пройдёт и это тоже»)) Я больше начала думать о себе. Хотя, признаюсь, мне это тяжело даётся. Но начала думать - это уже шаг навстречу себе любимой)). Я очень благодарна за это путешествие в страну сновидений и обратную связь <…> Ещё хочу рассказать как у меня получилось вернуться в свой страшный сон и что с этого получилось) Я представила священный круг, вошла в него и пыталась вернуться на тот рынок. Признаюсь, получилось не сразу. В какой то момент я опять увидела тот рынок, но как то смутно (надеюсь, я не заснула) я контролировала свои мысли и действия. Я прошла сквозь него и направилась на берег моря. Тот самый, где я с друзьями пряталась в разбитых домах от вооруженных бандитов. Что интересно, я не боялась. Шла уверенно. И вот я вижу море. Оно голубое и спокойное. Я смотрю на него и понимаю, что с боку и сзади меня должны быть развалины. Я поворачиваюсь, а их нет. Они как бы растворяются, как туман. Я чувствую, что с другой стороны точно есть развалины и поворачиваюсь в другую сторону. И опять вижу исчезающие плиты домов. Они растворились и на их месте появился песок, такой мелкий, золотой и чистый, без мусора. Думаю, нужно найти разбойников и пообщаться с ними, но пляж был пустой.*

Только я, море и песок. Погода была солнечная. И я ничего не построила и не с кем не встретилась. Я ещё побыла в этом ощущении, так как мне там было хорошо, и встала. На душе легко. И что интересно, тот страшный сон мне снился лет пять назад. И я его прочувствовала, когда была с ребёнком. И то чувство тревоги тоже прочувствовала, хотя в этом сне тревоги не было. Наоборот очень приятное общение с ребёнком. Очень удивительно)».

24. **Сновидица "Ц":** *"Больше стала уделять внимание своему внутреннему миру, учусь слушать себя, обращать внимание на знаки, пытаться понять природу тех или иных событий в жизни, пытаться управлять ситуацией в нужном для меня направлении и многое другое. В связи некоторыми событиями я потерялась, сейчас немного начинаю становиться не могу сказать, что прежней, но другой, это однозначно*".

В целом, **безусловно положительный итог эксперимента для своего состояния и (или) развития своей личности обратную связь дали 20 из 26 участниц эксперимента (76,9%), нейтральную** – две участницы (**7,6%**,) при этом одна из них – «Сновидица «И» - показала существенное уменьшение уровня как ситуативной, так и личностной тревожности, что, однако, не проявилось в области самосознания, двое испытуемых не предоставили самоотчета) и **противоречивую** (то есть связанную с сильными незавершенными трансформационными процессами и сочетанием удовлетворенности и неудовлетворенности результатом «на данный момент времени») - тоже две участницы, **не прислали самоотчет** - еще две испытуемых.

Очевидно, что **обращение к пространству сновидений активизировали в подавляющем большинстве из них внутренние задатки взаимодействия с неосознаваемой частью себя (с «Другим-в-себе»), внутреннего диалога, осознания себя, интеграции (исцеления как достижения целостности), развития и саморазвития.**

Выводы

Поставленная в начале работы гипотеза подтвердилась: **представленная нами синтетическая концепция сновидений обладает теоретической и практической значимостью и может использоваться в рамках психологической психотерапии, психокоррекции (и, соответственно, психодиагностики), а также в сфере развития личности**, по крайней мере, для значительного количества индивидуумов. Важно при этом подчеркнуть, что психолог (психотерапевт) здесь выполняет функцию посредника между сознанием и бессознательным сновидца, причем **постепенно сновидец сам приобретает внутреннюю «терапевтическую функцию» именно в области работы со сновидениями.** Обратная связь со стороны участниц эксперимента (даже тех из них, которые характеризуются отрицательной или противоречивой динамикой уровня тревожности), говорит **о развитии ими умения вести внутренний диалог и осознавать свой внутренний мир** (здесь мы в некоторых случаях можем иметь дело с феноменом «интеграции через обострение» на более длительном периоде времени, нежели 14 дней). Также следует отметить, что **многомерность, синтетичность понимания феномена сновидений соответствует синтетической теории личности и, благодаря холистическому подходу, позволяет преодолевать противоречия в толковании сновидений, свойственное то или иной «частной» теории.**

Заключение

Безусловно, **теоретическое** и **научно-практическое исследование сновидений должно продолжаться.** Сделанный в 2006 году С.А. Парфентьевым настоящий прорыв

в плане понимания сновидений и их использования для психоррекции и психодиагностики в свое время остался практически не развитым. На наш взгляд, **представленное выше исследование позволяет дать импульс такому развитию**.

По большому счету, **сама природа (для верующих «Бог через природу») дает нам в форме сновидений естественное пространство и механизм психофизиологического, психического и духовного исцеления** (включая ситуацию духовного поиска [18]), потенциал которого необходимо заново учиться использовать. При этом **практика многомерного, непредвзятого понимания сновидений позволяет преодолеть своеобразные «бытовые» и «научные» «суеверия» в отношении к ним и достаточно быстро обучать эффективному внутреннему диалогу, повторимся, по крайней мере, многих индивидуумов, преодолевая определенный страх перед бессознательным**.

Пренебрежение сновидениями - это ошибка, которая *«связана со следующей закономерностью, сформулированной психологом К.Г. Юнгом: «…можно заниматься с помощью одного лишь интеллекта любой наукой, кроме психологии… именно благодаря «аффекту» субъект становится сопричастным реальности… бессознательного боится гораздо большее количество людей, чем это можно было бы ожидать…»* [9, стр. 7].

Конечно, свою роль в ходе исследования сыграли и внимание о стороны психолога, а также, как правило, возникающий раппорт, однако с учетом содержания самоотчетов и того факта, что само по себе внимание и доверительные отношения являются необходимым, но не достаточным условием успеха, **именно работа со сновидениями является основным фактором развития личности и снижения уровня тревожности у большинства испытуемых в период эксперимента** (очевидно, что сновидения (и сфера воображения, как таковая, это - только один из модусов психотерапевтической (психокоррекционной) работы, который подходит одним и может не подходить другим, а в ряде случаев должен сочетаться с задействованием иных модусов (мышления, поведения, эмоций, ощущений) в контексте межличностных отношений).

Безусловно, **тема научного понимания психологической сущности сновидений и практической работы с ними, в том числе, посредством предложенных нами методологии и методик, требует дальнейших серьезных исследований** (включая увеличение объема выборки, ее гендерного «выравнивания», дифференцирования выборки по возрасту, увеличение срока эксперимента, добавления дополнительных методик), однако мы считаем, что **общая структура такого понимания и такой работы уже зафиксирована, и это определенной степени является открытием в рамках практико-ориентированной научной психологии сновидений.**

Библиография

1. Bion, W.R. (1958). „On Hallucination". International Journal of Psycho-Analysis 39: 341 – 9.
2. Winnicott, D. W. (1953). Transitional objects and transitional phenomena. In Playing and reality. New York: Basic Books, 1971, pp. 1-25.
3. Bion, W.R. (1957). Differentiation of the psychotic from the non-psychotic personalities. International Jounal of Psycho-Analysis 38: 266 – 75.
4. Klein, M., Heimann, P., Money-Kyrle, R. (eds.). (1955). New Directions in Psycho-Analysis. The Significance of Infant Conflict in the Pattern of Adult Behaviour., London: Tavistock Publications, 573 pp.

5. Ассаджиоли Р «Психосинтез. Принципы и техники» /-Издательство Persona, Москва : ЭКСМО-Пресс, 2002. – 413 с.
6. Бараш М. «Исцеляющие сновидения». М.: Изд-во Института Психотерапии, 2003. – 350 с.
7. Богачев, А. М. Мир сновидений и символы / А. М. Богачев, А. М. Межерицкая // Научное мнение. – 2019. – № 1-2. – С. 29-34. – DOI: 10.25807/PBH.22224378.2019.1-2.29.34. – EDN RCGCNS.
8. Богачев, А. М. О некоторых аспектах практической работы со сновидениями / А. М. Богачев // Психология и психотехника. – 2020. – № 1. – С. 54-67. – DOI: 10.7256/2454-0722.2020.1.32332. – EDN FXNAMX.
9. Богачев, А. М. Путь к Другому. О некоторых закономерностях практической психологии: монография. – 2-е издание, исправленное и дополненное. – Санкт-Петербург: Астерион, 2019. – 221 с. – ISBN 978- 5-00045-655-2. – EDN YSEHCP.
10. Богачев, А. М. Фильмы ужасов и ночные кошмары: некоторые аспекты психологического анализа явлений // Психология и психотехника. – 2019. – № 4. – С. 39-49. – DOI: 10.7256/2454-0722.2019.4.31301. – EDN RSVLUQ.
11. Гроф Станислав. Путешествие в поисках себя. Измерения сознания. – М., АСТ, Издательство Института трансперсональной психологии, Издательство К. Кравчука, 2004. – 346 с.
12. Ломонос, А. А. Жизненные «якоря» личности как фактор нравственного развития / А. А. Ломонос, Н. В. Боброва, А. М. Богачев // Общество. Среда. Развитие. – 2023. – № 2(67). – С. 137-145. – DOI: 10.53115/19975996_2023_02_137-145. – EDN ZMDXIO.
13. Минделл А. «Ученик создателя сновидений (использование более высоких состояний сознания для интерпретации сновидений)». М.: издательство АСТ, 2003. – 208 с.
14. Минделл А., Минделл Э. Вскачь, задом наперед: Процессуальная работа в теории и практике, М.: Независимая фирма “Класс”, Издательство Трансперсонального института, 1999. – 224 с.
15. Парфентьев, С. А. Анализ сновидений как метод психодиагностики и психокоррекции личности в социальной психологии : специальность 19.00.05 "Социальная психология" : диссертация на соискание ученой степени кандидата психологических наук / Парфентьев Сергей Александрович. – Ярославль, 2006. – 243 с. – EDN NOCOBP.
16. Перлз, Фредерик Соломон. Гештальт-подход и Свидетель терапии : [Пер. с англ.] / Фриц Перлз.-М. : Либрис, 1996. – 240 с.
17. Прилуцкий, А. М. Психолого-теологические аспекты подготовки к таинствам покаяния и причащения в православии / А. М. Прилуцкий, А. М. Богачев // Вопросы теологии. – 2020. – Т. 2, № 2. – С. 297-314. – DOI 10.21638/spbu28.2020.208. – EDN HQKDOF.
18. Религиозные, этические и бытовые категории в бессознательной области психической реальности современной российской молодежи: попытка сравнительного анализа / А. М. Богачев, А. О. Блинкова, А. М. Прилуцкий [и др.] // Философия и культура. – 2020. – № 8. – С. 53-67. – DOI: 10.7256/2454-0757.2020.8.33359. – EDN TWQYMM.
19. Свирепо О. А., Туманова О. С. Образ, символ, метафора в современной психотерапии.-М.: Изд-во Института Психотерапии, 2004. – 268 с.
20. Слезин В.Б., Музалевская Н.И., Урицкий В.М. . Рыбина И.Я. Изменения

функционального состояния головного мозга при христианской молитве // Независимый психиатрический журнал. 1999. Т. 4. С. 30.

21. Фрейд З. Толкование сновидений / Пер. с нем. М. К. – М.: Современные проблемы, 1913. – 448 с. 12.
22. Холл Джеймс А. Юнгианское толкование сновидений : Практ. рук.; Пер. на рус. яз. под общ. ред. В. Зеленского. СПб.: ТОО "Б.с.к.", 1996. – 168 с.
23. Юнг К.Г «Архетип и символ» Москва: Ренессанс, 1991. – 297 с
24. Юнг К.Г. Человек и его символы : Пер. с англ. / Карл Густав Юнг, Мария-Луиза фон Франц, Джозеф Хендерсен и др.; [Введ. Д. Фримана]. - Москва : Серебряные нити ; СПб.: АСТ, 1997. – 367 с.
25. Юнг К.Г. «Воспоминания, сновидения, размышления». Издательство «Харвест», 2003 15. Юнг К.Г. Психология бессознательного. – М.: Канон, 1994. – 320 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.
Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться здесь.

На рецензирование представлена работа «Синтетическая концепция работы со сновидениями: апробация в области психологической психотерапии и развития личности».
Предмет исследования. В работе определены объект, предмет и цель эмпирического исследования. Особое внимание автора уделено особенностям трансформации состояний и (или) характеристик личности участников эксперимента в контексте применения синтетического алгоритма работы со сновидениями. В целом, проведенная работа продемонстрировала эффективность эксперимента и достижение поставленной цели. Проведенная эмпирическая работа позволила автору выявить психотерапетический (психокоррекционный) и (или) развивающий личность потенциал синтетической концепции сновидений.
Методология исследования опирается на синтетическую теорию (концепцию) сновидений. Автором благодаря эмпирическому исследованию была подтверждена гипотеза о том, что потенциал синтетической концепции сновидений высок, а сама концепция может быть рекомендована для практического применения психотерапевтами и практическими психологами, а также использована для дальнейшего теоретического продвижения в области исследования сновидений. В работе подробно описаны основные этапы, количественные и качественные результаты.
Актуальность исследования определяется тем, что в теоретическом изучении и практическом применении недостаточное внимание уделено синтетической концепции работы со сновидениями в области психологической психотерапии и развития личности.
Научная новизна исследования заключается в следующем. Автором были выделены следующие положения:
- дан теоретический анализ синтетической концепции работы со сновидениями;
- продемонстрированы результаты апробации работы со сновидениями в области психологической психотерапии и развития личности.
Стиль, структура, содержание. Стиль изложения соответствует публикациям такого уровня. Язык работы научный. Структура работы четко прослеживается, автором выделены основные смысловые части.
Во введении статьи представлено описание актуальности проведенного исследования.

Автором выделена теоретическая основа и рассмотрена многолетняя практика, обозначена цель.

Второй раздел посвящен рассмотрению основных положений синтетической теории (концепции) сновидений. В работе представлено описание методологических ее основ. Особое внимание уделено описанию психологического определения сновидения, а также их уровни.

Следующий раздел посвящен характеристике базовой практической методике работы со сновидением, основного критерия верности толкования сновидения и работы с ним. Описание предложенной концепции позволило автору сделать основные выводы.

Значительное внимание уделено характеристике исследования прикладной эффективности синтетической концепции сновидений, а также его результатам. Автор апробировал и получил научное подтверждение эффективности работы со сновидениями. В статье описан метод, объект, предмет, цель, процедура, респонденты и полученные результаты.

В содержательной части исследования представлены примеры работы со сновидениями, примеры обратной связи, а также продемонстрировано с помощью количественных показателей эффективность проведенной работы.

Заканчивается работа обоснованными и аргументированные выводами.

Библиография. Библиография статьи включает в себя 25 отечественных и зарубежных источников, незначительная часть которых издана за последние три года. В списке присутствуют, в основном, научно-исследовательские статьи, тезисы, монографии и диссертации; но также представлены и учебные пособия. Источники оформлены, в основном, некорректно и неоднородно.

Апелляция к оппонентам.

Рекомендации:

- более подробно описать результаты и перспективы данного исследования, определив основные направления дальнейшего ее изучения;
- откорректировать библиографический список в соответствии с предъявляемыми требованиями.

Выводы. Проблематика статьи отличается несомненной актуальностью, теоретической и практической ценностью будет интересна специалистам, которые рассматривают особенности работы со сновидениями в области психологической психотерапии и развития личности. Статья может быть рекомендована к опубликованию с учетом выделенных рекомендаций.

Психология и Психотехника
Правильная ссылка на статью:
Качай И.С., Федоренко П.А. — Алгоритм составления концептуализации в рационально-эмоционально-поведенческой терапии А. Эллиса // Психология и Психотехника. – 2024. – № 1. DOI: 10.7256/2454-0722.2024.1.69133 EDN: SEPOBV URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69133

Алгоритм составления концептуализации в рационально-эмоционально-поведенческой терапии А. Эллиса

Качай Илья Сергеевич

ORCID: 0009-0009-7500-2493

старший преподаватель, кафедра философии, Сибирский федеральный университет; научный руководитель, Институт когнитивно-поведенческой психотерапии

660041, Россия, Красноярский край, г. Красноярск, пр. Свободный, 82А, ауд. 428

monaco-24-llya@mail.ru

Федоренко Павел Алексеевич

генеральный директор, Институт когнитивно-поведенческой психотерапии

420111, Россия, республика Татарстан, г. Казань, ул. Лево-Булачная, 16

pavelfdrk@yandex.ru

Статья из рубрики "Клиническая психология"

DOI:

10.7256/2454-0722.2024.1.69133

EDN:

SEPOBV

Дата направления статьи в редакцию:

27-11-2023

Дата публикации:

15-12-2023

Аннотация: Объектом настоящего исследования выступают практические принципы проведения рационально-эмоционально-поведенческой терапии (РЭПТ) А. Эллиса. Предметом исследования является специфика формирования концептуализации клиента в рамках рационально-эмоционально-поведенческого подхода. Цель данного

исследования состоит в разработке алгоритма составления клиентской концептуализации в рассматриваемом терапевтическом направлении на основе систематизации активирующих событий, иррациональных верований, ключевых оспаривающих контраргументов, рациональных утверждений и установления взаимосвязи между данными аспектами клиентского опыта. Разработанная в настоящем исследовании концептуализация также позволяет клиенту сформировать абстрактные представления о проблемных сферах жизни, обнаружить свойственные ему общие когнитивно-поведенческие паттерны («схемы»), вывести абстрактные иррациональные верования и рациональные утверждения (новую эффективную философию) и поведенчески подкрепить последние с целью реализации значимых (в том числе глобальных) жизненных целей и ценностей. Методологической основой работы являются исследования основателей и представителей рационально-эмоционально-поведенческой и когнитивной психотерапий. При написании работы авторы руководствовались системным подходом и общенаучными методами анализа, синтеза, индукции и дедукции. Главным результатом проведённого исследования является разработанная РЭПТ-концептуализация, до настоящего момента отсутствовавшая в рационально-эмоционально-поведенческой терапии, но активно использующаяся в смежном психотерапевтическом подходе – когнитивной терапии А. Бека. Представленная концептуализация и описанный алгоритм её составления способствуют устранению рисков, связанных с недостаточно системным пониманием клиентом абстрактной структуры его эмоциональных и поведенческих расстройств при прохождении рационально-эмоционально-поведенческой терапии, известной своим глубинным философским подходом к решению конкретных проблем, главным образом, за счёт философского диспутирования конкретных иррациональных верований клиента. Научная новизна работы также заключается в описании характерных для большинства клиентов, страдающих от аффективных расстройств, когнитивно-поведенческих паттернов («схем»), сформулированных на основе двенадцати типичных иррациональных верований, выявленных А. Эллисом в 1956 г. Практическая ценность исследования состоит в описании принципов и механизмов генерализации когнитивных и поведенческих изменений на различные сферы жизни клиента.

Ключевые слова:

рационально-эмоционально-поведенческая терапия, когнитивная терапия, когнитивно-поведенческая терапия, концептуализация, иррациональное верование, рациональное утверждение, когнитивно-поведенческий паттерн, схема, эмоциональное расстройство, терапевтическая интервенция

Введение

Наиболее фундаментальными и разработанными направлениями когнитивно-поведенческой психотерапии являются когнитивная терапия А. Бека и рационально-эмоционально-поведенческая терапия А. Эллиса. В обоих подходах можно выделить диагностический и терапевтический этапы работы с клиентом. В когнитивной терапии диагностика осуществляется посредством анализа клиентского дневника мыслей **СМЭР** (события – мысли – эмоции – реакции), а терапевтические изменения реализуются на основе формы **ЭМУ-УМЭ** (*дисфункциональные* эмоции – мысли – убеждения; *функциональные* убеждения – мысли – эмоции) (описанные формы являются Протоколами Ассоциации когнитивно-поведенческой психотерапии, разработанными Д.В.

Ковпаком). В рационально-эмоционально-поведенческой терапии диагностическим инструментом является модель **ABC,** отражающая генез неадаптивных реакций, в то время как продолжение этой формулы –**DEFG**– иллюстрирует терапевтические интервенции для преодоления этих дисфункциональных реакций.

ABC-модель формирования реакций

Согласно предложенной основателем рационально-эмоционально-поведенческой терапии (РЭПТ) А. Эллисом**ABC-модели** формирования дисфункциональных реакций (где **A** – активирующее (неблагоприятное, нежелательное) событие, **B** – иррациональное верование (по поводу события), а **C** – следствия (эмоциональные и поведенческие) иррационального верования), именно иррациональное верование **(B)** предстаёт главной причиной конкретной нездоровой негативной эмоции **(C)** и конкретного дисфункционального поведения **(C)** человека в контексте того или иного активирующего события **(A).** Таким образом, людей расстраивают **(C)** не сами по себе события **(A),** а их отношение **(B)** к ним, в связи с чем только сами люди являются творцами своих страданий **(C),** которые возникают не из-за неблагоприятных обстоятельств **(A),** а в силу иррациональных верований **(B).** Однако, как замечают А. Эллис и К. Макларен, «поскольку "C" нередко наступает непосредственно вслед за "A", они не видят, что "B" (убеждения) также немало содействуют "C"» [1, с. 48]. Конечно, активирующие события **(A)** оказывают ***некоторое*** влияние на эмоциональные и поведенческие реакции человека **(C)** (особенно в объективно стрессовых ситуациях, таких как физическое насилие, стихийные бедствия и пр.), однако эти события ***не создают*** эти реакции непосредственно. Как замечает Е.А. Ромек, «в отличие от других живых существ человек – животное говорящее. А это значит, что все его поведенческие реакции опосредствованы искусственными стимулами, или речью» [2, с. 281]. Неспроста Р. Диджузеппе подчёркивает, что «нарушенные эмоции не навязываются нам, не появляются в нас магическим образом, не вызываются внешними событиями, а есть результат наших активных действий» [3, с. 97]. При этом необходимо особо отметить, что «причиной эмоциональных и поведенческих нарушений (C) является произведение (а не простая сумма) A и B, поскольку при наступлении нежелательных событий (A) люди не просто "добавляют" к ним своё отношение (B), а "перемножают" A и B, в результате чего получают реакции (C), непропорциональные и неадекватные событиям (A), что можно выразить в виде формулы A x B = C» [4, с. 121]. Помимо этого, люди могут страдать из-за ***вторичных нарушений,*** испытывая, скажем, «тревогу из-за тревоги, гнев из-за неприятных симптомов, стыд из-за агрессивного поведения, а также критиковать себя по поводу мыслей, которые вызывают изначальные (первичные) эмоциональные, телесные и поведенческие реакции» [5, с. 325].

Функциональные и дисфункциональные реакции

Таким образом, если функциональные эмоциональные и поведенческие следствия **(C)** являются результатом взаимодействия активирующего события **(A)** и ***рациональных*** представлений **(B)** человека об этом нежелательном событии **(A),** то дисфункциональные эмоциональные и поведенческие следствия **(C)** вытекают из взаимодействия активирующего события **(A)** и ***иррациональных*** верований **(B)** субъекта по поводу той или иной триггерной ситуации **(A).** К дисфункциональным (нездоровым, избыточным, невротическим) эмоциям **(C)** представители рационально-эмоционально-поведенческой терапии относят ***тревогу, гнев, обиду, подавленность, вину, стыд, дисфункциональную ревность и дисфункциональную зависть,*** в то время как функциональными (здоровыми, уместными, оправданными) аналогами этих

эмоций **(C)** выступают, соответственно, ***волнение, раздражение, досада, грусть, раскаяние, сожаление, функциональная ревность и функциональная зависть.***

В свою очередь, к функциональным (адаптивным, конструктивным) поведенческим реакциям **(C)** можно отнести, например, такие, как решение проблем, активный образ жизни, открытое высказывание эмоций и желаний, разумное стремление к удовольствиям, уверенное поведение, поддержка себя и других людей и т.д.), в то время как дисфункциональными (неадаптивными, проблемными) моделями поведения предстают, например, гиперконтроль, перфекционизм, конформность, агрессия, зависимость от алкоголя, компульсивное переедание, прокрастинация, пассивность, поиск заверений, фобические избегания и т.п. Таким образом, человек самостоятельно создаёт эмоциональные и поведенческие барьеры **(C)** на пути реализации своих целей, придерживаясь иррациональных верований **(B)** в отношении нежелательных и неблагоприятных активирующих событий **(A).** В этой связи дисфункциональные эмоции и действия **(C)** именуются дисфункциональными хотя бы потому, что они препятствуют реализации значимых для человека целей и ценностей.

Когнитивные источники дисфункциональных реакций

Итак, согласно теории рационально-эмоционально-поведенческой терапии основным источником практически всех эмоциональных и поведенческих нарушений **(C)** являются иррациональные взгляды **(B)** человека на активирующие события **(A).** При этом центральной иррациональной установкой, под углом зрения А. Эллиса, является **долженствование,** раскрывающееся в трёх взаимосвязанных сферах – как требования человека к себе, другим людям и миру в целом. В свою очередь, идеология долженствования приводит к трём возможным когнитивным следствиям в каждой из этих сфер (в случае неудовлетворения этих требований) – **катастрофизации, низкой толерантности к фрустрации и глобальной оценке (себя, других и/или мира),** что и обуславливает различные дисфункциональные реакции человека. Так, **требования к себе** *(«Я должен добиться успеха!»)* способствуют возникновению трёх производных иррациональных убеждений – катастрофизации *(«Ужасно, если я не добьюсь успеха!»),* низкой толерантности к фрустрации *(«Если я не добьюсь успеха, я этого не вынесу!»)* и глобальной оценки *(«Если я не добьюсь успеха, значит, я – ничтожество!»).* **Требования к другим** *(«Он не должен меня обманывать!»)*также провоцируют появление трёх этих производных установок *(«Ужасно, если он обманывает меня!»; «Если он обманывает меня, я не переживу этого!»; «Если он обманывает меня, то он – подлец!»).* Наконец, **требования к миру** *(«Самолёт не должен задерживаться!»)* равным образом способствуют появлению триады дисфункциональных убеждений *(«Ужасно, если самолёт задержится!», «Если самолёт задержится, то это будет просто невыносимо!», «Если самолёт задержится, значит этот мир – ужасное место!»).*

Мультимодальный подход

Подчёркивая взаимовлияние **A, B** и **C,** А. Эллис и У. Драйден замечают: «Люди практически никогда не испытывают “A” без “B” и “C”, но они так же редко испытывают “B” и “C” в отсутствие “A”», поскольку «“A”, “B” и “C” тесно связаны, и ни один из этих элементов не может существовать без других» [6, с. 32]. Действительно, мысли влияют на эмоции, эмоции воздействуют на поведение, однако при этом эмоции и поведение также влияют на мысли и воздействуют друг на друга. Поскольку почти любой человеческий опыт представляет собой своего рода триединство мышления, эмоционирования и поведения, то и улучшение качества жизни востребует обращения ко всем этим модальностям человеческого существования, иными словами, использования

когнитивных, эмоциональных и поведенческих терапевтических методов. В этом отношении рационально-эмоционально-поведенческая терапия представляет собой мультимодальный подход, учитывающий неразрывную (в том числе и обратную) связь когнитивной, аффективной и поведенческой (а также ситуационной) сфер. Как замечает А. Лазарус, «мультимодальная модель предлагает комплексный подход, который даёт возможность акцентировать внимание на основных проблемах, требующих решения. Отделяя ощущения от эмоций, различая представления и когниции, исследуя индивидуальное и межличностное поведение и отмечая биологическую составляющую, мультимодальная ориентация является наиболее перспективной» [7, с. 8]. Посему РЭПТ-терапевт, как подчёркивает У. Драйден, «заинтересован в том, чтобы помочь клиенту изменить свои установки, чувства, поведение, образы, межличностные отношения и неприятные события в своей жизни» [8, с. 121].

ABCDEFG-модель психологического здоровья

Однако ключевой терапевтической мишенью для изменения дисфункциональных эмоций и действий **(C)** является иррациональное мышление **(B),** заменяя которое на более реалистичное, логичное и полезное, можно улучшить нарушенные эмоции и действия **(C).** Продолжение разработанной А. Эллисом **ABC-модели** отображает необходимые терапевтические шаги для преодоления этих дисфункциональных реакций: «**D (disputations)** – диспутирование (оспаривание) иррационального верования (создающего дисфункциональные эмоциональные и поведенческие реакции); **E (effectivebeliefs)** – рациональное утверждение, или новая эффективная философия, формулирующаяся в результате оспаривания иррационального верования; **F (functionalfeelings)** – функциональные реакции (являющиеся следствием рационального утверждения); **G (goals)** – значимые для человека цели, ценности и желаемые результаты (достигающиеся на основе рационального утверждения и функциональных реакций)» [4, с. 120].

Таким образом, важнейшим терапевтическим инструментом в контексте рационально-эмоционально-поведенческой терапии является диспутирование иррациональных верований **(D)** и формирование новой эффективной философии жизни **(E).** В этой связи А. Джоши и К. Пхадке подчёркивают, что «изменения только в чувствах или действиях… могут не дать значительных или долгосрочных улучшений», в то время как «изменение… иррациональных убеждений приводит к глубоким изменениям в философии, и эти изменения не ограничены конкретным или текущим симптомом, а распространяются на другие сферы жизни, которые помогают клиенту значительно улучшить его психическое здоровье» [9, с. 52]. Однако, учитывая взаимодетерминированность мыслей, эмоций и поведения, необходимо отметить, что когнитивные техники содержат в себе элементы эмоциональных и поведенческих упражнений, эмоциональные техники – когнитивные и поведенческие компоненты, а поведенческие упражнения – когнитивные и эмоциональные элементы (однако тот или иной аспект в рамках определённой техники является преобладающим).

Специфика концептуализации в когнитивной терапии А. Бека

Если в когнитивной терапии А. Бека на основании анализа (как минимум) трёх ситуаций, в которых человек демонстрировал дисфункциональные эмоциональные, физиологические и поведенческие реакции, может выстраиваться когнитивная концептуализация по Дж. Бек [10, с. 228], позволяющая обнаружить паттерны дисфункционального мышления и поведения, актуальные для многих ситуаций, а также

обозначить мишени тактических и стратегических терапевтических интервенций, то в рационально-эмоционально-поведенческой терапии А. Эллиса можно говорить, скорее, о концептуализации конкретного события (проблемы) человека **(A),** в контексте которого на терапевтической сессии происходит глубокое философское оспаривание **(D)** конкретного иррационального верования **(B),** обуславливающего дисфункциональные эмоции и действия **(C)** клиента. В этом отношении концептуализация, использующаяся в когнитивной терапии А. Бека, имеет абстрактный характер и, по определению А.И. Муртазина и Д.В. Ковпака, представляет собой «формализованное описание случая (кейса терапии), которое включает в себя взаимосвязанные между собой значимые данные жизни клиента, убеждения, стратегии поведения» [11, с. 237]. Действительно, составляемая в процессе терапии когнитивная концептуализация «позволяет выявить системные связи между значимым (в том числе травматическим) ранним жизненным опытом, глубинными убеждениями, промежуточными убеждениями, компенсаторными стратегиями, автоматическими мыслями, а также эмоциональными и поведенческими реакциями клиента, проявившимися в конкретных триггерных ситуациях, а также получить представление о причинах возникновения и механизмах поддержания текущих проблем клиента в разных сферах жизни» [12, с. 317].

Когнитивная концептуализация позволяет как терапевту, так и клиенту осознавать причины текущих дисфункциональных реакций последнего, а также идентифицировать ключевые когниции и модели поведения, нуждающиеся в изменении прежде всего. В этом отношении С. Уолтман указывает на то, что важнейшая цель концептуализации – «выявить то, как базовые убеждения влияют на текущие мысли и поведение и как текущие когнитивные стили и модели поведения усиливают и подтверждают прочно укоренившиеся убеждения и предположения» [13, с. 47]. Будучи когнитивно-поведенческой картой клиента, концептуализация помогает терапевтической диаде (терапевт-клиент) понимать структуру субъективной реальности клиента, подбирать корректные терапевтические интервенции и выстраивать целесообразный план терапии. Действительно, как подчёркивает Дж. Бек, «полезно рассматривать терапию как своеобразное путешествие, а когнитивную концептуализацию – как карту» [10, с. 61], в связи с чем Дж. Оверхолзер пишет: «Если психотерапевт станет опытным гидом, карта поможет пройти по намеченному маршруту. Клиент вводит пункт назначения, а гид прикладывает оптимальный маршрут, чтобы добраться до нужного места» [14, с. 269]. Равным образом С. Холлон замечает, что когнитивная концептуализация предоставляет клиентам «“дорожную карту”, с помощью которой они могут тестировать убеждения, которые лежат в основе их проблемного поведения, и даёт психотерапевту возможность использовать сеанс для проверки этих глубинных убеждений» [15, с. 83]. В этом отношении А. Фримен выделил три вопроса, с помощью которых терапевт может оценить, насколько полезна сформулированная им (совместно с клиентом) концептуализация: объясняет ли она прошлое поведение клиента? придаёт ли она смысл текущему поведению клиента? помогает ли она предсказывать будущее поведение клиента? [16].

Формулировка проблемы вместо формулировки клиентского случая

Таким образом, если в когнитивной терапии А. Бека клиентская концептуализация имеет высокую степень теоретической и практической разработанности и даже некоторые её модификации [17-24], то в контексте рационально-эмоционально-поведенческой терапии А. Эллиса, также являющейся одним из направлений когнитивно-поведенческой психотерапии, на настоящий момент концептуализация отсутствует. Отчасти это связано со спецификой самой рационально-эмоциональной поведенческой терапии, в контексте

которой место когнитивной концептуализации и – шире – формулировки клиентского (клинического) случая занимает ***формулировка проблемы,*** поскольку, как пишет В. Бэкс, РЭПТ-терапевт «относительно быстро приступает к решению одной из проблем, собирая относящуюся к этой проблеме информацию» [25, с. 164]. Посему, несмотря на осуществляемую в РЭПТ-подходе глубинную философскую проработку каждой отдельной эмоциональной и/или поведенческой проблемы клиента (зачастую по принципу «одна сессия – одна проблема»), сохраняется риск того, что в процессе и в результате терапии клиент не сможет увидеть системные связи между своими искажёнными представлениями (иррациональными верованиями) и выйти на более абстрактный уровень понимания своих эмоциональных проблем и поведенческих нарушений.

Алгоритм составления РЭПТ-концептуализации

Для нивелирования вышеобозначенного риска клиент может совместно с терапевтом систематизировать выявленные и продиспутированные в ходе терапии иррациональные верования **(B)** (равно как и альтернативные рациональные утверждения **(E)**) с помощью заполнения разработанной авторами РЭПТ-концептуализации. Далее приводится пошаговый алгоритм составления «когнитивной карты» клиента путём поэтапного заполнения формы РЭПТ-концептуализации, для формирования которой (как и в случае с когнитивной концептуализацией по Дж. Бек) необходимы как минимум три примера активирующих событий из использующегося в РЭПТ-подходе дневника психологического здоровья ABCDEFG.

Шаг 1. Указываются **активирующие события (A),** в которых у клиента проявлялись дисфункциональные эмоции и неадаптивные действия **(C)**, вызываемые иррациональными верованиями **(B).** Составление перечня активирующих (неблагоприятных и нежелательных) событий позволит клиенту лучше осознавать свой индивидуальный набор «провоцирующих» факторов, иными словами, «типы» активирующих событий, в которых он чаще всего испытывает дисфункциональные эмоции и ведёт себя дезадаптивно.

Шаг 2. Напротив каждого активирующего события **(A)** указываются **иррациональные верования (B),** которые проявились у клиента в каждой ситуации **(A),** создавая дисфункциональные эмоциональные и поведенческие реакции **(C).**

Шаг 3. Для каждого активирующего события **(A)** и иррационального верования **(B)** обозначается **сфера жизни (abs-A),** к которой можно отнести каждое активирующее событие **(A)** и спровоцированное им иррациональное верование **(B).** Примерами сфер жизни могут являются такие: *собственное здоровье; здоровье родных и близких; личная безопасность; безопасность родных и близких; работа и карьера; учёба, образование и саморазвитие; финансовые вопросы; правовые вопросы; бытовые и хозяйственные вопросы; личные и семейные отношения; отношения с другими людьми; интимные отношения; творчество и самореализация; духовные вопросы; глобальные общемировые проблемы и др.*

Шаг 4. Для каждого иррационального верования **(B),** проявившегося в каждом активирующем событии **(A),** выявляется **тема переживаний,** т.е. **когнитивно-поведенческий паттерн («схема»),** лежащий в основе каждого иррационального верования **(B).** Выявление этих абстрактных «схем» позволяет идентифицировать характерные для клиента «типы» психологических трудностей, говоря иначе, базовые неадаптивные мировоззренческие позиции **(B)** по отношению к активирующим событиям **(A)** (например, зависимость от одобрения, вера в полезность беспокойства и т.д.).

Методологическим фундаментом приводящихся далее двенадцати распространённых когнитивно-поведенческих паттернов («схем»), сформулированных авторами, являются двенадцать типичных иррациональных верований, которые были выявлены А. Эллисом в 1956 г. Ниже указаны как сами «схемы», так и выявленные основателем РЭПТ иррациональные верования, потворствующие возникновению и поддержанию различных эмоциональных расстройств (иррациональные верования представлены в адаптированном формате):

1. Зависимость от достижений (требования от себя быть лучшим):

«Я должен любой ценой добиваться успеха и иметь достижения во всех важных для меня делах, делать всё идеально и быть компетентным (не должен допускать ошибок, промахов и неудач), а иначе это будет ужасно, невыносимо и указывать на то, что я – неполноценный, неадекватный, посредственность».

2. Зависимость от одобрения и любви (требования от себя быть хорошим для других и для партнёра):

«Я должен любыми способами добиваться одобрения и любви значимых для меня людей (а они должны одобрять, принимать и не должны критиковать меня), а если они критикуют или отвергают меня, то это ужасно, невыносимо и говорит о том, что я – никчёмный человек, недостойный уважения и любви».

3. Требования от других (признания, уважения, одобрения, любви, справедливости):

«Люди должны вести себя разумно, уважительно и справедливо, давать мне то, что я от них хочу, уважать, одобрять и любить меня, а если они ведут себя иначе, то это ужасно, а сами эти люди – отвратительные, подлые и мерзкие и заслуживают презрения, осуждения и наказания».

4. Требования от мира (содействия в реализации личных целей):

«Обстоятельства должны складываться таким образом, каким мне хочется, а если дела пойдут не так, как я того заслуживаю (меня не будут любить и одобрять, я не достигну успеха или провалюсь, со мной обойдутся несправедливо), то это будет ужасно и я этого не вынесу».

5. Требования от мира (комфорта, справедливости, безопасности):

«В мире (в моей жизни) не должно существовать плохих людей, неприятностей, трудностей и несправедливости, а если мне придётся со всем этим столкнуться, то я этого не вынесу и никогда не смогу быть счастливым».

6. Вера в неизбежность страданий (обвинения других людей и обстоятельств):

«В трудных жизненных обстоятельствах я должен расстраиваться, страдать и трактовать происходящее как ужас и катастрофу, поскольку причиной моих страданий являются эти неблагоприятные события, а я не могу контролировать свои эмоции и поведение».

7. Вера в полезность беспокойства (беспокойство как стратегия «предотвращения» катастроф):

«Если что-то является или может быть опасным, я должен постоянно беспокоиться об этом, воображая худшие варианты развития событий, и тогда дела обернутся лучше».

8. Обвинения прошлого (вера во влияние «травм» прошлого на текущие проблемы):

«Мои текущие эмоции и действия определяются плохими событиями моего прошлого, которые продолжают постоянно оказывать тотальное влияние на мою жизнь».

9. Избегание ответственности (избегание рисков, трудностей и решения проблем):

«Я не должен рисковать и брать на себя ответственность (и должен избегать трудных жизненных ситуаций и решения проблем), а иначе не смогу быть счастливым и жить полноценно».

10. Необходимость идеального решения:

«Для любой проблемы должно существовать идеальное, правильное решение, которое я должен обнаружить как можно быстрее, а если мне не удастся его найти, это ужасно».

11. Необходимость быстрого поощрения:

«Я должен получать немедленное поощрение за любые свои старания, а если этого не происходит, я должен чувствовать себя несчастным».

12. Выученная беспомощность:

«Я полностью завишу от окружающих и без их помощи не справлюсь и не смогу сам управлять своей жизнью».

Шаг 5. Для каждого иррационального верования **(B)** определяются **два-три ключевых контраргумента (D)** (аргументы против иррациональных верований, сформулированные в ходе терапевтических сессий).

Шаг 6. Для каждого иррационального верования **(B)** указываются сформулированные (в результате диспутирования **(D)**) **рациональные утверждения (новая эффективная философия) (E).**

Шаг 7. Выявив характерные для клиента проблемные сферы жизни **(abs-A),** в которых у него чаще всего активируются иррациональные верования **(B),** порождающие дисфункциональные реакции **(C)** в конкретных активирующих событиях **(A),** а также определив типичные для клиента когнитивно-поведенческие паттерны («схемы»), отражающие общие темы его иррациональных верований **(B),** крайне важно сформулировать присущие клиенту **абстрактные иррациональные верования (abs-B),** лежащие в основе его конкретных верований **(B),** выписанных в данной форме РЭПТ-концептуализации.

Шаг 8. Выявив ряд абстрактных иррациональных верований **(abs-B),** которые являются когнитивным фундаментом конкретных верований **(B),** создающих дисфункциональные реакции клиента **(C)** в конкретных активирующих событиях **(A),** следуетсформулировать (совместно с клиентом) и зафиксировать **абстрактные рациональные утверждения (новую эффективную философию) (abs- E)** для каждого абстрактного иррационального верования **(abs-B)** (эту философию клиент сможет применять во множестве ситуаций).

Шаг 9. На данном этапеобобщаются и фиксируются **жизненные цели (G)** клиентаи (при желании) лежащие в их основе **ценности (G),** которые клиент хотел бы реализовать в ближайшем и/или отдалённом будущем.

Шаг 10. Заключительным этапом составления РЭПТ-концептуализацииявляетсяразработка **поведенческих экспериментов (F),** с помощью которых клиент сможет закреплять конкретные и абстрактные рациональные утверждения (новую эффективную философию) **(E)** на практике, что позволит с большей вероятностью реализовать значимые цели и ценности **(G)**.

Пример составления РЭПТ-концептуализации

Активирующие события (A)	**Иррациональные верования (B)**	**Сфера жизни (abs-A)**	**«Схема»**	**Ключевые контраргументы (D)**	**Раци утв**
Брат сказал, что я не умею общаться с девушками	Брат ***не должен*** так говорить, а раз он так сказал, значит так и есть, и это означает, что ***я полный неудачник***	личные и семейные отношения	требования от других	**1.** Нет никакого закона, запрещающего брату озвучивать своё мнение. **2.** Даже если у меня есть трудности с общением с девушками, это не значит, что я целиком как человек – неудачник.	Мне хоте бра не г это что дол гов
Готовлюсь к экзамену по социологии	Я ***должен*** сдать этот экзамен на «отлично», а если я не сдам его, это будет ужасно и будет значить, что ***я недоразумение***	учёба, образование и саморазвитие	зависимость от достижений	**1.** Из того, что я хочу сдать экзамен, никак не следует, что я должен его сдать, тем более на «отлично». **2.** Сколько же «недоразумений» в нашем институте! Группа «полных ничтожеств»!	Я х сда экза и по гото нич зап его
Почувствовал боль в области груди	У меня ***не должно*** быть болей в груди, а раз они возникли, это значит, что я чем-то болен, а это просто ***невыносимо***	собственное здоровье	требования от мира	**1.** Откуда я узнал, что не должен болеть? А может быть, я ещё должен жить вечно? **2.** Даже если у	Я бы не эти это что дол

				меня есть заболевание, это не значит, что я не вынесу его, т.е. перестану жить и не смогу вылечиться	и к я и
Абстрактные иррациональные верования (abs-B)	Значимые люди ***должны*** меня одобрять, а если они меня критикуют, значит ***со мной что-то не так***		**Абстрактные рациональные утверждения (abs-E)**	Мне бы хотело значимые для всегда и во в одобряли, но это что так и должно если эти лю, критикуют, это им что-то не нр что я что-то сде но это не дел ничтожеств неполноце	
Цели и ценности (G)	1) получить хорошее образование; 2) завести личные отношения; 3) привести в порядок физическую форму		**Поведенческие эксперименты (F)**	1) Регулярно брату, что имен нравится высказываниях, отмалчиваться 2) Уделять по экзаменам чуть меньше вре	

Генерализация новой эффективной философии

Каждый раз выявляя у себя новые иррациональные верования **(B),** проявляющиеся в конкретных активирующих событиях **(A)** и приводящие к разным дисфункциональным эмоциям и неадаптивным действиям **(C),** клиент может замечать общие темы (когнитивно-поведенческие паттерны («схемы)) в своих иррациональных верованиях **(B)** и применять уже сформулированные им контраргументы **(D)** и рациональные утверждения (конкретные и абстрактные) **(E)** как «когнитивное противоядие» для этих иррациональных верований **(B)** и создаваемых ими дисфункциональных реакций **(C).** Например, выявив у себя конкретное иррациональное верование **(B),** проявившееся в контексте конкретного активирующего события **(A)** *(«Я должен добиться расположения своей начальницы»),* клиент может обнаружить его схожесть с другим конкретным верованием **(B)** из другой триггерной ситуации **(A)** *(«Я должен понравиться этой девушке»),* а также выявить когнитивно-поведенческий паттерн («схему») – *зависимость от одобрения,* и использовать контраргументы **(D)** и рациональные утверждения **(E)** (выработанные для прежнего верования **(B)**) в отношении текущего иррационального верования **(B).**

Иными словами, при обнаружении одного или нескольких иррациональных верований **(B),** которые часто активируются в различных ситуациях **(A)** и имеют общую тематику (например, зависимость от достижений), клиент может выявить лежащее в основе этих верований **(B)** более абстрактное (базовое) верование **(abs-B)** с целью его

оспаривания и формулирования абстрактного рационального утверждения **(abs-E),** которое он сможет использовать в более широком диапазоне активирующих событий **(A),** тем самым распространяя новую эффективную философию **(abs-E)** на множество ситуаций **(A).** При этом важно не просто заметить эти общие абстрактные иррациональные верования **(abs-B)** и когнитивно-поведенческие паттерны («схемы»), но и осознать, *как* они создают более конкретные (специфичные) иррациональные верования **(B),** которые ведут к дисфункциональным эмоциональным и поведенческим реакциям **(C)** в контексте конкретных активирующих событий **(A).** Без изменения абстрактных иррациональных верований **(abs-B)** (прежде всего, за счёт оспаривания **(D)** произрастающих из них конкретных иррациональных верований **(B)**), первые **(abs-B)** будут продолжать вызывать эмоциональный стресс и поведенческие нарушения **(C)** во множестве разных ситуаций **(A).**

Формулируя абстрактные рациональные утверждения (новую эффективную философию) **(abs-E),** клиенту важно прояснить для себя, каким образом изменится его жизнь **(F+G),** если он будет регулярно использовать эти новые мировоззренческие позиции **(abs-E)** и действовать в соответствии с ними **(F).** В этом отношении А. Эллис и У. Драйден призывают клиентов и их терапевтов «увидеть связи между проблемами, особенно теми, которые характеризуются общими дисфункциональными взглядами», и постоянно применять навыки, которые были эффективно применены «при решении проблемы №1 и которые можно было бы использовать для решения проблемы №2» [6, с. 118]. В дальнейшем клиент сможет лучше обнаруживать и оспаривать не только конкретные иррациональные верования **(B),** являющиеся источником его дисфункциональных эмоций и неадаптивного поведения **(C)** в конкретных ситуациях **(A),** но и выявлять и изменять абстрактные иррациональные верования **(abs-B),** лежащие в основе конкретных верований **(B),** а также использовать абстрактные рациональные утверждения (новую эффективную философию) **(abs-E)** во множестве различных ситуаций **(A)** и, более того, во множестве разных сфер своей жизни **(abs-A).** Таким образом, глубокое, долгосрочное философское изменение **(D)** иррациональных верований **(B)** осуществляется и на **частном уровне,** когда клиент оспаривает **(D)** конкретные иррациональные верования **(B)** в конкретной ситуации **(A),** и на **общем уровне,** когда клиент обобщает и включает сформулированные рациональные утверждения **(E)** в систему нового гибкого отношения **(abs-E)** к жизненным событиям в целом **(abs-A)**.

Заключение

Таким образом, представленная в настоящем исследовании РЭПТ-концептуализация и пошаговый алгоритм её составления, который терапевт и клиент могут совместно реализовать на определённом этапе терапии, восполняют определённый пробел, наличествовавший в методологии осуществления рационально-эмоционально-поведенческой терапии. Действительно, если в рамках когнитивной терапии А. Бека концептуализация, представляющая собой, выражаясь словами Д.В. Ковпака, «вершину диагностики», активно применяется когнитивными терапевтами, то РЭПТ-терапевты ориентированы, главным образом, на концептуализацию конкретной эмоциональной и/или поведенческой проблемы клиента. Сессия за сессией продвигаясь в решении проблем клиента посредством выявления и оспаривания конкретных иррациональных верований, выступающих источником дисфункциональных реакций клиента, РЭПТ-терапевты, несмотря на элегантный и философский подход к решению клиентских трудностей, рискуют упустить из виду комплексную картину внутренней реальности клиента.

С целью дезавуирования этого риска практикующие специалисты в области рационально-эмоционально-поведенческой терапии могут опираться на разработанную авторами РЭПТ-концептуализацию, позволяющую выходить на более абстрактный уровень понимания проблем клиента и их взаимосвязей, но при этом сохранять свойственный рационально-эмоционально-поведенческой терапии активный, директивный и проблемно-ориентированный стиль. Таким образом, формулирование РЭПТ-концептуализации способствует обнаружению за конкретными активирующими событиями **(A)** общих проблемных сфер жизни клиента **(abs-A),** за конкретными иррациональными верованиями **(B)** – абстрактныхиррациональныхверований **(abs-B)** икогнитивно-поведенческих паттернов **(«схем»),** являющихся фундаментом различных неразумных представлений клиента, которые он использует во множестве ситуаций, превращая последние в «стрессовые». В то же время РЭПТ-концептуализация выполняет и терапевтическую функцию, позволяя систематизировать ключевые контраргументы **(D),** являющиеся, по выражению Е.А. Ромек, «мощным психологическим орудием», а также сформулировать абстрактные рациональные утверждения и новую эффективную философию жизни **(abs-E),** увеличивающую вероятность реализации значимых для человека целей и ценностей **(G) .** Такой комплексный подход, задействующий как частный (конкретный), так и общий (абстрактный) уровень эмоциональных и поведенческих проблем клиента, способствует не только ситуативному *ощущению улучшений,* но и долгосрочным *действительным изменениям* – глубинным трансформациям мышления, эмоционирования, чувствования и поведения во многих сферах жизни.

Библиография

1. Эллис, А., Макларен, К. Рационально-эмоциональная поведенческая терапия. Ростов н/Д.: Феникс, 2008. 157 с.
2. Ромек, Е.А. Логика эмоций // Аналитика культурологии. 2010. № 1 (16). С. 281-285.
3. Диджузеппе, Р., Дойл, К., Драйден, У., Бакс, У. Рационально-эмотивно-поведенческая терапия. СПб.: Питер, 2021. 480 с.
4. Качай, И.С., Федоренко П.А. Отличительные особенности подходов рационально-эмоционально-поведенческой терапии А. Эллиса и когнитивной терапии А. Бека в клинической практике и психотерапии эмоциональных расстройств // Психология и Психотехника. 2023. № 4. С. 118-136. doi: 10.7256/2454-0722.2023.4.69064.
5. Федоренко, П.А., Качай, И.С. Метод «от симптома к личности» // IX Международный Форум Ассоциации Когнитивно-Поведенческой Психотерапии CBTFORUM. СПб.: Лема, 2023. С. 309-335.
6. Эллис, А., Драйден, У. Практика рационально-эмоциональной поведенческой терапии. СПб.: Изд-во «Речь», 2002. 352 с.
7. Лазарус, А. Краткосрочная мультимодальная психотерапия. Практическое руководство. М.: Издатель Базенков И.Л. 2022. 214 с.
8. Драйден, У., Нинан, М. Рационально-эмотивно-поведенческая терапия. 100 ключевых особенностей. СПб.: ООО «Диалектика», 2023. 320 с.
9. Джоши, А., Пхадке, К. Рационально-эмотивно-поведенческая терапия. – Х.: Изд-во «Гуманитарный центр», 2021. 300 с.
10. Бек, Дж. Когнитивно-поведенческая терапия. От основ к направлениям. СПб.: Питер, 2018. 416 с.
11. Муртазин, А.И., Ковпак, Д.В. Работа с позитивными убеждениями и использование концептуализации сильных сторон в когнитивно-поведенческой терапии // IX

Международный Форум Ассоциации Когнитивно-Поведенческой Психотерапии CBTFORUM. СПб.: Лема, 2023. С. 237-246.

12. Качай, И.С., Федоренко, П.А. Когнитивно-поведенческая терапия. Практическое пособие для специалистов. Екатеринбург: Издательские решения, 2023. 800 с.
13. Уолтман, С., Кодд, Р., Макфарр, Л., Мур, Б. Сократовские вопросы в психотерапии и консультировании. СПб.: Питер, 2023. 320 с.
14. Оверхолзер Дж. Метод Сократа в психотерапии. СПб.: ООО «Диалектика», 2021. 304 с.
15. Холлон, С. Формулировка случая в стандартной когнитивной терапии // Формулировка случая в КПТ как терапевтический процесс / ред.: Дж. Руджеро, Г. Казелли, С. Сассароли. Киев: «Диалектика». 2022. 450 с.
16. Бек, А., Фримен, А. Когнитивная психотерапия расстройств личности. СПб.: Питер, 2017. 448 с.
17. Crum, Ja. E. A Clinical Strategy to Strengthen the Connection Between Cognition, Emotion, and Behavior: From Philosophical Principles to Psychotherapy Practice // Journal of Rational-Emotive & Cognitive-Behavior Therapy. 2019. Vol. 37. No. 3. Pp. 241-250. doi 10.1007/s10942-018-0308-4.
18. Heidenreich, T., Noyon, A., Worrell, M., Menzies, R. Existential Approaches and Cognitive Behavior Therapy: Challenges and Potential // International Journal of Cognitive Therapy. 2021. Vol. 14. No. 1. Pp. 209-234. doi 10.1007/s41811-020-00096-1.
19. Bartucz, M.B., David, D.O. Irrational beliefs at country level functioning: A cross-cultural extension of the cognitive-behavioral model // Journal of Evidence-Based Psychotherapies. 2019. Vol. 19. No. 1. Pp. 1-26. doi 10.24193/jebp.2019.1.1.
20. Alfonsson, S., Karvelas, G., Linde, J., Beckman, M. A new short version of the Cognitive Therapy Scale Revised (CTSR-4): preliminary psychometric evaluation // BMC Psychology. 2022. Vol. 10. No. 1. Pp. 1-7. doi 10.1186/s40359-022-00730-x.
21. Blackwell, S.E., Heidenreich, T. Cognitive Behavior Therapy at the Crossroads // International Journal of Cognitive Therapy. 2021. Vol. 14. No. 1. Pp. 1-22. doi 10.1007/s41811-021-00104-y.
22. Fishman, J., Yang, C., Mandell, D. Attitude theory and measurement in implementation science: a secondary review of empirical studies and opportunities for advancement // Implementation Science. 2021. Vol. 16. No. 1. Pp. 1-10. doi 10.1186/s13012-021-01153-9.
23. Feinstein, R.E. Descriptions and Reflections on the Cognitive Apprenticeship Model of Psychotherapy Training & Supervision // Journal of Contemporary Psychotherapy. 2021. Vol. 51. No. 2. Pp. 155-164. doi 10.1007/s10879-020-09480-6.
24. Sassaroli, S., Caselli, G., Mansueto, G. Validating the Diathesis-Stress Model Based Case Conceptualization Procedure in Cognitive Behavioral Therapies: The LIBET (Life Themes and Semi-Adaptive Plans – Implications of Biased Beliefs, Elicitation and Treatment) Procedure // Journal of Rational-Emotive & Cognitive-Behavior Therapy. 2022. Vol. 40. No. 3. Pp. 527-565. doi 10.1007/s10942-021-00421-3.
25. Бэкс, В. REBT – прочное основание для формулировки случая с помощью постоянной, имплицитной и гипотетико-дедуктивной формы сбора данных в полностью открытых, коллаборативных и равных отношениях с клиентом // Формулировка случая в КПТ как терапевтический процесс / ред.: Дж. Руджеро, Г. Казелли, С. Сассароли. Киев: «Диалектика». 2022. 450 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.
Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться здесь.

Данный текст представляет собой материал реферата, в котором автор повествует о концептуализации в рационально-эмоционально-поведенческой терапии А. Эллиса. Хотя заявленная тема автором не актуализирована, тем не менее можно только согласиться, что наиболее фундаментальными и разработанными направлениями когнитивно-поведенческой психотерапии являются когнитивная терапия А. Бека и рационально-эмоционально-поведенческая терапия А. Эллиса. В обоих подходах, как отмечается, можно выделить диагностический и терапевтический этапы работы с клиентом.
Следует отметить, что в представленном тексте отсутствуют формулировки цели исследования, его предмета, научной новизны и методов. Но при этом достаточно емко показана теория вопроса. Автор последовательно излагает взгляды различных авторов на подходы к рационально-эмоционально-поведенческой терапии. В частности, показана АВС-модель формирования реакций и отмечается, что согласно предложенной основателем рационально-эмоционально-поведенческой терапии А. Эллисом АВС-модели формирования дисфункциональных реакций, именно иррациональное верование предстаёт главной причиной конкретной нездоровой негативной эмоции и конкретного дисфункционального поведения человека в контексте того или иного активирующего события.
Детализируются сведения о функциональных и дисфункциональных реакциях. Если функциональные эмоциональные и поведенческие следствия являются результатом взаимодействия активирующего события и рациональных представлений человека об этом нежелательном событии, то дисфункциональные эмоциональные и поведенческие следствия вытекают из взаимодействия активирующего события и иррациональных верований субъекта по поводу той или иной триггерной ситуации К дисфункциональным (нездоровым, избыточным, невротическим) эмоциям представители рационально-эмоционально-поведенческой терапии относят тревогу, гнев, обиду, подавленность, вину, стыд, дисфункциональную ревность и дисфункциональную зависть, в то время как функциональными (здоровыми, уместными, оправданными) аналогами этих эмоций выступают, соответственно, волнение, раздражение, досада, грусть, раскаяние, сожаление, функциональная ревность и функциональная зависть. В свою очередь, к функциональным (адаптивным, конструктивным) поведенческим реакциям можно отнести, например, такие, как решение проблем, активный образ жизни, открытое высказывание эмоций и желаний, разумное стремление к удовольствиям, уверенное поведение, поддержка себя и других людей и т.д.), в то время как дисфункциональными (неадаптивными, проблемными) моделями поведения предстают, например, гиперконтроль, перфекционизм, конформность, агрессия, зависимость от алкоголя, компульсивное переедание, прокрастинация, пассивность, поиск заверений, фобические избегания и т.п.
Имеется в виду, что человек самостоятельно создаёт эмоциональные и поведенческие барьеры. То есть, можно отметить, что автор приводит интересные данные теоретического характера, но для чего это делается, непонятно. Дело в том, что стиль изложения текста реферативный и поэтому данный материал можно использовать в качестве методического материала для подготовки лекции по рационально-эмоционально-поведенческой терапии. Но и для этой цели текст целесообразно существенно дорабатывать, так в нем излишне детализированы многочисленные обороты. Например, совсем непонятно, для чего автор в скобках указывает какие-то

буквенные обозначения. Для чего это? Стиль изложения текста тяжелый для восприятия.

Кроме того, складывается впечатление, что весь текст не адаптирован для отечественной психотерапевтической культуры. Он непонятен самим психотерапевтам и нуждается в соответствующей доработке. Текс необходимо сделать понятным. Автор ссылается на исходные позиции А. Эллиса, смысл которых в том, чтобы психотерапевт сформировал идеологию долженствования, которая предполагает когнитивные последствия. Этот тезис сам по себе нуждается в пояснении для практикующих психотерапевтов. По мнению автора, когнитивная концептуализация позволяет как терапевту, так и клиенту осознавать причины текущих дисфункциональных реакций последнего, а также идентифицировать ключевые когниции и модели поведения, нуждающиеся в изменении прежде всего. С этим можно только согласиться.

Исходя из понимания необходимости в некоторых случаях формулировать проблему вместо формулировки клиентского случая, автор верно ориентирует контекст когнитивной терапии. Отмечается, что если в когнитивной терапии А. Бека клиентская концептуализация имеет высокую степень теоретической и практической разработанности и даже некоторые её модификации, то в контексте рационально-эмоционально-поведенческой терапии А. Эллиса, также являющейся одним из направлений когнитивно-поведенческой психотерапии, на настоящий момент концептуализация отсутствует. В данном тексте представлен алгоритм, который автор приводит в качестве методологического фундамента для приводящихся двенадцати распространённых когнитивно-поведенческих паттернов («схем»), которыми являются, соответственно, двенадцать типичных иррациональных верований, которые были выявлены А. Эллисом в 1956 г. Все это очень интересно и имеет прямое отношение к психотерапевтической практике. Выводов нет. Но в заключении отмечается, что представленная РЭПТ-концептуализация и пошаговый алгоритм её составления, который терапевт и клиент могут совместно реализовать на определённом этапе терапии, восполняют определённый пробел, наличествовавший в методологии осуществления рационально-эмоционально-поведенческой терапии. С целью дезавуирования этого риска практикующие специалисты в области рационально-эмоционально-поведенческой терапии могут опираться на РЭПТ-концептуализацию, позволяющую выходить на более абстрактный уровень понимания проблем клиента и их взаимосвязей, но при этом сохранять свойственный рационально-эмоционально-поведенческой терапии активный, директивный и проблемно-ориентированный стиль.

То есть, обращает внимание, что автор определяют РЭПТ-концептуализацию в качестве научной новизны. Но доказательств по тексту этому нет, поскольку алгоритм представлен в качестве не результата исследования, а в качестве рекомендации. Библиографический список состоит из источников по заявленной тематике. В связи с тем, что данный текст является рефератом и в нем отсутствуют все необходимые для научной статьи структурные элементы, рекомендовать его к опубликованию в научном журнале не представляется возможным.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться здесь.

Предметом исследования в представленной статье является алгоритм составления концептуализации в рационально-эмоционально-поведенческой терапии А. Эллиса.

В качестве методологии предметной области исследования в данной статье были использованы теоретические методы, такие как дескриптивный метод, категориализация, анализ, а в качестве основного методологического фундамента исследования стали двенадцать типичных иррациональных идей (установок), выявленных Альбертом Эллисом.

Актуальность статьи не вызывает сомнения, так как наиболее фундаментальными и разработанными направлениями когнитивно-поведенческой психотерапии являются когнитивная терапия А. Бека и рационально-эмоционально-поведенческая терапия А. Эллиса. В обоих подходах можно выделить диагностический и терапевтический этапы работы с клиентом. Именно в рационально-эмоционально-поведенческой терапии диагностическим инструментом является модель ABC, отражающая генез неадаптивных реакций, в то время как продолжение этой формулы –DEFG – иллюстрирует терапевтические интервенции для преодоления этих дисфункциональных реакций.

Научная новизна исследования заключается в демонстрации и описании пошагового алгоритма составления «когнитивной карты» клиента путём поэтапного заполнения формы РЭПТ-концептуализации, для формирования которой необходимы, как минимум, три примера активирующих событий из использующегося в РЭПТ-подходе дневника психологического здоровья ABCDEFG.

Статья изложена языком научного стиля с очень грамотным использованием в тексте исследования описания различных позиций к изучаемой проблеме и применением научной терминологии.

Структура выдержана с учетом основных требований, предъявляемых к написанию научных статей, в структуре данного исследования выделяются следующие структурные элементы: введение, основная часть, заключение и библиографию.

Содержание статьи отражает ее структуру. Особенно ценным в содержании статьи следует отметить наглядную демонстрацию в табличной форме примера составления РЭПТ-концептуализации, где достаточно подробно и доступно продемонстрированы ее составляющие, а именно, активирующие события, иррациональные установки, сфера жизни, «схема», ключевые контраргументы, рациональные утверждения, абстрактные иррациональные установки, абстрактные рациональные утверждения, поведенческие эксперименты, цели и ценности.

Библиография содержит 25 источников, включающих в себя как отечественные, так и зарубежные периодические и непериодические издания.

В статье приводится описание различных позиций и точек зрения известных ученых, характеризующих наиболее фундаментальные и разработанные направления когнитивно-поведенческой психотерапии, а также содержится апелляция к различным научным трудам и источникам, посвященных этой тематике, которая входит в круг научных интересов отечественных и зарубежных исследователей, занимающихся указанной проблематикой.

В представленном исследовании содержатся краткие выводы, касающиеся предметной области исследования, а именно, акцент сделан на то, что формулирование РЭПТ-концептуализации способствует обнаружению за конкретными активирующими событиями общих проблемных сфер жизни клиента, за конкретными иррациональными установками – абстрактных иррациональных идей и когнитивно-поведенческих паттернов («схем»), являющихся фундаментом различных неразумных представлений клиента, которые он использует во множестве ситуаций, превращая последние в «стрессовые».

Материалы данного исследования рассчитаны на ограниченный круг читательской аудитории, они могут быть интересны и использованы, в первую очередь, практикующими психологами и психотерапевтами, а также, учеными в научных целях, педагогическими работниками в образовательном процессе.

В качестве недостатков данного исследования следует отметить, то, что в статье не были четко определены и выделены ее структурные элементы, которые, без сомнения четко прослеживаются в ее содержании, такие, как актуальность, научная новизна, методология исследования, выводы, однако, отдельно они не выделены соответствующими заголовками. Также необходимо обратить внимание на то, что в тексте встречаются опечатки и технические ошибки, а оформление таблицы в тексте не соответствует требованиям ГОСТ. Указанные недостатки не снижают практическую значимость самой статьи, а относятся в большей степени к ее оформлению. Статья рекомендуется к опубликованию.

Психология и Психотехника
Правильная ссылка на статью:
Яровая Н.П. — Характеристики зрительного восприятия лица пациентов и формирование "насмотренности" в процесс обучения врачей косметологов // Психология и Психотехника. – 2024. – № 1. DOI: "не активен" EDN: MHYJZS URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69654

Характеристики зрительного восприятия лица пациентов и формирование "насмотренности" в процесс обучения врачей косметологов

Яровая Наталья Павловна

ORCID: 0000-0001-7256-1550

аспирант, кафедра общей и клинической психологии, ПСПбГМУ им акад ИП Павлова

196105, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Яковлевский, 7-1

dr.yarovaya@gmail.com

Статья из рубрики "Профессиональная психология"

DOI:

"не активен"

EDN:

MHYJZS

Дата направления статьи в редакцию:

21-01-2024

Дата публикации:

28-01-2024

Аннотация: Введение. Профессиональный опыт помогает специалистам более быстро и эффективно обрабатывать информацию и принимать точные решения. Насмотренность, как важная составляющая опыта, представляет собой способность быстро воспринимать визуальную информацию в рамках определенной деятельности благодаря систематическому обучению, профессиональному развитию и практике. Многие исследования используют метод айтрекинга для анализа связи между профессиональным опытом и глазодвигательной активностью. Например, у опытных врачей сформированы оптимальные схемы сканирования, что позволяет эффективно распределять внимание и быстро и точно выделять ключевые диагностические признаки на изображениях среди множества второстепенных деталей. Целью данной работы

является анализ изменений в глазодвигательных паттернах (при восприятии проблемных зон лица пациентов) после прохождения авторской программы обучения врачей-косметологов, направленной на разносторонний эстетический анализ лица, построение индивидуальных протоколов терапии в эстетической медицине. Исследование позволит оценить возможности формирования насмотренности у врачей в условиях кратковременного обучения. Методы. В исследовании приняли участие 30 врачей-косметологов. Для его проведения был использован метод айтрекинга с применением программно-аппаратного комплекса «Нейробюро» (Регистрационное свидетельство на ПО или БД, № 2019661736. Регистрация в государственном реестре программ для ЭВМ Российской Федерации «09» июня 2020 г. №6677). Исследование проводилось в два этапа: перед началом и после окончания обучения врачей. Как на этапе до обучения, так и на этапе после обучения, врачам-косметологам на экране компьютера предъявлялись 15 лиц пациенток с различными дерматологическими проблемами. Перед участниками стояла задача обнаружить признаки дерматологических изъянов у пациенток. Результаты. После прохождения программы обучения у врачей-косметологов сократилось число зрительных фиксаций при разглядывании лица пациенток, увеличилась амплитуда саккад, сократилась общая длина пути сканирования. Все это указывает на более оптимизированную стратегию восприятия и позволяет сделать вывод о более целостном и направленном подходе врача к анализу диагностического изображения. Полученные результаты позволяют судить о том, что в процессе обучения у врачей повысилась такая важная характеристика восприятия, как целостность.

Ключевые слова:

айтрекинг, движения глаз, зрительное восприятие, насмотренность, эстетическая медицина, врач дерматолог-косметолог, профессиональный опыт, специалист, отслеживание движений глаз, косметолог

Введение

Профессиональный опыт включает в себя накопленные знания и навыки, приобретенные в ходе обучения и дальнейшей работы в конкретной профессиональной сфере. Этот опыт позволяет специалистам быстрее и эффективнее обрабатывать информацию и принимать более точные решения [5].

Одной из составляющих профессионального опыта является насмотренность. Насмотренность - это способность быстро и точно воспринимать визуальную информацию в рамках определенной области профессиональной деятельности, а также результат систематического обучения, профессионального развития и долгосрочной практики [6,14].

Кроме способности быстро выделять значимую информацию из визуального потока, важными характеристиками насмотренности являются [7, 14]:

1. **Точность.** Насмотренность включает в себя способность делать точные и надежные выводы на основе визуальных данных.

2 . **Выявление паттернов**. Насмотренность помогает специалистам обнаруживать визуальные паттерны, связи и тренды, которые могли бы остаться незамеченными менее опытными наблюдателями.

3. **Способность к дифференциации**. Благодаря насмотренности профессионалы не только выделяют различные элементы в сложных визуальных сценах, но и определяют, как они взаимодействуют друг с другом.

4. **Стратегический подход.** Насмотренность включает в себя различные стратегии для эффективного анализа визуальных данных. С их помощью специалист быстро определяет на каких деталях сосредоточить внимание в первую очередь и какие шаги предпринимать для получения необходимой информации.

5. **Адаптация к контексту**. Насмотренность помогает адаптироваться к различным контекстам и условиям, с совершенно разной визуальной информацией.

6. **Способность к самооценке**. Насмотренность включает процессы анализа и оценки собственных процессов восприятия и принятия решений, что приводит к снижению риска ошибок.

Оценка насмотренности является сложной задачей, поскольку она зависит от множества факторов и должна быть адаптирована к конкретной профессиональной области и целям исследования [5]. Тем не менее, существуют различные методы и инструменты, которые могут быть использованы для измерения уровня насмотренности в профессиональной деятельности, например:

1. **Оценка через задачи и сценарии**. Подразумевает предоставление специалистам различных задач, сценариев и визуальных материалов, а затем оценку их способности правильно и быстро выделять ключевую информацию.

2. **Экспертная оценка**. Эксперты в конкретной области могут проводить оценку насмотренности участников, наблюдая их работу и способность анализа визуальной информации.

3. **Тесты и анкеты**. Могут быть разработаны профессиональные тесты и анкеты, направленные на оценку способности к анализу визуальной информации.

4. **Отслеживание движений глаз (айтрекинг)**. Объективный метод исследования зрительного восприятия человека, который позволяет выявить, на что и в какой последовательности обращалось внимание специалиста при анализе изображения или видео [8].

Большая часть исследовательских работ использует метод айтрекинга для анализа взаимосвязи профессионального опыта и характеристик глазодвигательной активности [2,11,15]. Например, в своей предыдущей работе мы показали, что у опытных врачей сформированы оптимальные схемы сканирования, что позволяет эффективно распределять внимание и быстро и точно выделять ключевые диагностические признаки на изображениях среди множества второстепенных деталей [1].

Для опытных врачей-косметологов, постановка диагноза может быть в какой-то степени бессознательным процессом, основанным на автоматическом распознавании визуальных образов, что предполагает быстрое соотнесение клинической картины со знаниями, хранящимися в долговременной памяти. Благодаря своей насмотренности, они разрабатывают более эффективные стратегии поиска, которые позволяют им быстрее направлять внимание на диагностически значимые области изображения. Такие специалисты способны воспринимать изображение пациента целиком, что позволяет им более эффективно направлять свое внимание на диагностически значимые признаки,

сокращая общую длину сканирования изображения, по сравнению с молодыми специалистами. Таким образом, можно сделать вывод, что опытные врачи обладают эффективным визуальным поиском, что связано с их насмотренностью и опытом.

Задачей данной работы является анализ изменений в глазодвигательных паттернах после прохождения авторской программы обучения врачей-косметологов, направленной на разностороннюю эстетическую аналитику лица, построение индивидуальных протоколов терапии в эстетической медицине. Также исследование ставило своей задачей оценку возможности формирования насмотренности посредством специализированного обучения врачей.

Методы исследования

В исследовании приняли участие 30 врачей-косметологов с опытом работы от 0 до 24 лет, средний опыт работы составил 9,1±7,5 лет. Средний возраст участников составил 33,4±7,8 года; среди них 2 мужчин и 28 женщин.

Исследование проводилось в два этапа. Как на этапе до обучения, так и на этапе после обучения, врачам-косметологам на экране компьютера предъявлялись 15 лиц пациенток с различными косметологическими и дерматологическими проблемами. Стимулы отбирались в случайном порядке из базы фотографий, сделанных автором данной работы в ходе предыдущего исследования [1].

Перед участниками исследования стояла задача обнаружить признаки дерматологических и косметологических проблем у пациенток. В ходе этого производилась регистрация движений глаз при помощи программно-аппаратного комплекса «Нейробюро» [3].

Обработка координат положения взора осуществлялась при помощи алгоритма семейства I-VT (the Velocity-Threshold Identification), который заключается в классификации движений глаз на основе определения порога скорости саккад [9]. Используемый порог скорости составил 70°/с. Для повышения точности получаемых данных применялись следующие фильтры: заполнение пропусков, выбор источника данных, подавление шума, объединение смежных фиксаций, удаление коротких фиксаций. Данная обработка проводилась при помощи программного обеспечения «Нейробюро».

Дальнейшая статистическая обработка производилась в программном обеспечении Statistica с использованием описательных статистик, критерия Шапиро-Уилка и Т-критерия Уилкоксона.

Результаты исследования

В ходе данного исследования мы проанализировали такие характеристики фиксаций взгляда, как: общее число зрительных фиксаций, продолжительность первой фиксации, средняя продолжительность фиксаций. Также мы оценили такой параметр зрительных саккад, как средняя амплитуда. Дополнительно анализировались два интегративных показателя, а именно: общее время просмотра и общая длина пути зрительного сканирования. В таблице 1 отображены средние показатели и стандартные отклонения этих параметров.

Согласно критерию Шапиро-Уилка распределение отличается от нормального. Для сравнения параметров глазодвигательной активности до и после обучения

использовался непараметрический критерий, а именно Т-критерий Уилкоксона.

Таблица 1. Значения параметров глазодвигательной активности до и после обучения

	до прохождения программы		после прохождения программы	
	среднее	ст.откл.	среднее	ст.откл.
Общее время просмотра (с)	16,047	7,931	12,189	3,600
Продолжительность первой фиксации (с)	0,260	0,102	0,280	0,096
Средняя продолжительность фиксаций (с)	0,327	0,146	0,340	0,148
Общее число фиксаций	55,035	29,251	41,510	18,203
Средняя амплитуда саккад (угл.гр)	1,290	0,210	1,927	0,362
Общая длина пути сканирования (угл.гр.)	88,846	38,924	70,860	29,285

На рисунках 1-5 представлены box plot для каждого параметра глазодвигательной активности, отображающие среднее значение, верхний и нижний квартили, а также диапазон без выбросов.

Рассмотрим статистически значимые изменения параметров глазодвигательной активности после прохождения обучения. В целом на анализ каждого лица врачам-косметологам стало требоваться меньше времени ($p<0,01$). Это было достигнуто за счет снижения числа зрительных фиксаций ($p<0,005$) и увеличения амплитуды саккад ($p<0,005$) (рис.1,2,3).

Сокращение общей длины пути сканирования ($p<0,01$) позволяет выдвигать предположение о структуризации схемы анализа на основе использования ключевых точек (рис.4). Подобное изменение паттернов глазодвигательной активности наблюдалось при повышении профессионального опыта врачей-косметологов как в нашем предыдущем исследовании [2], так и в исследованиях специалистов из других сфер медицины [11, 15], а также шахматистов [13] и музыкантов [4].

Статистически значимых изменений в средней продолжительности фиксаций не было обнаружено (рис.5).

Рисунок 1. Общее время просмотра стимулов до и после обучения.

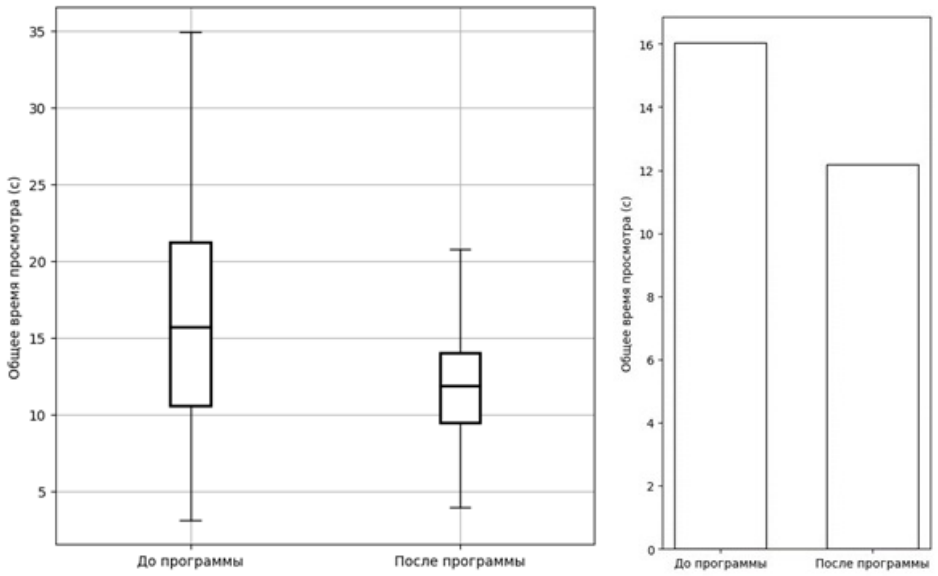


Рисунок 2. Общее число фиксаций на стимулах до и после обучения.

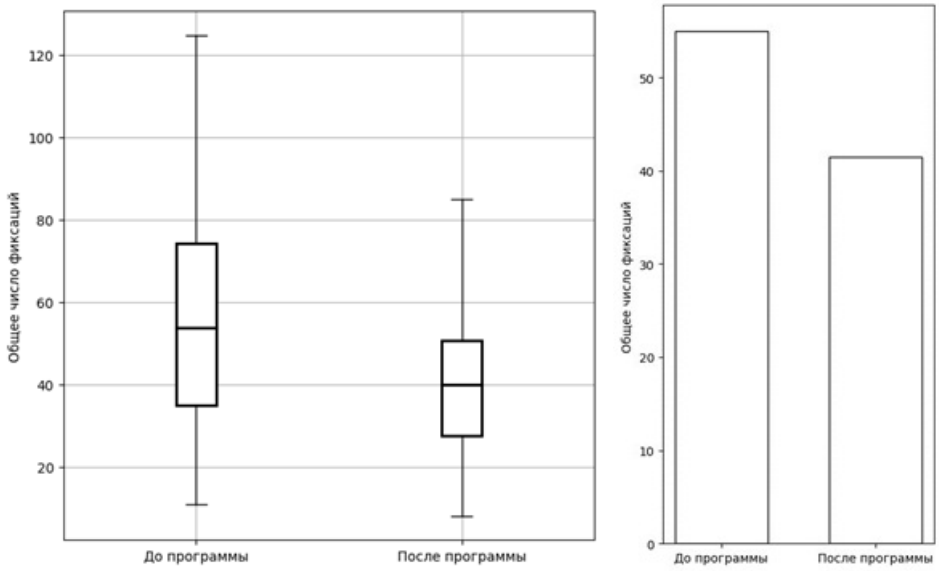


Рисунок 3. Средняя амплитуда саккад на стимулах до и после обучения.

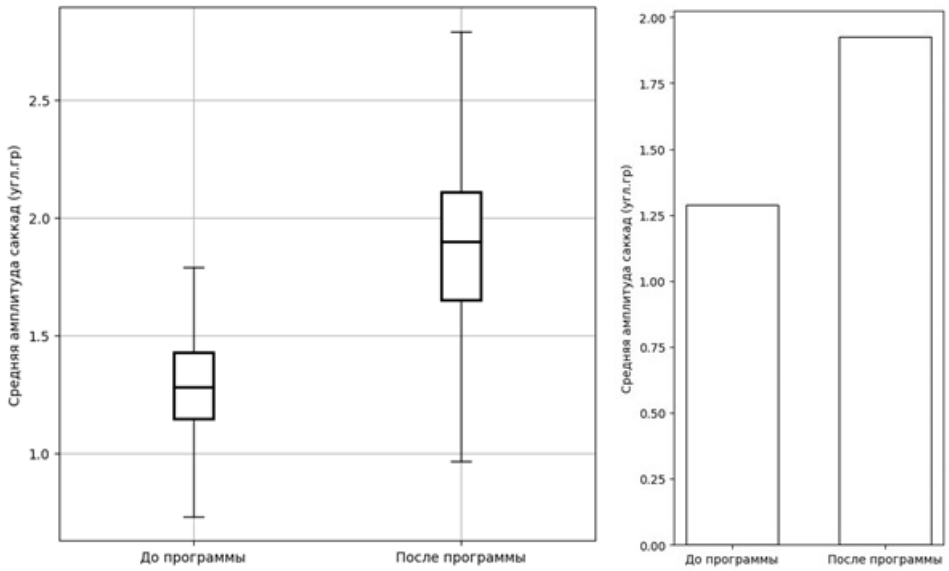


Рисунок 4. Общая длина пути сканирования стимулов до и после обучения.

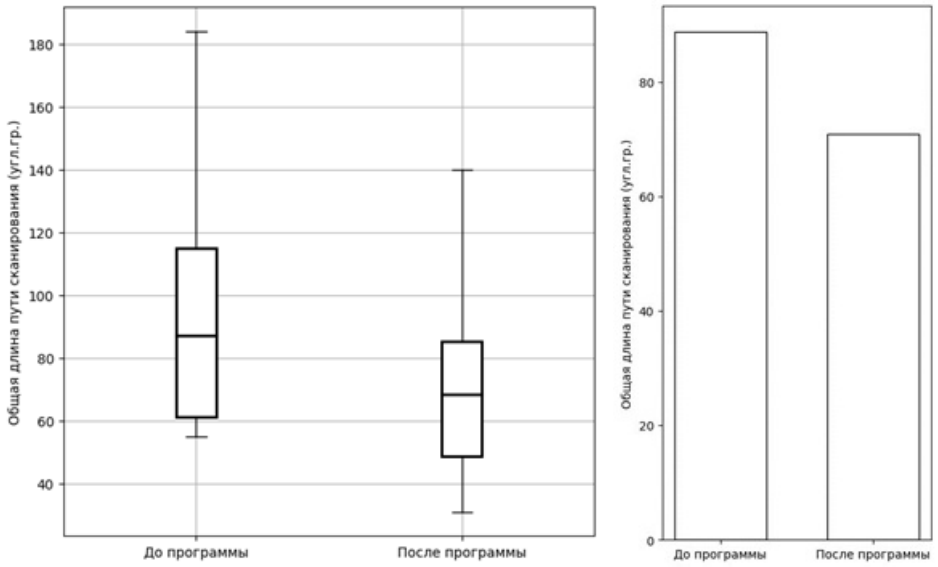
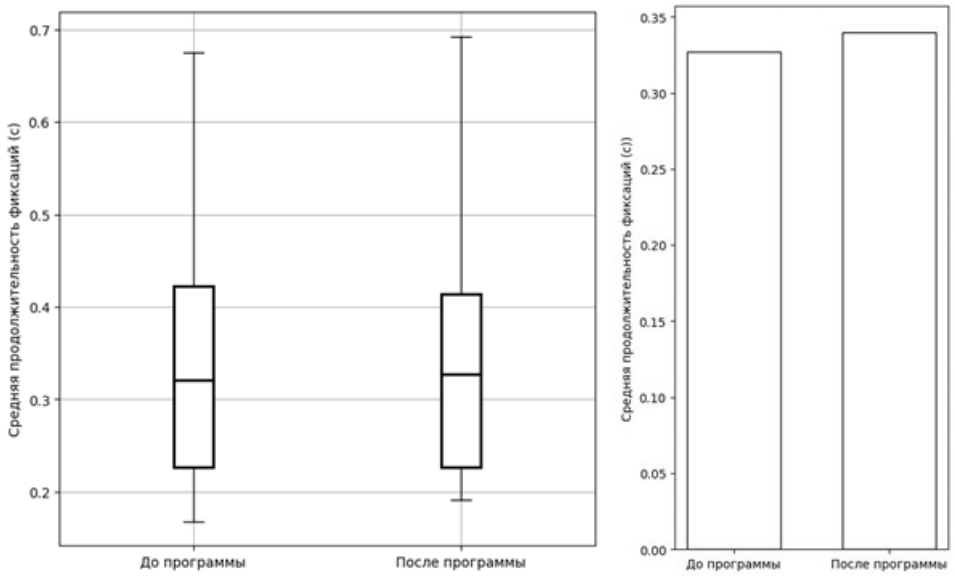
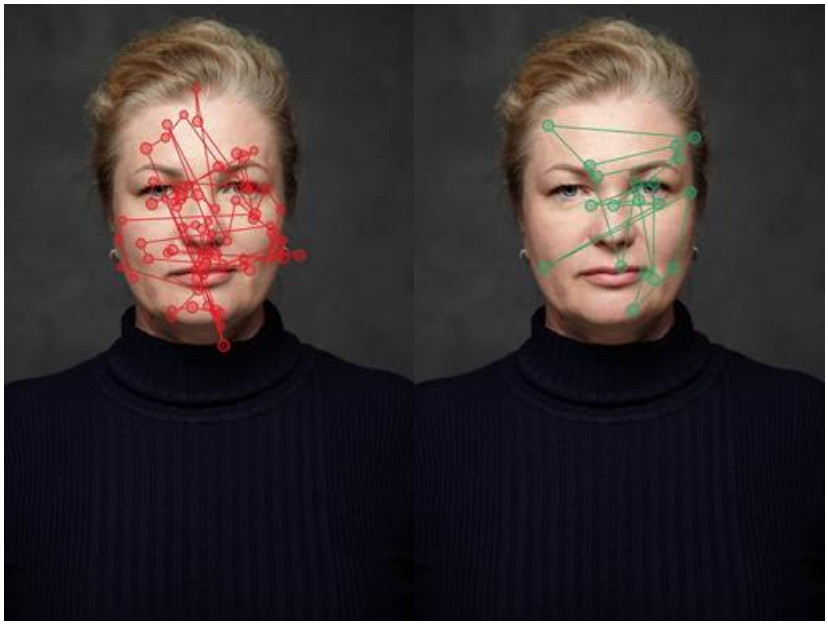


Рисунок 5. Средняя продолжительность фиксаций на стимулах до и после обучения.



На рисунках 6 и 7 представлены карты движения взгляда до и после обучения врачей-косметологов. Можно отметить, что на анализ лица врачам-косметологам стало требоваться меньшее число зрительных фиксаций, а также сократилась общая длина пути сканирования взглядом стимульного изображения.

Рисунок 6 – Путь сканирования стимульного изображения до (а) и после обучения (б)



Обсуждение результатов:

При сравнительном анализе результатов, полученных до и после проведения авторской программы обучения, у врачей-косметологов:

· Сократилось число зрительных фиксаций. Это свидетельствует о том, что они стали более точно и быстро определять важные характеристики на лицах пациенток, игнорируя нерелевантную визуальную информацию.

· Увеличилась амплитуда зрительных саккад, что указывает на более широкие и эффективные движения глаз в процессе анализа. Это позволяет быстрее переключаться между различными областями лица и обнаруживать важные детали. Увеличение амплитуды саккккад может быть особенно полезным при анализе симметрии, что является важным аспектом косметологической диагностики. Увеличение амплитуды саккад также способствует более целостному восприятию лица для дальнейшей детальной диагностики.

· Сократилась общая длина пути сканирования, что также указывает на более оптимизированную стратегию восприятия. Это позволяет сделать вывод о более систематичном и направленном подходе врача к анализу диагностического изображения.

Выводы:

Полученные результаты позволяют судить о том, что в процессе обучения у врачей повысилась такая важная характеристика восприятия, как целостность. Развитие способности к целостному восприятию может помочь специалисту видеть широкий контекст и взаимосвязи между деталями, что может быть полезно при диагностическом анализе и понимании основных функциональных проблем и нарушенных структур [10,12]. Способность видеть лицо как целостный объект, во всей совокупности его проблемных зон, помогает выявлять причинно-следственные соотношения в возникновении косметологических и дерматологических проблем, расставлять приоритеты при выборе стратегии лечения. В свою очередь, целостность и избирательность восприятия являются важными условиями для развития насмотренности у врачей-косметологов, это позволяет специалисту лучше понимать, что именно нужно искать, и какие аспекты важны для определения эффективного лечения.

Таким образом, в ходе профессионального обучения специалисты развивают навыки целостного восприятия, что позволяет им быстрее и эффективнее оценить масштаб и специфику косметологических проблем, лучше понимать жалобы и ожидания пациентов. Это обобщенное знание и понимание становятся основой насмотренности как профессионально важного качества врача-косметолога.

Библиография

1. Восприятие лиц пациентов врачами дерматокосметологами в зависимости от их опыта медицинской практики / Н. П. Яровая, Е. Ю. Шелепин, К. А. Скуратова // Петербургский психологический журнал. – 2021. – № 36. – С. 81-105.
2. Оптический поиск и зрительный навык / К. А. Скуратова, Е. Ю. Шелепин, Н. П. Яровая // Оптический журнал. – 2021. – Т. 88, № 12. – С. 28-35. – DOI 10.17586/1023-5086-2021-88-12-28-35
3. Программные возможности применения метода айтрекинга в исследованиях зрительного восприятия / К. А. Скуратова, Е. Ю. Шелепин, К. Ю. Шелепин // Российский психологический журнал. – 2022. – Т. 19, № 4. – С. 173-185. – DOI 10.21702/rpj.2022.4.12. – EDN TPCFTO.
4. Arthur, P., Khuu, S., & Blom, D. (2016). Music sight-reading expertise, visually disrupted score and eye movements. Journal of Eye Movement Research, 9(7) doi:10.16910/jemr.9.7.1
5. Cain M.S., Adamo S.H., Mitroff S.R. A taxonomy of errors in multiple-target visual search//Visual Cognition, 2013. Vol.21. Pp.899-921. doi: 10.1080/13506285.2013.843627.
6. Cain M.S., Mitroff S.R. Memory for found targets interferes with subsequent performance in multiple-target visual search//Journal of experimental psychology. Human perception and performance, 2013.Vol.39(5).Pp.1398-1408.https://doi.org/10.1037/a0030726
7. Ericsson, K. A., & Charness, N. (1994). Expert performance: Its structure and acquisition. American Psychologist, 49(8), 725-747
8. Holmqvist K., et al. Eye tracking: A comprehensive guide to methods and measures. New York,Oxford University Press, 2011
9. Komogortsev, O. V., Gobert, D. V., Jayarathna, S., Koh, D. H., & Gowda, S. M. (2010). Standardization of automated analyses of oculomotor fixation and saccadic behaviors. IEEE Transactions on Biomedical Engineering, 57(11), 2635-2645. doi:10.1109/TBME.2010.2057429
10. Kümmerer M., Wallis T.S.A., Bethge M. Saliency benchmarking made easy: Separating models, maps and metrics, 2018. doi:10.1007/978-3-030-01270-0_47
11. Lévêque, L., Berg, B. V., Bosmans, H., Cockmartin, L., Keupers, M., Ongeval, C. V., & Liu, H. (2019). A statistical evaluation of eye-tracking data of screening mammography: Effects of expertise and experience on image reading. Signal Processing: Image Communication, 78, 86-93. doi:10.1016/j.image.2019.06.008
12. Navon, D. (1977) Forest before trees: The precedence of global features in visual perception. Cognitive Psychology 9, 353–383. doi:10.1016/0010-0285(77)90012-3
13. Reingold, E. M., & Sheridan, H. (2012). Eye movements and visual expertise in chess and medicine. The oxford handbook of eye movements. doi:10.1093/oxfordhb/9780199539789.013.0029
14. Wolfe, J. M., Alvarez, G. A., Rosenholtz, R., Kuzmova, Y. I., & Sherman, A. M. (2011). Visual search for arbitrary objects in real scenes. Attention, Perception, &

Psychophysics, 73(1), 165-179

15. Wu, W., Hall, A. K., Braund, H., Bell, C. R., & Szulewski, A. (2021). The development of visual expertise in ECG interpretation: An eye-tracking augmented re situ interview approach. Teaching and Learning in Medicine, 33(3), 258-269. doi:10.1080/10401334.2020.1844009

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.
Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться здесь.

Предметом исследования в представленной статье являются характеристики зрительного восприятия лица пациентов и формирование «насмотренности» в процесс обучения врачей косметологов.
В качестве методологии предметной области исследования в данной статье были использованы дескриптивный метод, метод категориализации, метод анализа, а также в ходе исследования производилась регистрация движений глаз при помощи программно-аппаратного комплекса «Нейробюро» в процессе обозревания испытуемыми отобранных в случайном порядке фотографий лиц. Обработка координат положения взора осуществлялась при помощи алгоритма семейства I-VT (the Velocity-Threshold Identification), который заключается в классификации движений глаз на основе определения порога скорости саккад. Статистическая обработка производилась в программном обеспечении Statistica с использованием описательных статистик, критерия Шапиро-Уилка и Т-критерия Уилкоксона.
Актуальность статьи не вызывает сомнения, поскольку профессиональный опыт позволяет специалистам быстрее и эффективнее обрабатывать информацию и принимать более точные решения. Одной из составляющих профессионального опыта является насмотренность. Насмотренность - это способность быстро и точно воспринимать визуальную информацию в рамках определенной области профессиональной деятельности, а также результат систематического обучения, профессионального развития и долгосрочной практики. Особое значение имеют также важнейшие характеристики насмотренности, проявление которых является очень важным аспектом в реализации профессиональной деятельности специалиста. Оценка насмотренности является сложной задачей, поскольку она зависит от множества факторов и должна быть адаптирована к конкретной профессиональной области и целям исследования. Существуют различные методы и инструменты, которые могут быть использованы для измерения уровня насмотренности в профессиональной деятельности.
Научная новизна исследования заключается в анализе изменений в глазодвигательных паттернах после прохождения авторской программы обучения врачей-косметологов, направленной на разностороннюю эстетическую аналитику лица, построение индивидуальных протоколов терапии в эстетической медицине, а также в оценке возможности формирования насмотренности посредством специализированного обучения врачей.
Статья изложена языком научного стиля с грамотным использованием в тексте исследования изложения различных подходов к изучаемой проблеме и применением научной терминологии и дефиниций.
Структура выдержана с учетом основных требований, предъявляемых к написанию научных статей, структура данного исследования включает в себя введение, методы исследования, результаты исследования, обсуждение результатов, выводы и

библиографию.
Содержание статьи отражает ее структуру. Особенно ценным в содержании исследования следует отметить, проведенный авторский анализ таких характеристик фиксаций взгляда, как общее число зрительных фиксаций, продолжительность первой фиксации, средняя продолжительность фиксаций, а также оценка такого параметра зрительных саккад, как средняя амплитуда. Дополнительно анализировались два интегративных показателя, а именно, общее время просмотра и общая длина пути зрительного сканирования.

Библиография содержит 15 источников, включающих в себя преимущественно зарубежные, а также отечественные периодические и непериодические издания.
В статье приводится описание различных позиций и точек зрения известных ученых, характеризующих подходы и различные аспекты зрительного восприятия и насмотренности в профессиональной деятельности, а также содержится апелляция к различным научным трудам и источникам, посвященных этой тематике, которая входит в круг научных интересов исследователей, занимающихся указанной проблематикой.
В представленном исследовании содержатся краткие выводы, касающиеся предметной области исследования. В частности, отмечается, что в процессе обучения у врачей повысилась такая важная характеристика восприятия, как целостность. Развитие способности к целостному восприятию может помочь специалисту видеть широкий контекст и взаимосвязи между деталями, что может быть полезно при диагностическом анализе и понимании основных функциональных проблем и нарушенных структур. Способность видеть лицо как целостный объект, во всей совокупности его проблемных зон, помогает выявлять причинно-следственные соотношения в возникновении косметологических и дерматологических проблем, расставлять приоритеты при выборе стратегии лечения. В свою очередь, целостность и избирательность восприятия являются важными условиями для развития насмотренности у врачей-косметологов, это позволяет специалисту лучше понимать, что именно нужно искать, и какие аспекты важны для определения эффективного лечения. Таким образом, в ходе профессионального обучения специалисты развивают навыки целостного восприятия, что позволяет им быстрее и эффективнее оценить масштаб и специфику косметологических проблем, лучше понимать жалобы и ожидания пациентов. Это обобщенное знание и понимание становятся основой насмотренности как профессионально важного качества врача-косметолога.

Материалы данного исследования рассчитаны на широкий круг читательской аудитории, они могут быть интересны и использованы учеными в научных целях, педагогическими работниками в образовательном процессе, руководителями и администрацией медицинских центров, специализирующихся в области эстетической медицины, учебными центрами, занимающимися развитием и обучением медицинских работников, врачами-косметологами, экспертам и аналитиками.

В качестве недостатков данного исследования следует отметить, то, что в статье приводятся таблицы и рисунки, однако при их оформлении необходимо обратить внимание на требование действующего ГОСТа. В тексте встречается упоминание рисунков 6 и 7, но по факту приведен только рисунок 6, состоящий из двух частей, обозначенных как «а» и «б». Указанные недостатки не снижают высокой научной и практической значимости самого исследования, а, скорее относятся к оформлению текста статьи. Статью рекомендуется опубликовать.

Психология и Психотехника
Правильная ссылка на статью:
Мордас Е.С., Демидова А.М. Отношения с матерью и удовлетворенность материнством у женщин среднего возраста // Психология и Психотехника. 2024. № 1. DOI: 10.7256/2454-0722.2024.1.39756 EDN: HDXFJW URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39756

Отношения с матерью и удовлетворенность материнством у женщин среднего возраста

Мордас Екатерина Сергеевна

кандидат психологических наук

доцент, Московский институт психоанализа

121170, Россия, г. Москва, Кутузовский проспект, 34, стр. 14

morkaty@yandex.ru

Демидова Александра Михайловна

магистр психологии, психолог-консультант, Частная психологическая практика.

121170, Россия, г. Москва, ул. Кутузовский Проспект, 34, стр. 14

sivillia@gmail.com

Статья из рубрики "Внутренний мир человека"

DOI:

10.7256/2454-0722.2024.1.39756

EDN:

HDXFJW

Дата направления статьи в редакцию:

08-02-2023

Дата публикации:

27-02-2024

Аннотация: Объект исследования: взаимосвязь отношения женщин к матери и удовлетворенности собственным материнством. Новизна исследования состоит в том, что получены эмпирические данные, показывающие как характер отношений с матерью, тип привязанности и стиль сепарации от матери взаимосвязаны с удовлетворенностью

женщиной своим материнством. Настоящее исследование было сфокусировано на поиске взаимосвязей характера текущих отношений уже взрослой женщины со своей матерью и степени удовлетворенности женщины своим родительством. Была изучена взаимосвязь между текущим уровнем удовлетворенности женщины своим материнством и ее эмоционально-оценочным отношением к матери, достигнутой степени психологической сепарации от нее и сформированным характером привязанности во взрослых отношениях с матерью. Основные выводы исследования: 1. В отношении стиля привязанности к матери: более высокая удовлетворенность материнством характерна для женщин с более низким уровнем избегания и беспокойства в отношениях с матерью. 2. В отношении уровня сепарации от матери: более высокой удовлетворенности материнством соответствует более высокая конфликтная независимость, но более низкая аттитюдная. 3. Исследование характера эмоционально-оценочного восприятия женщиной своей матери показало, что наиболее низкая удовлетворенность материнством отмечено только среди женщин с негативным отношением к своей матери, и не характерна для тех, чье отношение к матери более положительно.

Ключевые слова:

материнство, удовлетворенность, привязанность, сепарация, отношения мать-дочь, зависимость, идентификация, конфликт, трансгенерационная передача, амбивалентность

В современных психологических исследованиях материнство рассматривается как стадия половозрастной и личностной идентификации женщины. История развития женщины, социально-культурные факторы способствуют формированию отношения к материнству. Отмечается, что материнство есть стадия развития и весь предыдущий опыт развития и отношений женщины способствует или не способствует возможности стать матерью [6]. Винникотт Д. считает, что способность женщины «быть достаточно хорошей матерью» развивается, прежде всего, на базе ее опыта взаимодействия со своей матерью, и лишь затем в играх и прочем взаимодействии с маленькими детьми в детстве, а также в процессе собственной беременности и материнства [2].

Характер материнско-дочерних отношений влияет на формирование отношения взрослой дочери к своему ребенку, к интерпретации своей материнской роли, а также к восприятию материнства в целом [1; 3, 4, 6, 8, 9, 11].

Пайнз Д. подчеркивает особое значение в индивидуальном онтогенезе материнства периода младенчества как первичной стадии формирования Эго, когда мать являет собой воспитывающее окружение для ребенка. Физический и эмоциональный контакт с матерью интроецируется девочкой, включая чувство обоюдного телесного удовлетворения и благополучия. Отсутствие ощущения удовлетворения на этом этапе оставляет невосполнимый базальный пробел, который может навсегда отразиться на образе собственного Я женщины, с ощущением самой себя как не приносящей удовлетворения ни себе ни другим, даже если взрослый опыт расходится с этим образом. В подростковом возрасте отношение матери девочки к себе и своему партнеру влияет на отделение-индивидуацию дочери. Здесь удовлетворенность матери своим телом и отношениями с мужем предоставляет девочке объект для идентификации и интернализации, а значит делает возможным для нее построение удовлетворяющих отношений в будущем [5]. Савина Е.А. выделяет несколько групп факторов,

определяющих родительское отношение у женщин. Помимо социокультурных, мотивационно-потребностных и личностных особенностей матери и ребенка, значительная роль отводится попыткам компенсации в родительстве нынешней матерью собственного негативного детского опыта. Более того, бессознательно копируя образцы поведения старших в родительской семье, женщина ассоциирует себя со своей матерью и затем воспроизводит ее модели отношений внутри собственной семьи [7].

Филиппова Г.Г. выделяет взаимодействие женщины с собственной матерью как важнейший, первый и самый длительный этап формирования материнской потребностно-мотивационной сферы. Данный этап охватывает практически всю жизнь женщины, начиная с внутриутробного периода, и оказывает влияние на ее материнскую сферу до конца жизни. Качество взаимоотношений дочери-матери определяется привязанностью, стилем эмоционального контакта, эмоциональным сопровождением матери на всех этапах взросления дочери. Отмечается, что в этом процессе большое значение имеет удовлетворенность самой матери своим материнством [10].

Захарова Е.И. отмечает, что в период ожидания и рождения ребенка особенно возрастает потребность женщины в актуализации отношений со своей матерью [3]. Характер этих отношений во многом определяет, насколько сложным для женщины окажется освоение материнства. Позитивное отношение к собственной матери и безопасный тип привязанности позволяет дочери принять полученный от взаимодействия с ней опыт в качестве образца для выстраивания своей модели материнства. Такое отношение вселяет в дочь уверенность в своих силах, уменьшает склонность к стрессу и депрессии на пути освоения своего материнства. Напротив же, конфликтность отношений, незавершенная сепарация и небезопасный тип привязанности могут стать препятствием на пути освоения материнской роли и становления материнской идентичности. Исследования показывают, что непрочная привязанность имеет тенденцию передаваться по материнско-дочерней линии в семье (трансгенерационные передачи материнских конфликтов, привязанности).

Результаты исследования Uddenberg, N. указывают на то, что женщины могут усваивать от своих матерей неадекватные паттерны репродуктивной адаптации, и таким образом трудности передаются от родителей к потомству [11].

Связь между отношениями с матерью и последующим девиантным материнством прослеживают Брутман В.И., Варга А.Я. и Хамитова И.Ю.[1]. Исследование авторов показало, что причины девиантного материнского поведения и отказа от ребенка лежат в том, что роженицы отвергались собственными матерями. Это порождает эмоциональную зависимость от матери, и не позволяет женщине пройти через нормальные этапы: сначала идентификации, а затем эмоциональной сепарации с матерью, что необходимо для освоения материнской роли и формирования оптимального отношения к материнству.

Так, стиль привязанности, эмоциональные отношения мать-дочь воспроизводятся в трансгенерационной передаче, включая стиль эмоционального сопровождения, ценность ребенка и ценность материнства, формируя похожие паттерны удовлетворенности материнством у дочерей.

Результаты исследованя

В исследовании приняли участие 52 женщины в возрасте 29-55 лет, имеющие от 1 до 3 несовершеннолетних детей. Социально-демографические характеристики исследуемых: 77% испытуемых матерей состоят в браке, 23% не в отношениях; 98% участниц имеют

высшее образование; все участницы указали благосостояние как среднее и выше. В семье родителей: 79% участниц воспитывались в полной семье; сиблинговый статус: 50% испытуемых были старшей сестрой в семье, 17% единственной дочерью, 33% младшим ребенком. 12% испытуемых в настоящее время проживают совместно с матерью. Анализ выявил однородность выборки по показателям образования, материального статуса и социального положения участниц.

Методики исследования:

1 Анкета с социо-биографическими данными

2 Опросник удовлетворенности материнством (Захарова Е.И. и Калачева Н.Ю.)

3 Опросник привязанности к близким людям (Сабельникова Н.В.)

4 Опросник психологической сепарации (Дзукаева В.П. и Садовникова Т.Ю., адаптация опросника Хоффмана Д.А. - Psychological Separation Inventory, PSI)

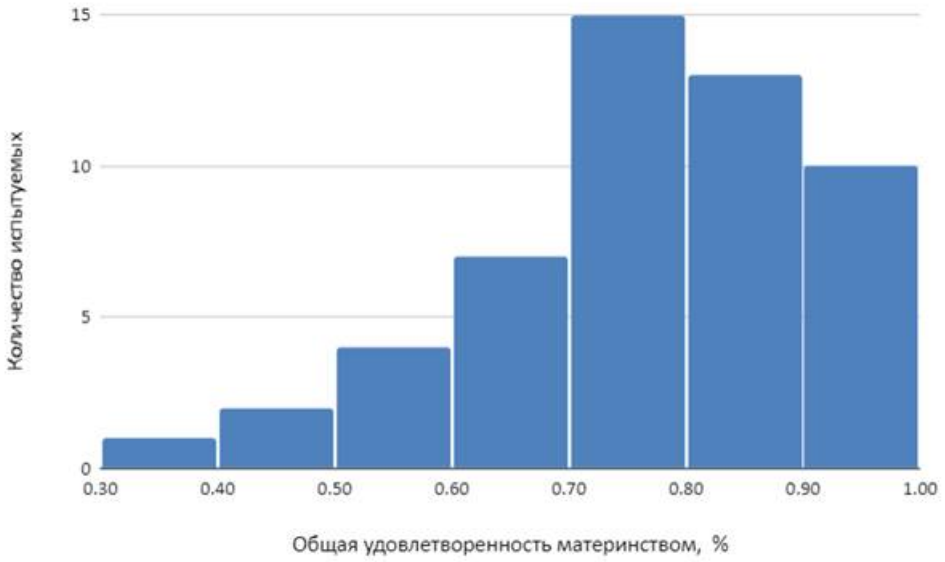
5 Проективная методика «Незаконченные предложения» (модифицированный тест Сакса Д.М. и Леви С. - Sacks Sentence Completion test, SSCT)

6 Проективная методика «Цветовой тест отношений» (Эткинд А.М.)

Для выявления статистически значимых корреляций между показателями удовлетворенности материнством, привязанности и психологической сепарации использовался коэффициент корреляции *r*-Пирсона; проверка нормальности распределения данных по разным шкалам производилась с помощью критерия Колмогорова-Смирнова. Расчет статистических показателей проводился с использованием статистического пакета IBM SPSS Statistics, версия 21.

В ходе эмпирического исследования была произведена диагностика отношения к собственному материнству у женщин среднего возраста с помощью комбинации трех методов: опросника «Удовлетворенность материнством» Е.И. Захаровой, проективной методики «Незаконченные предложения» и проективной методики «Цветовой тест отношений (ЦТО)».

В результате применения опросника Е.И. Захаровой были получены данные о степени удовлетворенности испытуемых своим материнством. График распределения испытуемых по степени удовлетворенности своим материнством представлен на рис.1.



Комментарий: шкала удовлетворенности материнством представлена в долях целого, где 1.00 = 100%

Рис.1. Распределение испытуемых по степени удовлетворенности материнством

Чтобы оценить вероятность того, что наша выборка принадлежит генеральной совокупности с нормальным распределением, был применен критерий нормальности Колмогорова-Смирнова. Расчетная вероятность Asymptotic Sig. (2-tailed) = 0,838 > 0,05, что позволило сделать вывод о приблизительном соответствии полученного нами распределения нормальному.

Полученные результаты опроса в отношении общей удовлетворенности материнством были систематизированы и сгруппированы для выделения трех уровней удовлетворенности: низкий уровень (удовлетворенность ниже 50%), средний уровень (от 50% до 75%) и высокий уровень (удовлетворенность свыше 75%). Анализ данных показал, что согласно опросной методике, отражающей вербализованное и осознаваемое отношение женщин к различным аспектам материнства, большинство испытуемых демонстрируют высокие (54%) и средние (40%) показатели удовлетворенности материнством, и лишь малая часть (6%) демонстрирует низкую удовлетворенность.

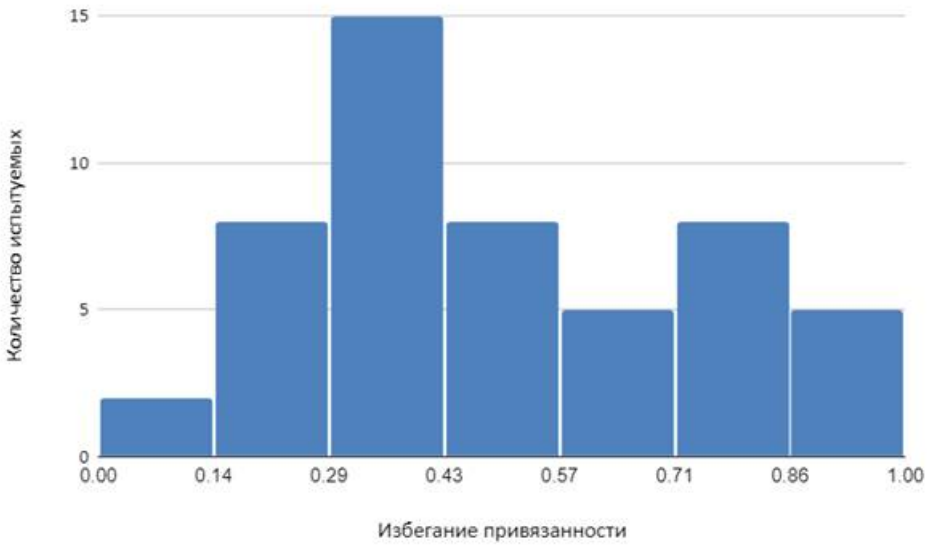
Исследование удовлетворенности материнством с помощью проективных методик позволило уточнить не только осознаваемые, но и неосознаваемые установки женщин в отношении своего материнства. Был проведен качественный анализ результатов, полученных в результате методики «Незаконченные предложения» и теста «Цветовой тест отношений». По итогам интерпретации вербальных оценок и цветовых ассоциаций были выведены формализованные показатели (в баллах), отражающие подсознательные ощущения женщин в сфере удовлетворенности своим материнством. Классификация результатов сравнительного анализа этих показателей позволила вывести три стиля отношения к собственному материнству: позитивное, негативное и амбивалентное отношение. Когда результаты обоих методов демонстрировали положительную либо отрицательную оценку, подтверждалось соответствующее *позитивное* или *негативное* отношение женщины к своему материнству. В тех случаях, когда анализ выявлял противоположное отношение по результатам вербализованного и невербального методов оценки, диагностировалось *амбивалентное* отношение женщины к своему материнству.

Анализ результатов исследования по стилям отношения к собственному материнству, выявленных с помощью проективных методик показал, что стабильно позитивное восприятие своего материнства у только 62% испытуемых, 21% демонстрирует амбивалентное отношение (у них выявлено диаметрально противоположное восприятие по результатам вербальных и невербальных методик), и у остальных 17% диагностировано негативное отношение.

Оценка данных о привязанности. В результате применения опросника привязанности Сабельниковой Н.В. [38] были получены данные об индивидуальных уровнях избегания и беспокойства испытуемых в отношениях привязанности с матерью. Полученный уровень выраженности показателей по шкалам избегания и беспокойства позволил распределить участниц по четырем стилям привязанности в соответствии с двухфакторной моделью индивидуальных различий привязанности взрослых: надежный, избегающе-отвергающий (отстраненный), тревожно-озабоченный (зависимый) и избегающе-опасающийся.

Анализ результатов показывает, что чуть более половины испытуемых женщин (54%) демонстрируют надежный стиль привязанности, характеризующийся низким уровнем избегания и низким уровнем беспокойства во взрослых отношениях с матерью. Второй по численности оказалась группа женщин с отстраненным стилем привязанности (38%); он также называется избегающе-отвергающим, поскольку выражается в высоких показателях избегания при низком беспокойстве в отношениях. Равно малочисленными (по 4% каждый) оказались стили привязанности тревожно-озабоченный (или зависимый: высокое беспокойство при низком избегании отношений) и избегающе-опасающийся (высокие беспокойство и избегание отношений).

Далее был проведен анализ результатов, полученных отдельно по каждой из шкал: избегания и беспокойства в отношениях привязанности. График частотного распределения данных по шкале Избегания привязанности отображен на рис. 2.



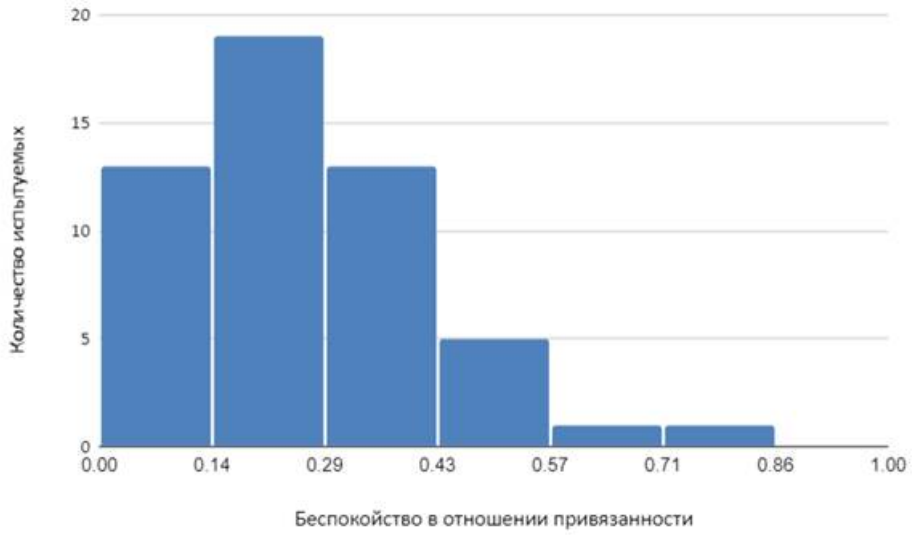
Комментарии: Шкала Избегание привязанности представлена в долях целого, где 1.00 = 100%.

Рис. 2. Распределение испытуемых по степени избегания привязанности с матерью

Применение критерия нормальности Колмогорова-Смирнова для шкалы Избегания привязанности показало, что Asymptotic Sig. (2-tailed) = 0,432 > 0,05. Таким образом, распределение по шкале Избегания существенно не отличается от нормального.

Аналогично, применение критерия нормальности Колмогорова-Смирнова для шкалы Беспокойства в отношениях привязанности показало, что Asymptotic Sig. (2-tailed) = 0,514 > 0,05, то есть распределение по шкале Беспокойства существенно не отличается

от нормального распределения. График частотного распределения данных по шкале Беспокойства в отношении привязанности отображен на рис. 3.



Комментарий: Шкала Беспокойство в отношении привязанности представлена в долях целого, где 1.00 = 100%.

Рис. 3.

Распределение испытуемых по степени беспокойства в отношениях привязанности с матерью

Для оценки возможной взаимосвязи между удовлетворенностью материнством (согласно данным опросника) и уровнем избегания и беспокойства в отношениях привязанности, прежде всего, были построены корреляционные графики двумерного рассеяния. Визуальный анализ диаграмм рассеяния на рис. 4 и рис. 5 выявил нисходящие линии тренда на каждом их них и позволил сделать предположение о наличии отрицательной корреляции в обоих случаях: между удовлетворенностью материнством и уровнем избегания в отношениях привязанности и между удовлетворенностью материнством и уровнем беспокойства в отношениях привязанности.

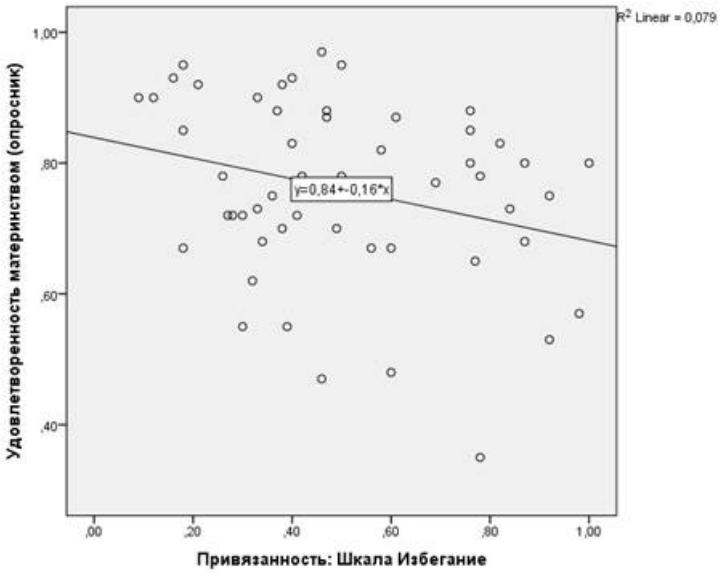


Рис. 4. График рассеяния показателей удовлетворенности материнством и привязанности по шкале избегания

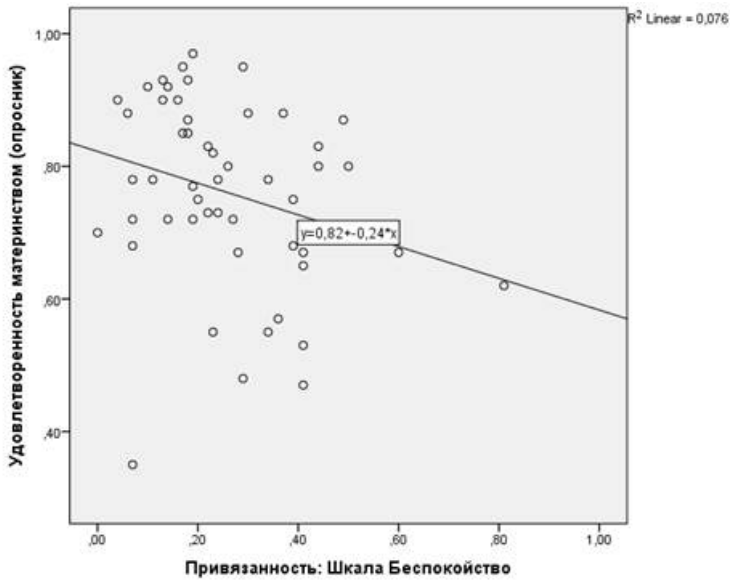


Рис. 5. График рассеяния показателей удовлетворенности материнством и привязанности по шкале беспокойства

Для выявления статистически значимых взаимосвязей произведено вычисление парных корреляций *r*-Пирсона для показателей по трем шкалам: удовлетворенность материнством, привязанность по шкале избегания и привязанность по шкале беспокойства. Условия для применения *r*-Пирсона выполнены, а именно, все три исследуемые шкалы являются интервальными, а также распределение данных существенно не отличается от нормального распределения для всех трех переменных (что было показано выше).

Таблица 2

Коэффициенты парной корреляции Пирсона между удовлетворенностью материнством и шкалами привязанности

		Удовлетворенность материнством (опросник)	Привязанность: Шкала Избегание	Привязанность: Шкала Беспокойство
Удовлетворенность материнством (опросник)	Pearson Correlation	1	-,282*	-,276*
	Sig. (2-tailed)		,043	,047
	N	52	52	52
Привязанность: Шкала Избегание	Pearson Correlation	-,282*	1	,284*
	Sig. (2-tailed)	,043		,041
	N	52	52	52
Привязанность: Шкала Беспокойство	Pearson Correlation	-,276*	,284*	1
	Sig. (2-tailed)	,047	,041	
	N	52	52	52

.

Анализ расчетных данных подтвердил статистически значимую отрицательную корреляцию между удовлетворенностью материнством и шкалой Избегания в отношениях привязанности с коэффициентом корреляции Пирсона r = -0,282; p = 0,043 < 0,05. То есть, более низкий уровень избегания в отношениях привязанности с матерью соответствует более высокому уровню удовлетворенности материнством.

Аналогично, была подтверждена статистически значимая отрицательная корреляция между удовлетворенностью материнством и шкалой Беспокойства в отношениях привязанности с коэффициентом корреляции Пирсона r = -0,276; p = 0,047 < 0,05. То есть, более низкий уровень беспокойства в отношениях привязанности с матерью, соответствует более высокому уровню удовлетворенности материнством.

Оценка данных о психологической сепарации. В результате применения опросника психологической сепарации Д.А. Хоффмана были получены эмпирические данные о психологической независимости женщин от матери по четырем шкалам: функциональная, эмоциональная, конфликтная независимость и независимость отношений (аттитюдная), а также данные об общем уровне психологической сепарации от матери.

Для оценки нормальности распределения для каждой шкалы был применен критерий Колмогорова-Смирнова.

Общая независимость Asymptotic Sig. (2-tailed) = 0,869 > 0,05. Распределение существенно не отличается от нормального.

Отдельно по всем четырем шкалам-компонентам распределение также существенно не отличается от нормального:

- функциональная независимость Asymptotic Sig. (2-tailed) = 0,326 > 0,05

- эмоциональная независимость Asymptotic Sig. (2-tailed) = 0,356 > 0,05

- конфликтная независимость Asymptotic Sig. (2-tailed) = 0,703 > 0,05

- независимость отношений Asymptotic Sig. (2-tailed) = 0,869 > 0,05.

Для выявления статистически значимых взаимосвязей произведено вычисление парных корреляций r-Пирсона между удовлетворенностью материнством и каждой шкалой психологической независимости. Условия для применения r-Пирсона выполнены, все исследуемые шкалы являются интервальными, а также распределение данных существенно не отличается от нормального распределения для всех переменных.

Таблица 3

Коэффициенты парной корреляции Пирсона между удовлетворенностью материнством и шкалами независимости

		Удовлетворенность материнством (опросник)	Функциональная независимость	Эмоциональная независимость	Конфликтная независимость	Независимость отношений	Общая независимость
Удовлетворенность материнством (опросник)	Pearson Correlation	1	-,126	-,217	,338*	-,352*	-,035
	Sig. (2-tailed)		,372	,122	,014	,011	,808
	N	52	52	52	52	52	52
Функциональная независимость	Pearson Correlation	-,126	1	,726**	,167	,517**	,806**
	Sig. (2-tailed)	,372		,000	,238	,000	,000
	N	52	52	52	52	52	52
Эмоциональная независимость	Pearson Correlation	-,217	,726**	1	-,114	,575**	,696**
	Sig. (2-tailed)	,122	,000		,422	,000	,000
	N	52	52	52	52	52	52
Конфликтная независимость	Pearson Correlation	,338*	,167	-,114	1	-,170	,534**
	Sig. (2-tailed)	,014	,238	,422		,227	,000
	N	52	52	52	52	52	52
Независимость отношений	Pearson Correlation	-,352*	,517**	,575**	-,170	1	,606**
	Sig. (2-tailed)	,011	,000	,000	,227		,000
	N	52	52	52	52	52	52
Общая независимость	Pearson Correlation	-,035	,806**	,696**	,534**	,606**	1
	Sig. (2-tailed)	,808	,000	,000	,000	,000	
	N	52	52	52	52	52	52

Анализ корреляционной матрицы выявил статистически значимую положительную корреляцию между Удовлетворенностью материнством и шкалой Конфликтной независимости с коэффициентом корреляции Пирсона r = 0,338; p = 0,014 < 0,05. То есть, более высокий уровень конфликтной независимости женщины в ее отношениях с матерью, свобода от чрезмерных чувств вины, тревоги, недоверия, ответственности, заторможенности, негодования и гнева по отношению к родителям соответствует более высокому уровню удовлетворенности материнством.

Выявлена статистически значимая отрицательная корреляция между

Удовлетворенностью материнством и шкалой независимости Отношений с коэффициентом корреляции Пирсона r = -0,352; p = 0,05. То есть, более низкая независимость отношений, означающая большее согласие женщины со своей матерью в отношении различных аспектов жизни, соответствует более высокому уровню удовлетворенности материнством. Статистически значимых корреляций по другим шкалам независимости не выявлено.

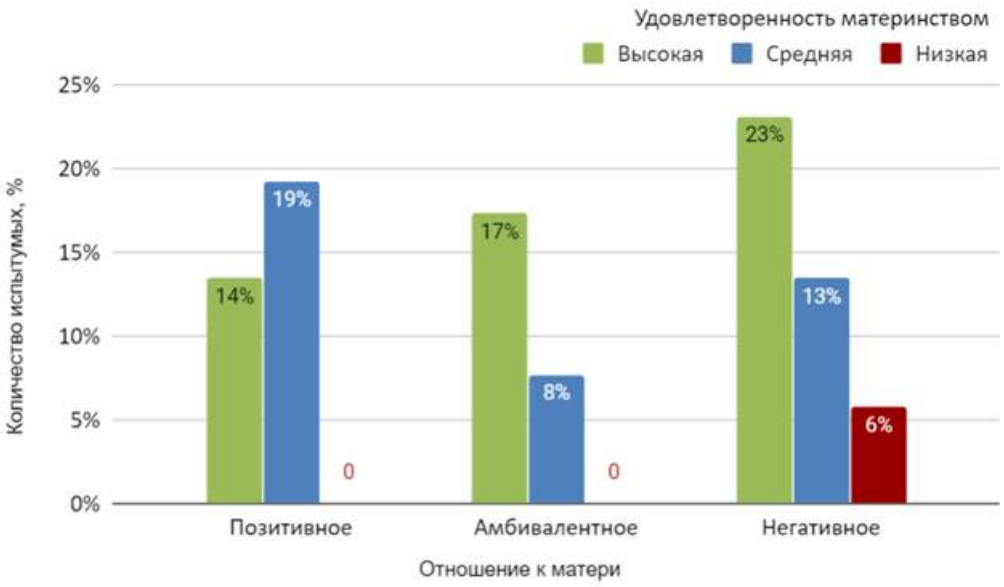
Оценка данных об отношении к матери. Характер отношения женщин к собственной матери исследовался комплексно с помощью двух проективных методик: «Незаконченные предложения» и «Цветовой тест отношений», которые позволили оценить осознаваемые и неосознаваемые установки женщин в отношениях с матерью. По итогам качественного анализа результатов и последующей интерпретации вербальных оценок и цветовых ассоциаций были определены формализованные показатели (в баллах), отражающие комплексное отношение женщин к своей матери. Классификация результатов сравнительного анализа этих показателей позволила вывести три стиля отношения женщин к собственной матери: позитивное, негативное и амбивалентное отношение. Когда результаты обоих методов демонстрировали положительную либо отрицательную оценку, подтверждалось соответствующее позитивное или негативное отношение женщины к своей матери. В тех случаях, когда анализ выявлял противоположное отношение по результатам вербализованного и невербального методов оценки, диагностировалось *амбивалентное* отношение женщины к собственной матери.

Анализ распределения испытуемых по выделенным стилям отношения к матери, полученный в результате комплексной оценки результатов проективных методик показывает, что среди испытуемых наиболее часто выявлено негативное (41%), реже позитивное (33%) и амбивалентное (26%) отношение к матери.

Для выявления возможной взаимосвязи между удовлетворенностью материнством и отношением женщины к собственной матери было исследовано соотношение уровней удовлетворенности материнством, полученных в результате обработки данных опросного метода и стилей отношения к матери полученных с помощью качественного анализа данных проективных методик.

На рис. 6 показано распределение испытуемых с высокой, средней и низкой удовлетворенностью материнством по типам выявленного отношения к своей матери: позитивного, амбивалентного или негативного. Анализ данных, отраженных на рис. 6, показывает, что в группах женщин с высокой и средней степенью удовлетворенности материнством достаточно часто встречаются все виды отношения к матери: как позитивное, так и амбивалентное и негативное. Однако в группе с низкой удовлетворенностью материнством встречается только негативное отношение к матери.

Рис. 6.



Распределение испытуемых с различным уровнем удовлетворенности материнством по стилям отношения к матери

В качестве общей гипотезы нашего исследования мы предположили, что уровень удовлетворенности женщины своим материнством взаимосвязан с характером отношения женщины к собственной матери. Для проверки гипотезы прежде всего были проанализированы полученные данные об уровне удовлетворенности материнством среди участниц выборки. В нашем исследовании для 52 женщин 29-55 лет установлено, что высокий и средний уровень удовлетворенности материнством демонстрируют абсолютное большинство участниц (54% и 40% соответственно, итого 94%), и лишь 6% опрошенных испытывают низкую удовлетворенность своим материнством.

Привязанность к матери. Первой частной гипотезой нашего исследования было предположение, что более высокие показатели удовлетворенности своим материнством характерны для женщин с более надежными взрослыми отношениями привязанности с собственной матерью. Согласно двухфакторной модели индивидуальных различий привязанности взрослых (используемой в примененном нами опроснике Сабельниковой Н.В. [38]), надежная привязанность характеризуется низким уровнем избегания и низким уровнем беспокойства в отношениях. Результаты нашего исследования подтвердили статистически значимую отрицательную корреляцию между удовлетворенностью материнством у женщин и уровнем избегания (r=-0,282; p <0,05) и беспокойства (r = -0,276; p < 0,05) в их отношениях привязанности с матерью. Таким образом, наша частная гипотеза подтвердилась. Более высокий уровень удовлетворенности материнством характерен для женщин, которые демонстрируют надежный стиль привязанности во взрослых отношениях с матерью, то есть испытывают наименьший дискомфорт от психологической близости с ней, а значит меньше избегают контакта, и также в меньшей степени испытывают беспокойство по поводу возможного отвержения своей матерью.

Сепарация от матери. В качестве второй частной гипотезы мы предположили, что степень психологической сепарации взрослой женщины от матери взаимосвязана с уровнем удовлетворения от собственного материнства. Результаты нашего исследования частично подтверждают данную гипотезу. Из четырех шкал-компонентов психологической сепарации статистически значимая корреляция с удовлетворенностью материнством была подтверждена для двух составляющих — для шкалы конфликтной независимости и шкалы независимости отношений (аттитюдной независимости).

Так было найдено, что более высокая конфликтная независимость во взрослых отношениях с матерью, характеризуемая свободой от чрезмерной ответственности, вины, тревоги, недоверия, ответственности, негодования и гнева в отношении матери, чаще встречается у женщин с более высоким уровнем удовлетворенности своим материнством (r = 0,338; p < 0,05). С другой стороны, более высокий уровень аттитюдной независимости, когда у женщины более выражено расхождение взглядов с матерью на различные стороны жизни, встречается у женщин менее довольных своим родительством (r = -0,352; p < 0,05). Оба компонента — конфликтная и аттитюдная независимость — важны для благополучной психологической сепарации взрослых, однако наше исследование показывает, что их корреляция с удовлетворенностью материнством разнонаправленна. Для остальных двух компонентов: эмоциональной (независимости от родительского одобрения или его отсутствия) и функциональной независимости (возможности себя обеспечивать), вопреки нашему предположению, статистически значимая взаимосвязь с удовлетворенностью материнством не подтверждена.

Характер отношений с матерью.В качестве третьей частной гипотезы мы предположили, что низкая степень удовлетворенности своим материнством чаще встречается у женщин, имеющих негативно окрашенные отношения с собственной матерью. Результаты нашего исследования подтверждают данную гипотезу. Анализ данных показывает, что в группе участниц с низкой удовлетворенностью материнством (самой малочисленной, 6% участниц) встречается только негативное отношение к матери, что говорит в пользу нашей гипотезы. Однако необходимо отметить, что среди всей выборки испытуемых в целом также наиболее часто встречалось негативное отношение к матери (41%), и реже позитивное (33%) или амбивалентное (26%). Данные показатели не позволяют с уверенностью говорить о какой-либо значимой закономерности отношения к бабушке ребенка и удовлетворенности собственным материнством у женщин.

Полученный результат настоящего исследования, где у женщин с низкой удовлетворенностью материнством не было выявлено позитивного или амбивалентного отношения к своей матери, а только негативное, заслуживает рассмотрения. Можно предположить, что недовольство своим родительством у таких женщин неким образом связано с недовольством собственной матерью. Таким образом, наша частная гипотеза подтвердилась. Крайне низкая удовлетворенность материнством действительно встречается только в группе женщин с негативным отношением к собственной матери. Однако, гораздо чаще среди участниц встречается средняя и высокая удовлетворенность материнством, как в группе с негативным так и в группах с амбивалентным и позитивным отношением к матери, что не позволяет делать вывод об общей корреляции между эмоциональным отношением к матери и степенью удовлетворенности собственным материнством.

Общая гипотеза. Вернемся к нашей общей гипотезе о наличии взаимосвязи между уровнем удовлетворенности материнством и характером отношений женщины с собственной матерью. В ходе эмпирического исследования мы рассматривали отношения дочери-матери через призму с тремя гранями: существующий стиль привязанности, степень психологической сепарации и эмоционально-оценочное отношение дочери к матери. И по всем трем аспектам были выявлены определенные взаимосвязи с удовлетворенностью материнством.

В частности, было найдено, что женщины с более надежной привязанностью во взрослых отношениях с матерью испытывают большее удовлетворение от собственного материнства. В отношении показателей степени сепарации от матери, более высокая конфликтная и более низкая аттитюдная независимость подтвердили свою корреляцию с

растущей удовлетворенностью материнством. С точки же зрения эмоционально-оценочного отношения женщины к матери, взаимосвязь по всей выборке проследить не удалось, однако у женщин с низкой удовлетворенностью материнством нами выявлен только негативный стиль отношения к своей матери. Таким образом, общая гипотеза в значительной степени подтвердилась, поскольку удовлетворенность женщины от своего материнства с достоверной вероятностью взаимосвязана со стилем ее привязанности к собственной матери и уровнем конфликтной и аттитюдной независимости от матери. Также, наиболее низкая удовлетворенность материнством замечена только среди женщин с негативным отношением к матери, что открывает возможности для более отдельного исследования этой области.

Заключение

Анализ уровня удовлетворенности материнством среди женщин среднего возраста позволил выявить группы исследуемых с высоким, средним и низким уровнем удовлетворенности. Низкую удовлетворенность по результатам опросных методов демонстрирует меньшинство женщин.

Дополнительный анализ отношения женщин к собственному материнству с помощью проективных методик позволил уточнить результаты опросного метода и выявить три стиля отношения: позитивное, амбивалентное и негативное. Выявлено, что женщины гораздо чаще выражают положительное отношение к своему материнству, отвечая на прямой опрос, чем это подтверждается проективными методами, позволяющими учитывать подсознательное отношение.

В отношении стиля привязанности, у женщин с надежным типом привязанности к матери (который характеризуется более низким уровнем избегания отношений и более низким уровнем беспокойства по поводу возможного отвержения своей матерью) выявлен статистически значимо более высокий уровень удовлетворенности своим материнством.

В отношении уровня психологический сепарации, у женщин с высокой конфликтной независимостью во взрослых отношениях с матерью (характеризуемой свободой от чрезмерной ответственности, вины и тревоги за нее) выявлен статистически значимо более высокий уровень удовлетворенности своим материнством. У женщин с низким уровнем аттитюдной независимости от матери (характеризуемым большей схожестью взглядов на различные стороны жизни) также выявлен статистически значимо более высокий уровень удовлетворенности своим материнством.

В отношении эмоционально-оценочного восприятия женщиной своей матери выявлено, что низкая удовлетворенность материнством встречается только у женщин с негативным отношением к собственной матери, и не встречается у женщин с амбивалентным или позитивным отношением. Однако, у женщин с негативным отношением к собственной матери также встречается высокая и средняя удовлетворенность материнством, что не позволяет делать вывод об однозначной корреляции между этими категориями.

Сделанные выводы позволяют заключить, что подтвердилась общая гипотеза исследования — существует взаимосвязь между уровнем удовлетворенности материнством и характером отношений женщины с собственной матерью.

Получили подтверждение и частные гипотезы исследования: 1) у женщин с более надежной привязанностью во взрослых отношениях с матерью наблюдается большая удовлетворенность своим материнством; 2) степень психологической сепарации от матери (по отдельным шкалам) взаимосвязана с уровнем удовлетворенности

собственным материнством; 3) низкая степень удовлетворенности материнством чаще встречается у женщин, имеющих негативное восприятие отношений со своей матерью.

Библиография

1. Брутман В.И., Варга А.Я., Хамитова И.Ю. Влияние семейных факторов на формирование девиантного поведения матери // Психологический журнал. – 2000. – Т. 21. - С. 79–87.
2. Винникотт Д.В. Маленькие дети и их матери [Текст] / Пер. с англ. Н.М. Падалко – М.: Независимая фирма «Класс», 1998. – 80 с.
3. Захарова Е.И. Отношения дочери с матерью как фактор освоения ею собственного материнства // Мир психологии. М: Московский психолого-социальный университет.-2018.-№ 1(93).-С. 134-143.
4. Мещерякова С.Ю. Психологическая готовность к материнству. // Вопросы психологии.-2000.-№ 5.-С. 18-27.
5. Пайнз Д. Бессознательное использование своего тела женщиной [Текст] / СПб.: совместное издание Восточно-Европейского института психоанализа и Б.С.К.-1997.-195 с.
6. Савенышева С.С. Отношение к материнству у современных женщин // Вестник Санкт петербургского университета.-Сер. 12. Вып. 4.-2008.-С. 45-54.
7. Савина Е.А. Детерминанты родительского отношения // Родители и дети: Психология взаимоотношений / Под ред. Е.А. Савиной, Е.О. Смирновой. М.: «Когито-Центр»-2003.-С. 51-65.
8. Садовникова Т.Ю, Карабанова О.А., Бурменская Г.В., Захарова Е.И., Алмазова О.В., Долгих А.Г., Молчанов С.В. Детско-родительские отношения как условие формирования отношения к родительской позиции матери у девушек в период вхождения во взрослость. // Педагогическое образование в России. Педагогическая статистика.-2018.-№ 9.-С. 52-60.
9. Филиппова Г. Г. Психология материнства: Учебное пособие [Текст] / Г.Г. Филиппова.-М.: Изд-во института психотерапии, 2002. — 240 с.
10. Филиппова Г.Г. Развитие материнского поведения в онтогенезе // Психология сегодня. Ежегодник Российского Психологического Общества.-Т. 2, вып. 3.-1996-С. 133.
11. Uddenberg, N. Reproductive adaptation in mother and daughter: A study of personality development and adaptation to motherhood // Acta Psychiatrica Scandinavica.-1974.-Suppl 254.-P.115.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.
Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться здесь.

На рецензирование представлена работа «Отношения с матерью и удовлетворенность материнством у женщин среднего возраста».
Предмет исследования. Предмет исследования в работе не обозначен. Из наименования статьи следует, что в данном качестве выступают отношения с матерью и удовлетворенность материнством у женщин среднего возраста. Содержание статье позволило рассмотреть предмет, найти обоснованное научное решение и подтвердить выделенные гипотезы.

Методология исследования. В основу исследования было положено ряд основных и частных гипотез.

В исследовании приняло участие более 50 женщин, имеющих несовершеннолетних детей. Выборка является однородной в соответствии с показателями образования, материального статуса и социального положения участниц. Для подтверждения гипотез использовалось 6 методик. Полученные результаты для того, чтобы выявить статистически значимые корреляции между показателями удовлетворенности материнством, привязанности и психологической сепарации, были обработаны коэффициентом корреляции Пирсона. Проверка нормальности распределения данных по разным шкалам производилась при помощи критерия Колмогорова-Смирнова. Расчет статистических показателей был проведен посредством применения статистического пакета IBM SPSS STATISTICS.

Проведенный анализ позволил получить достоверные результаты.

Актуальность исследования не вызывает сомнения. Однако в работе дан небольшой теоретический обзор, обоснование актуальности работы отсутствует.

Научная новизна. Автор сделал предположение о том, что существует взаимосвязь между уровнем удовлетворенности материнством и характером отношений женщины с собственной матерью. В процессе исследования автор рассмотрел отношения «дочь-мать» через призму с тремя гранями: существующий стиль привязанности, степень психологической сепарации и эмоционально-оценочное отношение дочери к матери. В процессе исследования по выделенным аспектам были определены взаимосвязи с удовлетворенностью материнством.

Особо значимыми результатами являются следующие:

- женщины с более надежной привязанностью во взрослых отношениях с матерью испытывают большее удовлетворение от собственного материнства;
- высокая конфликтная и низкая аттитюдная независимость коррелирует с растущей удовлетворенностью материнством;
- женщины с низкой удовлетворенностью материнством продемонстрировали негативный стиль отношения к своей матери.

Автор смог определить, что удовлетворенность женщины от своего материнства с достоверной вероятностью взаимосвязана со стилем ее привязанности к собственной матери и уровнем конфликтной и аттитюдной независимости от матери. Правильным является и обратное утверждение. Наиболее низкая удовлетворенность материнством замечена только среди женщин с негативным отношением к матери.

Полученные результаты открывают возможности для того, чтобы отдельно исследовать данную область.

Стиль, структура, содержание. Стиль изложения соответствует публикациям такого уровня. Язык работы научный.

Структура работы четко прослеживается. Во введении представлена актуальность работы и небольшой теоретический анализ. Раздел «Результаты исследования» содержит описание респондентов, методик. Особое внимание уделено описанию параметров изучения. Далее представляются результаты в соответствии с выделенными шкалами, их количественный и качественный анализ, обозначены имеющиеся закономерности. Информация описана в виде таблиц, графиков и рисунков. Раздел «Заключение» содержит обоснование и анализ полученных результатов. Автор определил подтверждение основной и частных гипотез.

Библиография. Библиография статьи включает в себя 11 отечественных и зарубежных источников, Издания за последние три года отсутствуют. В списке представлены научно-исследовательские статьи и монографии. Источники информации оформлены в основном корректно, в соответствии с предъявляемыми требованиями. Однако есть некоторые

неточности, которые не отвечают предъявляемым требованиям.

Апелляция к оппонентам.

Важно рассмотрение обозначенной проблемы в современных исследованиях. Теоретический анализ недостаточен. Необходимо дополнение библиографии изданиями последних лет.

Выводы. Проблематика статьи отличается несомненной актуальностью, теоретической и практической ценностью, будет интересна исследователям. Работа может быть рекомендована к опубликованию.

Психология и Психотехника
Правильная ссылка на статью:
Дружинин О.А., Ефимова В.Л., Якубова Г.А., Расулов Э.Ю. Сравнительный анализ сенсомоторных реакций девушек-боксеров и студенток университета, не занимающихся боксом // Психология и Психотехника. 2024. № 1. DOI: 10.7256/2454-0722.2024.1.69929 EDN: SJDTJU URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69929

Сравнительный анализ сенсомоторных реакций девушек-боксеров и студенток университета, не занимающихся боксом

Дружинин Олег Александрович

ORCID: 0000-0003-3365-4302

Аспирант Российского Государственного Педагогического Университета им. А. И. Герцена

191186, Россия, Ленинградская область, г. Санкт-Петербург, наб. Реки Мойки, 48

oleg.a.druzhinin@gmail.com

Ефимова Виктория Леонидовна

ORCID: 0000-0001-7029-9317

доктор психологических наук

профессор, кафедра возрастной педагогики и психологии семьи, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена

191186, Россия, Ленинградская область, г. Санкт-Петербург, наб. Реки Мойки, 48

prefish@ya.ru

Якубова Гузал Асатулаевна

ORCID: 0009-0009-9556-7168

доктор психологических наук

профессор, кафедра "Психология", Ташкентский государственный педагогический университет имени Низами

100161, Узбекистан, Ташкентская область, г. Ташкент, ул. Бунёдкор, 27

maryam_17@bk.ru

Расулов Элшод Юнусович

ORCID: 0009-0006-5937-931X

преподаватель цикла высотных занятий и физической подготовки, Специализированный учебный центр Национальной гвардии Узбекистана

100099, Узбекистан, Ташкентская область, г. Ташкент, ул. Халка Йули, 40

boxing-uzb@mail.ru

Статья из рубрики "Психология высших устремлений"

DOI:

10.7256/2454-0722.2024.1.69929

EDN:

EDN:
SJDTJU

Дата направления статьи в редакцию:

21-02-2024

Дата публикации:

29-02-2024

Аннотация: Предметом исследования являются сенсомоторные реакции девушек-боксеров и студенток, не занимающихся боксом. Девушки-боксеры показали значимо более высокие результаты в инструментальных тестах, оценивающих моторные реакции на слуховые и зрительные стимулы. Преимущество спортсменок проявилось, как в простых, так в сложных сенсомоторных реакциях. Меньшее время реакции на слуховые и зрительные стимулы, как в простых, так и в сложных сенсомоторных тестах: большее количество целевых реакций на движущийся объект; большее количество целевых реакций в условиях дефицита времени в динамическом тесте; выше выносливость нервной системы во время выполнения теппинг теста. Высокое качество сенсомоторных реакций является предпосылкой успешности спортсменок в женском боксе. Сенсомоторные тесты считаются когнитивными, поэтому результаты исследования показывают высокий когнитивный потенциал спортсменок. Результаты сенсомоторных тестов связаны с качеством исполнительных функций, включающих в себя память, когнитивную гибкость и тормозный контроль. Эти качества важны для любой целенаправленной деятельности, так как отражают способность к обучению. В исследовании приняли участие 20 спортсменок, входящих в сборную Узбекистана по боксу и 46 студенток педагогического университета, не занимающихся боксом. Сенсомоторные тесты проводились на высокоточном аналоговом оборудовании. Исследование состояло из 6 тестов. Статистический анализ проводился с использованием языка программирования «Python». Сравнительный анализ сенсомоторных реакций девушек-боксеров и студенток с помощью инструментальных методов диагностики проведен впервые. Полученные данные дополняют представления о связи двигательного и когнитивного развития человека. Результаты исследования можно использовать для популяризации занятий скоростными видами спорта, отбора перспективных спортсменок для женского бокса. Сенсомоторные тесты актуальны для профилактики травматизма в женском боксе, также на этапе реабилитации после контузии для оценки степени восстановления когнитивных функций спортсменов. Высокий уровень развития простых и сложных сенсомоторных реакций способствует достижению успеха, как в спорте, так и других видах деятельности. Занятия спортом могут способствовать не только физическому развитию человека, но и повышать его когнитивный потенциал.

Ключевые слова:

сенсомоторные тесты, время реакции, бокс, женский бокс, когнитивные способности, исполнительные функции, спорт, когнитивная гибкость, память, контроль

Введение.

Известно, что результаты сенсомоторных тестов, оценивающих время реакции, могут предсказывать успешность спортсменов в различных видах спорта. Особенно значимым время реакции является для контактных видов спорта: во время боя спортсменам необходимо быстро реагировать на множество стимулов в условиях дефицита времени [18].

В то же время есть ряд исследований сенсомоторных реакций, не касающиеся спорта. Эти исследования показывают связь результатов сенсомоторных тестов с уровнем интеллекта [16,20].

В своей монографии Н. И. Чуприкова объясняет эту связь тем, что интеллект – это способность быстро извлекать из потока информации избирательные инварианты. Именно эту способность оценивают сложные сенсомоторные тесты [11].

На возможности использования сенсомоторных тестов для оценки интеллекта указывал также Г.Ю. Айзенк [1].

Таким образом, не только уровень спортивной подготовки, но и когнитивный потенциал человека может определяться с помощью сенсомоторных тестов. Именно поэтому в настоящем исследовании сравнивались результаты сенсомоторных тестов спортсменок и студенток университета.

Современная наука признает взаимное влияние физического и когнитивного развития человека, а сенсомоторные тесты являются своеобразным мостом, позволяющим установить связь между уровнем развития двигательных и когнитивных способностей спортсмена. Инструментальная оценка времени реакции в сенсомоторных тестах обеспечивает возможность для проведения количественного анализа влияния различных видов спортивных тренировок на развитие не только двигательно-координационных качеств человека, но и когнитивных способностей [12].

В настоящее время в Республике Узбекистан активно развивается бокс. Масштабная государственная программа инициирована Постановлением Президента Республики Узбекистан, от 29.04.2021 г. № ПП-5099 «О мерах по дальнейшему развитию бокса».

Однако проблема влияния занятий этим вида спорта на развитие сенсомоторных реакций девушек-боксеров разработана недостаточно.

Цель настоящего исследования состояла в проведении сравнительного анализа результатов инструментальных **сенсомоторных** тестов девушек-боксеров и студенток университета, не занимающихся боксом.

Методика.

Исследование проводилось в Республике Узбекистан, город Ангрен, Ташкентская область, на базе Федерации бокса Республики Узбекистан и в лаборатории психофизиологии Ташкентского государственного педагогического университета имени Низами.

В исследовании приняли участие 66 девушек. Группа 1 состояла из 20 спортсменок, занимающихся боксом. Все спортсменки являются боксерами высокого уровня, среди

них чемпионы и призеры Азии, крупных международных турниров и соревнований. Спортсменки входят в женскую сборную Узбекистана по боксу.

Группа 2 состояла из 46 студенток университета, которые не занимаются боксом. Средний возраст студенток 20 лет, средний возраст спортсменок 21 год.

Тестирование проводилось на устройстве УПФТ-1/30-"ПСИХОФИЗИОЛОГ" (научно производственно-конструкторская фирма "Медиком", Россия). Прибор является высокоточным программно-аппаратным комплексом. Основные рабочие органы и механизмы прибора аналоговые: кнопки, светодиоды и шаговый мотор. Это позволяет избежать задержек и погрешностей, присущих компьютеризированным тестам.

Во время исследования испытуемые проходили 6 тестов. Обследование каждой участницы исследования занимало около 14 минут.

1. Простая зрительно-моторная реакция (ПЗМР): как можно быстрее нажать на кнопку при появлении зеленого светового сигнала на панели прибора.

2. Простая слухомоторная реакция (ПСМР): как можно быстрее нажать на кнопку прибора в ответ на звуковой стимул.

3. Сложная зрительно-моторная реакция (СЗМР): как можно быстрее нажать на кнопку при появлении зеленого цвета правой рукой, при появлении красного цвета – левой рукой.

4. Реакция на движущийся объект (РДО): останавливать вращающуюся стрелку нажатием кнопки как можно ближе к загоревшемуся светодиоду, произвольно появляющемуся на круговой шкале.

5. Динамический сенсомоторный тест (ДСТ) – на красный светодиод нажимать кнопку правой рукой, на зеленый левой рукой, желтый игнорировать. Частота предъявления цветовых стимулов, на которые нужно реагировать нажатием кнопки, возрастает при увеличении количества правильных реакций и падает при ошибочных реакциях.

6. Теппинг тест (ТТ): с максимальной частотой постукивать щупом по теппинг-площадке (поочередно: правая и левая рука)

Показатели, отражающие различные аспекты успешности выполнения тестов, автоматически сохранялись в картотеке прибора и затем выгружались в таблицу СПСС-21 для последующего статистического анализа.

Статистический анализ проводился с использованием языка программирования python, применялись библиотеки pandas, numpy, scipy.

Результаты.

Сравнение двух групп по количественномупоказателю, имеющему нормальное распределение, при условии равенства дисперсий выполнялось с помощью t-критерия Стьюдента. Сравнение двух групп по количественному показателю, распределение которого отличалось от нормального, выполнялось с помощью U-критерия Манна-Уитни.

Для первой группы основных показателей были проверены следующие гипотезы: нулевая гипотеза - средние значения выборок равны; альтернативная гипотеза - средние значения первой выборки меньше средних значений второй выборки (то есть, в группе девушек-боксеров показатели меньше, чем в группе девушек, не занимающихся

боксом). Статистически значимые результаты приведены в Таблице 1.

Таблица 1. Статистически значимая разница в выполнении простых сенсомоторных тестов девушками-боксерами и девушками, не занимающимися боксом

Показатель	Stats	p-value
СЗМР – сложная зрительно-моторная реакция, показатель «среднее время реакции», мс	2.138556	0.036398
ПЗМР - простая зрительно-моторная реакция; показатель «среднее время реакции», мс	171.5	0.000029
ПСМР - простая слухомоторная реакция; показатель «среднее время реакции», мс	219.5	0.000405

Так как p-value <0.05 можем сделать вывод о том, что средние значения Группы 1 меньше среднего значения Группы 2.

Полученные данные показывают, что время реакции в простых и сложных слухомоторных и зрительно-моторных тестах, значимо ниже у девушек-боксеров по сравнению с девушками, не занимающимися боксом. Разница между группами в выполнении тестов также представлена на рисунках 1.

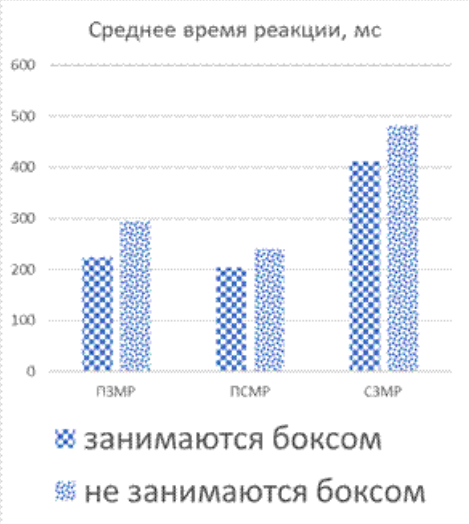


Рис. 1. Разница в показателях тестов «простая зрительно-моторная реакция», сложная зрительно-моторная реакция» и «простая слухомоторная реакция». По вертикали – время в мс. По горизонтали – названия тестов: ПЗМР (простая зрительно-моторная реакция); ПСМР (простая слухомоторная реакция); СЗМР (сложная зрительно-моторная реакция).

Для второй группы основных показателей были проверены гипотезы: нулевая гипотеза - среднее значения выборок равны; альтернативная гипотеза - среднее значение первой выборки больше среднего значения второй выборки. Статистически значимые результаты представлены в Таблице 2.

Таблица 2. Статистически значимая разница в выполнении сенсомоторных тестов девушками-боксерами и девушками, не занимающимися боксом.

Показатель	stats	p-value
ДСТ - динамический сенсомоторный тест; показатель «общее число стимулов»	2.821763	3.177447e-03
РДО - реакция на движущийся объект; показатель «число нормальных реакций»	2.096172	2.001300e-02
Теппинг-тест; показатель «сумма ударов, две руки»	5.576421	2.646676e-07

Так как p-value <0.05 можем сделать вывод о том, среднее значение первой выборки больше среднего значения второй выборки. (т.е. в группе девушек-боксеров показатели статистически значимо больше, чем в группе девушек, не занимающихся боксом).

Разница между группами в выполнении сложных сенсомоторных тестов представлена на Рисунках 2-3.

Рис 2. Теппинг-тест – сумма ударов левой и правой руки, динамический сенсомоторный тест (ДСТ) – общее число предъявленных стимулов. По вертикали – число стимулов/ударов (шт)

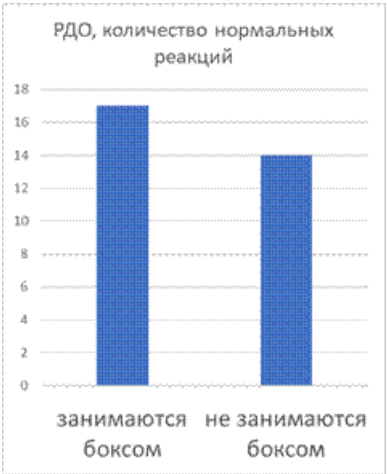


Рис 3. Результаты теста РДО (реакция на движущийся объект) – число нормальных (целевых) реакций. По вертикали – число нормальных реакций (шт)

Таким образом, нам удалось доказать, что девушки-боксеры превосходят девушек, не занимающихся боксом, по следующим показателям выполнения сенсомоторных тестов:

1. Меньшее время реакции на слуховые и зрительные стимулы, как в простых, так и в сложных сенсомоторных тестах.

2. Большее количество целевых реакций на движущийся объект

3. Большее количество целевых реакций в условиях дефицита времени в динамическом тесте

4. Выше выносливость нервной системы во время выполнения теппинг теста

Обсуждение результатов.

В нашем исследовании девушки-боксеры показали более высокие результаты в большинстве сенсомоторных тестов по сравнению со студентками. Эти данные являются новыми.

Полученные нами результаты показывают, что для занятия боксом востребованы определенные качества, степень развитости которых отражают данные психомоторные тесты:

РДО - пространственное мышление, прогнозирование траекторий движения объектов, расчет времени и места встречи движущихся и статичных объектов, способность работать в режиме неопределенности направления движения объекта

ПСМР - скорость реакции на слух, наиболее быстрая психомоторная реакция у человека– реакция, не требующая обдумывания

Теппинг-тест - выносливость нервной ткани мышц к максимальной частоте разнонапраленнных сокращений

ДСТ - способность быстро переключаться в условиях помехи, работать в дефиците времени, в нарастающем темпе поступления зрительных сигналов, работа с сериями стимулов, быстрота принятия навязанного ритма

ПЗМР скорость реакции на простой зрительный стимул – реакция, не требующая обдумывания

В научной литературе ранее был представлен сравнительный анализ сенсомоторных реакций спортсменов и студентов, не занимающихся спортом. Но результаты этого исследования не связаны с боксом, кроме того, оценивались только простые сенсомоторные реакции [21].

Проводились также сравнительные исследования времени реакции у спортсменов, занимающихся различными видами спорта: бокс, гимнастика, тхэквондо, дзюдо, каратэ и борьба. В исследовании приняли участие 332 человека. Боксеры-мужчины показали лучшее время в простых сенсомоторных реакциях по сравнению с другими атлетами. Действительно, во время поединка в условиях дефицита времени быстрая реакция боксера на зрительные и слуховые стимулы обеспечивает эффективность выполнения движений [13,15].

Однако работ, посвященных изучению сенсомоторных реакций женщин-боксеров, значительно меньше, чем исследований боксеров-мужчин.

Днем рождения современного женского бокса считают бой Кристи Мартин с Дидре Гогарти в 1996 году, но олимпийским видом спорта женский бокс стал только в 2012 году [8].

Вероятно поэтому интерес психофизиологов к этому виду спорта проявился только в

последние десятилетия.

Исследования, проводимые психологами, показывают, что занятия женским боксом улучшают психологическое состояние спортсменок, помогают справиться со стрессом, благотворно влияют на фигуру и общий уровень физической подготовки [2,5,7,9].

Подобные исследования чаще всего проводятся путем анкетирования спортсменок. Психофизиологических исследований, проведенных с использованием инструментальных диагностических методик, значительно меньше, хотя в последние годы такие работы появляются.

Изучение времени реакции проводилось, например, с целью оценки влияния длительных турниров на когнитивные функции женщин-боксеров. Женщины-боксеры продемонстрировали либо улучшение, либо отсутствие существенных изменений в показателях сенсомоторных тестов после участия в турнире по боксу в олимпийском стиле по сравнению с результатами перед турниром [17].

Была доказана целесообразность использования сенсомоторных тестов для оценки эффективности развития двигательно-координационных качеств девушек-боксеров в процессе тренировок [3].

При всех положительных качествах женского бокса нельзя игнорировать тот факт, что этот вид спорта является достаточно травмоопасным [10].

Профилактика травматизма в женском боксе обеспечивается правильным подбором экипировки, высоким уровнем физической подготовки спортсменок, а также высокой скоростью их реакций на слуховые и зрительные стимулы.

Научные исследования показывают, что внедрение в практику медосмотров боксеров психофизиологических тестов, оценивающих время реакции, регулярное документирование результатов этих тестов, может стать важным шагом для повышения безопасности бокса [22].

Известно, что результаты некоторых сложных сенсомоторных тестов отражают не только качество двигательных реакций, но и в целом уровень когнитивных способностей человека. Тесты, оценивающие время сложных реакции, относятся к когнитивным, так как их результаты статистически связаны с уровнем сформированности «executive function» - «исполнительной функций». Исполнительные функции включают в себя три параметра: то́рмозный контроль, рабочую память, когнитивную гибкость. Ранее на выборке испытуемых более 600 человек нам удалось доказать, что результаты оценки сложных сенсомоторных реакций могут предсказывать успешность в учебе на всех ступенях школьного обучения [4,6].

Наибольшие различия в результатах сенсомоторных тестов между спортсменками и студентками в нашем исследовании были выявлены в простых сенсомоторных тестах (простая слухомоторная реакция и простая зрительно-моторная реакция). Однако и в сложных сенсомоторных тестах девушки-боксеры также показали значимо более высокие результаты по сравнению с девушками, не занимающимися боксом.

Таким образом, в нашем исследовании у девушек-боксеров выявлен достаточно высокий когнитивный потенциал, который можно расценивать как результат тренировок, связанных со спецификой бокса.

Не случайно, занятия боксом на любительском уровне рекомендуются для поддержания когнитивных функций пациентам с нейродегенеративными расстройствами [14,19].

Выводы.

1 . Для достижения успеха в боксе женщинам необходим высокий уровень развития сенсомоторных реакций.

2. Высокий уровень развития простых и сложных сенсомоторных реакций может служить залогом успеха не только в спорте, но и в повседневной жизни.

3 . Повышение уровня развития сложных сенсомоторных реакций также способствует улучшению когнитивных функций, необходимых для учебы и работы.

4 . Занятия боксом полезны не только для физического, но и умственного развития человека.

5 . Результаты исследования имеют социальную значимость, так как способствуют популяризации женского бокса, прочих скоростных видов спорта, и в целом здорового образа жизни.

Библиография

1. Айзенк Г. Как измерить личность / Ганс Айзенк и Гленн Вильсон; [Пер. с англ. Андрей Белопольский].-Москва : Когито-центр, 2000.-281, [2] с. : ил.; 17 см.; ISBN 5-89353-028-4
2. Акимова, А. Ю. Женщина в структуре Федерации бокса России: профессиональная мотивация и связь с психологическим благополучием / А. Ю. Акимова, Е. Н. Васильева, О. М. Исаева // Национальный психологический журнал. – 2021. – № 1(41). – С. 149-159. – DOI 10.11621/npj.2021.0112. – EDN JBWBFC.
3. Аслаев, Т.С. Динамика показателей сенсомоторной координации девушек, занимающихся боксом, на начальном этапе спортивной специализации / Т. С. Аслаев // Физическая культура. Спорт. Туризм. Двигательная рекреация. – 2016. – Т. 1, No 1. – С. 51–55.
4. Дружинин О.А. Поиск психофизиологических предикторов успешности обучения в школе // Психология и Психотехника. 2023. № 3. С. 87-96. DOI: 10.7256/2454-0722.2023.3.43891 EDN: WVJFUM URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43891
5. Евсина, А. О. Женский бокс и его влияние на психофизическое состояние у студенток РГАУ-МСХА им. К. А. Тимирязева / А. О. Евсина // Актуальные вопросы современной науки: теория, технология, методология и практика : Сборник научных статей по материалам XII Международной научно-практической конференции, Уфа, 21 апреля 2023 года. Том Часть 3. – Уфа: Общество с ограниченной ответственностью "Научно-издательский центр "Вестник науки", 2023. – С. 243-248. – EDN ZLIIZT.
6. Ефимова В. Л. Использование сложной сенсомоторной реакции для прогноза успеваемости в школе / В. Л. Ефимова, Е. И., О. А. Дружинин, И. С. Мазурова // Психология и психотехника. – 2023. – № 1. – С. 1-11. – DOI 10.7256/2454-0722.2023.1.39631. – EDN CZPOUE.
7. Калабина, Т. Н. Особенности личности женщин, занимающихся боксом / Т. Н. Калабина, В. И. Калабин // Тенденции развития науки и образования. – 2021. – № 72-4. – С. 85-88. – DOI 10.18411/lj-04-2021-152. – EDN CQCNUP.

8. Лисицын, В. В. Женский бокс: история и современность / В. В. Лисицын // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. – 2013. – № 5(99). – С. 73-83. – EDN QCMQDF.
9. Рудь, Н. В. Формирование стрессоустойчивости боксеров-женщин на этапе совершенствования спортивного мастерства / Н. В. Рудь, В. В. Федоров // Ресурсы конкурентоспособности спортсменов: теория и практика реализации. – 2023. – № 13. – С. 144-145. – EDN BGQPGE.
10. Хагай, В. С. Женщины в боксе. Влияние Бокса на женский организм / В. С. Хагай, М. П. Осипенко // Совершенствование профессиональной и физической подготовки курсантов, слушателей образовательных организаций и сотрудников силовых ведомств : Сборник материалов XXV международной научно-практической конференции, Иркутск, 26 октября 2023 года. – Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД РФ, 2023. – С. 507-510. – EDN FCSGOM.
11. Чуприкова Н.А. Время реакций человека. Физиологические механизмы, вербально-смысловая регуляция,связь с интеллектом и свойствами нервной системы. М. Издательский дом ЯСК-2019. 432 с. – (Разумное поведение и язык. Language and Reasoning

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.
Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться здесь.

Рецензия на статью «Сравнительный анализ сенсомоторных реакций девушек-боксеров и студенток университета, не занимающихся боксом»

Предмет исследования автором статьи напрямую не заявлен, но прослеживается в ее названии как сравнение показателей сенсомоторных реакций девушек-боксеров и студенток университета. Здесь, конечно, возникает методологический вопрос – почему сравнение именно со студентками университете, а не со спортсменками из других видов спорта или с работающей молодёжью? Важно, чтобы автор обосновал данный выбор.
Методология исследования построена на традиционных методах психологического исследования. В первой части есть короткое описание важности подхода и темы, но не применены методы анализа, систематизации и обобщения литературных данных. Автором используется обзор всего 9 литературных источников, что недостаточно в русле заявленной темы.
Прикладная часть в исследовании представлена сравнительным анализом, который проведен на двух группах девушек. В исследовании приняли участие 66 девушек в возрасте 20-21 лет:
1) Группа 1 - 20 спортсменок, занимающихся боксом на высоком уровне. Спортсменки входят в женскую сборную Узбекистана по боксу.
2) Группа 2 состояла из 46 студенток университета, которые не занимаются боксом.
Цель исследования - проведении сравнительного анализа результатов инструментальных сенсомоторных тестов девушек-боксеров и студенток университета, не занимающихся боксом.
В качестве психодиагностических методик автор использует Тестирование проводилось на устройстве УПФТ-1/30-"ПСИХОФИЗИОЛОГ" (научно-производственно-конструкторская фирма "Медиком", Россия). Применены замеры реакций, а также проведены динамический сенсомоторный тест и теппинг-тест.

Для математической обработки данных применены анализ средних значений и сравнение с помощью критерия U-критерия Манна-Уитни. В качестве статистического пакета применен SPSS-21.

Актуальность представленной статьи не вызывает сомнения. Интерес к изучению различных факторов, которые определяют успешность спортивных достижений сегодня как никогда высокий. Исследования в области спортивных достижений имеют междисциплинарный и международный характер, что прослеживается и в представленном исследовании. анализа влияния различных видов спортивных тренировок на развитие не только двигательно-координационных качеств человека, но и когнитивных способностей

Научная новизна – проявляется в том, что автором проведено сравнение разных групп испытуемых с помощью психофизиологических методик, где оценены важные характеристик реакций в спорте.

Стиль, структура, содержание

Статья имеет традиционную структуру – вводная, основная и заключительная части.

Вводная часть обосновывает выбор темы. Она недостаточно проработана. Важно представить описание понятийного аппарата, который составляет основу исследования и научные подходы, исследования по данной тематике.

В основной части статьи автор работает над заявленной в начале статьи целью и организует сопоставление характеристик у двух групп респондентов – зрительно-моторные реакции, слухомоторную реакцию, реакцию на движущийся объект и пр. К сожалению. Сложно проанализировать полученные результаты, так как они представлены лишь частично. Например, автор ссылается на рисунки 1, 2, и 3, но они отсутствуют в представленной статье.

Как рекомендация — учитывая, что в исследовании есть данные по весьма обширным показателям. Поэтому можно применить более информативные математические методы. Например, факторный анализ. Это позволило бы более корректно представить многообразие связей между показателями внутри каждой выборки и сравнить структуры показателей в разных группах.

Стиль изложения материала соответствует требованиям научности, но при этом он вполне доступен для восприятия.

Библиография

Насчитывает 9 литературных источников, большинство из которых статьи в журналах и тезисы в сборниках конференций. Рекомендуется усилить материалы фундаментальными исследованиями, отраженных в монографиях, диссертационных исследованиях. Сама тема статьи требует такого узкоспециализированного подхода.

Апелляция к оппонентам – статья частично соответствует требованиям, предъявляемым к статьям для публикации в журналах из перечня ВАК.

Она может быть рекомендована к публикации после исправления следующих замечаний:

1 – включение во вводную часть обзора литературы и научных данных по заявленной теме,

2 – оформить таблицы, чтобы они были читаемыми,

3 – включить рисунки, на которые автор ссылается, но по тексту они отсутствую.

Выводы, интерес читательской аудитории – статья вызовет интерес читательской аудитории, заинтересованной в изучении личностных особенностей спортсменов и факторов, обуславливающих их успешность в спортивных достижениях. Она будет полезна психологам, тренерам, психодиагностам и преподавателям.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не

раскрывается.
Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться здесь.

Предметом исследования в представленной статье являются сенсомоторные реакции девушек-боксеров и студенток университета, не занимающихся боксом, через проведение сравнительного анализа.

В качестве методологии предметной области исследования в данной статье были использованы дескриптивный метод, метод анализа, а также в ходе исследования было применено тестирование, которое проводилось на устройстве УПФТ-1/30-"ПСИХОФИЗИОЛОГ" (научно-производственно-конструкторская фирма "Медиком", Россия). Прибор является высокоточным программно-аппаратным комплексом. Основные рабочие органы и механизмы прибора аналоговые: кнопки, светодиоды и шаговый мотор. Это позволяет избежать задержек и погрешностей, присущих компьютеризированным тестам. Во время исследования испытуемые проходили 6 тестов: простая зрительно-моторная реакция (ПЗМР); простая слухомоторная реакция (ПСМР); сложная зрительно-моторная реакция (СЗМР); реакция на движущийся объект (РДО); динамический сенсомоторный тест (ДСТ); теппинг тест (ТТ). Показатели, отражающие различные аспекты успешности выполнения тестов, автоматически сохранялись в картотеке прибора и затем выгружались в таблицу СПСС-21 для последующего статистического анализа. Статистический анализ проводился с использованием языка программирования python, применялись библиотеки pandas, numpy, scipy. Сравнение двух групп по количественному показателю, имеющему нормальное распределение, при условии равенства дисперсий выполнялось с помощью t-критерия Стьюдента. Сравнение двух групп по количественному показателю, распределение которого отличалось от нормального, выполнялось с помощью U-критерия Манна-Уитни.
Актуальность статьи не вызывает сомнения, поскольку современная наука признает взаимное влияние физического и когнитивного развития человека, а сенсомоторные тесты являются своеобразным мостом, позволяющим установить связь между уровнем развития двигательных и когнитивных способностей спортсмена. Инструментальная оценка времени реакции в сенсомоторных тестах обеспечивает возможность для проведения количественного анализа влияния различных видов спортивных тренировок на развитие не только двигательно-координационных качеств человека, но и когнитивных способностей. В настоящее время в Республике Узбекистан активно развивается бокс, что подтверждается реализацией масштабной государственной программы от 29.04.2021 г. № ПП-5099 «О мерах по дальнейшему развитию бокса», утвержденной Постановлением Президента Республики Узбекистан. Однако проблема влияния занятий этим вида спорта на развитие сенсомоторных реакций девушек-боксеров разработана недостаточно.
Научная новизна исследования заключается в проведении сравнительного анализа результатов инструментальных сенсомоторных тестов девушек-боксеров и студенток университета, не занимающихся боксом. Тестирование на специальном оборудовании проводилось в Республике Узбекистан, город Ангрен, Ташкентская область, на базе Федерации бокса Республики Узбекистан и в лаборатории психофизиологии Ташкентского государственного педагогического университета имени Низами. В исследовании приняли участие 66 девушек. Первая группа состояла из 20 спортсменок, занимающихся боксом. Все спортсменки являются боксерами высокого уровня, среди них чемпионы и призеры Азии, крупных международных турниров и соревнований. Спортсменки входят в женскую сборную Узбекистана по боксу. Средний возраст спортсменок составил 21 год. Вторая группа состояла из 46 студенток университета,

которые не занимаются боксом. Средний возраст студенток составил 20 лет.

Статья написана языком научного стиля с грамотным использованием в тексте исследования изложения различных позиций ученых к изучаемой проблеме, а также подробным описанием используемой методики.

Структура выдержана с учетом основных требований, предъявляемых к написанию научных статей, структура данного исследования включает в себя введение, методику, результаты, обсуждение результатов, выводы, библиографию.

Содержание статьи отражает ее структуру. Особенно ценным в содержании исследования является авторский акцент на то, что была доказана целесообразность использования сенсомоторных тестов для оценки эффективности развития двигательно-координационных качеств девушек-боксеров в процессе тренировок. При всех положительных качествах женского бокса нельзя игнорировать тот факт, что этот вид спорта является достаточно травмоопасным. Профилактика травматизма в женском боксе обеспечивается правильным подбором экипировки, высоким уровнем физической подготовки спортсменок, а также высокой скоростью их реакций на слуховые и зрительные стимулы. Научные исследования показывают, что внедрение в практику медосмотров боксеров психофизиологических тестов, оценивающих время реакции, регулярное документирование результатов этих тестов, может стать важным шагом для повышения безопасности бокса.

Библиография содержит 11 источников, включающих в себя отечественные периодические и непериодические издания.

В статье приводится описание различных позиций и точек зрения известных ученых, характеризующих подходы и различные аспекты к пониманию особенностей сенсомоторных реакций и возможностей использования сенсомоторных тестов, а также содержится апелляция к различным научным трудам и источникам, посвященных этой тематике, которая входит в круг научных интересов исследователей, занимающихся указанной проблематикой.

В представленном исследовании содержатся краткие выводы, касающиеся предметной области исследования. В частности, отмечается, что для достижения успеха в боксе женщинам необходим высокий уровень развития сенсомоторных реакций. Высокий уровень развития простых и сложных сенсомоторных реакций может служить залогом успеха не только в спорте, но и в повседневной жизни. Повышение уровня развития сложных сенсомоторных реакций также способствует улучшению когнитивных функций, необходимых для учебы и работы. Занятия боксом полезны не только для физического, но и умственного развития человека. Результаты исследования имеют социальную значимость, так как способствуют популяризации женского бокса, прочих скоростных видов спорта, и в целом, здорового образа жизни.

Материалы данного исследования рассчитаны на широкий круг читательской аудитории, они могут быть интересны и использованы учеными в научных целях, педагогическими работниками в образовательном процессе, руководителями и администрацией образовательных организаций, спортивными организациями, общественными организациями по развитию спорта и работе с молодежью, спортивными тренерами, медицинскими работниками, психологами и экспертами.

В качестве недостатков данного исследования следует отметить, то, что в тексте встречаются опечатки, технические ошибки и пропуски знаков препинания и пробелов. При описании методики исследования целесообразно было бы указать период его проведения. При описании результатов названия рисунков и таблиц выглядят очень громоздкими и сложными для восприятия. Указать то, что представлено по вертикали, а что – по горизонтали следовало бы в самом рисунке, или, как крайний вариант, в

примечании к рисунку, а не вместе с его названием. Необходимо обратить внимание на требования действующего ГОСТа к оформлению таблиц и рисунков, а также библиографических источников. В частности, особенно нужно посмотреть правильность и полноту оформления последнего источника, под номером 11. Статью необходимо дополнить заключением, а не ограничиваться исключительно краткими выводами. Возможно, название статьи стоило бы переформулировать более наукоемко и сделать его более общим. Указанные недостатки не снижают научную и практическую значимость самого исследования, однако, эти недостатки необходимо оперативно устранить, а статью отправить на доработку.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.
Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться здесь.

На рецензирование представлена работа «Сравнительный анализ сенсомоторных реакций девушек-боксеров и студенток университета, не занимающихся боксом».
Предмет исследования. Работа нацелена на проведение сравнительного анализа результатов инструментальных сенсомоторных тестов девушек-боксеров и студенток университета, не занимающихся боксом. В целом, автор представил собственное понимание данного вопроса и достиг поставленной цели.
Методологией исследования являются работы, рассматривающие особенности женского бокса.
Актуальность исследования определяется тем, что в Республике Узбекистан активно развивается бокс. В то же время, недостаточное внимание уделено изучению сенсомоторных реакций подготовки женщин.
Научная новизна исследования заключается в том, автором проведен сравнительный анализ результатов инструментальных сенсомоторных тестов девушек-боксеров и студенток университета, не занимающихся боксом.
Стиль, структура, содержание. Стиль изложения соответствует публикациям такого уровня. Язык работы научный. Структура работы прослеживается четко. Автором выделены основные смысловые части.
Во введении обозначена проблема исследования и ее актуальность. Автором отмечено, что не только уровень спортивной подготовки, но и когнитивный потенциал человека может определяться с помощью сенсомоторных тестов. В настоящем исследовании было осуществлено сравнение результатов сенсомоторных тестов спортсменок и студенток университета. Автор отметил, что в Республике Узбекистан активно развивается бокс, благодаря масштабной государственной программе Президента. Во введении определена цель исследования.
Второй раздел представляет собой описание методики исследования, которая была реализована в Республике Узбекистан. В исследовании приняло участие 66 девушек, тестирование проводилось на устройстве УПФТ-1/30-"ПСИХОФИЗИОЛОГ" (научно производственно-конструкторская фирма "Медиком", Россия).
Исследование включало в себя 6 тестов, которые направлены на изучение: простой зрительно-моторной реакции, простой слухомоторной реакции, сложной зрительно-моторной реакции, реакции на движущийся объект, динамического сенсомоторного теста, теппинг-теста. Анализ показателей осуществлялся с помощью статистического анализа с использованием языка программирования python, применялись библиотеки pandas, numpy, scipy.
Следующий раздел включает в себя описание полученных результатов. Анализ

осуществлялся посредством сравнения двух групп по количественному показателю, имеющему нормальное распределение с помощью t-критерия Стьюдента. В работе представлена:

- статистически значимая разница в выполнении простых сенсомоторных тестов девушками-боксерами и девушками, не занимающимися боксом;
- разница в показателях тестов «простая зрительно-моторная реакция», сложная зрительно-моторная реакция» и «простая слухомоторная реакция»;
- статистически значимая разница в выполнении сенсомоторных тестов девушками-боксерами и девушками, не занимающимися боксом;
- теппинг-тест – сумма ударов левой и правой руки, динамический сенсомоторный тест;
- результаты теста РДО (реакция на движущийся объект) – число нормальных (целевых) реакций.

Проведенный анализ позволил доказать, что девушки-боксеры превосходят девушек, не занимающихся боксом, по определенным показателям выполнения сенсомоторных тестов.

Следующий раздел представляет собой обсуждение результатов. Полученные нами результаты показывают, что для занятия боксом востребованы определенные качества, степень развитости которых отражают данные психомоторные тесты. Это - РДО, ПСМР, Теппинг-тест, ДСТ, ПЗМР.

Проведенное исследование позволило автору подвести итоги и сделать аргументированные выводы в конце исследования.

Библиография. Библиография статьи включает в себя 11 отечественных источников, значительная часть которых издана за последние три года. В списке представлены статьи и тезисы. Помимо этого, имеются также монографии, методические издания, интернет-издания, сборники материалов конференции. Источники оформлены некорректно и неоднородно.

Апелляция к оппонентам.

Рекомендации:

- сделать теоретический анализ основных подходов и направлений исследования;
- провести более подробный анализ полученных результатов;
- представить рекомендации по результатам проведенного исследования;
- оформить библиографический список в соответствии с предъявляемыми требованиями.

Выводы. Проблематика статьи отличается несомненной актуальностью, теоретической и практической ценностью; будет интересна специалистам, которые занимаются проблемами формирования сенсомоторных реакций женщин, которые занимаются боксом. Статья может быть рекомендована к опубликованию, важно учесть выделенные рекомендации. Это позволить представить в редакцию научно-исследовательскую статью, отличающуюся научной новизной и значимостью.

Психология и Психотехника
Правильная ссылка на статью:
Никольская А.В., Костригин А.А. Отношение россиян к экономическому неравенству: обоснование экономико-психологического эксперимента // Психология и Психотехника. 2024. № 1. DOI: 10.7256/2454-0722.2024.1.69738 EDN: LZEIYV URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69738

Отношение россиян к экономическому неравенству: обоснование экономико-психологического эксперимента

Никольская Анастасия Всеволодовна

ORCID: 0000-0001-8821-5177

кандидат психологических наук

доцент, кафедра психологии, Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)

119071, Россия, Московская область, г. Москва, ул. Малая Калужская, 1

tonokazutoya@gmail.com

Костригин Артем Андреевич

кандидат психологических наук

доцент, кафедра психологии, Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)

119071, Россия, г. Москва, ул. Малая Калужская, 1

artdzen@gmail.com

Статья из рубрики "Психология масс"

DOI:

10.7256/2454-0722.2024.1.69738

EDN:

LZEIYV

Дата направления статьи в редакцию:

02-02-2024

Аннотация: В настоящее время в российском обществе наблюдаются изменения в отношении к различным социальным явлениям и процессам, среди которых отношение к экономическому неравенству занимает особое место. Несмотря на актуальность данной проблематики, рассмотрение социально-психологических аспектов отношения к экономическому неравенству в научной литературе отражено недостаточно.

Исследование особенностей отношения к неравенству позволит уточнить общественные настроения и установки, необходимые для дальнейших социальных и экономических реформ. Кроме того, традиционные методы исследования не всегда отражают репрезентативные характеристики отношения населения к различных социальным проблемам, поэтому существует необходимость разработки более релевантного метода (экономико-психологического эксперимента) для выявления личностных аспектов экономического поведения респондентов. Цель исследования. Изучение особенностей отношения российских респондентов к экономическому неравенству в обществе с помощью экономико-психологического эксперимента и обоснование данного метода как перспективного для исследования отношения к социальным и экономическим явлениям. Методы. Фокус-группы, в рамках которых проводились групповые интервью и обсуждения о проблемах неравенства; опрос, направленный на изучение отношения к неравенству и поведения в отношении благотворительности; экономико-психологический эксперимент (квазиэксперимент), в рамках которого моделировались ситуации для принятия респондентами экономических решений (выбор общества для гипотетического внука). Результаты. Российские респонденты одинаково готовы жить в обществе риска, желая получить более высокие доходы, и в обществе с фиксированным средним доходом. Большинство респондентов не готово отказаться от части своих доходов, чтобы помогать тем, кто живет хуже. Отношение к неравенству (предпочтение равного и неравного обществ) у российских респондентов не изменяется в любых смоделированных экономических условиях. Результаты, полученные с помощью экономико-психологического эксперимента, представляют оригинальные аспекты отношения респондентов к экономическому неравенству по сравнению с методами опросами и тестирования. Основные выводы. Отсутствуют статистически значимые различия между предпочтением респондентов общества с высокими доходами и общества с фиксированным средним доходом, что говорит о расслоении российской выборки. Обнаружены возрастные и региональные особенности отношения респондентов к экономическому неравенству. Экономико-психологический эксперимент был обоснован как перспективный для изучения отношения к экономическому неравенству в обществе.

Ключевые слова:

экономическая психология, равноправное общество, экономическое неравенство, отношение к неравенству, экспериментальная экономика, экспериментальная ситуация, распределение доходов, российское общество, общество риска, доход

Введение

В настоящее время российское общество сталкивается с различными социальными проблемами: неоднородности общественного мнения по различным вопросам, расслоения общества, низкой социальной и политической активности, неравенства и др. Феномен *неравенства*, проявляющийся в различных формах (экономической, социальной, правовой, политической и др.), откликается в обществе очень остро, так как многие российские граждане встречают подобную проблему и переживают неравенство в различных сферах. Изучение *отношения населения к неравенству* является важным направлением социологических и социально-психологических исследований.

Необходимо отметить, что в современной научной литературе проблема изучения неравенства рассматривается достаточно широко (особенности и факторы отношения к неравенству [1; 9; 18; 20; 28; 39; 40; 43]; модели объяснения неравенства через феномены

депривации отношения [29; 41] и социального доминирования [31; 37; 46]), однако собственно психологические и социально-психологические особенности установок населения по отношению к различным видам неравенства исследованы в недостаточной мере. Более того, обнаруживается методологическая и инструментальная проблема в изучении отношения к неравенству: традиционно используются опросы, анкеты, интервью и фокус-группы. Данные методы обладают некоторыми недостатками: высокая вероятность получения социально-одобряемых ответов, ограничения открытых и закрытых вопросов, сложность выявления глубинных личностных установок и ценностей и др.

Проблему специального изучения установок и отношения к неравенству ставят последние два-три десятилетия. Так, разрабатываются психодиагностические методики для диагностики наличия установок на неравенство, в частности, методика «Субъективное восприятие экономического неравенства в повседневной жизни» (Perceived Economic Inequality in Everyday Life)[38] и «Шкала поддержки экономического неравенства» (Support for Economic Inequality Scale) [49].

Однако, по нашему мнению, требуется применение *экспериментального метода* и разработка *экспериментальных ситуаций*, которые могли бы моделировать различные ситуации для оценки, а также выявлять подлинное отношение респондентов к неравенству [23; 31; 35; 47].

Обратимся к накопленному опыту изучения отношения к неравенству в рамках *экспериментальной экономики*. Здесь существуют два типа экспериментов: первый тип – выбор между альтернативными обществами с различным распределением доходов; второй тип – «эксперимент с утечками» (“leaky bucket”, «протекающее ведро»).

Представим процедуру и содержание эксперимента с выбором предпочитаемого общества. О. Йоханссон-Стенман (O. Johansson-Stenman), Ф. Карллсон (F. Carlsson) и Д. Дарувала (D. Daruvala) проводили эксперименты с гипотетическим выбором [35]. Относительное неприятие риска индивида интерпретируется ими как неприятие социального неравенства с точки зрения утилитарной функции социального обеспечения. Неприятие неравенства оценивается по выбору отдельных людей между двумя типами общества с учетом «*завесы невежества*»[1]. Респондентов просят выбрать общество, которое было бы наилучшим с точки зрения благосостояния их воображаемого внука (для того, чтобы выбор не был связан с обстоятельствами и условий жизни респондентов). Распределение доходов в двух обществах (А и В), является равномерным, и респонденту сообщают, что его внук имеет равную вероятность получения дохода любого уровня в пределах определенного диапазона.

Например, общество А имеет равномерный доход от 10 000 до 50 000 шведских крон, в то время как общество В имеет единый доход от 19 400 до 38 800 шведских крон. Участникам (в данной работе эксперимент проводился со студентами) в эксперименте сообщают, что цены в этих двух обществах одинаковы, что нет государства всеобщего благосостояния, и что влияние различий в распределении доходов отсутствует. Человек, который склонен к риску, предпочтет Общество А, в котором ожидаемый доход выше. Если же человек не склонен к риску, то вероятно, он выберет общество В, так как средний доход в нем будет выше и зафиксированным в более узком интервале. Дополнительно измеряется и отношение к неравенству.

Данный эксперимент обнаруживает два типа неприятия неравенства: первый – это

уровень неприятия риска индивидом, а второй – готовность человека платить за жизнь в более равноправном обществе. Оценка индивидуального неприятия неравенства только через неприятие риска игнорирует любые предпочтения, которые люди могут иметь в отношении неравенства как такового. Чтобы отделить эти две установки, Ф. Карлссон, Д. Дарувала и О. Йоханссон-Стенман расширили анализ, проведенный ими же в предыдущей работе. Если в вышеописанном эксперименте измерялся уровень неприятия риска (решая, в каком обществе будет жить их воображаемый внук, респонденты знали не положение своих внуков, а только распределение доходов и, следовательно, распределение вероятностей в каждом обществе), то затем авторы провели эксперимент именно на выявление уровня неприятия неравенства (в обществе без риска): респонденты выбирали между гипотетическими обществами с различным распределением доходов, где доход внука известен и равен среднему доходу в обществе [27]. Результаты показали, что только 7% респондентов предпочитают неравенство, в том смысле, что они готовы пожертвовать собственным доходом, чтобы сделать общество более неравным, в то время как 6% оказались крайне склонными к полному неприятию неравенства.

Данная точка зрения разделяется и другими авторами: респонденты в целом более склонны к равномерному распределению доходов, однако, когда им нужно жертвовать ради достижения равного общества, они отказываются от своего первоначального убеждения [36].

Обратимся ко второму типу эксперимента по изучению отношения к неравенству. Й. Амиэл, Ф. Кауэл и В. Гэртнер продемонстировало в своем исследовании «*эксперимент с утечкой*» [22]. Выборке студентов было предложено указать сумму «потерянных денег», которую они готовы были бы передать от более богатого к более бедному человеку, учитывая, что эта потеря могла бы произойти, например, в связи с удержанием процентов за банковский перевод. По оценкам авторов при таком эксперименте неприятие неравенства обнаруживалось у 10-22% респондентов, что намного ниже, чем оценки альтернативного подхода (36% респондентов в работе [35]). Тем не менее, сравнение результатов этих двух экспериментов не совсем релевантно, так как экспериментальные условия различаются.

По мнению Ю. Пирттила и Р. Ууситало, различия в значениях неприятия неравенства обусловлены именно методами измерения [44]. Авторы оценивали неприятие неравенства, используя анкетный подход в репрезентативном опросе финнов. Преимущество этой анкеты состояло в том, что одному и тому же человеку задавались вопросы, основанные на двух разных методах измерения: утечка и предпочтительное распределение заработной платы под «завесой невежества». Медианное значение параметра неприятия неравенства по вопросам с утечками было 50%. Результаты опроса о предпочтительном распределении дали гораздо более высокое значение в отношении неприятия неравенства. Таким образом, существует значительное число респондентов, которые готовы пожертвовать средней заработной платой, чтобы добиться более равномерного распределения заработной платы, но которые в то же время не желают осуществлять дорогостоящие переводы от более богатых к более бедным.

Авторы данного исследования предложили ряд объяснений этой довольно радикальной разницы в результатах. Одно из объяснений заключается в том, что люди просто по-разному относятся к предполагаемому компромиссу между эффективностью и справедливостью в разных ситуациях. Вопрос с утечкой специально сфокусирован на перераспределении, в то время как изменения в распределении заработной платы

являются результатом переговоров.

Это подтверждается и исследованием С. Бекман с соавт.: фактическая позиция респондента в распределении доходов влияет на ответ, данный в эксперименте с утечкой [24]. Как и ожидалось, поддержка денежного перевода выше среди тех, кто получит от этого события выгоду.

Учитывая, что определяющей концепцией для измерения неравенства является принцип переноса Пигу-Дальтона[2] [14], далее мы обсудим те экспериментальные результаты, которые охватывают аспект неравенства, связанный с перераспределением.

В работе Й. Амиэла и Ф. Кауэла принцип передачи представлен респондентам как в виде числовой проблемы, так и в устной форме [21]. В первом случае предлагается указать, какое из двух распределений доходов является более неравным: A = (1, 4, 7, 10, 13) против B = (1, 5, 6, 10, 13). В устной форме их просят рассказать, что происходит с неравенством при следующем сценарии: «Предположим, что мы переводим доход от человека, у которого доход больше, к человеку, у которого доход меньше. После передачи у первого человека доход остается таким же высоким». Почти две трети выборки студентов в работе Й. Амиэла и Ф. Кауэла не считали, что неравенство в A ниже, чем в B, в то время как 40% были не согласны с тем, что неравенство будет снижаться согласно устному сценарию. Разница в этих цифрах, по мнению авторов, происходит от того, что некоторые люди думают о перераспределении в духе Робин Гуда при решении устной задачи, тогда как фактическая числовая проблема включает перераспределение от довольно бедных к еще более бедным.

Рассмотренные направления экспериментального изучения отношения респондентов к неравенству в обществе показывают, что данный феномен достаточно сложен для исследования, так как, по-видимому, на конечный ответ и выбор респондента (а значит и его отношение) влияет большое количество факторов, в том числе внутренних, психологических. Однако данный инструментарий (эксперимент) нам представляется более надежным, чем социологические опросы или даже психодиагностические методики. Более того, как было показано выше, эти экспериментальные ситуации являются на данный момент наиболее перспективными в зарубежной литературе.

В данной работе мы ставим следующую *цель* исследования – выявить особенности отношения российских респондентов к экономическому неравенству и обосновать экономико-психологический эксперимент как перспективный метод изучения отношения к неравенству в обществе.

Работа направлена на проверку *гипотезы* исследования – существуют различия в предпочтениях равного и неравного обществ у российских респондентов при изменении условий распределения доходов в экспериментальной экономико-психологической ситуации.

Особый интерес представляет выявление особенностей отношения различных групп (возрастных и региональных) к экономическому неравенству, что будет отражено в частных гипотезах.

Частная гипотеза 1: существуют различия в предпочтениях равного и неравного обществ у российских респондентов, относящихся к различным возрастным группам, при изменении условий распределения доходов в экспериментальной экономико-психологической ситуации.

Частная гипотеза 2: существуют различия в предпочтениях равного и неравного обществ у российских респондентов, относящихся к различным региональным группам, при изменении условий распределения доходов в экспериментальной экономико-психологической ситуации.

Кроме того, была сформулирована гипотеза о перспективности использования экономико-психологического эксперимента.

Частная гипотеза 3: экономико-психологический эксперимент выявляет непосредственно связанные с экономической активностью психологические аспекты отношения респондентов к экономическому неравенству, по сравнению с методами опроса и тестирования (в ходе сопоставления результатов данного исследования с другими публикациями по этой теме).

Методы и материалы исследования

Методы исследования: фокус-группы, опрос, квазиэксперимент, статистическая обработка данных (z-критерий для двух пропорций).

Было проведено 9 фокус-групп в Москве, Владимире и Гусь-Хрустальном с общим числом респондентов – 90 человек (45 мужчин и 45 женщин; 30 человек – в возрасте 20–30 лет, студенты и специалисты с высшим образованием, 30 человек – в возрасте 31–55 лет со средним образованием, 30 человек – в возрасте 56 и выше, со средним образованием). Исследование проводилось в октябре-ноябре 2019 г. Осуществлялось селективное формирование выборки: в конкретных городах отбирались респонденты в возрасте определенного диапазона. Включение в исследование респондентов из указанных городов было связано с тем, что каждый из них соответствует определенному статусу региона, который определяет и преобладающий уровень дохода: Москва – федеральный центр и высокий уровень дохода, Владимир – региональный центр и средний уровень дохода, Гусь-Хрустальный – районный центр и сравнительно низкий уровень дохода. Как представляется, фактор дохода, важный для изучения отношения респондентов к экономическому неравенству, в российских условиях входит в региональный фактор и соответствует стратометрическому способу моделирования выборки [5]. Небольшой объем выборки, в первую очередь, отвечает поставленной цели обоснования метода экономико-психологического эксперимента.

Для исследования отношения респондентов к экономическому неравенству и особенностей их экономического поведения были выбраны экспериментальная ситуация (квазиэксперимент), проводившаяся в рамках фокус-групп. Экспериментальная ситуация предполагала два условия. В первом случае мы предложили всем участникам выбрать одно из обществ А или В, в котором будут жить их внуки. В обществе А люди имеют ежемесячный доход от 10 000 до 60 000 рублей. В обществе В ежемесячный доход составляет от 20 000 до 40 000 рублей. Цены в этих двух обществах одинаковы, нет государства всеобщего благосостояния. Респонденты не знают, какое экономическое положение в этих обществах будут занимать их внуки. В этих условиях, как было сказано выше, человек, нейтральный к риску, предпочтет Общество В, в котором ожидаемый доход выше.

С целью различить два типа неприятия неравенства, а именно – уровень неприятия индивидом риска и готовность человека платить за жизнь в более равноправном обществе, мы продолжили эксперимент. Второе экспериментальное условие заключалось в том, что мы попросили респондентов выбрать между теми же гипотетическими обществами с различным распределением доходов, но доход внука был известен и

равен среднему доходу в обществе. Этот эксперимент позволил нам оценить параметры индивидуального неприятия неравенства в условиях без риска.

Для преодоления (или снижения) влияния текущих личных обстоятельств респондентов (в частности, текущего уровня дохода, который, очевидно, отличается в этих трех городах, что, в свою очередь, входит в региональный фактор) на решение ими поставленной задачи и выявления их отношения к социально-экономическому феномену неравенства (а не к несправедливому уровню их личного дохода, который может быть обусловлен их индивидуальными особенностями, мотивацией, семейными условиями, образованием и др.) ситуация выбора между двумя обществами представлялась участниками именно как гипотетическая (и сам внук так же позиционировался как гипотетический), в которой диапазон размера дохода не был связан с реальными текущими зарплатами и ценами и выражался так же в гипотетических величинах. Такое пояснение давалось респондентам в процессе инструктирования: предложенные диапазоны уровня дохода отражают не минимальные и максимальные размеры зарплаты по всей стране, а границы средних значений (что означает относительно минимальный и относительно максимальный доход). Это связано с тем, что предъявление в качестве стимульного материала высоких зарплат могло обусловить сдвиг ответов в их сторону. Диапазон уровня дохода для Общества А от 10 000 до 60 000 руб. был принят на основе аналитических исследований: для нижней границы использовался минимальный размер оплаты труда в 2019 г. [15] (он был округлен в меньшую сторону до 10 000 руб.), а для верхней – максимальная средняя зарплата по России в 2019 г. [16] (она была округлена в большую сторону до 60 000 руб.). Диапазон для Общества В от 20 000 до 40 000 руб. был определен как интервал, расположенный по обеим сторонам от округленной медианной зарплаты (≈30 000 руб.) [15]. Для организации экономической ситуации выбора общества требовалось не точное, а принципиальное и репрезентативное соответствие реальным экономическим показателям доходов в России, которое, безусловно, имеет свои ограничения [35]. Данные экономические ситуации моделируют ситуацию неравенства, в которой противопоставляется экономическое состояние людей с недостаточным и достаточным уровнем дохода.

В эксперименте в качестве зависимой переменной выступало отношение к неравенству (предпочтение равного или неравного общества), в качестве независимой переменной – различные условия распределения доходов в обществе – общество с риском (возможность нефиксированного как высокого, так и низкого дохода) или общество без риска (фиксированный средний доход); в качестве контролируемых переменных – возрастные и региональные характеристики респондентов. Проводимая экспериментальная ситуация была обозначена нами квазиэкспериментом, так как в ней участвовала только одна группа (для каждого города), а воздействие осуществлялось дважды, что соответствует квазиэкспериментальному плану дискретных временных серий [5]: первая серия воздействия (предъявления ситуаций выбора общества для гипотетического внука) и измерения (фиксации ответов респондентов) осуществлялась в ситуации выбора респондентами общества при отсутствии знания экономического положения их внуков, вторая серия – при наличии знания о среднем доходе внуков. Внутренняя валидность квазиэксперимента обеспечивалась двумя сериями воздействия и специфической поставленной задачей перед испытуемым (отдаленностью экономической проблемы выбора общества и дохода от себя и ее переносом на гипотетического внука). Внешняя валидность экспериментальной ситуации связывалась с тем, что моделируемые задачи отражали экономическое поведение людей при выборе профессии, места работы, финансовых и экономических инструментов и др., а также при

оценке различных социальных и экономических событий. Репрезентативность и эквивалентность выборки достигалась вхождением в нее представителей разных городов (региональная характеристика) и возрастов, а также обладанием респондентами соответствующим экономическим статусом, который характеризует определенный регион. Результаты выбора респондентами общества в двух экспериментальных ситуациях сравнивались с помощью статистического z-критерия, который будет описан ниже.

Дополнительным методом изучения отношения респондентов к неравенству был выбран опрос с помощью анкеты. Анкета включала в себя два закрытых вопроса и один открытый вопрос:

1. Оцените, насколько экономическое неравенство вызывает у Вас возмущение:

- Совсем не возмущает;

- Скорее не возмущает;

- Скорее возмущает;

- Очень возмущает.

2. Вносите ли Вы что-нибудь на благотворительность?

- Регулярно;

- От случая к случаю;

- У меня нет такой возможности;

- Я не считаю это правильным, каждый должен сам решать свои финансовые проблемы;

- Затрудняюсь ответить.

3. Согласны ли вы пожертвовать 1-3% своего дохода (зарплаты и пенсии), тем, кто живет беднее.

Первый вопрос оценивает эмоциональный аспект отношения к экономическому неравенству (прямая эмоциональная оценка), второй и третий – и поведенческий (прямое участие в устранении неравенства). Для выявления когнитивных аспектов использовались ответы респондентов на смоделированные экономические ситуации выбора обществ.

Второй вопрос, направленный на определение благотворительного экономического поведения респондентов, определяет, насколько сами респонденты готовы проявлять активность, направленную на решение проблем экономического неравенства; данный вид экономического поведения (благотворительность) связывается с вопросами распределения экономических благ [44].

Последний вопрос был выбран на основе работ по эксперименту с утечкой [22].

Полученные данные в виде выбора гипотетического общества были переведены в относительные частоты и обработаны с помощью соответствующего z-критерия для проверки различий между пропорциями. Z-критерий двух пропорций обычно используется для проверки различий между показателями двух групп населения (выраженных в относительных величинах), в частности, их отношения к различным социальным событиям. выбора ими решения определенной проблемы и др. [10; 11].

Новизной исследования является, во-первых, проведение данного эксперимента на российской выборке, во-вторых, в модификации экспериментальной ситуации для российских респондентов с учетом российской действительности.

Методологической основой исследования является методология экспериментальной экономики и экономической психологии, в рамках которой вводится экспериментальная ситуация для исследования отношения к различным экономическим явлениям, в том числе, и экономическому неравенству [25; 26; 30; 47]. В данном подходе проводится моделирование определенной ситуации (иногда ее называют игрой, игровой моделью), которая представляет респонденту более развернутую проблему для решения, а также позволяет респонденту несколько вжиться в данную ситуацию, чтобы его реакция или ответ были более надежными и искренними. Экономическое неравенство представляет собой макроэкономическое проявление, с которым респондент редко встречается, однако может иметь к нему определенное личностное отношение. По нашему мнению, такое исследование экономического неравенства можно обозначить *экономико-психологическим экспериментом*. В нашем исследовании мы используем разработанные экспериментальные ситуации [22; 34; 35] и адаптируем их для российской выборки. Адаптация заключалась в определении средних значений уровня дохода для российского общества, а также дополнении инструкции акцентом на гипотетичности предлагаемых условий задачи и сосредоточении на социально-экономических аспектах, исключении личных обстоятельств участников.

Результаты исследования

Результаты проведения первой части эксперимента показали следующее распределение ответов респондентов в ситуации выбора предпочитаемого общества для гипотетического внука (табл. 1).

Таблица 1

Выбор респондентами общества с различными доходами для гипотетического внука (по возрасту и городу) (n=90)

Респонденты	Общество А	Общество В
Все города, 20–30	14	16
Все города, 31–55	15	15
Все города, 56 и старше	16	14
Москва, все возраста (n=30)	18	12
Москва, 20–30	6	4
Москва, 31–55	6	4
Москва, 56 и старше	6	4
Владимир, все возраста (n=30)	13	17
Владимир, 20–30	4	6
Владимир, 31–55	4	6
Владимир, 56 и старше	5	5
Гусь Хрустальный, все возраста (n=30)	14	16
Гусь Хрустальный, 20–30	4	6
Гусь Хрустальный, 31–55	5	5
Гусь Хрустальный, 56 и старше	5	5
Всего по выборке	45 (50%)	45 (50%)

Всего по выборке	49 (54,4%)	41 (45,6%)

Проведение экспериментальных ситуаций выявило, что общества А и В выбрало одинаковое количество респондентов. Распределение по городам показывает, что в столице (Москва, город федерального значения) предпочитают общество А, в региональном центре (Владимир, город областного значения) – общество В, в районном центре (Гусь-Хрустальный, город районного значения) – общество В. Распределение по возрасту показывает, что молодежь предпочитает общество В, люди среднего возраста одинаково предпочитают общества А и В, люди зрелого и пожилого возраста – общество А.

Результаты второй части эксперимента, в которой респондентов просили выбрать между теми же гипотетическими обществами с различным распределением доходов, только теперь доход внука известен и равен среднему доходу в обществе, представлены в табл. 2. Этот эксперимент позволил нам оценить параметры индивидуального неприятия неравенства в условиях без риска при решении смоделированной ситуации.

Таблица 2

Выбор респондентами общества с различными доходами с фиксированным средним доходом гипотетического внука (по возрасту и городу) (n=90)

Респонденты	Общество А	Общество В
Все города, 20–30	15	15
Все города, 31–55	13	17
Все города, 56 и старше	21	9
Москва, все возраста (n=30)	19	11
Москва, 20–30	7	3
Москва, 31–55	5	5
Москва, 56 и старше	7	3
Владимир, все возраста (n=30)	15	15
Владимир, 20–30	4	6
Владимир, 31–55	4	6
Владимир, 56 и старше	7	3
Гусь Хрустальный, все возраста (n=30)	15	15
Гусь Хрустальный, 20–30	4	6
Гусь Хрустальный, 31–55	4	6
Гусь Хрустальный, 56 и старше	7	3
Всего по выборке	49 (54,4%)	41 (45,6%)

В условиях фиксированного среднего дохода российские респонденты готовы примерно в равной степени жить, как в более равном (54,4%), так и в неравном (45,6%) обществе. Распределение по городам показывает, что в столице предпочитают общество А, в региональном центре одинаково предпочитают общества А и В, в районном центре – так же одинаково. Распределение по возрасту показывает, что молодежь одинаково выбирает общество А и В, люди среднего возраста предпочитают общество В, люди зрелого и пожилого возраста – общество А.

Проверка на значимость различий между относительными частотами выбора общества А и В в первой и второй экспериментальной ситуации с помощью двустороннего z-критерия для двух пропорций (Statistica 12) показала отсутствие статистически значимых различий (табл. 3). Так как выбор одного общества означает отказ от другого, то

относительные показатели (в %) выбора одного общества будут отражать и относительные показатели отказа от другого (если 50% респондентов выбрало общество А, то это означает, что 50% респондентов от него отказалось и выбрало другое). Поэтому в таблице представим относительные показатели и уровень значимости только по выбору общества А, так как этот уровень значимости различий совпадает с таковым в отношении сравнения относительных показателей выбора общества В.

Таблица 3

Определение уровня статистической значимости различий между относительными показателями выбора респондентами общества А

	Выбор общества А в первой ситуации (в %)	Выбор общества А во второй ситуации (в %)
По всей выборке	50	54,4*
Москва	60	63,3*
Владимир	43,3	50*
Гусь Хрустальный	46,7	50*
20-30	46,7	50*
31-55	50	43,3*
56 и старше	53,3	70*

Условные обозначения: * – отсутствуют различия, ** – присутствуют различия при $p<0,05$.

Опрос с помощью анкеты показал следующее отношение к экономическому неравенству: совсем не возмущает – 8 человек (9%), скорее не возмущает – 18 человек (20%), скорее возмущает – 33 человека (37%), очень возмущает – 31 человек (34%). Больше 2/3 респондентов относятся негативно к неравенству.

Результаты анкетного вопроса, направленного на определение частоты пожертвований респондентов, демонстрируют следующее распределение: регулярно – 3 человека (3,3%), от случая к случаю – 52 человека (57,8%), у меня нет такой возможности – 23 человека (25,6%), я не считаю это правильным, каждый должен сам решать свои финансовые проблемы – 12 человек (13,3%).

Таким образом, очень небольшое число респондентов регулярно жертвуют часть своих доходов тем, кому еще хуже, но немногим больше половины респондентов декларируют готовность к этому.

Результаты открытого вопроса о пожертвованиях, который также показывает направленность респондентов на равенство/неравенство в обществе, обнаруживают, что 36,7% респондентов готовы жертвовать частью своей зарплаты, чтобы помочь тем, кто живет хуже. Это количество сопоставимо с количеством людей, у которых неравенство вызывает сильное неприятие (34%), но меньше того количества респондентов, которые готовы пожертвовать ежемесячным доходом гипотетического внука (45,6%).

Распределение по городам показывает, что большинство респондентов в городах всех уровней значения не готово жертвовать на благотворительность. Распределение по возрасту показывает, что молодежь не готова жертвовать часть своей зарплаты на благотворительность, люди среднего возраста склонны к благотворительности, люди зрелого и пожилого возраста – так же не готовы.

Обсуждение результатов исследования

Полученные результаты позволяют сделать следующие *выводы*. Основная гипотеза исследования о существовании статистически значимых различий в предпочтениях равного и неравного обществ у российских респондентов при изменении условий распределения доходов не подтвердилась. Респонденты одинаково выбирают общество А и В. Это означает, что российских респондентов можно разделить на два равно представленных *типа – склонных к риску* (к неравному обществу) и *нейтральных к риску* (склонных к равному обществу) в экономическом поведении.

Частная гипотеза о различиях в предпочтениях равного и неравного обществ у российских респондентов, относящихся к различным региональным группам, при изменении условий распределения доходов так же не подтвердилась. В крупных городах федерального значения люди склонны выбирать неравное общество А с потенциально более высокими доходами. Это может быть связано с тем, что в крупных российских городах респонденты знают о больших возможностях, видят примеры высокого дохода в различных слоях населениях, поэтому они стремятся к обладанию более высоким доходом, возможно, не осознавая, что, тем самым, создают основу для неравного общества.

В городах регионального и районного значения наблюдается *расслоение населения*: респонденты одновременно склонны к равному обществу с фиксированным средним доходом и к неравному обществу с высокими доходами. Вероятно, это может быть связано с тем, что в некрупных городах респонденты зачастую не видят возможностей для получения большего дохода, не верят в него, поэтому однозначно не выбирают высокий доход.

Частная гипотеза о различиях в предпочтениях равного и неравного обществ у российских респондентов, относящихся к различным возрастным группам, при изменении условий распределения доходов не подтвердилась. В группах молодежи и людей среднего возраста отсутствует определенность: они одинаково выбирают равное и неравное общество. Люди зрелого и пожилого возраста, наоборот, выбирают общество с более высокими доходами, в котором присутствует неравенство. Это можно объяснить тем, что молодые люди, не имея большого опыта, предпочитают не рисковать, придерживаться тех условий, в которых они живут и работают в настоящее время, в то время как, люди зрелого и пожилого возраста, как более опытные в профессиональном и трудовом аспекте, скорее всего, рассчитывают получить более высокие доходы с помощью связей или других рычагов. Также можно предположить, что люди зрелого и пожилого возраста могут переживать некоторые ограничения, дискриминацию в получении более высоких благ и дохода, поэтому хотят это компенсировать. Здесь можно констатировать либо *возрастной аспект экономического неравенства* – молодежь и люди среднего возраста имеют меньше препятствий в экономическом поведении, в отличие от людей зрелого и пожилого возраста, либо *поколенческий* и *мировоззренческий* – люди зрелого и пожилого возраста значительную часть своей жизни прожили в советское время.

На вопрос, почему респонденты по-прежнему выбирают общество А, если знают, что их гипотетический внук будет иметь там средний доход, были получены ответы, которые можно классифицировать по двум основаниям: *личный интерес* и *направленность на достижения*. Примеры высказываний:

- «В обществе А он будет получать на 5 тысяч больше, чем в обществе В»;

- «Пусть старается, и сможет получать 60 тысяч, а это лучше, чем 40».

В российской выборке существует достаточное большое расслоение почти во всех возрастных и региональных группах: одни стремятся к неравному обществу (возможно, сохраняя свое благополучие или не имея возможностей для экономического роста), другие выбирают равное общество, равные права и возможности. Вероятно, причиной такого разделения является социально-экономическая ситуация в стране: постсоветский период длится всего 30 лет, некоторые социальные, политические и экономические институты еще находятся на стадии реформирования, а само общество, граждане переживают мировоззренческие и ценностные изменения.

Оценивая процедурную часть проведенного экономико-психологического эксперимента, можно сделать следующий вывод: экономические условия в обществе, наличие/отсутствие риска в получении дохода (независимая переменная) не влияют на предпочтение равного или неравного общества (зависимая переменная). Это подтверждается отсутствием статистически значимых различий в предпочтениях равного и неравного обществ при изменении размера доходов. Факторы и причины отношения российского населения к неравенству могут лежать в личностной сфере: ценностях, мировоззрении, социальных и политических установках. Данный вывод приводит к мысли о том, что для перестройки общества недостаточно экономических реформ (направленных, например, на перераспределение доходов и др.), необходима *перестройка общественного сознания*.

Полученный методический и инструментальный результат реализации экономико-психологического эксперимента связан с третьей частной гипотезой о перспективности данного метода экономико-психологического эксперимента для изучения отношения к экономическому неравенству. Это гипотеза подтверждается сравнением с похожими исследованиями, выполненными с помощью традиционных методов опроса и психологического тестирования. Так, в социологических и экономических опросах, посвященных выявлению особенностей отношения к неравенству, результаты объясняются факторами материального положения самих респондентов и их семьи [2; 13], социальной мобильности [2; 13], исторического опыта [19]; то же наблюдается в работах, использовавших психодиагностические методы [48]. В некоторых исследованиях отмечается фактор социальных представлений о неравенстве, справедливости, богатстве и бедности [13; 19]. В проведенном нами исследовании с помощью моделирования экономических ситуаций выбора отношение к неравенству не было связано с демографическими и экономическими факторами, что отсылает к более сложным, не фиксируемым опросами, психологическим причинам.

Вместе с этим данное исследование выявило сходную ситуацию не только присутствия неравенства в обществе, но и его определенного одобрения респондентами [6], таким образом, выделяется *психологический вектор анализа отношения к экономическому неравенству* (например, с помощью структур экономического сознания и психологических механизмов социальной перцепции и экономической социализации [7; 12]).

В рамках нашей работы отношение к экономическому неравенству обусловливалось, во-первых, особенностями рискового поведения респондентов (частота встречаемости которого в экономической сфере очень высока [8]), что показано в других работах только с помощью психодиагностических методов и достаточно опосредованно [3; 4], во-

вторых, личностными чертами, ценностями, мировоззрением и др., что также выявляется опосредованно через психологическое тестирование [17]. Преимуществом экономико-психологического эксперимента является то, что с помощью экспериментальных ситуаций преодолевается, с одной стороны, формальность и обезличенность опросов, с другой – опосредованность личностных свойств, выявляемых с помощью психодиагностических методик. В экономико-психологическом эксперименте поведение респондента одновременно решает задачи социологического и психологического характера: в процессе осуществления выбора и принятия решения человек демонстрирует социальные (социологические) и психологические аспекты собственной экономической активности.

Продолжая анализ психологических факторов отношения к неравенству и возможностей экономико-психологического эксперимента, можно сформулировать вопросы для дальнейших исследований. Так как экономические взгляды и поведение (в виде ответов на вопросы и решения экспериментальных ситуации) респондентов обусловлены их личностными свойствами, то возможно дальнейшее изучение вопроса о готовности жертвовать частью своих доходов через исследование особенностей локуса контроля и векторов ценностных ориентаций населения: уважения традиций, коллективизма, социальной справедливости, независимости, веры в себя, самоуважения.

Кроме того, представляется перспективным определить взаимосвязь отношения к неравенству в обществе и самоотношения индивида. С. Лонэн с соавт., рассматривая взаимосвязь между таким предвзятым отношением к себе и неравенством доходов в стране, утверждают, что макросоциальные различия в распределении странового дохода связаны с микросоциальными процессами восприятия себя [38]. Они также демонстрируют, что уровень самоотношения выше в странах с более высоким коэффициентом Джини.

Наконец, необходимо отметить *ограничения* проведенного исследования и полученных результатов: выборка исследования не была полностью репрезентативна как по образовательному статусу, так и по региональной принадлежности; метод экспериментальных ситуаций был новым, еще не стандартизированным, включал в себя решение задач по выбору гипотетических обществ при исключении текущих и знакомых респондентам экономических условий. Указанные ограничения не позволяют полностью экстраполировать результаты исследования на все российское общество, однако на основе полученных данных намечаются тенденции в экономических установках и поведении российских респондентов.

Заключение

Проведенное исследование показало, что:

1. В российской выборке обнаруживается тенденция к выбору одновременно равного (с фиксированным средним доходом) и неравного (с более высокими доходами) общества. Данное расслоение и противоречие в социально-экономических взглядах, по нашему мнению, является, предположительно, специфической характеристикой российских респондентов.

2. Расслоение в выборе равного и неравного общества выявлено у различных возрастных (молодежь и люди среднего возраста) и региональных (люди из городов регионального и районного значения) групп. Люди зрелого и пожилого возраста, а также люди из городов федерального значения, вероятно, склонны к выбору неравного

общества с высокими доходами.

3. Отсутствие различий в выборе гипотетических обществ при изменении условий распределения доходов означает, что причиной, во-первых, расслоения выборки в отношении экономического неравенства, и во-вторых, высокого процента российских респондентов, склонных к выбору экономически неравного общества, являются не социально-экономические условия, а социально-психологические факторы, личностные ценности и установки и особенности общественного сознания российского населения.

4. Экономико-психологический эксперимент показал ряд преимуществ перед традиционными методами опроса и психологического тестирования: с его помощью были смоделированы ситуации экономического выбора, которые вовлекают респондентов и повышают вероятность надежности их ответов, выявлены социологические и психологические особенности отношения респондентов к экономическому неравенству, намечены перспективы изучения личностных аспектов экономической активности респондентов, которые возможно реализовать с помощью этого же метода.

5. Изучение отношения населения к экономическому неравенству с помощью экспериментального инструментария позволяет расширить понимание общественных процессов, общественного сознания и социально-психологических условий проведения политико-экономических реформ.

[1] «Завеса невежества» – это метод определения моральности проблемы. Человека просят сделать выбор относительно некоторой социальной или моральной проблемы. Предполагается, что принимающий решение человек располагает достаточной информацией, чтобы понимать последствия своих возможных решений для всех, но не знает или не будет принимать во внимание, свое положение в пределах социального строя данного общества. При таком условии принимающий решение, выбирая принципы для распределения прав, положений и ресурсов в обществе, в котором он будет жить, не знает, какое положение он будет занимать в данном обществе (у него есть 50-ти процентная вероятность быть бедным или богатым), поскольку этому препятствует завеса невежества. Идея состоит в том, что индивиды, подвергающиеся завесе невежества, сделают выбор, основанный на моральных соображениях, так как они не будут в состоянии сделать выбор, основанный на собственных интересах или интересах своего класса. Таким образом, данный метод показывает, что незнание своей позиции в обществе приведет к созданию справедливой системы, так как принимающий решение не захочет, чтобы от его конечного решения выиграла какая-либо определенная группа в ущерб другой (поскольку принимающий решение, в конечном итоге, может оказаться в ущемленной группе).

[2] Принцип Пигу-Дальтона позволяет найти и измерить ту степень выравнивания доходов при распределении национальных дивидендов, которая увеличивает уровень совокупного удовлетворения при условии, что сближение доходов самых богатых и самых бедных не повлечет за собой прямого перераспределения уже произведенного, а создаст условия для соответствующей ориентации людей в будущем.

Библиография

1. Гагарина М.А., Муратназаров А.К. Отношение к безусловному базовому доходу у лиц с различным уровнем мотивации избегания неудач // Мир науки. Педагогика и психология. 2019. Т. 7. № 2. С. 44.
2. Гимпельсон В.Е., Монусова Г.А. Восприятие неравенства и социальная мобильность

// Экономический журнал Высшей школы экономики. 2014. Т. 18. № 2. С. 216–248.

3. Горчакова О.Ю., Ларионова А.В., Козлова Н.В. Современное экономическое поведение: установки, представления и психологические особенности молодежи // Психология и психотехника. 2021. № 4. С. 15–32. DOI:10.7256/2454-0722.2021.4.36778 4.
4. Горчакова О.Ю., Ларионова А.В., Обуховская В.Б., Козлова Н.В. Исследование экономического поведения личности: связь психологических особенностей и монетарных установок // Психолог. 2021. № 5. С. 18–35. DOI: 10.25136/2409-8701.2021.5.36807
5. Дружинин В.Н. Экспериментальная психология. СПб.: Питер, 2011.
6. Еремичева Г.В., Евдокимова Е.П. Социальное неравенство в постсоциалистических странах: отношение населения // Петербургская социология сегодня. 2010. Т. 1. С. 228–254.
7. Журавлев А.Л., Дробышева Т.В. Представления о бедном и богатом человеке как феномен экономического сознания формирующейся личности // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 5. С. 46–68.
8. Зубков В.И. Риск в структуре экономического поведения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2001. № 2. С. 76–93.
9. Каргаполова Е.В., Арясова А.Ю. Прогрессивный налог как механизм регуляции социального неравенства в оценках населения // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2019. № 2 (59). С. 212–218. DOI: 10.26105/SSPU.2019.59.2.028
10. Комиссарова И.М., Болотова Е.В. Повышение эффективности профилактического консультирования в сельской популяции краснодарского края // Профилактическая медицина. 2019. Т. 22. № 2. С. 68–75. DOI: 10.17116/profmed20192202168
11. Максимова С.Г., Омельченко Д.А., Ноянзина О.Е. Образовательные и лингвистические составляющие человеческого капитала населения алтайского края: актуальное состояние и структурные детерминанты // Society and Security Insights. 2021. Т. 12. 4. № 1. С. 13–39. DOI: 10.14258/ssi(2021)1-01
12. Миронова Т.Ю. Экономические представления подростков и юношей о социальном неравенстве, формирующиеся в процессе экономической социализации в России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2011. Т. 11. № 4. С. 72–75.
13. Монусова Г.А. Чем определяется восприятие неравенства в доходах // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60. № 1. С. 53–67.
14. Пигу А. Экономическая теория благосостояния. М.: Прогресс, 1985. С. 98–112.
15. Рейтинг российских регионов по уровню зарплат – 2019 [Электронный ресурс]. URL: https://ria.ru/20191202/1561756977.html (дата обращения: 15.10.2022)
16. С 1 января 2019 года размер МРОТ составит 11 280 рублей [Электронный ресурс]. URL: https://mintrud.gov.ru/labour/salary/113 (дата обращения: 02.02.2024)
17. Собкин В.С., Руднев М.Г. Зависть: опыт социологического исследования экономического неравенства // Толерантность в подростковой и молодежной среде. Труды по социологии образования / Под ред. В.С. Собкина. М.: Институт социологии образования РАО, 2004. С. 152–159.
18. Фоломеева Т.В., Федотова С.В. Дифференциация образов высокостатусного и низкостатусного человека у молодежи // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9 (3). С. 197–207. DOI: 10.17759/sps.2018090319
19. Фролова Е.А., Маланина В.А., Клемашева Е.И., Кашапова Э.Р. Представления о

неравенстве и перераспределении: межстрановой сравнительный анализ // Terra Economicus. 2022. Т. 20. № 1. С. 81–101. DOI:10.18522/2073-6606-2022-20-1-81-101

20. Хащенко В.А. Субъективное экономическое благополучие и его измерение: построение опросника и его валидизация // Экспериментальная психология. 2011. Т. 4. № 1. С. 106–127.
21. Amiel Y., Cowell F.A. Measurement of income inequality: Experimental test by questionnaire // Journal of Public Economics. 1992. Vol. 47 (1). P. 3–26. DOI:10.1016/0047-2727(92)90003-X
22. Amiel Y., Cowell F., Gaertner W. Distributional orderings: an approach with seven flavors // Theory and Decision. 2012. Vol. 73 (3). P. 381–399. DOI:10.1007/s11238-011-9243-x
23. Amiel Y., Creedy J., Hurn S. Measuring attitudes towards inequality // Scandinavian Journal of Economics. 1999. Vol. 101 (1). P. 83–96. DOI:10.1111/1467-9442.00142
24. Beckman S.R. et al. Efficiency, equity and democracy: Experimental evidence on Okun's leaky bucket // Research on Economic Inequality. 2004. Vol. 11. P. 17–42. DOI:10.1016/S1049-2585(04)11002-8
25. Camerer C.F., Fehr E. Measuring social norms and preferences using experimental games: A guide for social scientists // J. Henrich, R. Boyd, S. Bowles, C. Camerer, E. Fehr, H. Gintis, R. McElreath (Ed.). Foundations of human sociality. Oxford: Oxford University Press, 2004. P. 55–95. DOI:10.1093/0199262055.001.0001
26. Camerer C.F., Fehr E. When does "economic man" dominate social behavior? // Science. 2006. Vol. 311 (5757). P. 47–52. DOI:10.1126/science.1110600
27. Carlsson F., Daruvala D., Johansson-Stenman O. Are people inequality-averse, or just risk-averse? // Economica. 2005. Vol. 72 (287). P. 375–396. DOI:10.1111/j.0013-0427.2005.00421.x
28. Cheng G.H.L., Chan D.K.S., Yeung D.Y. Correlates of Acceptance of Wealth Inequality: A Moderated Mediation Model // Frontiers in psychology. 2019. Vol. 10. P. 900. DOI:10.3389/fpsyg.2019.00900
29. Chung K., Hwang G., Ryu D.S. Scandal and social inequality: how young Koreans feel relative deprivation to sport celebrities // Sport in Society. 2019. Vol. 22 (8). P. 1396–1414. DOI:10.1080/17430437.2019.1609949
30. Clark A.E., d'Ambrosio C. Attitudes to income inequality: Experimental and survey evidence // Handbook of income distribution. 2015. Vol. 2. P. 1147–1208. DOI:10.1016/B978-0-444-59428-0.00014-X
31. Condon M., Wichowsky A. Inequality in the Social Mind: Social Comparison and Support for Redistribution // The Journal of Politics. 2020. Vol. 82 (1). P. 149–161. DOI:10.1086/705686
32. Engelhardt C., Wagener A. What do Germans think and know about income inequality? A survey experiment // Socio-Economic Review. 2018. Vol. 16 (4). P. 743–767. DOI:10.1093/ser/mwx036
33. García-Castro J.D., Willis G.B., Rodríguez-Bailón R. I know people who can and who cannot: A measure of the perception of economic inequality in everyday life // The Social Science Journal. 2019. Vol. 56 (4). P. 599–608. DOI:10.1016/j.soscij.2018.09.008
34. Gimpelson V., Treisman D. Misperceiving inequality // Economics & Politics. 2018. Vol. 30 (1). P. 27–54. DOI:10.1111/ecpo.12103
35. Johansson-Stenman O., Carlsson F., Daruvala D. Measuring future grandparents'

preferences for equality and relative standing // The Economic Journal. 2002. Vol. 112 (479). P. 362–383. DOI:10.1111/1468-0297.00040

36. Kroll Y., Davidovitz L. Inequality aversion versus risk aversion // Economica. 2003. Vol. 70 (277). P. 19–29. DOI:10.1111/1468-0335.t01-1-00269
37. Kteily N.S., Sheehy-Skeffington J., Ho A.K. Hierarchy in the eye of the beholder: (Anti-) egalitarianism shapes perceived levels of social inequality // Journal of Personality and Social Psychology. 2017. Vol. 112 (1). P. 136–159. DOI:10.1037/pspp0000097
38. Loughnan S. et al. Economic inequality is linked to biased self-perception // Psychological science. 2011. Vol. 22 (10). P. 1254–1258. DOI:10.1177/0956797611417003
39. Norton M.I., Ariely D. Building a better America – One wealth quintile at a time // Perspectives on psychological science. 2011. Vol. 6 (1). P. 9–12. DOI:10.1177/1745691610393524
40. Oishi S., Kushlev K., Schimmack U. Progressive taxation, income inequality, and happiness // American Psychologist. 2018. Vol. 73 (2). P. 157–168. DOI:10.1037/amp0000166
41. Osborne D., García-Sánchez E., Sibley C.G. Identifying the Psychological Mechanisms Underlying the Effects of Inequality on Society: The Macro-Micro Model of Inequality and Relative Deprivation (MIRED) // The social psychology of inequality / J. Jetten, K. Peters (Eds.). Cham: Springer, 2019. P. 249–266. DOI:10.1007/978-3-030-28856-3_16
42. Pedersen R.T., Mutz D.C. Attitudes toward economic inequality: The illusory agreement // Political Science Research and Methods. 2019. Vol. 7 (4). P. 835–851. DOI:10.1017/psrm.2018.18
43. Piff P.K., Kraus M.W., Keltner D. Unpacking the inequality paradox: The psychological roots of inequality and social class // Advances in experimental social psychology. 2018. Vol. 57. P. 53–124. DOI:10.1016/bs.aesp.2017.10.002
44. Pirttilä J., Uusitalo R. A "leaky bucket" in the real world: estimating inequality aversion using survey data // Economica. 2010. Vol. 77 (305). P. 60–76. DOI:10.1111/j.1468-0335.2008.00729.x
45. Roex K.L.A., Huijts T., Sieben I. Attitudes towards income inequality: "Winners" versus "losers" of the perceived meritocracy // Acta Sociologica. 2019. Vol. 62 (1). P. 47–63. DOI:10.1177/0001699317748340
46. Rudman L.A., Saud L.H. Justifying Social Inequalities: The Role of Social Darwinism // Personality and Social Psychology Bulletin. 2020. P. 1–17. DOI:10.1177/0146167219896924
47. Sobel J. Interdependent Preferences and Reciprocity // Journal of Economic Literature. 2005. Vol. 43(2). P. 392–436. DOI:10.1257/0022051054661530
48. Sychev O.A., Protasova I.N. The relationships between moral foundations, social beliefs and attitudes towards economic inequality among Russian youth: a case study of Altai Krai // RUDN Journal of Psychology and Pedagogics. 2020. Т. 17. № 4. С. 705–718. DOI:10.22363/2313-1683-2020-17-4-705-718
49. Wiwad D. et al. The support for economic inequality scale: Development and adjudication // PloS one. 2019. Vol. 14 (6). P. e0218685. DOI:10.1371/journal.pone.021868

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не

раскрывается.
Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться здесь.

Предметом исследования в представленной статье является отношение россиян к экономическому неравенству посредством обоснования экономико-психологического эксперимента.

В качестве методологии предметной области исследования в данной статье были использованы, дескриптивный метод, метод категориализации, метод анализа, а также такие методы исследования как фокус-группы, опрос, квазиэксперимент, статистическая обработка данных (z-критерий для двух пропорций).
Актуальность статьи не вызывает сомнения, поскольку в настоящее время российское общество сталкивается с различными социальными проблемами: неоднородности общественного мнения по различным вопросам, расслоения общества, низкой социальной и политической активности, неравенства и др. Феномен неравенства, проявляющийся в различных формах (экономической, социальной, правовой, политической и др.), откликается в обществе очень остро, так как многие российские граждане встречают подобную проблему и переживают неравенство в различных сферах. Изучение отношения населения к неравенству является важным направлением социологических и социально-психологических исследований.
Научная новизна исследования заключается в выявлении особенностей отношения российских респондентов к экономическому неравенству и обосновании экономико-психологического эксперимента как перспективного метода изучения отношения к неравенству в обществе. Было проведено 9 фокус-групп в Москве, Владимире и Гусь-Хрустальном с общим числом респондентов – 90 человек (45 мужчин и 45 женщин; 30 человек – в возрасте 20–30 лет, студенты и специалисты с высшим образованием, 30 человек – в возрасте 31–55 лет со средним образованием, 30 человек – в возрасте 56 и выше, со средним образованием). Для исследования отношения респондентов к экономическому неравенству и особенностей их экономического поведения были выбраны экспериментальная ситуация (квазиэксперимент), проводившаяся в рамках фокус-групп. Дополнительно для изучения отношения респондентов к неравенству был проведен опрос с помощью анкеты, включавшей в себя два закрытых вопроса и один открытый вопрос.
Статья написана языком научного стиля с грамотным использованием в тексте исследования изложения различных позиций к изучаемой проблеме и применением научной терминологии и дефиниций, а также подробным описанием используемых методов исследования и авторской методики.
Структура выдержана с учетом основных требований, предъявляемых к написанию научных статей, структура данного исследования включает в себя введение, методы и материалы исследования, результаты исследования, обсуждение результатов исследования, заключение и библиографию.
Содержание статьи отражает ее структуру. Особенно ценным в содержании исследования является авторское замечание того, что в российской выборке существует достаточное большое расслоение почти во всех возрастных и региональных группах: одни стремятся к неравному обществу (возможно, сохраняя свое благополучие или не имея возможностей для экономического роста), другие выбирают равное общество, равные права и возможности. Вероятно, причиной такого разделения является социально-экономическая ситуация в стране: постсоветский период длится всего 30 лет, некоторые социальные, политические и экономические институты еще находятся на стадии реформирования, а само общество, граждане переживают мировоззренческие и ценностные изменения.

Библиография содержит 49 источников, включающих в себя отечественные и зарубежные периодические и непериодические издания.

В статье приводится описание различных позиций и точек зрения известных ученых, характеризующих подходы и различные аспекты к пониманию отношения населения к экономическому неравенству и методам исследования данного вопроса, а также содержится апелляция к различным научным трудам и источникам, посвященных этой тематике, которая входит в круг научных интересов исследователей, занимающихся указанной проблематикой.

В представленном исследовании содержатся выводы, касающиеся предметной области исследования. В частности, отмечается, что экономико-психологический эксперимент показал ряд преимуществ перед традиционными методами опроса и психологического тестирования: с его помощью были смоделированы ситуации экономического выбора, которые вовлекают респондентов и повышают вероятность надежности их ответов, выявлены социологические и психологические особенности отношения респондентов к экономическому неравенству, намечены перспективы изучения личностных аспектов экономической активности респондентов, которые возможно реализовать с помощью этого же метода. Изучение отношения населения к экономическому неравенству с помощью экспериментального инструментария позволяет расширить понимание общественных процессов, общественного сознания и социально-психологических условий проведения политико-экономических реформ.

Материалы данного исследования рассчитаны на широкий круг читательской аудитории, они могут быть интересны и использованы учеными в научных целях, педагогическими работниками в образовательном процессе, психологами, социологами, экономистами, политиками, экспертами и аналитиками.

В качестве недостатков данного исследования следует отметить, то, что в статье при описании результатов исследования приведены табличные формы, но для большей наглядности можно было бы использовать и рисунки. Также хотелось бы обратить внимание на слишком объемный библиографический список, составивший 49 источников для такого вида научного исследования как статья, возможно, его бы стоило пересмотреть в сторону сокращения. Указанные недостатки не снижают высокую научную и практическую значимость самого исследования, а скорее относятся к оформлению текста статьи. Статью рекомендуется опубликовать.

Психология и Психотехника
Правильная ссылка на статью:
Цвекс М.В., Рушина М.А. Индивидуально-психологические особенности патриотичности и ценностные ориентации российских студентов // Психология и Психотехника. 2024. № 1. DOI: 10.7256/2454-0722.2024.1.40986 EDN: MQMYYB URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40986

Индивидуально-психологические особенности патриотичности и ценностные ориентации российских студентов

Цвекс Михаилс Васильевич

ORCID: 0000-0003-2498-0392

аспирант, кафедра Психологии и Педагогики, Российский Университет Дружбы Народов

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 17

mihail001@inbox.lv

Рушина Марина Александровна

ORCID: 0000-0003-1395-6194

кандидат психологических наук

доцент, кафедра Психологии и Педагогики, Российский Университет Дружбы Народов

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10

rushina-ma@rudn.ru

Статья из рубрики "Индивид и личность"

DOI:

10.7256/2454-0722.2024.1.40986

EDN:

MQMYYB

Дата направления статьи в редакцию:

13-06-2023

Аннотация: Предмет исследования - индивидуально-психологические особенности патриотичности и ценностные ориентации российских студентов. В исследовании приняли участие 141 студент (60 студентов РУДН и 41 студент МГУ). Авторы рассматривают патриотичность в контексте системно-функционального подхода А.И. Крупнова. В данном случае патриотичность выступает как свойство личности, состоящее

из восьми компонентов: ценностных характеристик, динамических, эмоциональных, регуляторных, мотивационных, когнитивных, продуктивных, трудностей. Каждая из компонент представлена гармонической и агармонической переменной: социально-значимые ценности, личностно-значимые ценности, энергичность, аэнергичность, стеничность, астеничность, интернальность, экстернальность, социоцентризм, эгоцентризм, осмысленность, осведомленность, предметно-коммуникативная, субъектно-личностная продуктивности, операциональные трудности, личностные трудности. Подробно исследуются особенности взаимосвязи патриотичности с факторами личности и структурой ценностных ориентаций. Авторами использовались бланковый тест исследования патриотизма «Патриограмма» (С. И. Кудинов, А. В. Потёмкин); Пятифакторный опросник личности NEO FFI (Коста, МакКрей) в адаптации М. В. Бодунова и С. Д. Бирюкова; Диагностика реальной структуры ценностных ориентаций личности (С. С. Бубнова). Важным результатом исследования являются выявленные статистически достоверные особенности патриотичности российских студентов, а также взаимосвязи этого свойства с факторами личности и ценностными ориентациями. Полученные результаты дают возможность говорить о том, что патриотичность студентов современных российских вузов характеризуется социально-значимой нацеленностью, аэнергичностью, стеничностью, интернальностью, социоцентричностью, осмысленностью и доминирующими трудностями операционального содержания в процессе реализации данного свойства личности. Также выявлено, что сознательность, открытость опыту и экстраверсия являются важными факторами личности, облегчающие процесс проявления студентом своей патриотичности. В свою очередь нейротизм усугубляет операциональные и личностные трудности, сопровождающие реализацию патриотизма. Выявлено, что ценности любви и здоровья взаимосвязаны с устойчивым и эмоционально-положительным проявлением патриотичности, а ценность в признании и уважении коррелирует с социоцентрической мотивацией в контексте реализации данного свойства личности. Выводы данной работы возможно использовать для дальнейшей разработки групповых и индивидуальных коррекционно-развивающих и образовательных программ с целью конструктивной активизации данного свойства личности.

Ключевые слова:

патриотизм, патриотичность, ценностные ориентации, факторы личности, системно-функциональный подход, свойство личности, гармоничность, агармоничность, ценности-идеалы, компоненты свойств личности

Введение.

В настоящее время идёт активная перестройка политической, экономической и духовной сфер в российском обществе, трансформирующее ценностные ориентации и поведение граждан по отношению к своей стране, социуму. Некоторые исследования показывают ухудшение отношения россиян к собственному государству, особенно ярко проявляется данный факт в студенческой среде (Шевченко, 2017; Низова, Рыбакова, 2016). В контексте взаимоотношений гражданин-отечество одним из важнейших феноменов является патриотизм, способный быть ориентиром деятельности личности и проявляющийся во всех жизненных сферах человека: в работе, коммуникации, академической деятельности и т.д. (Хоптяная, 2017; Шурухина, Жданова, 2015, Hamada, 2021). При этом именно студенческую молодежь можно рассматривать «…..в качестве

модельной выборки для отражения актуальных трендов в жизни современного общества» (Никулова, Боброва, 2016, с. 646).

Многие авторы считают, что существует тесная связь патриотизма с ценностными компонентами сознания (Г.В. Здерева, С.В. Мещерякова, В.В. Дулин, А.С. Калюжный, И.Ф. Харламов и др.), активнее всего формирующихся в юношеском возрасте (Науменков, 2013). Данной точки зрения придерживаются и зарубежные исследователи (Livi, et. al., 2014). При этом: «Юношеские ценности могут стать как основой полноценной самореализации человека, воплощением его смысла жизни, так и источником кризиса» (Науменков, 2013, с. 236). Следовательно, на данный момент актуально выявить индивидуально-психологические особенности проявления патриотичности личности и ценностных ориентаций студентов современных российских вузов, как одних из важных факторов благополучия общества.

Сегодня практически все зарубежные словари определяют патриотизм, как лояльность и эмоциональную привязанность к своей стране, интегрирующее чувства гордости, преданности и желание защищать, либо продвигать её интересы (Britannica, 2017; Стэнфордская Философская Энциклопедия, 2020; социологический Оксфордский словарь, 2014). В отечественных словарях патриотизм, в основном, понимается, как преданность, привязанность, любовь к своему народу, Родине, Отечеству, готовность защищать и отстаивать её интересы, как сложное явление общественного сознания (Крысько, 1999; Бим-Бад, 2009; Даль, 2004).

Основные зарубежные психологические исследования патриотизма проводятся в контексте социологического понимания данного феномена, как одной из ключевых форм групповой привязанности (Schatz, 2018; Schatzki, 2017). При этом с помощью патриотизма в основном описывают общественные и национальные процессы.

Мы же рассматриваем патриотизм, как: «системно-функциональное свойство личности, представленное совокупностью инструментально-стилевых и мотивационно-смысловых характеристик, которые обеспечивают постоянство стремлений и готовность субъекта к реализации актуальных и потенциальных социально-значимых ценностей, идеалов и убеждений» (Потемкин, 2009, с. 5). Как было отмечено выше, каждый компонент патриотизма, как системного качества личности состоит из двух переменных – гармонической и агармонической.

А.В. Потёмкин (2008) выделяет 8 компонентов:

- ценностные характеристики: социально-значимые и личностно-значимые ценности,

- динамические характеристики: «энергичность» (сильное, устойчивое и постоянное стремление к реализации патриотичности) и «аэнергичность» (слабость и непостоянство стремлений),

- эмоциональные характеристики: «стеничность» (переживание положительных эмоций при проявлении патриотичности) и «астеничность» (переживание негативных эмоций),

- регуляторные характеристики: «интернальность» (интернальный локус контроля в контексте реализации данного свойства личности) и «экстернальность (экстернальный локус контроля),

- мотивационные характеристики: «социоцентризм» (мотивы, связанные со стремлением помощи окружающим людям, Родине) и «эгоцентризм (побуждения, связанные с желанием проявить собственные возможности и потребности),

- когнитивные характеристики: «осмысленность» (понимание сущности данного феномена) и «осведомленность» (суждения общего характера в понимании патриотичности)

- продуктивные характеристики: «продуктивно-коммуникативные» (патриотизм способствует достижению успеха в предметной области) и «субъективно-личностные (стремление посредством проявления патриотичности реализовать своё «Я»),

- характеристики типов затруднений: «операциональные» (незнание и неумение, как конкретно проявлять патриотичность) и «личностные» (трудности в проявлении патриотичности связанные с личностной тревожностью, застенчивостью и т.п.)

С.И. Кудинов, И.Б. Кудинова и С.С. Кудинов (2013) разделили понятия «патриотизм» и «патриотичность» обозначив первое, как социально-психологическое образование, а второе – как свойство личности. Исследовав студентов российских вузов, авторы выявили три кластера по интенсивности проявления патриотичности личности. Первый – субъектно-значимый, характеризуется выраженным стремлением к реализации патриотического поведения, однако такое поведение проявляется только в том случае если человеку оно выгодно. Второй – недифференцированный, в котором: «…целевые установки к проявлению патриотичности слабо выражены» (Кудинов, Кудинова, Кудинов, 2013, с. 46) приводящий к деформации мировоззренческих взглядов и снижению ценности патриотизма. Третий - социально-ценностный, которому свойственна социально-ценностная направленность проявления патриотизма, которая связана с глубокой осознанностью морально-мировоззренческой составляющей этого феномена (Кудинов, Кудинова, Кудинов, 2013; Кудинова, Нурекеева, Гаврилушкин, 2015).

Отметим, что в контексте регуляции социального поведения важно понятие «ценностные ориентации», которые побуждают к действию, способствуют выбору поведенческих стратегий и являются основой для принятия решений. В классическом понимании М. Рокича ценности обладают определённым содержанием, разницей в интенсивности, выявляют предпочтительность той или иной стратегии социального поведения и связаны с самооценкой и чувством идентичности (Рокич, 1973). Таким образом ценностные ориентиры помогают в определении и предугадывании поведения индивида, а также в его корректировке (Нарбук, Троцук, 2008).

Основываясь на анализе работ Э. Шпрангера, Д.Г. Холланда, М. Рокича, Н.А. Бердяева, А.Г. Здравомыслова, В.П. Тугагиринова и др. и собственных экспериментов С.С. Бубнова описала ценностные ориентации, как системообразующий фактор личности построенный по принципу иерархичности, нелинейности и динамичности. Данная система представлена, как «многомерное динамическое пространство», «….ценности взаимосвязаны, находятся в динамическом равновесии зависящем от личностной ситуации субъекта, и соотносятся между собой по признаку личностной значимости» (Бубнова, 1994, с. 146).

С.С. Бубнова выделяет четыре иерархических уровня ценностных ориентаций. Первый - абстрактные ценности: духовные, социальные и материальные. На втором уровне находятся компоненты абстрактных ценностей, которыми являются ценности-идеалы, связанные с различными способами и формами поведения. Так духовными ценностями-идеалами являются: познавательные, эстетические, гуманистические ценности и ценность любви. К социальным ценностям относятся: ценность социального уважения, социальных достижений и социального статуса, социальной активности. Что же касается материальных ценностей, то они представлены так: здоровье, ценность обладания

материальными благами (Бубнова, Сытин, 2006). Так же отдельно С.С. Бубнова выделяет ценность общения и ценность приятного времяпрепровождения, удовольствия и отдыха (Бубнова, 1994, с. 148). На третьем уровне находятся ценностные свойства личности – любознательность, общительность, активность и др. На четвертом уровне – наиболее свойственные стратегии поведения, как реализация, закрепление ценностей-свойств (Бубнова, Сытин, 2006).

В одной из своих работ С.С. Бубнова даёт описание системы ценностей в обобщённом виде в контексте их реализации в реальных условиях жизнедеятельности: «познание нового в мире, природе, человеке», «поиск и наслаждение прекрасным», «помощь и милосердие к другим людям», «любовь», «признание и уважение людей и влияние на окружающих», «высокий социальный статус и управление людьми» «социальная активность для достижения позитивных изменений в обществе», «здоровье», «высокое материальное благосостояние», «общение», «приятное времяпрепровождение, отдых» (Бубнова, 1994).

С.С. Бубнова и А.Н. Сытин (2006) выявили, что для студентов московских вузов значимыми идеальными ценностями являются: общение, познание, здоровье, любовь. При этом такие ценности, как высокий социальный статус и высокая социальная активность вошли в кластер отвергаемых социальных ценностей (Бубнова, Сытин, 2006). Можно предположить, что за 17 лет произошли сдвиги в отвергаемых и значимых ценностях российских студентов, следовательно требуется повторный анализ значимых ценностей современных студентов.

Выборка и методы исследования

Цель данного исследования – выявить индивидуально-психологические особенности патриотичности личности и ценностные ориентации российских студентов. В исследовании приняли участие 101 студент Российского Университета Дружбы Народов и Московского Государственного Университета (60 студентов РУДН и 41 студент МГУ) в возрасте от 17 лет до 24 лет.

В исследовании для сбора данных была использована батарея психодиагностических методик: бланковый тест исследования патриотизма «Патриограмма» (С.И. Кудинов и А.В. Потёмкин); Пятифакторный опросник личности NEO FFI (Коста, МакКрей) в адаптации М.В. Бодунова и С.Д. Бирюкова; Диагностика реальной структуры ценностных ориентаций личности (С.С. Бубнова).

Методы математической обработки представлены критерием X^2 - Фридмана, W - Вилкоксона, коэффициентом корреляции rs - Спирмена. Компьютерная обработка данных осуществлялась с использованием программных пакетов «Excel», «IBM SPSS Statistics 22» и «Jamovi 2.3.24».

Результаты исследования

Результаты исследования по бланковому тесту «Патриограмма» показывают, что у респондентов прослеживается доминирование отдельных гармонических, либо агармонических переменных. Для достоверности данного заявления было проведено сравнение медиан внутри каждого из компонентов с помощью W-критерия Вилкоксона.

Таблица

Сравнительный анализ выраженности переменных патриотичности у студентов (N=101)

Переменная	Md	W - критерий Вилкоксона	p - уровень
Социально-значимые ценности	31	2762	$p \leq 0,001$
Личностно-значимые ценности	28		
Энергичность	17	1431	$p \leq 0,05$
Аэнергичность	26		
Стеничность	29	3533	$p \leq 0,001$
Астеничность	8		
Интернальность	31	3674	$p \leq 0,001$
Экстернальность	16		
Социоцентризм	36	3539	$p \leq 0,001$
Эгоцентризм	18		
Осмысленность	34	3736	$p \leq 0,001$
Осведомленность	22		
Предметно-коммун. продуктивность	28	982	Не значимо
Субъектно-личностная продуктивность	28		
Операциональные трудности	12	1861	$p \leq 0,001$
Личностные трудности	18		

Выявлено, что ценностная компонента патриотичности студентов характеризуется нацеленностью на защиту своей страны, стремлением быть полезными социуму и желанием улучшить уровень жизни у окружающих людей. Однако проявление патриотического отношения к действительности у студентов слабо и непостоянно, на что указывает динамическая составляющая. Студенты не видят необходимости в открытом проявлении своего патриотизма, считают, что далеко не в каждой ситуации можно отстаивать интересы своей страны и любой патриотический призыв подвергают критической оценке.

В контексте эмоциональной составляющей патриотичности доминирует стеничность. Респондентам свойственно переживать чувство радости и состояние эмоционального подъема при проявлении патриотизма, как от активности приносящей пользу стране. Они испытывают чувство благодарности и признательности к предыдущим поколениям за их вклад в развитие Отечества, чувство гордости и восторга за достижения своих соотечественников и их героическое прошлое. В окружении патриотически настроенных людей студентам свойственно испытывать чувство уверенности и радости.

Волевой-регулятивный компонент патриотичности студентов характеризуется интернальным локусом контроля. Им свойственно считать, что каждый человек должен сам прилагать усилия для улучшения качества жизни в своей стране и самостоятельно выбирать то, каким способом он это будет делать. Респонденты убеждены в том, что если бы каждый человек был патриотом, то в стране решились бы многие проблемы. Несмотря на то, что ответственность за проявление своей патриотичности студенты берут на себя, у них превалирует мнение, что за формирование патриотизма ответственно именно государство и общество, на что указывает доминирование одной из характеристик – экстернальности ($p \leq 0,001$).

В мотивационной составляющей патриотичности доминирует социальная направленность.

Вступать в патриотическую активность студентов побуждает наличие чувства солидарности, желания максимально помочь своему государству и согражданам, улучшить условия жизни людей и страны в целом. При этом они обладают глубоким представлением о данном феномене и правильным толкованием его существенных признаков, на что указывает доминирование «осмысленности» в когнитивном компоненте. Так студенты считают, что патриотизм – это уважение и соблюдение традиций, изучение её законодательной базы, это просто добровольная защита Родины и переживание гордости за её достижения. Патриотичность – это не просто знание о проблемах своей страны, но и действия, а именно – попытки решать эти самые проблемы в меру своих способностей.

Проведенный сравнительный анализ выявил, что у студентов более выражены трудности операционального содержания, которые сопровождают реализацию патриотичности. Так студенты готовы включаться в деятельность способную принести пользу стране и обществу, но они не знают, как конкретно это сделать и считают, что не умеют это делать. При этом они переживают чувство неуверенности если им приходится участвовать в патриотических мероприятиях и считают, что воспитывать патриотические чувства у людей – это сложная задача.

Отметим, что статистические различия по рефлексивно-оценочному компоненту изучаемого качества личности не выявлены.

Анализ результатов исследования по методике «Диагностика реальной структуры ценностных ориентаций личности» выявил, что доминирующими ценностями у студентов являются «общение» и «приятное времяпрепровождение» (Xr^2 = 213,086; $p \leq 0,001$). Респондентам свойственна нацеленность на формирование такого круга общения, который удовлетворял бы их духовно и эмоционально. При этом им ценно иметь возможность тратить своё время и средства на удовлетворение насущных желаний, таких как удовольствие и отдых. Данные ценности могут быть особенностями юношеского возраста, превалирующая направленность на социализацию посредством активной коммуникации, совмещенной с приятным времяпрепровождением, при этом низкая обеспокоенность о здоровье и слабо проявляющаяся нацеленность на высокое материальное благосостояние.

Корреляционный анализ патриотичности личности с факторами личности и структурой ценностных ориентаций выявил, что студентам с энергически-динамической характеристикой, у которых наблюдается сила, устойчивость и постоянство стремления к проявлению патриотизма, готовность реализовывать его различными способами и приемами свойственно быть более закрытыми к новому опыту. Им характерно придерживаться традиционного мировоззрения. Они более консервативны, исполнительны, способны более жестко ставить границы между «правильным» и «не правильным», менее внимательны к чувствам других ($rs = -0,216$; $p \leq 0,05$). У таких студентов в приоритете стоят ценности обладания хорошим здоровьем ($rs = 0,242$; $p \leq 0,05$), любви к своим близким ($rs = 0,257$; $p \leq 0,01$), помощь, милосердие и великодушие к окружающим ($rs = 0,231$; $p \leq 0,05$).

Респондентам с аэнергически-динамической характеристикой, у которых проявление патриотического отношения к действительности характеризуется слабостью и непостоянством, критически относящихся к любому патриотическому призыву и считающих, что если патриотизм и нужен, то только в небольших дозах ($rs = -0,219$; $p \leq 0,05$).

Студентам с эмоционально-стенической характеристикой, для которых проявление патриотизма характеризуется переживанием эмоций радости, оптимизма, эмоционального подъема и удовлетворённостью от реализации данного свойства личности свойственны такие характеристики, как высокое самообладание, упорство, ориентированность на задачи и точность в работе, последовательность и надежность, они более сознательны ($rs = 0,420$; $p \leq 0,001$), в большей степени экстраверты, социальны и коммуникабельны, активны, дружелюбны и оптимистичны, импульсивны и склонны к лидерству ($rs = 0,246$; $p \leq 0,05$), менее нейротичны, им свойственно относится к жизни более рационально и спокойно, они устойчивы и перед лицом препятствий держат себя уверенно, обладают хорошей силой воли и устойчивой организацией личности ($rs = -0,246$; $p \leq 0,05$). Таким студентам характерно наличие ценности обладания хорошим здоровьем ($rs = 0,207$; $p \leq 0,05$) и любви к близким ($rs = 0,302$; $p \leq 0,01$), т.е. нацеленность на построение тёплых и глубоких отношений и активное слежение за своим здоровьем и здоровьем тех, кто им дорог.

Студентам с эмоционально-астенической характеристикой, у которых при реализации патриотизма доминируют негативные чувства: тревога, страх, пессимизм, предчувствие неудач и разочарованность свойственна более низкая сознательность, неорганизованность, слабое чувство долга, низкий уровень целенаправленного поведения, слабый контроль импульсов, определённая гедонистичность ($rs = -0,277$; $p \leq 0,01$), они менее уживчивы со своим окружением, более эгоцентричны, скептичны по отношению к окружающим людям и предпочитают соперничество ($rs = -0,272$; $p \leq 0,01$), им характерна нейротичность, повышенная эмоциональная чувствительность и реактивность на внешние стимулы, эмоциональная лабильность, пессимистичность, они менее общительны, им тяжелее даются волевые усилия, обладают более слабым характером ($rs = 0,223$; $p \leq 0,05$).

Студентам с регуляторно-экстернальной характеристикой, у которых проявление патриотичности связано с экстернальным локусом контроля, т.е. перекладывающих ответственность за формирование и проявление патриотизма на других, уверенных в том, что мощь государства не зависит от усилий отдельных граждан, предпочитающих всё пускать на самотёк в контексте реализации данного свойства личности свойственна более низкая сознательность, слабое чувство долга, неорганизованность, слабый уровень целеустремленности и надежности ($rs = -0,196$; $p \leq 0,05$). Они менее уживчивы, более эгоцентричны и аконформичны, склонны к соперничеству ($rs = -0,312$; $p \leq 0,001$), так же им характерна закрытость к новому опыту, консервативность и предпочтение следовать традиционному мировоззрению и традиционным ценностям ($rs = -0,270$; $p \leq 0,01$), при этом им свойственно отвергать ценность в помощи и милосердии к другим людям ($rs = -0,208$; $p \leq 0,05$).

Студентам с мотивационно-социоцентрической характеристикой, для которых побуждающим мотивом в реализации патриотичности является стремление помочь окружающим людям, обществу, государству, коллективу свойственна более высокая сознательность, чувство долга, скрупулёзность, пунктуальность, целеустремлённость, организованность и надежность ($rs = 0,364$; $p \leq 0,001$). Такие студенты в большей степени экстраверты, стремятся к ярким впечатлениям, более импульсивны и оптимистичны, общительны, нуждаются в людях ($rs = 0,396$; $p \leq 0,001$), в структуре ценностей у них проявляется ценность в завоевании такого положения в обществе, которое обеспечит им уважение и признание людей и влияние на окружающих ($rs = 0,252$; $p \leq 0,05$).

Студентам с мотивационно-эгоцентрической характеристикой, для которых побуждающим

мотивом в реализации патриотичности является проявление себя и своих возможностей, получение личной выгоды, проявление самостоятельности и независимости свойственна закрытость к новому опыту, консервативность, слабый уровень внимательности к чувствам других, им менее интересно стремиться к новым знаниям, идеям, впечатлениям ($rs = -0,216$; $p \leq 0,05$).

Студентам с когнитивно-осмысленной характеристикой, которые имеют глубокие представления о патриотизме, понимают его функциональное назначения, правильно толкуют существенные признаки данного свойства личности и умеют дифференцировать его от других свойственна более высокая сознательность, упорство, организованность и последовательность в достижении своих целей ($rs = 0,246$; $p \leq 0,05$). Их система ценностей характеризуется наличием ценности любви ($rs = 0,277$; $p \leq 0,01$), ценности в признании и уважении людей и возможности влиять на окружающих ($rs = 0,216$; $p \leq 0,05$).

Студентам с когнитивно-осведомлённой характеристикой, у которых характер суждения о патриотизме является общим, указывающим на не существенные признаки данного свойства личности свойственна более высокая сознательность, упорство, организованность и последовательность в достижении целей ($rs = 0,218$; $p \leq 0,05$), они более закрыты к новому опыту, консервативны, менее внимательны к чувствам других ($rs = -0,312$; $p \leq 0,001$), им свойственно наличие ценности любви ($rs = 0,205$; $p \leq 0,05$).

Студентам с операциональным типом затруднений, сопровождающих процесс проявления патриотизма, связанных с недостаточностью знаний и опыта, непониманием сущности данного свойства и невозможностью для личности его конкретного проявления, свойственна более низкая сознательность, недостаточность упорства, скрупулёзности и последовательности в достижении целей, неорганизованность ($rs = -0,457$; $p \leq 0,001$). Такие студенты закрыты к новому опыту, консервативны, меньше стремятся к освоению нового опыта, к переживанию новых впечатлений, менее внимательны к чувствам других ($rs = -0,224$; $p \leq 0,05$). Они больше интроверты, стремятся к спокойной и упорядоченной жизни, самостоятельности, придают большее значение моральным и этическим нормам, индивидуалисты ($rs = -0,247$; $p \leq 0,05$). Так же они более нейротичны, эмоционально менее устойчивы, необщительны и им сложнее проявлять волевые усилия($rs = 0,327$; $p \leq 0,001$), им характерно отвергать такие ценности, как помощь, милосердие и великодушие к другим людям ($rs = -0,265$; $p \leq 0,01$), ценность в достижении высокого социального статусе и управлении людьми ($rs = -0,212$; $p \leq 0,05$) и ценность в хорошем здоровье ($rs = -0,220$; $p \leq 0,05$).

Студентам с личностным типом затруднений, сопровождающих процесс проявления патриотизма, связанных с личностной тревожностью, застенчивостью и скромностью свойственна более низкая сознательность, недостаточность в упорстве, пунктуальности, скрупулёзности и последовательности в достижении целей ($rs = -0,407$; $p \leq 0,001$), они менее уживчивы, более эгоцентричны и скептичны по отношению к окружающим людям, предпочитают соперничать с людьми ($rs = -0,275$; $p \leq 0,01$), более закрыты к новому опыту, консервативны, способны жестче ставить границы между «правильным» и «не правильным», менее внимательны к чувствам других, уровень стремления к новым знаниям и опыту более низкий ($rs = -0,298$; $p \leq 0,01$). Такие студенты-интроверты, стремятся к спокойной, упорядоченной жизни, способны достаточно хорошо контролировать свои эмоции, несколько пессимистичны, придают большое значение моральным и этическим нормам ($rs = -0,300$; $p \leq 0,01$), нейротичны, довольно сильно и резко эмоционально реагируют на внешние стимулы, более активны и эмоционально

лабильны (rs = 0,234 ; p ≤ 0,05). В системе ценностей им характерно отвергать ценность в помощи и милосердии к другим людям (rs = -0,243 ; p ≤ 0,05).

Заключение

Исходя из полученных данных можно сделать вывод, что патриотичность личности студентов современных российских вузов характеризуется социальной направленностью. Они стремятся реализовать данное свойство личности посредством защиты интересов своей Родины, улучшения жизни в стране и помощи окружающим людям. Их мотивирует наличие чувства солидарности, желания как можно сильнее помочь своему Отечеству и людям. Они самостоятельны и ответственны в контексте проявления своей патриотичности, однако считают, что за формирование патриотизма в обществе ответственно именно государство и окружение. Студенты переживают эмоциональный подъем и радость при проявлении своего патриотизма. Им свойственно чувство благодарности и признательности к предыдущим поколениям, а также гордость и восторг за их достижения. Они способны правильно толковать сущностное содержание данного феномена и дифференцировать характеризуемое свойство от других.

Несмотря на готовность студентов включаться в патриотическую деятельность, способную принести пользу стране и обществу, они не знают, как конкретно это сделать и считают, что не умеют это делать. Помимо этого, они не видят необходимости в открытом проявлении патриотизма, что приводит к непостоянству их патриотического поведения. Участие в патриотических мероприятиях вызывает у них чувство неуверенности. Данная неуверенность может являться следствием неумения и незнания как конкретно можно проявить свою патриотичность и способствовать неустойчивости и слабой активности в реализации этого свойства. Помимо этого, возможно в обществе юных людей сегодня «не модно» активно проявлять свой патриотизм и студентам сложно найти корректную и «модную» стратегию для реализации патриотичности.

В процессе исследования нами были выявлены взаимосвязи патриотичности и ценностных ориентаций. Студентам, для которых главное это любовь: к своим близким, жене, ребёнку, а также наличие хорошего здоровья свойственна постоянная и устойчивая готовность проявлять свою патриотичность, переживая при этом эмоциональный подъем, чувство радости, оптимизма и удовлетворённости. Ценности являются важными регуляторами поведения. Данные ценности могут указывать на стремление личности строить глубокие и тёплые отношения, внимательно относиться, как к окружающим, так и к самому себе. При этом реализация ценностей способствует положительным переживаниям. Мы можем наблюдать, что такая нацеленность проявляется и в контексте реализации своей патриотичности.

Студентам, для которых главное это завоевать в жизни положение, обеспечивающее им уважение и признание людей, а также возможность влиять на окружающих характерна социально-направленная мотивация помощи людям и Родине при реализации своей патриотичности, а также когнитивно-осмысленное, сущностное понимание данного свойства.

Так же отметим, что были выявлены индивидуально-психологические особенности проявления патриотичности личности. Чем ниже степень личностной интеграции студента, сила воли, социабельность, а также чем выше его эмоциональная неустойчивость, тем сильнее он переживает негативные эмоции при проявлении своей патриотичности. Такому студенту свойственны трудности в реализации патриотического поведения поскольку ему мешает повышенная личностная тревожность, застенчивость, а

также он не умеет и не знает, как конкретно можно проявить патриотичность.

Студентам экстравертам свойственно переживать эмоциональный подъем, положительные эмоции и удовлетворённость от проявления своей патриотичности. Им характерна социально-направленная мотивация, желание помочь окружающим при реализации данного свойства личности и для них не составляет трудностей вступать в такое поведение.

Чем более консервативен студент и закрыт для нового опыта, знаний и переживаний, тем устойчивее, постояннее и сильнее его готовность проявлять свою патриотичность. Однако реализация патриотического поведения у таких студентов мотивируется личностной выгодой и обладает экстернальным локусом контроля. Представления о патриотичности у консервативных студентов имеют общий характер и несмотря на готовность проявлять данное свойство они не умеют и не знают, как это делать, а также им мешают личностная тревога, скромность и застенчивость при реализации патриотичности.

Студентам склонным к соперничеству, скептически настроенным по отношению к окружающим и более эгоцентричным свойственно переживание негативных эмоций при проявлении патриотичности, их личностная тревожность и застенчивость мешают реализации данного свойства личности, и патриотическое поведение обладает экстернальным локусом контроля.

Сознательная личность подходит к реализации патриотичности с чувством долга, последовательно и скрупулезно. Таким студентам характерно наличие социально-направленной мотивации при проявлении своей патриотичности, желание помогать окружающим людям и Родине. Им не составляет трудностей реализовывать свою патриотичность, при этом, в процессе, они переживают положительные эмоции и чувство удовлетворённости.

Можно сделать вывод, что такие факторы личности, как экстраверсия, сознательность и открытость опыту облегчают процесс реализации студентом своей патриотичности. В то время, как нейротизм наоборот, способствует формированию трудностей.

Выявленные индивидуально-психологические особенности патриотичности и ценностные ориентации студентов российских вузов могут способствовать дальнейшей разработке индивидуальных и групповых коррекционно-развивающих и образовательных программ по формированию конструктивного и гармонического проявления патриотичности.

Библиография

1. Бубнова С.С. Принципы и методы исследования ценностных ориентаций как системы с нелинейной структурой // Психологическое обозрение. 1997. № 1(4). С. 15-20.
2. Бубнова, С. С. Методика диагностики индивидуальной структуры ценностных ориентаций личности / Методы психологической диагностики. М.: Институт психологии РАН. 1994. № 2. С. 144-157.
3. Бубнова С.С, Сытин А.Н. Ценностные ориентации молодежи различных регионов России: принципы, методы, результаты исследования / Научные материалы международного форума и школы молодых ученых ИП РАН: Актуальные проблемы современной российской психологии. – Сочи: 2006. URL: http://www.ipras.ru/cntnt/rus/dop_dokume/mezhdunaro/nauchnye_m/razdel_3_a/bubnova_ss.html (Дата обращения 06.06.2023)
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: Рус. яз. -

1998. 1351 с.

5. Кудинов С.И., Кудинова И.Б., Кудинов С.С. Психологический анализ проявления патриотичности личности студентов // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика. 2013. №2. С. 5-14.
6. Крысько В.Г. Этнопсихологический словарь. М., 1999.
7. Науменков С.М. Современные исследования факторов формирования патриотизма личности // Социальная педагогика и психология. 2015. № 1. С. 233-241.
8. Нарбут Н.П., Троцук И.В. Ценностные ориентации студенческой молодежи в трансформирующемся обществе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2008. № 4. С. 66-77.
9. Низова Л.М., Рыбакова А.П. Патриотизм в студенческой среде // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2016. С. 70-74.
10. Никулова Г.А., Боброва Л.Н. Студенты переселились в интернет: присутствие, предпочтения, влияние / Образовательные технологии и общество. Казань: Казанский национальный исследовательский технологический университет. 2016. Т.19. №. 2. С. 645-661.
11. Нурекеева А.Б., Кудинова И.Б., Гаврилушкин С.А. Кластерная модель патриотичности студентов // Вестник РУДН. Серия: Педагогика и психология. 2015. № 4. С. 27-33.
12. Потёмкин А.В. Национально-психологические особенности проявления патриотизма личности: дис. … канд. психол. наук: 19.00.01. – Тольят. гос. университет, Тольятти, 2009. - 256 с.
13. Потёмкин А.В. Новые методы диагностики патриотизма // Известия ВГПУ: Современные проблемы воспитания: методология, теория, практика. 2008. С. 39-42.
14. Педагогический энциклопедический словарь / Гл. ред. Б. М. Бим-Бад. – М. : Большая рос. энцикл. 2002.
15. Хоптяная В.С. Проблема формирования патриотического сознания и поведения молодежи // Булгаковские чтения. 2017. № 11. С. 189-194.
16. Шевченко С.Н. Формирование патриотического сознания студентов аграрного вуза в условиях современного общества // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2017. Т.6. №. 4(21). С. 254-258.
17. Шурухина Г.А., Жданова Л.А. Психологический анализ проявления патриотичности у старших школьников // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2015. № 3. С. 45-50.
18. Scott J., & Marshall G. A Dictionary of Sociology.: Oxford University Press, 2009. Retrieved from https://www.oxfordreference.com/view/10.1093/acref/9780199533008.001.0001/acref-9780199533008
19. Baumeister A. Patriotism // Encyclopedia Britannica, 10 Jul. 2017. Retrieved from https://www.britannica.com/topic/patriotism-sociology. Accessed 1 June 2023.
20. Hamada T., Shimizu M., Ebihara, T. Good patriotism, social consideration, environmental problem cognition, and pro-environmental attitudes and behaviors: a cross-sectional study of Chinese attitudes // SN Appl. Sci. 2021. № 3. Pp. 1-17.
21. Livi S., Leone L., Falgares G., Lombardo F. Values, ideological attitudes and patriotism // Personality and Individual Differences. 2014. Vol. 64. Pp. 141-146.
22. The Stanford Encyclopedia of Philosophy. Ed. By N. Edward. Retrieved from https://plato.stanford.edu/index.html

23. Rokeach M. The nature of human values. New York: Free Press, 1973.
24. Schatz R.T. A Review and Integration of Research on Blind and Constructive Patriotism / Handbook of Patriotism. Springer, Cham, 2018. Pp. 1-19.
25. Schatzki T.R. Symbolic patriotism / In The Oxford Handbook of Political ideologies. Oxford University Press. Oxford, UK, 2017. Pp. 326-333.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.
Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться здесь.

На рецензирование представлена работа «Индивидуально-психологические особенности патриотичности и ценностные ориентации российских студентов».
Предмет исследования. Работа нацелена на рассмотрение социальной направленности патриотичности студентов. Важно определить взаимосвязь данного понятия с индивидуально-психологическими особенностями современных студентов. В целом, автор представил собственное понимание данного вопроса и достиг поставленной цели.
Методологией исследования являются работы, рассматривающие особенности личностного формирования подрастающего поколения. В значительной мере автор опирался на работы: С.С. Бубнова, А.Н. Сытина, С.И. Кудинова и др.
Актуальность исследования определяется тем, что важно понимать внутренние механизмы формирования патриотизма у молодых людей, поскольку становление их личностного развития осуществляется в период перестройки политической, экономической и духовной сфер в российском обществе. Данный процесс приводит к трансформации ценностных ориентаций и поведения граждан по отношению к своей стране и социуму. Однако, в психологической науке недостаточное внимание уделено определению внутренних механизмов и описанию индивидуально-психологических особенностей в данном процессе.
Научная новизна исследования заключается в том, автором выявлены индивидуально-психологические особенности патриотичности личности и ценностные ориентации российских студентов; конкретизирован понятийный аппарат.
Стиль, структура, содержание. Стиль изложения соответствует публикациям такого уровня. Язык работы научный. Структура работы прослеживается четко. Автором выделены основные смысловые части.
Во введении обозначена проблема исследования и ее актуальность. Автором отмечено, что в ситуации активной перестройки политической, экономической и духовной сфер в российском обществе, трансформирующей ценностные ориентации и поведение граждан по отношению к своей стране, социуму, важным является формирование патриотичности и ценностных ориентаций российских студентов. В то же время, необходимо понимание их актуального состояния.
Второй раздел посвящен описанию теоретического обзора. Автором представлены взгляды российских и зарубежных специалистов на затронутую проблему. Это позволило представить собственное понимание и содержание таких феноменов, как «патриотизм» и «ценностные ориентации». Особое внимание уделено выделению основных компонентов и характеристики патриотизма: ценностные, динамические, эмоциональные, регуляторные, мотивационные, когнитивные, продуктивные, а также характеристики типов затруднений.
Особое внимание уделено в работе рассмотрению работ таких авторов, как: Н.А. Бердяев, С.С. Бубнов, А.Г. Здравомыслов, С.И. Кудинов, И.Б. Кудинова, С.С. Кудинов

А.В. Потёмкин, М. Рокич, А.Н. Сытин, В.П. Тугагиринов, Д.Г. Холланд, Э. Шпрангер и др.

Следующий раздел посвящен описанию проведенного исследования. Автором выделил респондентов, которыми выступили 101 студент Российского Университета Дружбы Народов и Московского Государственного Университета (60 студентов РУДН и 41 студент МГУ) в возрасте от 17 лет до 24 лет. Для достижения поставленных целей был использован комплекс психодиагностических методик: бланковый тест исследования патриотизма «Патриограмма» (С.И. Кудинов и А.В. Потёмкин); Пятифакторный опросник личности NEO FFI (Коста, МакКрей) в адаптации М.В. Бодунова и С.Д. Бирюкова, Диагностика реальной структуры ценностных ориентаций личности (С.С. Бубнова).

Полученные результаты позволили автору получить следующие результаты: сравнить выраженность гармонических и агармонических переменных патриотичности студентов; описать ценностную компоненту патриотичности студентов, эмоциональную составляющую, волевой-регулятивный компонентов патриотичности, мотивационную составляющую, рефлексивно-оценочный компонент. Особое внимание уделено выделению доминирующих ценностей современных студентов. Полученные результаты были подвергнуты анализу, в том числе, корреляционному.

Автором использованы следующие методы математической обработки: критерий Х2 - Фридмана, W -Вилкоксона, коэффициент корреляции rs - Спирмена.

Компьютерная обработка данных осуществлялась с использованием программных пакетов «Excel», «IBM SPSS Statistics 22» и «Jamovi 2.3.24».

Проведенное исследование позволило автору подвести итоги и сделать аргументированные выводы в заключении данной статьи.

Библиография. Библиография статьи включает в себя 25 отечественных и зарубежных источников, издания за последние три года отсутствуют. В списке представлены, в основном, статьи и тезисы. Помимо этого, имеются также монографии, словари, методические и учебные пособия, а также интернет-издания. Источники оформлены некорректно и неоднородно.

Апелляция к оппонентам.

Рекомендации:

- провести более подробный анализ полученных результатов;
- представить рекомендации по результатам проведенного исследования;
- оформить библиографический список в соответствии с предъявляемыми требованиями.

Выводы. Проблематика статьи отличается несомненной актуальностью, теоретической и практической ценностью; будет интересна специалистам, которые занимаются проблемами формирования патриотичности и ценностных ориентаций российских студентов. Статья может быть рекомендована к опубликованию, важно учесть выделенные рекомендации. Это позволить представить в редакцию научно-исследовательскую статью, отличающуюся научной новизной и значимостью.

Психология и Психотехника
Правильная ссылка на статью:
Кипреев С.Н. Особенности формирования патриотизма в ходе преподавания гуманитарных учебных дисциплин кафедры психологии и педагогики // Психология и Психотехника. 2024. № 1. DOI: 10.7256/2454-0722.2024.1.40511 EDN: NZDHCH URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40511

Особенности формирования патриотизма в ходе преподавания гуманитарных учебных дисциплин кафедры психологии и педагогики

Кипреев Сергей Николаевич

ORCID: 0000-0002-3948-8360

Адъюнкт кафедры социально-гуманитарных дисциплин Краснодарского университета МВД России

350005, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Кореновская, 2/4, кв. 273

komissar.1917@mail.ru

Статья из рубрики "Психология и педагогика"

DOI:

10.7256/2454-0722.2024.1.40511

EDN:

NZDHCH

Дата направления статьи в редакцию:

17-04-2023

Аннотация: В настоящей статье рассматриваются особенности исследований чувства патриотизма у курсантов образовательной организации МВД, проведенные на кафедре психологии и педагогики Краснодарского университета МВД России. Целью исследования явилось определение эффективности внедрения методов дополнения содержания учебных дисциплин в образовательный процесс. Для этого автором проведена опытно-экспериментальная работа по формированию чувства патриотизма у курсантов-полицейских ан кафедре психологии и педагогики. В статье описываются виды информационных элементов, непосредственно вводимых в содержание учебного материала или косвенно используемых в ходе учебных занятий, раскрывается специфика их использования для патриотического воспитания. Раскрыта специфика воспитания патриотизма в ходе преподавания гуманитарных учебных дисциплин. Дается описание перспективных направлений дальнейших исследований по теме воспитания патриотизма, и предлагаются рекомендации по совершенствованию системы патриотического воспитания в ведомственном вузе. Описана трансформация

содержания гуманитарных дисциплин с целью формирования у курсантов чувства патриотизма. Исследователь приводит авторскую типологию чувства патриотизма, актуализирует вопрос о необходимости совершенствования процесса патриотического воспитания в новых информационно-политических условиях. В работе удалось показать особенности формирования патриотизма в образовательной практике, в процессе преподавания учебных дисциплин гуманитарного цикла на кафедре психологии и педагогики в образовательной системе МВД России.

Ключевые слова:

курсанты, чувство патриотизма, воспитание, образование, научные исследования, особенности формирования патриотизма, гуманитарные учебные дисциплины, компоненты чувства патриотизма, типы чувства патриотизма, патриотизм

Введение

Сегодня для сотрудника полиции важнейшим умением в работе с людьми является способность понимать причины совершения тех или иных противоправных деяний, выбирать методы и средства профилактики антиобщественного поведения в конкретных ситуациях служебной деятельности.

М. А. Мазур в одном из своих исследований замечательно описывает особенности патриотического воспитания: «проблема патриотического воспитания сотрудников ОВД стала одной из актуальнейших, а ее особое значение объясняется тем, что она оказалась в эпицентре целого ряда связанных с нею других проблем, которые затрагивают интересы государства в целом. Сотрудники ОВД обладают определенными полномочиями исполнительной власти, доносят до общества решения правительства, что предъявляет к их личности особые требования, в том числе высокой нравственности и убежденности в правильности реализуемых действий, верности государству» [6].

Системное представление процесса преподавания и связываемого с ним процесса формирования чувства патриотизма обосновано в трудах А.Ю. Трифонова, Л.Р. Назаровой, В.С. Мусиенко

Применение в процессе формирования чувства патриотизма методов, организационных форм и средств реализации содержания обучения изучалось в работах таких исследователей как К.С. Гордеевой, А.Н.Лебедева, В.О. Леонова, И.Н. Хазеевой, Я.А. Холодей.

В Краснодарском университете МВД России гуманитарные дисциплины изучаются на всех курсах обучения на кафедрах психологии и педагогики, истории государства и права, философии и социологии.

В ходе изучения гуманитарных дисциплин «происходит конструктивное формирование личности, закрепление в сознании молодого человека правильных представлений о вечных непреходящих человеческих ценностях: любви к Родине, стремления к миру, уважения к окружающим, почитания предков, заботы о престарелых родителях, защиты детей» [4]. На наш взгляд использование воспитательного потенциала образовательного процесса необходимо для формирования и функционирования системы патриотического воспитания в образовательной организации. Формирование чувства патриотизма всегда осуществлялось, и будет осуществляться через воспитательную и образовательную

среду учебного заведения.

Нами разделяется мнение Е.Н. Иванова о том, что «специфика гуманитарных наук и гуманитарного познания позволяет реализовать не только ценности гуманитарного образования, но и ценности, связанные с собственно образованием (воспитанием), так как оно способствует формированию гуманитарного мышления. Гуманитарные знания влияют на формирование ценностных ориентаций личности, составляющих основу нравственного сознания. Именно нравственное сознание программирует нравственную культуру, так как связано с мировоззрением человека» [4].

Все это дает сотруднику полиции изучение дисциплин психологии и педагогики. Для сотрудника органов внутренних дел важно быть мотивированным к службе и иметь желание приносить пользу Родине и обществу своей деятельностью.

Психологические дисциплины позволяют курсантам по-новому взглянуть на мир и службу. Н. Г. Степанова и Н. А. Васильева достаточно ёмко высказались о понимании гуманитарными науками феномена патриотизма: «с позиции психологии патриотизм представляет собой чувство, выступающее как надсознательный процесс в том смысле, что его содержание и временные масштабы крупнее всего того, что может уместить сознание. Проходя через сознание отдельными своими компонентами, они как целое находятся за её пределами. Патриотизм, разворачиваясь в форме длительной и напряженной работы сознания человека в готовности к суровому ратному труду, тяготам и лишениям воинской службы, самопожертвованию и подвигу. Патриотизм представляет собой качественную характеристику социального субъекта, свидетельствующая о принятии им ценностей национального государства, ценностей культуры своего народа и страны в качестве ведущих элементов его ценностно-нормативной системы, обусловливающих направленность и интенсивность его деятельности в различных сферах бытия» [8].

Одной из основных функций кафедры в деятельности образовательной организации является «организация воспитательной работы как целенаправленной деятельности по формированию у обучающихся комплекса профессиональных и нравственных качеств, обусловленных потребностями оперативно-служебной деятельности» [5].

В ФОСах описывается, что в ходе преподавания дисциплины «Профилактика экстремизма в молодежной среде» **у** курсантов формируется навык «проведения мероприятий по профилактики и пресечению проявлений и распространений экстремистских установок, ксенофобии, криминальных субкультур в молодежной сред» [5, с. 118]; они приобретают навыки определения компетенций и полномочий государственных органов и должностных лиц: «учета полисистемного характера причин, способствующих вовлечению несовершеннолетних в правонарушения; получение информации о неформальных молодежных объединениях, внешних признаках, функционировании неформальных молодежных объединений, социально-психологических особенностях членов неформальных молодежных объединений; выявление лиц, участников неформальных молодежных объединений на основе комплексного подхода, с опорой на организационно-правовые меры» [5, с. 88].

В ходе изучения данной учебной данной дисциплины, а также ряда других, преподаваемых на кафедре, возможно эффективнее всего формировать национальный тип патриотизма. В рамках содержания юридических учебных дисциплин невозможно включение большого объема информационного материала для формирования чувства

патриотизма, поэтому в процессе патриотического воспитания следует использовать потенциал гуманитарных дисциплин.

Воспитывающая функция заключается в усвоении курсантами коллективного опыта, обычаев, правил и норм поведения, которые сложились в процессе воспитания патриотизма. Она способствует формированию у них системы духовно-нравственных ценностей, «служащих основой их патриотических взглядов и убеждений. Данная функция формирует у курсантов опыт практической деятельности, который складывается из поступков и действий, осознанно подчиненных воспитанию у себя чувства патриотизма» [9].

Ключевым методом в рамках проведенного нами исследования на кафедре психологии и педагогики является разработанный нами на основе парциального метода элементный метод. Примером использования понятийно-содержательных видов информационного материала вводимого в содержание учебного материала служит Тема 1.5. «Основные составляющие противодействия экстремизму и терроризму», из материалов данной лекции более 60 % учебного материала можно использовать в качестве информации для воспитания патриотизма. **О**коло 20% информационного материала по содержанию подходят для патриотического воспитания в Теме №5. «Психолого-педагогическая профилактика экстремистско-террористических установок в подростково-молодежной среде», в ходе которой можно использовать контекстный метод обновления содержания образования. Причем в учебном вопросе № 1 «Основные направления противодействия молодежному экстремизму в Российской Федерации» можно использовать более 35 % учебного материала в качестве информации для формирования чувства патриотизма.

Примером сентенциальных методов обновления содежания образования могут служить такие вопросы как: Какова роль политики государства по противодействии экстремизму в сфере поддержки национально-культурных особенностей граждан? Насколько вы разделяете мнения авторов? Какую роль играют национальные чувства в жизни человека?

При применении имплицитных методов патриотическая информация доносится до объектов воспитания неявно, и принимается в ходе программирующих вопросов. Такими вопросами могут служить следующие: знаете ли вы, что гармонично развитые этнические чувства человека являются важной составляющей чувства патриотизма? Известен ли вам тот факт, что нормальное развитие общества не может происходить без обеспечения национальных интересов государства?

Ярким примером семантических методов обновления содержания образования является рассмотрение национальности и национальных чувств в рамках психологии, когда учащимся разъясняются нормы межэтнических взаимоотношений, место и роль русского народа на мировой арене, делается «прививка» от русофобии нацизма и других фор отклонений от патриотической нормы.

При решении ситуационных задач происходит формирование у курсантов духовно-нравственных ценностей, способствующих развитию различных типов чувства патриотизма.

Согласно Л.Г. Сахаровой «эмоционально-ценностный аспект духовно-нравственного воспитания реализуется в организации педагогической деятельности, при которой в содержание, формы и методы воспитания вводятся эмоциональные компоненты, стимулирующие творческое воплощение нравственно воспитывающих ситуаций, содержащие потенциальные возможности для интериоризации личностью нравственных

ценностей» [7].

Большое практическое значение для патриотического воспитания имеет тема Тема 3.4. «Коррекционное воздействие при профилактике экстремистско-террористических установок в молодежной среде». Ее изучение обеспечивает соответствие квалификации сотрудников осуществляющих профилактические мероприятия по предупреждению и пресечению правонарушений и антиобщественных действий со стороны несовершеннолетних меняющимся условиям профессиональной служебной деятельности и социальной среды.

Большим количеством исследователей ставилась задача по выделению качественных признаков, критериальных оснований, позволяющих построить классификацию чувства патриотизма. Наиболее системными и цитируемыми являлись работы С.С. Волкова, Т.Д. Дубицкой, И.Л. Кишея, М.Л. Князевой, Л.В. Мордовиной, П.И. Шунькова.

Нами, вслед за М.М. Кучуковым, М.В. Рацем, Б.Б. Гармаевым, О.Ю. Узуновой сделана попытка выделения авторской типологии чувства патриотизма, и за основу выбран семантический метод. Данный метод в исследовании патриотической семантики применялся А.В. Грищук, В.Н. Левиной, Е.Г. Малышевой, В.Д. Мансуровой.

В современном информационном пространстве среди научных работ с помощью анализа текстовых единиц нами были выделены основные виды патриотизма, сгруппированные в типы чувства патриотизма, графически представленные на рисунке 1:

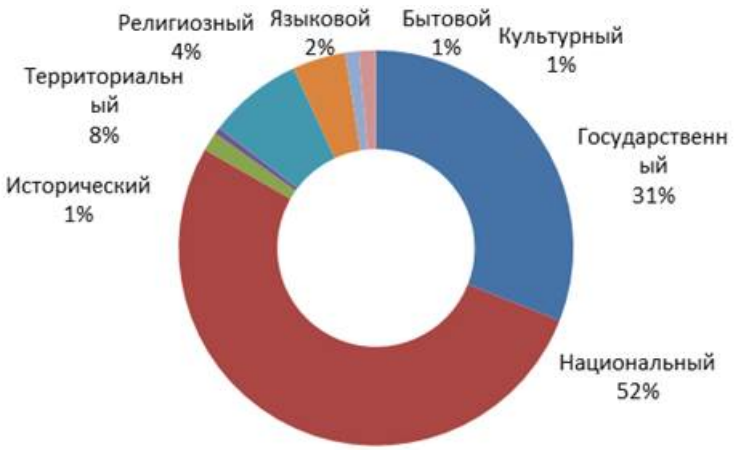


Рисунок 1 – Типологическая структура чувства патриотизма в системе личности человека

В ходе проведенного эксперимента на кафедре психологии и педагогики нами была выявлена положительная динамика формирования чувства патриотизма по тем типам чувства патриотизма, в отношении которых была введена в содержание образования патриотическая информация. Это свидетельствует об эффективности выбранного нами метода формирования различных типов чувства патриотизма и успешности его применения.

Г. А. Гюрджян полагает, что «становление субъекта профессиональной деятельности является следствием прохождения человеком сложного пути своего развития, подготовки к вхождению в мир профессий, освоения профессиональной деятельности, адаптации к ней и совершенствования профессионального мастерства» [3].

Изменения уровней сформированности чувства патриотизма (без сырых баллов) в контрольной и экспериментальной группах представлены в таблице 1:

Тип чувства патриотизма	Общий уровень ЧП в группах (выраженный в % от максимума)				Динамика сформированности чувства патриотизма	
	до проведения эксперимента		после проведения эксперимента			
	Эксп.	Контр.	Эксп.	Контр.	Эксп.	Контр.
Семейно-Бытовой	65,4	58,1	64,9	58,3	-0,5	0,2
Государственный	62,2	61,0	64,1	63,5	1,9	2,5
Исторический	73,1	72,8	74,2	73,2	1,1	0,4
Социокультурный	69,6	70,7	73,7	71,6	4,1	0,9
Национальный	74,5	70,1	78,4	72,3	3,9	2,2
Религиозный	51,0	50,8	52,3	51,6	1,3	0,8
Территориальный	66,2	63,9	67,1	65,0	0,9	1,1
Языковой	65,8	65,1	67,7	66,9	1,9	1,8
Общий групповой уровень	*65,9*	*64,0*	*67,8*	*65,3*	*1,825*	*1,237*

Таблица 1 – Результаты опытно-экспериментальной работы по формированию чувства патриотизма с помощью методов дополнения содержания образования на кафедре психологии и педагогики Краснодарского университета МВД России

Результаты опытно-экспериментальной работы свидетельствуют, что в ходе специального воспитательного воздействия удалось значительно повысить уровень сформированности национального (на 3,9%) и социокультурного (на 4,1%) уровней чувства патриотизма среди участников контрольной группы, но не удалось добиться положительных результатов по семейно-бытовому типу чувства патриотизма. Причиной этого является то, что для формирования семейно-бытового типа чувства патриотизма более подходит не образовательная среда, а воспитательные мероприятия, в ходе проведения которых необходимо использовать воспитательный потенциал семейных ценностей.

Полученный в ходе анкетирования индивидуальный балл определял уровень сформированности компонентов чувства патриотизма у курсантов, согласно сформулированной шкале уровней сформированности чувства патриотизма. Сравнение и анализ полученных результатов позволили нам сформулировать вывод, что в количественном отношении у курсантов экспериментальной и контрольной групп отсутствовали значимые различия в уровнях развития различных компонентов и типов чувства патриотизма: высокий уровень был диагностирован у 52% курсантов экспериментальной группы и 53% контрольной группы; выше среднего – у 19% участников экспериментальной и 17% контрольной, средний уровень - у 22% исследуемых экспериментальной группы и 27% контрольной; низкий уровень - у 13% и 12% соответственно. Следовательно, в начале диагностического исследования у курсантов обеих групп выявлен схожий уровень сформированности компонентов чувства патриотизма.

Также нами отмечено значительное повышение уровня государственного и национального типов патриотизма, что произошло благодаря плановому воздействию органов воспитательной работы и командиров подразделений, а также патриотического актива, которые не участвовали в эксперименте.

Заключение

Между тем развитие чувства патриотизма и системы духовно-нравственных ценностей личности обучающихся позволяет повысить качество исполнения полицейскими служебных обязанностей. Поиск способов повышения эффективности воспитательной работы с помощью использования воспитательного потенциала духовно-нравственных ценностей, и новаторских форм воспитания патриотизма, их практического применения с учетом требований государственной образовательной политики и реалий современной жизни – важная проблема педагогики высшей школы.

Данные исследования свидетельствуют о том, что примененные нами методы формирования чувства патриотизма являются эффективными и могут быть рекомендованы для применения в ходе преподавания гуманитарных учебных дисциплин в образовательном и воспитательном процессе учебных организаций. Н. Г. Степановой и Н. А. Васильевой показана роль и место гуманитарных наук в деятельности органов внутренних дел так: «на всех исторических этапах функционирования и развития органов внутренних дел была и остается актуальной задача формирования профессионального, компетентного, патриотически воспитанного, морально и психологически устойчивого сотрудника органов внутренних дел, отвечающего требованиям соответствующего периода развития общества и органов внутренних дел» [5]. С этой задачей успешно справляются именно гуманитарные науки такие как педагогика, психология, социология, культурология.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что воспитание чувства патриотизма возможно и необходимо осуществлять в рамках преподавания учебных дисциплин с помощью дополнения содержания образования ведомственных вузов МВД России, патриотической информацией. Такой процесс будет наиболее эффективен, если его будут проводить компетентные лица, обученные соответствующим образом, и имеющие интерес к проведению воспитательной работы направленной на формирование чувства патриотизма.

Библиография

1. Виноградов П. Л. Развитие пулевой стрельбы в России как эффективного патриотического и мотивационного средства для обучающихся. // В сборнике: Совершенствование методики преподавания специальных профессиональных дисциплин в образовательных организациях МВД России. Материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции. Краснодар, 2021. С. 37-42.
2. Глушко Т. М. Традиции патриотизма в преподавании гуманитарных наук // Гуманитарные аспекты высшего профессионального образования: сборник научных трудов 3-й Международной научно-практической конференции, Макеевка, 28 февраля 2018 года / Ответственный за выпуск: Яковенко Н.Б.. – Макеевка: Донбасская национальная академия строительства и архитектуры, 2018. – С. 307-309.
3. Гюрджян Г. А. Волевые качества личности как субъектные характеристики специалиста в сфере безопасности жизнедеятельности // Наука и современность. – 2010. – № 4-1. – С. 285-288.
4. Иванов Е. Н. Педагогические условия воспитания патриотизма у курсантов вуза средствами гуманитарных дисциплин. // Вестник Тамбовского университета. 2007. № С. 56-61.
5. Мазур М. А. Сущность и особенности патриотического воспитания сотрудников органов внутренних дел в современных условиях МОВД «Ханты-Мансийский» // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2009. – № 7-2. – С. 131-

133.

6. Мазур М. А. Сущность и особенности патриотического воспитания сотрудников органов внутренних дел // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2011. – № 129. – С. 203-208.
7. Сахарова Л. Г. Духовно-нравственное воспитание студенческой молодежи как эмоционально-ценностный феномен / Л. Г. Сахарова, В. А. Сахаров, Н. В. Пономарева // Социально-гуманитарная подготовка студентов медицинского вуза: патриотические и духовно-нравственные традиции: сборник научно-методических трудов. – Киров: Кировский государственный медицинский университет, 2017. – С. 118-130.
8. Степанова Н. Г. Роль гуманитарных наук в воспитании гражданственности и патриотизма студенческой молодежи / Н. Г. Степанова, Н. А. Васильева // Климат, экология, сельское хозяйство Евразии: Материалы VII международной научно-практической конференции, Иркутск, 24–26 мая 2018 года. – Иркутск: Иркутский государственный аграрный университет им. А.А. Ежевского, 2018. – С. 270-276.
9. Тумасян Л. Л. Преподавание физической культуры и физического воспитания в образовательных организациях системы МВД России как условие развития патриотического сознания обучающихся. // Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Краснодарский университет МВД России. 2020. С. 242-244.
10. Чуйков О. Е. Сущность патриотизма в контексте социально-гуманитарных наук // Поколение будущего: взгляд молодых ученых: сборник научных статей 4-й международной молодежной научной конференции: в 3 томах, Курск, 10–11 ноября 2016 года. – Курск: Закрытое акционерное общество «Университетская книга», 2016. – С. 116-119.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.
Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться здесь.

На рецензирование представлена работа «Особенности формирования патриотизма в ходе преподавания гуманитарных учебных дисциплин кафедры психологии и педагогики».
Предмет исследования. Предмет исследования обозначен в названии. В целом, автором был представлен теоретический обзор, исследование, формирующая программа и выводы. Автор кратко представил содержание работы, направленной на формирование патриотизма в ходе преподавания гуманитарных учебных дисциплин кафедры психологии и педагогики в университете МВД. Предмет исследования исследован в полном объеме.
Методология исследования. Методология исследования заявленной темы учитывает сложность и комплексность затронутой проблемы. Автор опирается на основные положения исследований, которые изучают особенности организации воспитательной работы в вузе, а также структурный подход к формированию патриотизма.
Актуальность исследования определяется с позиции необходимости формирования патриотизма курсантом университета МВД. Причем, гуманитарные дисциплины кафедры психологии и педагогики обладают значительным потенциалом для решения поставленной задачи. Однако, не обозначена актуальность с позиции дефицитарности практических исследований.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

- автором показано, что при грамотно организованной работе и специальном воспитательном воздействии положительное влияние оказывается на национальный и социокультурный уровни чувства патриотизма;
- в исследовании было показано, что на формирование семейно-бытового чувства патриотизма в образовательной среде оказывать влияние достаточно сложно;
- эффективным является использование ситуативных задач.
- проведенная работа, в целом, показала свою эффективность.

Стиль, структура, содержание. Стиль изложения соответствует публикациям такого уровня. Язык работы научный. Структура работы четко прослеживается.

В структуре представлено два раздела, но в соответствии с логикой прослеживается следующее содержание.

Во введении обозначена актуальность затронутой проблемы, представлен небольшой анализ исследований, обоснована проблема.

В основной части была выделена авторская типология чувства патриотизма, и за основу выбран семантический метод.

Следующий раздел посвящен описанию проведенного эксперимента на кафедре психологии и педагогики, представлены сырые баллы и выделены основные выводы в соответствии с проведенным исследованием.

Заканчивается работа обсуждением результатов и заключением.

Библиография. Библиография статьи включает в себя 10 отечественных источников, незначительная часть которых была издана за последние три года. В списке представлены, в основном, научно-исследовательские статьи. Оформление источников, в основном, неоднородное и некорректное. Необходимо привести в соответствии с предъявляемыми требованиями.

Апелляция к оппонентам.

Работа очень интересная и актуальная. Рекомендации:

1) расширить теоретический обзор проведенных исследований, включив анализ современных исследований;
2) структурировать описание исследования, выделив объем респондентов, предмет, методы;
3) необходимо описать более подробно полученные результаты исследования, представив в виде диаграмм и графиков;
4) учитывая, что предметом является формирование патриотизма в ходе преподавания в ходе преподавания гуманитарных учебных дисциплин кафедры психологии и педагогики, значительное внимание необходимо уделить описанию основных направлений и мероприятий данного процесса (например, выделив программу патриотического воспитания).

Выводы. Проблематика статьи отличается несомненной актуальностью, теоретической и практической ценностью, будет интересна исследователям и преподавателям гуманитарных дисциплин высших учебных заведений МВД. Работа может быть рекомендована к опубликованию с учетом выделенных рекомендаций.

Психология и Психотехника
Правильная ссылка на статью:
Шилова Н.П. Особенности временной перспективы в юношестве в зависимости от уровня получаемого образования: результаты сравнительно исследования // Психология и Психотехника. 2024. № 1. DOI: 10.7256/2454-0722.2024.1.69796 EDN: OGFTJF URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69796

Особенности временной перспективы в юношестве в зависимости от уровня получаемого образования: результаты сравнительно исследования

Шилова Наталья Петровна

ORCID: 0000-0003-1511-840X

кандидат психологических наук

заместитель начальника управления, Федеральная служба по надзору в сфере образования и науки

129323, Россия, г. Москва, пр-д Лазоревый, 1

npshilova@outlook.com

Статья из рубрики "Психология и педагогика"

DOI:

10.7256/2454-0722.2024.1.69796

EDN:

OGFTJF

Дата направления статьи в редакцию:

08-02-2024

Аннотация: В статье представлены результаты исследования о роли уровня получаемого образования в формировании временной перспективы будущего в юношеском возрасте. Объектом исследования являются юноши и девушки от 15 до 23 лет. Предметом проведенного исследования являются особенности временной перспективы в юношестве, связанные с уровнем получаемого образования. Целью данного исследования стало изучение различий в характеристиках временной перспективы в юношеском возрасте в зависимости от уровня получаемого образования. А гипотезой выступило предположение о том, что существуют различия в характеристиках временной перспективы юношей и девушек, связанные с уровнем получаемого образования. Автор подробно рассматривает аспект темы, связанный с различиями во временной перспективе юношей и девушек в зависимости от уровня получаемого образования. Исследование проводилось при помощи метода незаконченных предложений Ж.Нюттена. В использованной версии было 30

предложений. Основными выводами проведенного исследования стали следующие утверждения: - будущее подростков, юношей и девушек, обучающиеся в школе ориентировано на временной промежуток «обучение в школе», а для юношей и девушек, обучающихся в колледжах это время «профессиональное образование после школы»; - будущее студентов вузов ориентировано на временной промежуток «профессиональная автономия, работа», но для студентов колледжей это не актуально. Научным вкладом автора в изучение темы стало уточнение имеющихся данных о формировании временной перспективы в юношестве. Новизна исследования заключается в том, что впервые выявлены особенности временной перспективы в юношестве, связанные с обучением в образовательных учреждениях, таких как школа, учреждение среднего специального образования или вуз.

Ключевые слова:

юношеский возраст, временная перспектива, среднее профессиональное образование, высшее образование, школьное образование, уровень получаемого образования, временные характеристики будущего, содержательные характеристики будущего, юноши и девушки, будущее

Введение

В юношестве люди пытаются выяснить, кто они есть и какой взрослой жизни они хотят для себя [15]. Сегодняшние юноши и девушки часто находятся в состоянии неопределенности. Им хочется найти профессию и работу, связанную с личными интересами, но современные макроэкономические тенденции складываются так, что им сложно определиться с будущей профессией, найти интересную работу или сохранить имеющуюся. Социально-культурная среда, окружающая юношей и девушек, провоцирует их на размышления о собственном будущем. Соответственно, все исследования, изучающие представления о будущем в юношеском возрасте и возрасте начинающейся взрослости являются более чем актуальными.

Представления о будущем являются частью жизни человека, и образуют субъективный образ его развития. Так, Г. Олпорт пишет, что: «то, что человек ожидает, во многом определяет то, что он думает или делает [7]. Эмпирические данные подчеркивают важность конструкции временной перспективы будущего для формирования благополучия, мотивации и поведения индивида в настоящем [18; 21], а также ее взаимосвязи с процессами старения [17; 19]. В работах Н.Н. Толстых есть большой массив исследований возрастной специфики перспективы будущего [см. например, 1; 3]. Так, например, отмечается, что для проектирования будущего школьниками в возрасте ранней юности важным становится временной промежуток обучения в школе [1], но данных о значимости этого периода для юношей и девушек, получающих среднее профессиональное образование, не приводится.

Ж. Нюттен является создателем методического подхода, который используется большим количеством исследователей образа будущего. В теории Ж. Нюттена будущее представляет собой пространство мотивации. Разная глубина ориентированности на будущее — связана с такими объектами, в которых проявляются потребности. Будущее есть площадка создания поведения и развития человека [6], что, в целом перекликается, с идеями Г. Олпорта. Поведение человека связывается с тем, какой

масштаб будущего он видит, и что или кто является объектом его мотивации. Важным моментом в теории Ж. Нюттена является разделение объектов мотивации на темпоральные (характеристики времени) и содержательные. При этом А.Ю. Бухарина и Н.Н. Толстых отмечают, что в юности наиболее значимыми становятся именно темпоральные характеристики [1]. Соответственно поведение юноши/девушки во многом определяется временным периодом, который является для него/нее мотивирующим или другими словами наиболее значимым.

Существующие исследования подтверждают, что расширенные взгляды на будущее связаны с положительными жизненными результатами [19; 21]. В том числе, было доказано, что длительная временная перспектива будущего положительно связана с субъективным благополучием [12], с психологическим благополучием [18] и с удовлетворенностью жизнью [16; 19]. Таким образом, длительная временная перспектива имеет значение не только для понимания поведения человека в настоящем времени, но и для интерпретации его внутреннего психологического состояния.

Обзоры эмпирических исследований, проведенных со старшими подростками, юношами/девушками, молодыми людьми в возрасте становящейся взрослости из разных культурных сред [19; 22] указывают, что их будущая временная перспектива связывается в основном с будущим образованием и профессией, с семейными и материальными целями. Кроме того, некоторые их будущие цели свидетельствуют об общественной озабоченности в отношении вопросов войны и мира, окружающей среды, экономической стабильности и безработицы. Зарубежные исследователи показали, что по мере взросления юноши/девушки уменьшают значимость целей в сфере образования и дружбы на цели, связанные с поездками, работой и семьей [22]. Некоторые исследования [20; 22] также предположили, что молодые люди, которые сообщают о целях, связанных с возрастными проблемами и требованиями (например, выбор места работы или профессии) показывают более высокое благосостояние. Эти исследования были проведены на выборках школьников и студентов вузов, а в некоторых случаях [например, 19], приводятся сравнительные исследования респондентов обучающихся в вузе со взрослыми людьми. Однако, когда речь идет о системе среднего профессионального образования (СПО), таких исследований немного. Несмотря на то, что данные ОЭСР показывают, что более 58% россиян в возрасте от 25 до 34 лет имеют высшее образование в последние годы наблюдается изменение тенденции - примерно половина всех пятнадцатилетних молодых людей поступают на обучение в организации СПО (около 700 тысяч человек по данным Росстата)[11]. Выбирая СПО, молодые люди стремятся получить конкретные, легко применимые на практике навыки. Студенты СПО отличаются стремлением избегать рисков и скромными требованиями, около 40% из них, по окончании обучения работают за низкую зарплату на неквалифицированной работе, несмотря на более высокую квалификацию [8]. Это может объясняться трудностями в осознании своего будущего для этих юношей/девушек.

Учитывая, что в целом остаются неизученными вопросы, связанные с влиянием образовательных условий на формирование временной перспективы будущего, нужно помнить, что образование – это институт, который воспроизводит и развивает культуру, формирует человека, адаптированного к определенным условиям, обеспечивает передачу уникальных смыслов и способов взаимодействия с миром [12]. Именно в образовательном институте представители молодежи начинают осваивать время своей жизни. Однако существующие формы таких институтов не всегда способствуют

получению опыта формирования и удержания своих временных возможностей. Так, несмотря на большое количество исследований по проблеме временной перспективы в юношестве [1; 2; 3; 9; 13; 23 и другие], остается несомненным недостаток данных об особенностях, связанных с уровнем получаемого образования.

Таким образом, проанализировав существующие исследования о будущем, мы предположили, что существуют различия в характеристиках временной перспективы юношей и девушек, связанные с уровнем получаемого образования. Целью данного исследования стало изучение различий в характеристиках временной перспективы в юношеском возрасте в зависимости от уровня получаемого образования. Предметом проведенного исследования являются особенности временной перспективы в юношестве, связанные с уровнем получаемого образования. Новизна исследования заключается в том, что впервые выявлены особенности временной перспективы в юношестве, связанные с обучением в образовательных учреждениях, таких как школа, учреждение среднего специального образования или вуз. Эти особенности существенно дополняют существующие данные о возрастных характеристиках временной перспективы в юношестве.

Выборка и методика исследования

В ходе исследования мы применили методику неоконченных предложений Ж. Нюттена. В рамках методики неоконченных предложений Ж. Нюттена мы использовали 20 фраз, сформулированных в положительной и 10 в отрицательной форме. Участники исследования завершали фразы, выражая свои ожидания. Обработка проводилась с использованием временного кода и кода анализа содержания, согласно предложенной Нюттеном схеме.

Мы выделили те категории, которые были значимыми для нашей выборки, руководствуясь идеей Ж. Нюттена о том, что в некоторых случаях отдельные категории анализа могут отсутствовать. С точки зрения временных характеристик социальной жизни, мы выделили три периода: обучение в школе, профессиональное образование после школы и период профессиональной автономии, или работы. По отношению к периодам жизни и календарному времени, испытуемые использовали различные характеристики, такие как открытое настоящее, историческое будущее, будущее и период в интервале одного дня.

Ответы респондентов кодировались экспертами, имеющими научную степень по психологии или педагогике. Общее количество экспертов участвующих в обработке данных составило 3 человека. Каждое высказывание респондента эксперты кодировали по категориям предложенным Ж.Нюттеном, в случае если присвоенные коды расходились, решение принималось коллегиально по итогам обсуждения. После кодирования ответов количество упоминаний каждой категории было просуммировано, и нами были получены количественные переменные для каждой категории по каждому респонденту. Таким образом, возможный диапазон количества высказываний по каждой категории для каждого респондента составил от 0 до 30 упоминаний.

Статистическая обработка данных проводилась с использованием программного пакета «SPSS» (версия 21.0). Дисперсионный анализ проводился для поиска зависимостей в экспериментальных данных путём исследования значимости различий в средних значениях.

Выборка исследования составила 1343 человек, от 15 до 23 лет, в том числе: 462 школьника (34,4 % от выборки); 454 студента системы СПО (33,8 %); 427 студентов

вузов (31,8 %).

Результаты исследования

Опираясь на идею Н.Н. Толстых, о том, что вариативность временных перспектив в юношеском возрасте больше зависит от темпоральных, а не от содержательных параметров мотивации [1] мы в первую очередь изучили основные различия во временных характеристиках, зависящих от уровня образования.

Усредненные количественные данные по каждой категории в разрезе групп респондентов, обучающихся в образовательных учреждениях разного уровня представлены в таблице 1.

Таблица 1. Среднее количество использования респондентами категорий временной перспективы, в зависимости от уровня получаемого образования

Временная характеристика	Школа			СПО			
	Среднее	Минимум	Максимум	Среднее	Минимум	Максимум	Среднее
В интервале дня	1,08	0	22	0,69	0	21	0,76
Обучение в школе	2,31	0	22	0,20	0	5	0,08
Проф. обучение	1,65	0	14	3,51	0	20	2,0
Проф. автономия, работа	2,28	0	22	2,24	0	22	2,90
Открытое настоящее	5,27	0	16	5,56	0	18	5,50
Будущее	7,79	0	21	8,20	0	21	8,76
Историческое будущее	1,21	0	13	1,04	0	13	1,37

Среднее количество высказываний по каждой характеристике составило от 0,08 (временной период «обучение в школе» для респондентов, обучающихся в вузе) и до 8,76 (временной период «будущее» для респондентов, обучающихся в вузе). Наибольшее значение составило 22 по нескольким категориям анализа, а наименьшее — 0 по всем категориям анализа. Далее проводился поиск зависимостей в экспериментальных данных путём исследования значимости различий в средних значениях

Данные о выявленных различиях представлены в таблицах 2 – 7.

Таблица 2. Сравнение показателей временная характеристика «обучение в школе» и уровень образовательной организации испытуемого (Tukey Post-Hoc Test для дисперсионного анализа ANOVA)

Группа	Стд. Отклонение	Стд. Ошибка	Значимость	95% Доверительный интервал	
				Нижняя граница	Верхняя граница

Школа	СПО	2,10261	0,16614	0,000**	1,7125	2,4927
	ВО	2,23068	0,16348	0,000**	1,8468	2,6146
СПО	Школа	-2,10261	0,16614	0,000**	-2,4927	-1,7125
	ВО	0,12807	0,15787	0,696	-0,2427	0,4988
ВО	Школа	-2,23068	0,16348	0,000**	-2,6146	-1,8468
	СПО	-0,12807	0,15787	0,696	-0,4988	0,2427

** значимо на уровне 0,01; * значимо на уровне 0,05.

Таблица 3. Данные по статистике сравнения средних значений (ANOVA)

	Sum of Squares	Df	Mean Square	F	Sig.
Между группами	759,080	2	379,540	112,733	0,000**
Внутри группы	2582,265	767	3,367		
Всего	3341,345	769			

** значимо на уровне 0,01

В Таблицах 2 и 3 представлены результаты дисперсионного анализа для временной характеристики «обучение в школе» относительно уровня образовательной организации, в которой обучается испытуемый. Дисперсионный анализ продемонстрировал наличие значимых различий использования временного периода «обучение в школе» по возрастным срезам (F(2;379,54) = 112,733, p = 0,000). Между использованием временной характеристикой «обучение в школе» и уровнем образования, получаемого испытуемым, существует значимая связь. Незначимые различия были выявлены между группами обучающихся в СПО и в вузе. Соответственно в организациях профессионального образования, независимо от того вузы это или колледжи значимость временного периода «обучение в школе» для построения временной перспективы будущего одинаково. Различия значимы между обучающимися в школе и в организациях СПО, и между обучающимися в школе и обучающимися в вузе.

Следующий период временной перспективы будущего, оказавшийся значимым для нашей выборки – «профессиональное образование после школы».

Таблица 4. Сравнение показателей временная характеристика «профессиональное обучение» и уровень образовательной организации испытуемого (Tukey Post-Hoc Test для дисперсионного анализа ANOVA)

Группа		Стд. Отклонение	Стд. Ошибка	Значимость	95% Доверительный интервал	
					Нижняя граница	Верхняя граница
Школа	СПО	-1,86712*	0,28622	0,000**	-2,5393	-1,1950
	ВО	-0,35728	0,28165	0,413	-1,0187	0,3041
СПО	Школа	1,86712*	0,28622	0,000**	1,1950	2,5393
	ВО	1,50984*	0,27199	0,000**	0,8711	2,1485
ВО	Школа	0,35728	0,28165	0,413	-0,3041	1,0187
	СПО	-1,50984*	0,27199	0,000**	-2,1485	-0,8711

* значимо на уровне 0,05.

Таблица 5. Данные по статистике сравнения средних значений (ANOVA)

	Sum of Squares	Df	Mean Square	F	Sig.
Между группами	497,588	2	248,794	24,897	0,000**
Внутри группы	7664,549	767	9,993		
Всего	8162,136	769			

В Таблицах 4 и 5 представлены результаты дисперсионного анализа для временной характеристики «профессиональное образование после школы» относительно уровня образовательной организации, в которой обучаются испытуемые. Дисперсионный анализ продемонстрировал наличие значимых различий использования временного периода «профессиональное образование после школы» от уровня получаемого образования ($F(2;767) = 24,897$, $p = 0,000$). Между использованием временной характеристикой «профессиональное образование после школы» и уровнем образования, получаемым испытуемым существует значимая связь. Незначимые различия были выявлены между группами школьников и студентами вузов. Между остальными возрастными группами различия значимы. Соответственно значимость временного периода «профессиональное образование после школы» для построения временной перспективы будущего обучающихся СПО отличается от испытуемых, обучающихся в школах и вузах. То есть, проектируя свою временную перспективу будущего, студенты колледжей, статистически значимо чаще учитывают временной промежуток «профессиональное образование после школы».

Следующий период временной перспективы будущего, оказавшийся значимым для нашей выборки – «профессиональная автономия, работа».

Таблица 6. Сравнение показателей временная характеристика «профессиональная автономия, работа» и уровень образовательной организации испытуемого (Tukey Post-Hoc Test для дисперсионного анализа ANOVA)

Группа		Стд. отклонение	Стд. Ошибка	Значимость	95% Доверительный интервал	
					Нижняя граница	Верхняя граница
Школа	СПО	0,04193	0,26508	0,986	-0,5805	0,6644
	ВО	-0,62410	0,26084	0,045*	-1,2366	-0,0116
СПО	Школа	-0,04193	0,26508	0,986	-,6644	0,5805
	ВО	-0,66602	0,25189	0,023*	-1,2575	-0,0745
ВО	Школа	0,62410	0,26084	0,045*	0,0116	1,2366
	СПО	0,66602	0,25189	0,023*	0,0745	1,2575

* значимо на уровне 0,05.

Таблица 7. Данные по статистике сравнения средних значений (ANOVA)

	Sum of Squares	Df	Mean Square	F	Sig.

Между группами	74,671	2	37,336	4,356	0,013*
Внутри группы	6573,782	767	8,571		
Всего	6648,453	769			

** значимо на уровне 0,01; * значимо на уровне 0,05.

В Таблицах 6 и 7 представлены результаты дисперсионного анализа для временной характеристики «профессиональная автономия, работа» относительно уровня образования, получаемого испытуемыми. Дисперсионный анализ продемонстрировал наличие значимых различий использования временного периода «профессиональная автономия, работа» с уровнем получаемого образования ($F(2;767) = 4,356$, $p = 0,013$). Между использованием временной характеристикой «профессиональная автономия, работа» и уровнем получаемого испытуемыми образования существует значимая связь. Значимые связи выявлены между группами студенты вузов и школьник, а также студенты вузов и обучающиеся СПО. Незначимые различия были выявлены между школьниками и обучающимися СПО. То есть, проектируя свою временную перспективу будущего, студенты вузов, статистически значимо чаще учитывают временной промежуток «профессиональная автономия, работа».

Значимых различий между использованием промежутков времени «открытое настоящее», «будущее», «историческое будущее», а также «в интервале дня» с уровнем получаемого респондентами образования обнаружено не было. Соответственно, юноши и девушки 15-23 лет, не зависимо от уровня получаемого ими образования, примерно одинаково используют временные интервалы «одного дня», а также собственного будущего, в том числе для всех людей, а не только своего.

Обсуждение результатов

Итак, временная перспектива юношей и девушек значительно трансформируется в течение юношеского возраста в зависимости от уровня получаемого образования. Некоторые из этих трансформаций очевидны и обусловлены социальной действительностью. Так, например, будущее подростков, и юношей и девушек раннего юношеского возраста, обучающиеся в школе очень сильно ориентировано на временной промежуток «обучение в школе», а для юношей и девушек раннего юношеского возраста студентов колледжей это время «профессиональное образование после школы».

При проектировании временной перспективы будущего статистически значимо чаще временной промежуток «обучение в школе» используют школьники. С одной стороны эти данные являются очевидными, но с другой стороны они уточняют данные предыдущих исследований [3], о том, что высказывания хорошо сдать экзамены, хорошо и отлично окончить школу, или уже отдохнуть от школы характерны не просто для испытуемых подросткового возраста и возраста ранней юности, но только для тех из них, которые учатся в школе, но не для тех, кто начал обучатся в организации СПО.

При проектировании временной перспективы будущего статистически значимо чаще временной промежуток «профессиональное образование после школы» используют юноши и девушки, обучающиеся в образовательных организациях СПО. Эти данные уточняют предыдущие, о том, что высказывания о хорошем окончании обучения, закрытии сессии, о том, чтобы не отчислили или о том, чтобы поступить в вуз после окончания колледжа более характерны не просто для испытуемых возраста ранней

юности, но в основном для тех из них, которые учатся в колледжах и других организациях системы СПО. Для школьников и студентов вузов это менее актуально. В предыдущих исследованиях часто отмечалась недостаточная мотивация к обучению, скромные образовательные достижения у учащихся СПО и отсутствие умения использовать дополнительные образовательные ресурсы [5; 11]. Полученные нами результаты дают новый посыл к изучению учебной мотивации этой категории юношей/девушек.

При проектировании временной перспективы будущего статистически значимо чаще временную характеристику «профессиональная автономия, работа» используют студенты вузов. Высказывания о поиске интересной, но в то же время хорошо оплачиваемой работы, о становлении успешным и богатым, о нахождении своего места в профессиональной отрасли значимо возрастают. Эти данные уточняют предыдущие, так как использование временного промежутка «профессиональная автономия, работа» более характерны не просто для юношей и девушек возраста поздней юности и возраста молодости или возникновения взрослости [10], но в основном для тех из них, которые учатся в высших учебных заведениях.

Заключение

Временная перспектива будущего современных юношей и девушек значительно трансформируется в течение юношеского возраста, в том числе в зависимости от уровня получаемого образования.

Будущее юношей и девушек, обучающиеся в школе ориентировано на временной промежуток «обучение в школе», а для юношей и девушек, обучающихся в колледжах будущее — это время «профессионального образования после школы».

Будущее юношей и девушек - студентов вузов ориентировано на временной промежуток «профессиональная автономия, работа», но для студентов колледжей это не актуально. И в целом студенты колледжей и школьники возраста ранней юности очень редко используют этот временной промежуток для проектирования своего будущего.

Научным вкладом автора в изучение темы стало уточнение имеющихся данных о формировании временной перспективы в юношестве. Перспективами проведенного исследования является, прежде всего, изучение образовательных условий внутри образовательных институтов, в которых обучаются юноши и девушки, а также формирование рекомендаций по развитию временной перспективы будущего для психологов, работающих с юношами и девушками в школах, организациях СПО и вузах.

Библиография

1. Бухарина, А.Ю., Толстых, Н.Н. Временная перспектива и временная компетентность как факторы учебной мотивации [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2019. Том 8. №2. С. 36–48. doi: 10.17759/jmfp.2019080204
2. Бехтер, А.А., Скорева, А.Н. Взаимосвязь временной перспективы и проактивного совладающего поведения у будущих дефектологов // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2023. Т. 29, № 2. С. 82–91. https://doi.org/10.34216/2073-1426-2023-29-2-82-91
3. Гриднева, Д.А. Толстых, Н.Н. Временная перспектива современных старших подростков на пути их профессионального самоопределения // Социальная психология: вопросы теории и практики : материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. памяти М.Ю. Кондратьева : Москва, 12–13 мая 2022 г. / рецензент Е.Н.

Волкова. – М.: МГППУ, 2022. – С. 97–99.

4. Курусь, И.А., Солдатова, Е.Л. Направленность и специфика временной трансспективы в связи с интенсивностью кризисных переживаний в юношеском возрасте // Вектор науки ТГУ. Серия: Педагогика, психология. 2020. № 2. С. 43-48. doi: 10.18323/2221-5662-2020-2-43-48
5. Молодые профессионалы для новой экономики: среднее профессиональное образование в России / Ф.Ф. Дудырев, О.А. Романова, А.И. Шабалин, И.В. Абанкина; под ред. Ф. Ф. Дудырева, И. Д. Фрумина. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. – 272 с.
6. Нюттен, Ж. Мотивация, действие и перспектива будущего / под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2004. 608 с.
7. Олпорт, Г. Становление личности: избр. тр. / под общ. ред. Д.А. Леонтьева. – М.: Смысл, 2002. – 462 с.
8. Особенности реализации программ среднего профессионального образования в профессиональных образовательных организациях, расположенных в сельской местности: информ. бюл. / Ф.Ф. Дудырев, В.М. Малик, О.А. Романова, Е.С. Павленко. М.: НИУ ВШЭ, 2017. 36 с. (Мониторинг экономики образования; Т. 108, № 9)
9. Сапоровская, М.В., Конжин, С.И., Тихомирова, Е.В., Самохвалова, А.Г. Личностные регуляторы построения образа будущего на разных этапах профессионализации // Теоретическая и экспериментальная психология. 2023. № 4 (16). С. 122-143. https://doi.org/10.11621/TEP-23-31
10. Трубникова, Н.И., Трубников, В.Е. Динамика жизненной перспективы в студенческом возрасте // Ценностные ориентации молодежи в условиях модернизации современного общества: сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Под редакцией Г.Ю. Лизуновой. 2019. С. 242–247.
11. Шилова, Н.П. Особенности временной трансспективы студентов среднего профессионального образования: результаты сравнительного исследования // Вестник МГПУ. Серия: Педагогика и психология. – 2022. – Т. 16, № 1. – С. 94–110. – DOI: 10.25688/2076-9121.2022.16.1.05.
12. Шилова, Н.П. Построение поля собственной жизни юношами и девушками в зависимости от уровня получаемого образования // Педагогика. – 2020. – № 4. – С. 76–81.
13. Шилова, Н.П. Представления о жизненном пути в юношестве // Теоретическая и экспериментальная психология. 2020. Т. 13, № 3. С. 29–37.
14. Allemand, M., Hill, P. L., Ghaemmaghami, P., & Martin, M. (2012). Forgivingness and subjective well-being in adulthood: The moderating role of future time perspective. Journal of Research in Personality, 46, 32–39. https://doi.org/10.1016/j.jrp.2011.11.004
15. Arnett, J. J. Emerging adulthood: The winding road from the late teens through the twenties (2nd ed.). New York, NY: Oxford University Press. 2015. doi:10.1017/CBO9781107415324.004
16. Brothers, A., Gabrian, M., Wahl, W., & Diehl, M. Future time perspective and awareness of age-related change: Examining their role in predicting psychological well-being // Psychology and Aging, 2016. 31, 605–617. https://doi.org/10.1037/pag0000101
17. Cate, R. A., & John, O. P. Testing models of the structure and development of future

time perspective: Maintaining a focus on opportunities in middle age // Psychology and Aging, 2007. 22, 186–201. https://doi.org/10.1037/0882-7974.22.1.186

18. Demiray, B., & Bluck, S. Time since birth and time left to live: Opposing forces in constructing psychological wellbeing // Ageing & Society, 2014. 34, 1193–1218. https://doi.org/10.1017/S0144686X13000032
19. Brianza, E. & Demiray, B. Future Time Perspective and Utterances GeroPsych, 2019. 32(4), 161–173. https://doi.org/10.1024/1662-9647/a000216
20. Fonseca, G., da Silva, J. T., Paixa, M.P., Cunha, D., Crespo, C., Relvas, A.P. Emerging Adults Thinking About Their Future: Development of the Portuguese Version of the Hopes and Fears // Questionnaire Emerging Adulthood, 2019. Vol. 7(6) 444-450. DOI: 10.1177/2167696818778136 journals.sagepub.com/home/eax
21. Kooij, D., Kanfer, R., Betts, M., & Rudolph, C. W. Future time perspective: A systematic review and meta-analysis // Journal of Applied Psychology, 2018. 103, 867–893. https://doi.org/10.1037/apl0000306
22. Nurmi, J.-E., & Salmela-Aro, K. Goal construction, reconstruction and depressive symptoms in a life-span context: The transition from school to work // Journal of Personality, 2002. 70, 385–420. doi:10.1111/1467-6494.05009
23. Recinos, A.E. Time Perspective as Mediator of the Relationship Between Parenting and Academic Success Among Emerging Adults [Электронный ресурс]: a thesis submitted to the fac. of San Francisco State Univ. in partial fulfillment of the requirements for the degree : master of arts in psychology : developmental psychology, 2022. San Francisco. 42 p. URL: https://scholarworks.calstate.edu/downloads/nv935892z (дата обращения: 21.01.2023).

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.
Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться здесь.

Данная статья выполнена на интересную и полезную тему. Это связано с тем, что в юношеском возрасте активно формируются жизненные сценарии человека и поэтому очень важно, чтобы временная перспектива их развития была содержательной и реальной. Время – это главный жизненный ресурс. С учетом такого понимания временной перспективы, многие исследователи обращали внимание на ее самые разные аспекты. Автор об этом отмечает, когда приводит литературные данные по этому вопросу. Все это правильно.

Но при этом недостаточно внимания уделено обоснованию актуальности тематики именно этого исследования. Дело в том, что во введении только реферативным образом перечислены литературные данные, какой-либо их анализ не выполнен. Поэтому непонятно, что побудило автора выполнить эту работу. Обоснование актуальности необходимо усилить.

Автор верно отмечает, что обзоры эмпирических исследований, проведенных со старшими подростками, юношами/девушками, молодыми людьми указывают, что их будущая временная перспектива связывается в основном с будущим образованием и профессией, с семейными и материальными целями. А далее он подчеркивает, что «несмотря на большое количество исследований по проблеме временной перспективы в юношестве, остается несомненным недостаток данных об особенностях, связанных с уровнем получаемого образования». Возникает вопрос, почему автор так решил? На основании чего? Такое утверждение должно быть обоснованным, поскольку именно от

него следуют постановка цели исследования и обоснование его научной новизны. Требуется обоснование такого умозаключения. Тем более, что критического анализа данных литературы не представлено.

Далее автор пишет, «проанализировав существующие исследования о будущем, мы предположили, что юноши и девушки строят свое поведение исходя из образа своего будущего, который связан с уровнем получаемого образования». Опять же диссонанс: на основании чего возникло такое предположение? Посмотрите введение, оно выполнено не в аналитическим, а в реферативном стиле.

Целью данного исследования, как указано в тексте, «стало изучение изменений представлений об образе будущего в юношеском возрасте в зависимости от уровня получаемого образования». В общем, с такой формулировкой цели можно согласиться.

Обоснование научной новизны, формулировка предмета исследования и сведения о его методологии (теории, концепции или принципы) отсутствуют. Эти недостатки требуют доработки текста.

Стиль изложения можно назвать смешанным. Имеются большие фрагменты реферативного изложения, но имеется и исследовательский подход при выполнении данной работы и написании текста. В частности, автором выполнен большой объем исследований с участием 1343 человек, от 14 до 28 лет. В том числе: 462 школьника (34,4% от выборки); 454 студента системы СПО (33,8%); 427 студентов вузов (31,8%). По данной выборке требуется уточнение: почему возраст от 14 до 28 лет автор решил считать юношеским? Или может быть рецензент неправильно понял состав выборки, тогда необходимо пояснение в соответствии с темой исследования. Ведь по возрастной периодизации юность – это 15-23 года (ранняя и поздняя).

Структура работы частично соответствует тем логическим требованиям, которым должна соответствовать научная статья.

Содержание статьи свидетельствует о том, что в соответствии с поставленной целью автором получены данные о статистических показателях временной перспективы лиц, с разным уровнем образования. Возникает вопрос в необходимости некоторого пояснения по поводу этой перспективы: от чего она зависит в большей мере – от самого возраста или от уровня образования? Судя по результатам данного исследования, автор ставит в приоритет уровень образования. Такие гадания возникают потому, что в самом начале не был определен предмет исследования. Все это требует доработки.

Был использован метод неоконченных предложений. Это вполне логично для такой тематики. Но по тексту непонятно, как были формализованы полученные таким образом данные и в каких количественных единицах они обрабатывались статистически? Дело в том, что без этого все представленные по тексту не информативны, да они и не читаются. Подлежащее в таблицах совершенно непонятно.

Автор просто составил табличный материал из того, что выдала программа статистической обработки данных с использованием программного пакета «SPSS» (версия 21.0). Это неверно. Весь статистический материал вторичен. Сначала необходимо представить усредненные количественные данные по группам, а затем сделать соответствующие пояснения с учетом результатов статистической обработки данных. Только так, а не наоборот.

К тому же возникают сомнения в корректности применения дисперсионного анализа для изучения различий между группами. Именно так заявлено в тексте. И заявлено правильно, поскольку дисперсионный анализ - это метод в математической статистике, направленный на поиск зависимостей в экспериментальных данных путём исследования значимости различий в средних значениях. В отличие от t-критерия, такой анализ позволяет сравнивать средние значения трёх и более групп. Однако в тексте, в том числе и по таблицам, сравнения представлены только по каждым и разным, но только

двум группам (например, между школьниками и СПО, между СПО и ВО и т.д.). Необходимы уточнения и пояснения при доработке текста.

И еще. Почему коэффициенты корреляции величиной 0,3; 0,309 и 0,438 считаются значимыми (табл.7)? Если рецензент не ошибается, достоверность становится значимой при более высоких уровнях (хотя бы более 0,6-0,7). Автору следует обратить внимание на это.

Заключение отсутствует, но имеются выводы. В выводах вполне последовательно и лаконично представлены обобщенные сведения, которые отражают результат всего исследования. Можно лишь порекомендовать выводы укрупнить, объединив некоторые из них между собой.

Библиографический список состоит из литературных источников по теме исследования.

Несмотря на имеющиеся замечания, данная статья оставляет хорошее впечатление, и она имеет перспективу быть опубликованной после доработки текста, поскольку вызовет интерес у читающей аудитории.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться здесь.

Предметом исследования в представленной статье являются особенности временной перспективы в юношестве в зависимости от уровня получаемого образования.

В качестве методологии предметной области исследования в данной статье были использованы, дескриптивный метод, метод категориализации, метод анализа, а также в ходе исследования применялась методика неоконченных предложений Ж. Нюттена. В рамках методики неоконченных предложений Ж. Нюттена использовались 20 фраз, сформулированных в положительной и в отрицательной форме. Участники исследования завершали фразы, выражая свои ожидания. Обработка проводилась с использованием временного кода и кода анализа содержания, согласно предложенной Нюттеном схеме. Ответы респондентов кодировались экспертами, имеющими ученую степень по психологии или педагогике. Общее количество экспертов, участвующих в обработке данных составило 3 человека. Статистическая обработка данных проводилась с использованием программного пакета «SPSS» (версия 21.0). Дисперсионный анализ проводился для поиска зависимостей в экспериментальных данных путём исследования значимости различий в средних значениях.

Актуальность статьи не вызывает сомнения, поскольку в юношестве люди пытаются выяснить, кто они есть и какой взрослой жизни они хотят для себя. Сегодняшние юноши и девушки часто находятся в состоянии неопределенности. Им хочется найти профессию и работу, связанную с личными интересами, но современные макроэкономические тенденции складываются так, что им сложно определиться с будущей профессией, найти интересную работу или сохранить имеющуюся. Социально-культурная среда, окружающая юношей и девушек, провоцирует их на размышления о собственном будущем. Соответственно, все исследования, изучающие представления о будущем в юношеском возрасте и возрасте начинающейся взрослости являются очень актуальными.

Научная новизна исследования заключается в изучении различий в характеристиках временной перспективы в юношеском возрасте в зависимости от уровня получаемого образования с использованием методики неоконченных предложений. Выборка исследования составила 1343 человек, от 15 до 23 лет, в том числе: 462 школьника

(34,4 % от выборки); 454 студента системы СПО (33,8 %); 427 студентов вузов (31,8 %).

Статья написана языком научного стиля с грамотным использованием в тексте исследования изложения различных позиций ученых к изучаемой проблеме и применением научной терминологии и дефиниций, а также описанием используемой методики.

Структура выдержана с учетом основных требований, предъявляемых к написанию научных статей, структура данного исследования включает в себя введение, выборку и методику исследования, результаты исследования, обсуждение результатов, заключение, библиографию.

Содержание статьи отражает ее структуру. Особенно ценным в содержании исследования является авторский акцент на то, что, в целом остаются неизученными вопросы, связанные с влиянием образовательных условий на формирование временной перспективы будущего, нужно помнить, что образование – это институт, который воспроизводит и развивает культуру, формирует человека, адаптированного к определенным условиям, обеспечивает передачу уникальных смыслов и способов взаимодействия с миром. Именно в процессе образования представители молодежи начинают осваивать время своей жизни. Однако существующие формы институтов и образовательных организаций не всегда способствуют получению опыта формирования и удержания своих временных возможностей. Так, несмотря на большое количество исследований по проблеме временной перспективы в юношестве, остается несомненным недостаток данных об особенностях, связанных с уровнем получаемого образования.

Библиография содержит 23 источника, включающих в себя отечественные и зарубежные периодические и непериодические издания.

В статье приводится описание различных позиций и точек зрения известных ученых, характеризующих подходы и различные аспекты к пониманию особенностей временной перспективы в юношестве, в том числе и в контексте взаимосвязи этого вопроса с уровнем получаемого образования, а также содержится апелляция к различным научным трудам и источникам, посвященных этой тематике, которая входит в круг научных интересов исследователей, занимающихся указанной проблематикой.

В представленном исследовании содержатся краткие выводы, касающиеся предметной области исследования. В частности, отмечается, что временная перспектива будущего современных юношей и девушек значительно трансформируется в течение юношеского возраста, в том числе в зависимости от уровня получаемого образования.

Будущее юношей и девушек, обучающиеся в школе ориентировано на временной промежуток «обучение в школе», а для юношей и девушек, обучающихся в колледжах будущее — это время «профессионального образования после школы». Будущее юношей и девушек - студентов вузов ориентировано на временной промежуток «профессиональная автономия, работа», но для студентов колледжей это не актуально. И в целом студенты колледжей и школьники возраста ранней юности очень редко используют этот временной промежуток для проектирования своего будущего. Научным вкладом автора в изучение темы стало уточнение имеющихся данных о формировании временной перспективы в юношестве. Перспективами проведенного исследования является, прежде всего, изучение образовательных условий внутри образовательных институтов, в которых обучаются юноши и девушки, а также формирование рекомендаций по развитию временной перспективы будущего для психологов, работающих с юношами и девушками в школах, организациях СПО и вузах.

Материалы данного исследования рассчитаны на широкий круг читательской аудитории, они могут быть интересны и использованы учеными в научных целях, педагогическими работниками в образовательном процессе, руководителями и администрацией образовательных организаций различного уровня, общественными организациями по

работе с молодежью, работниками центров по профессиональной ориентации молодежи, психологами, аналитиками и экспертами.

В качестве недостатков данного исследования следует отметить, то, что в тексте встречаются опечатки и пропуски знаков препинания, ошибки в пунктуации. Не все сноски в тексте оформлены единообразно, есть, которые встречаются в формате «[см. например, 1; 3], [например, 19]. При описании методики исследования, сказано, что «ответы респондентов кодировались экспертами, имеющими научную степень по психологии или педагогике», но в данном случае целесообразно было бы написать «ученую степень». При описании результатов исследования представлены 7 таблиц, но для наглядности можно было бы использовать также рисунки. Указанные недостатки не снижают высокую научную и практическую значимость самого исследования, а скорее относятся к оформлению текста статьи. Статью рекомендуется опубликовать.

Психология и Психотехника
Правильная ссылка на статью:
Кузьмина А.С., Кривошей К.О. Отношение к болезни ребенка и родительское выгорание женщин, воспитывающих детей с расстройствами аутистического спектра // Психология и Психотехника. 2024. № 1. DOI: 10.7256/2454-0722.2024.1.43421 EDN: OGIIUR URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43421

Отношение к болезни ребенка и родительское выгорание женщин, воспитывающих детей с расстройствами аутистического спектра

Кузьмина Анна Сергеевна

кандидат психологических наук

доцент кафедры клинической психологии Алтайский государственный университет

656049, Россия, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Ленина, 61, оф. 302

annakuz87@yandex.ru

Кривошей Кристина Олеговна

аспирант, кафедра клинической психологии, Алтайский государственный университет

656000, Россия, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Ленина, 61, оф. 302

03fomina@mail.ru

Статья из рубрики "Клиническая психология"

DOI:

10.7256/2454-0722.2024.1.43421

EDN:

OGIIUR

Дата направления статьи в редакцию:

24-06-2023

Аннотация: Предметом исследования является родительское выгорание женщин, воспитывающих детей с расстройствами аутистического спектра. Особое внимание уделяется типу отношения к болезни ребенка матери и ее эмоциональному выгоранию. Целью исследования является выявление взаимосвязи родительского выгорания с типом отношения ребенку и его болезни у женщин, воспитывающих детей с расстройствами аутистического спектра. Теоретический анализ научных исследований проблемы эмоционального выгорания родителей, воспитывающих детей с расстройством

аутистического спектра позволяет сделать вывод, что каждая семья сталкивается с огромными проблемами разного характера, что приводит к хроническому стрессу, перетекая в эмоциональное выгорание. Усугублять это состояние могут разные типы отношения к болезни. Основные выводы исследования представлены в положениях. Родительское выгорание женщин, воспитывающих детей с расстройствами аутистического спектра, определяется особенностями эмоциональных отношений с ребенком. Получены данные о разных взаимосвязях между симптомами родительского выгорания и типом отношений с ребенком разного возраста. Эмоциональное истощение, деперсонализация, редукция родительских достижений взаимосвязаны с особенностями контакта с ребенком, неспособностью понять ребенка, чувствами, возникающими во взаимодействии с ребенком, неспособностью оказать ребенку эмоциональную поддержку. Тип отношения к болезни ребенка определяется особенностями эмоциональных отношений матери и ребенка. Так предикторами типов отношения к болезни ребенка выступают чувства, возникающие у матери во взаимоотношениях с ребенком, негативное отношение к себе как матери, ограничения активности и телесного контакта.

Ключевые слова:

родительское выгорание, эмоциональное истощение, семья, ребенок, болезнь ребенка, эмоциональные отношения, нозогнозия, тревога, расстройства аутистического спектра, аутизм

Исследование выполнено в рамках реализации Программы развития университета на 2021-2030 годы в рамках реализации программы стратегического академического лидерства «Приоритет 203» проект «Психологической здоровье женщин, воспитывающих ребёнка с нарушениями развития».

Появление ребенка с нарушениями развития – это особая ситуация развития. Высокий уровень стресса, который переживают родители, сопровождается дезадаптационными процессами в сфере ментального и физического здоровья. Реакция на болезнь ребенка сопоставима с реакцией на любую критическую ситуацию, поскольку происходит «потеря воображаемого ребенка», его здорового образа жизни и будущее, которое родители предполагали. Поэтому состояние стресса для семьи становится хроническим. Отсутствие налаженной системы поддержки семей с аутичными детьми усложняет ситуацию. Зачастую матери погружаются полностью в проблемы ребенка, и не могут найти поддержки у близких, оказываются лишены общения с друзьями. Выход на улицу по каким-либо делам сопровождается повышенным вниманием от прохожих, из-за недостаточной информированности людей об аутизме и его проявлениях. Систематический стресс, с которым сталкиваются матери, приводит к развитию симптомов родительского выгорания [1,2].

На фоне родительского выгорания у матерей складывается особый тип отношения к болезни ребенка. Родительское отношение к больным детям переходит в «крайние полюса» множества вариантов отношений родителей к детям, приводящее чаще к гиперопеке, либо к отстраненному отношению к ребенку [3].

Проблема взаимосвязи родительского выгорания и отношения к болезни ребенка, женщин, воспитывающих детей с расстройствами аутистического спектра, в настоящее время разработана недостаточно, в частности, отмечается дефицит данных,

способствующих системному пониманию особенностей состояния внутренней картины женщин, воспитывающих детей с расстройствами аутистического спектра. Недостаточно и исследований, направленных на изучение роли личности матерей, их состояния и отношения к болезни ребенка, воспитывающих детей с расстройствами аутистического спектра делает данную проблему чрезмерно актуальной [4].

Феномен «выгорание» введен американским психиатром Г. Фрейденбергером. Эмоциональное выгорание – состояние, при котором человек чувствует себя истощенным морально, умственно и физически [5,6].

Полной и обоснованной классификацией симптомов выгорания считается классификация, предложенная В. Шауфелли и Д. Энзманном. Авторы выделели 132 симптома выгорания, которые они объединили в 5 основных групп: аффективные; когнитивные; физические; поведенческие; мотивационные. Симптомы выгорания проявляются на трёх уровнях: – индивидуально-психологическом, межличностном и организационном [7].

В.В. Бойко под выгоранием подразумевает вариант психологической защиты личности, проявляющийся в частичном или абсолютном отказе от проявления эмоциональных реакций в травматических условиях [8].

Н.Е. Водопьянова и Е.С. Старченкова определяют выгорание, как комплексное понятие, включающее в себя различные негативные психологические переживания и дезадаптивное поведение, вызванное длительными стрессами [9].

На основе данных об феномене выгорания стал активно изучаться феномен родительского выгорания. Целый ряд российские исследователей осветили этот феномен в своих работах: Л.А. Базалева, И. Н. Ефимова, Н. Н. Королева, Т.Ю. Фадеева.

Особого внимания заслуживает изучения родительского выгорания женщин, воспитывающих детей с расстройствами аутистического спектра.

Отечественные ученые разработали основы психологической помощи семье в организации взаимодействия с аутичным ребёнком (К.С. Лебединская, О.С. Никольская, Е.Р. Баенская, М.М. Либлинг, В.В. Ткачева, Н.Г. Манелис), изучили стили семейного воспитания детей с РАС (И.И. Мамайчук, Е.В. Шабанова), определили особенности материнского (отцовского) отношения к детям с РАС (Г.А. Евлампиева, Л.С. Печникова, Т.Н. Высотина, О.В. Гусева) [10,11].

Исследование Л.С. Печниковой доказывает, что родительское отношение матерей к детям с аутизмом имеет противоречивую структуру. По данным Е.А. Дорошевой, У.С. Грабельниковой, у матерей, воспитывающих детей с расстройствами аутистического спектра, диагностируется первая фаза эмоционального выгорания – напряжение [12].

Т.Н. Высотина выявила противоречия между отдельными структурными компонентами на уровне эмоций, представлений о ребенке и стиля взаимодействия с ним у матерей и отцов детей с РАС. Различия проявляются преимущественно в поведенческом и эмоциональном компонентах. Материнские чувства сочетают в себе эмоциональное принятие и одновременно отвержение ребенка и повышенную фиксацию на нём [13].

Важным параметром при изучении родительского выгорания является и проблема отношений к болезни ребенка. Отношение к болезни ребенка рассматривали В.Е. Каган и И.П. Журавлева. Они выделили 5 моделей реакций на болезнь ребенка. Первая

реакция характеризуется восприниманием болезни, как что-то текущее в не компетенции родителей. Они считают, что влиять на этот процесс они не могут и предпочитают, чтобы «всё шло своим чередом». Вторая реакция – тревожность. Она может быть как высокая, так и наоборот быть не нормально низкой. Третий тип подразумевает преувеличение болезни ребенка. Четвертый – контролирование ребенка. Из-за болезни родители могут начать ограничивать ребенка в каких-то активностях, говоря ему, что он не здоров и не может делать всё, что могут делать здоровые дети. И последняя модель реакции – это напряженность. Чувство постоянного напряжения из-за болезни ребенка, невозможность отпустить эту мысль и расслабиться [14, 15].

И.И. Мамайчук отмечает, что система мер психологической поддержки родителей, воспитывающих детей с РАС, должна быть направлена на снижение эмоционального дискомфорта, формирование у родителей адекватного отношения к состоянию ребенка, сохранение адекватных родительско-детских отношений и стилей семейного воспитания [16].

Матери, воспитывающие детей с расстройствами аутистического спектра, имеют некоторые общие особенности, которые отличают их от матерей, воспитывающих нормотипичных детей. К таким особенностям можно отнести более негативное отношение к своей семейной роли, стремление ограничивать внесемейные влияния, излишняя эмоциональная концентрация на ребенке и эмоциональная дистанция, а также преобладание стремления ускорить развитие ребенка над желанием развивать его собственную активность [17].

I.A. Roskam с соавторами определили три различных аспекта родительского выгорания:

1. эмоциональное истощение, связанное с воспитанием детей;

2. эмоциональное дистанцирование от своих детей;

3. потеря родительских достижений [18].

Эмоциональное истощение является основным симптомом родительского выгорания, связанное с воспитанием детей, приводящее к тому, что родители чувствуют огромную усталость при мысли о том, что им предстоит провести еще один день со своими детьми. Эмоциональное дистанцирование является вторым симптомом, и приводит к уменьшению вовлеченности и количества взаимодействий родителей со своими детьми, в такой степени, что их воспитание становится в основном функциональным, а не эмоциональным. Потеря достижений, является третьим симптомом, связанным с их родительской ролью. Родители больше не получают удовольствия от своей родительской роли, им «надоело» воспитание детей, и им больше не нравится проводить время со своими детьми [19].

Матери, стремятся быть идеальными, уделяют больше формального внимания ребенку. В некоторых случаях перфекционизм матери может привести к намерению расширить участие в жизни ребенка, и улучшить благополучие своих детей, но в действительности эти намерения могут привести к негативным последствиям для ребенка и семьи. Негативные последствия того, что мать доминирует, в процессе идеализации, могут включать усиление симптомов депрессии у ребенка и снижение общей удовлетворенности жизнью ребенка. Кроме того, склонность матери к перфекционизму может привести к уменьшению участия отца и уменьшению возможностей отцов вкладывать силы в решение задач, связанных с уходом за детьми [20,21].

Целью исследования стало выявление взаимосвязи родительского выгорания с типом отношения ребенку и его болезни у женщин, воспитывающих детей с расстройствами аутистического спектра.

Предмет исследования — родительское выгорание женщин, воспитывающих детей с расстройствами аутистического спектра.

Научная новизна исследования. Выявлены симптомы родительского выгорания женщин, воспитывающих детей с расстройствами аутистического спектра, определены взаимосвязи симптомов родительского выгорания и типов отношений к ребенку разного возраста. Теоретически обосновано и эмпирически доказано, что родительское выгорание женщин, воспитывающих детей с расстройствами аутистического спектра, взаимосвязано с особенностью эмоциональных отношений с ребенком и отношением матери к своей родительской роли.

Методология исследования: теории родительского выгорания у родителей, воспитывающих детей с расстройствами аутистического спектра (В. В. Бойко, Л. А. Базалева, О.С. Никольская); положение об общих и специфических закономерностях развития детей с различными видами дизонтогенеза (Л.С. Выготский, В.В. Лебединский, В.И. Лубовский); подходы к изучению особенностей детско-родительских отношений (А. Я. Варга, Р.В. Овчарова, В. В. Столин, А.С. Спиваковская и др.).

Гипотеза исследования: вероятно, симптомы родительского выгорания и типа отношения к болезни ребенка у женщин, воспитывающих детей с расстройствами аутистического спектра, взаимосвязаны с эмоциональным отношением к ребенку.

Эмпирическое исследование проводилось на базе КГБУ «Алтайский краевой центр психолого-педагогической и медико-социальной помощи». В исследовании на добровольной основе приняли участие 54 матери, воспитывающие детей с расстройствами аутистического спектра. Возраст опрашиваемых от 32 до 43 лет, средний возраст 38,6 лет, 24 женщины имеют детей дошкольного возраста, 30 женщин, имеют детей младшего школьного возраста. 24 женщины имеют 1 ребенка, 23 женщины имеют 2 детей, 7 жещин имеют 3 детей.

Методы и методики исследования:

Опросник «Родительское выгорание» И. Н. Ефимовой, использовался для изучения уровня родительского выгорания и его симптомов: эмоционального истощения, деперсонализации, редукции родительских достижений. «Опросник детско-родительского эмоционального взаимодействия» Е.И. Захаровой (методика ОДРЭВ), использовался для изучения эмоционального взаимодействия матери и ребенка, включая в себя три блока: блок чувствительности, блок эмоционального принятия, блок поведенческих проявлений эмоционального взаимодействия. Опросник для диагностики отношения к болезни ребенка (ДОБР), разработанный В.Е. Каганом и И.П. Журавлевой, использовался для изучения уровня выраженности интернальности, тревоги, нозогнозии, контроля активности ребенка.

Методы математико-статистической обработки данных: анализ средних значений, U-критерий Манна-Уитни, Н-критерий Краскела-Уоллеса, корреляционный анализ Спирмена, линейный регрессионный анализ с использованием статистического пакета «SPSS Statistics 23.0».

Результаты исследования

В таблице 1 приведены результаты сравнения показателей симптомов родительского выгорания женщин, воспитывающих детей разного возраста с расстройствами аутистического спектра.

Таблица 1.

Сравнительных анализ средних значений показателей симптомов родительского выгорания женщин, воспитывающих детей разного возраста с расстройствами аутистического спектра

Шкала	возраст ребенка	N	Среднее	Среднекв.отклонение
Эмоциональное истощение	дошкольный	24,00	21,08	10,33
	младший школьный	30,00	21,10	12,06
	Всего	54,00	21,09	11,22
Деперсонализация	дошкольный	24,00	5,75	3,44
	младший школьный	30,00	6,13	4,68
	Всего	54,00	5,96	4,14
Редукция родительских достижений	дошкольный	24,00	33,88	6,76
	младший школьный	30,00	32,97	7,89
	Всего	54,00	33,37	7,36

Эмоциональное истощение, деперсонализация, редукция родительских достижений, у женщин, воспитывающих детей дошкольного и младшего школьного возраста, имеют средний уровень выраженности. Применение U-критерия Манна-Уитни не показало достоверных различий в двух группах испытуемых, что свидетельствует, что возраст ребенка не определяет выраженность симптомов родительского выгорания.

Далее мы проверили с помощью Н-критерия Краскела-Уоллеса наличие различий в показателях симптомов родительского выгорания женщин, воспитывающих разное количество детей. Достоверных отличий в симптомах родительского выгорания женщин, имеющих одного, двух и трех детей, не выявлено. В таблице 2 представлен сравнительный анализ средних значений симптомов родительского выгорания у женщин с разным количеством детей.

Таблица 2.

Сравнительных анализ средних значений показателей симптомов родительского выгорания женщин с разным количеством детей

Шкала	Кол-во детей	N	Среднее	Среднекв.отклонение
Эмоциональное истощение	1,00	24,00	22,38	12,86
	2,00	23,00	19,09	10,04
	3,00	7,00	23,29	8,98
	Всего	54,00	21,09	11,22
Деперсонализация	1,00	24,00	6,92	4,73
	2,00	23,00	4,87	3,49
	3,00	7,00	6,29	3,59
	Всего	54,00	5,96	4,14

	Всего	54,00	3,96	4,14
Редукция родительских достижений	1,00	24,00	31,63	7,80
	2,00	23,00	35,30	7,11
	3,00	7,00	33,00	5,77
	Всего	54,00	33,37	7,36

Полученные результаты свидетельствуют о том, что женщинам, воспитывающих детей с расстройствами аутистического спектра, характерен средний уровень эмоционального истощения, деперсонализации и редукции родительских достижений. Причем наиболее благоприятная ситуация у женщин, воспитывающих двух детей, можем предположить, что один из этих детей может быть нормотипичный, что позволяет снизить депривацию потребностей у женщин, воспитывающих детей с расстройствами аутистического спектра.

Достоверных отличий в типах отношения к болезни ребенка у женщин, воспитывающих разное количество детей и детей разного возраста, не выявлено.

Выявлены корреляционные взаимосвязи между симптомами эмоционального выгорания и отношения с ребенком в группе матерей, воспитывающих ребенка с аутистическим спектром дошкольного и младшего школьного возраста.

В группе женщин, воспитывающих ребенка дошкольного возраста, получена отрицательная взаимосвязь шкалы деперсонализация и шкалы «Оказание эмоциональной поддержки» (r=-0.439; p=0,32); отрицательная взаимосвязи шкалы «Редукция родительских достижений и шкалы «Чувства, возникающие у матери во взаимодействии с ребенком» (r=-0,496; p=0,014).

Деперсонализация, проявляющейся в формальном выполнении родителями своих обязанностей, эмоциональной холодности, связана с неумением оказать эмоциональную поддержку ребенку дошкольного возраста с расстройством аутистического спектра.

Редукция родительских достижений проявляется как снижение чувства компетентности в выполнении своей родительской роли. Редукция родительских достижений у женщин, воспитывающих ребенка с расстройством аутистического спектра дошкольного возраста, взаимосвязана с негативными чувствами, которые возникают у матери во взаимоотношении с ребенком, это чаще всего чувства фрустрации и растерянности, беспомощности.

В группе женщин, воспитывающих детей младшего школьного возраста, получено большее количество корреляционных взаимосвязей между шкалами опросников, что говорит о более тесной взаимосвязи родительского выгорания и отношений к ребенку в младшем школьном возрасте

Получены положительные корреляционные взаимосвязи шкалы «Эмоциональное истощение» и шкал «Чувства, возникающие у матери во взаимодействии с ребенком» (r= 0,542; p=0,002), «Безусловное принятие» (r= 0,632; p=0,001).

Получены положительные корреляционные взаимосвязи шкалы «Деперсонализация» со шкалами «Способность воспринимать состояние ребенка» (r=0,365; p=0,047), «Преобладающий эмоциональный фон взаимодействия» (r=0,415; p=0,023), «Чувства, возникающие у матери во взаимодействии с ребенком» (r= 0,538; p=0,002), «Безусловное принятие» (r= 0,607; p=0,001); отрицательная взаимосвязь со шкалой «Оказание эмоциональной поддержки» (r=-0,415; p=0,023).

Получены отрицательные корреляционные взаимосвязи шкалы «Редукция родительских

достижений» со шкалами «Способность воспринимать состояние ребенка» (r=-0,416; p=0,022), «Чувства, возникающие у матери во взаимодействии с ребенком» (r= -0,532; p=0,003), «Безусловное принятие» (r=0,718; p=0,001); положительная взаимосвязь со шкалой «Оказание эмоциональной поддержки» (r=0,569; p=0,001).

Полученные результаты показывают, что развитие симптомов родительского выгорания у женщин, воспитывающих детей с аутистическим спектром, взаимосвязано с особенностями эмоциональных отношений с ребенком. Эмоциональное истощение, деперсонализация, редукция родительских достижений взаимосвязаны с особенностями контакта с ребенком, неспособностью понять ребенка, чувствами, возникающими во взаимодействии с ребенком, неспособностью оказать ребенку эмоциональную поддержку. В младшем школьном возрасте к ребенку предъявляется большее количество требований, что в дошкольном возрасте, для реализации задач возраста требуется большее взаимодействие ребенка с родителем, что способствует развитию симптомов родительского выгорания.

Важным параметром, определяющим успех коррекционной работы, является тип отношения к болезни ребенка. Тип отношения к болезни определяется особенностями взаимоотношений матери и ребенка.

Применен линейный регрессионный анализ, в который в качестве независимых переменных были включены шкалы опросника детско-родительского эмоционального взаимодействия» (ОДРЭВ), а в качестве зависимых переменных включены типы отношения к болезни ребенка. В результате получены три достоверные регрессионные модели типа отношения к болезни ребенка женщин, воспитывающих детей с расстройствами аутистического спектра (см. таблица 3, 4, 5).

Таблица 3.

Предикторы тревожной реакции на болезнь ребенка (n=54)

Предикторы	B	Бета	p
Способность к сопереживанию	-0,602	-0,352	0,019
Безусловное принятие	0,879	0,565	0,05
Отношение к себе как к родителю	-652	-0,288	0,051
Показатели модели: R*2*=0,412; R*2*adj=0,202; F=2,152; p=0,032			

Как видно из таблицы 3 предиктором тревожной реакции на болезнь ребенка женщин, воспитывающих детей с расстройствами аутистического спектра, являются такие характеристики эмоционального отношения с ребенком, как «Безусловное принятие», а антипредикторами — «Способность к сопереживанию», «Отношение к себе как к родителю».

Тревожный тип отношения к болезни ребенка связан с негативным отношением матери к себе, неспособностью к сопереживанию и безусловным принятием своего ребенка.

Таблица 4.

Предикторы нозогнозии (n=54)

Предикторы	B	Бета	p
Способность к сопереживанию	-0,846	-0,443	0,002
Безусловное принятие	0,897	0,516	0,005

Стремление к телесному контакту	-1,201	-0,402	0,007
Оказание эмоциональной поддержки	1,123	0,341	0,022
Показатели модели: R2=0,55; R2adj=0,344; F=3,139; p=0,003			

Как видно из таблицы 4 предикторами гипернозогнозии женщин, воспитывающих детей с расстройствами аутистического спектра, являются такие характеристики эмоционального отношения с ребенком, как «Безусловное принятие», «Оказание эмоциональной поддержки» а антипредикторами — «Способность к сопереживанию», «Стремление к телесному контакту».

Преувеличение симптомов болезни ребенка связано с безусловным принятие ребенка, оказанием эмоциональной поддержки и с неспособностью к сопереживанию и ограничениями телесного контакта с ребенком.

Таблица 5.

Предикторы контроля активности ребенка (n=54)

Предикторы	B	Бета	p
Стремление к телесному контакту	-1,126	-0,444	0,006
Умение воздействовать на состояние ребенка	0,951	0,378	0,014
Показатели модели: R2=0,430; R2adj=0,245; F=2,321; p=0,021			

Как видно из таблицы 5 предиктором ограничения активности ребенка женщин, воспитывающих детей с расстройствами аутистического спектра, являются такие характеристики эмоционального отношения с ребенком, как «Умение воздействовать на состояние ребенка», а антипредиктором — «Стремление к телесному контакту».

Ограничение активности ребенка связано с контролем за поведением ребенка и ограничениями телесного контакта с ребенком.

Таким образом синдром родительского выгорания, связан хронической депривацией потребностей, потребностей во взаимодействие с ребенком и своих собственных, что приводит к увеличению уровня стресса у таких матерей. Матери, воспитывающие детей с расстройствами аутистического спектра, имеют некоторые общие особенности, которые отличают их от матерей, воспитывающих нормотипичных детей. К таким особенностям можно отнести более негативное отношение к своей семейной роли, стремление ограничивать внесемейные влияния, излишняя эмоциональная концентрация на ребенке и эмоциональная дистанция, ограничения телесного контакта с ребенком неумение дать ребенку эмоциональную поддержку.

В исследовании получены три регрессионные модели для типов отношения к болезни ребенка. Предикторами тревожной реакции на болезнь являются: а) негативное отношение к себе как матери б) безусловное ребенка; и в) неспособность к сопереживанию. Предикторами нозогнозии являются: а) безусловное ребенка; б) оказание эмоциональной поддержки; в) неспособность к сопереживанию и г) ограничения телесного контакта. Предикторами контроля активности ребенка являются: а) умение воздействовать на состояние ребенка; б) ограничения телесного контакта.

Достоверных взаимосвязей между симптомами родительского выгорания и типами

отношения к болезни ребенка не выявлено.

В работе сделаны следующие выводы:

1 . Родительское выгорание женщин, воспитывающих детей с расстройствами аутистического спектра, определяется особенностями эмоциональных отношений с ребенком. Получены данные о разных взаимосвязях между симптомами родительского выгорания и типом отношений с ребенком разного возраста. Так в младшем школьном возрасте получено большое количество взаимосвязей между симптомами родительского выгорания и типом отношения с ребенком. В дошкольном возрасте таких взаимосвязей меньше. Достоверных отличий о различиях симптомов родительского выгорания у женщин, имеющих разное количество детей и детей разного возраста не получено.

2 . Эмоциональное истощение, деперсонализация, редукция родительских достижений взаимосвязаны с особенностями контакта с ребенком, неспособностью понять ребенка, чувствами, возникающими во взаимодействии с ребенком, неспособностью оказать ребенку эмоциональную поддержку.

3 . Тип отношения к болезни ребенка определяется особенностями эмоциональных отношений матери и ребенка. Так предикторами типов отношения к болезни ребенка выступают чувства, возникающие у матери во взаимоотношениях с ребенком, негативное отношение к себе как матери, безусловное ребенка, ограничения активности и телесного контакта.

Полученные результаты расширяют имеющиеся сведения об особенностях родительского выгорания и типа отношения к болезни ребенка женщин, воспитывающих детей с расстройствами аутистического спектра.

Ограничениями исследования выступают малый объем выборки, а также ее географическая представленность, ограниченная только территорией Алтайского края. Кроме того, отмечается недостаточная сбалансированность выборок по социально-демографическим характеристикам.

Перспективы исследования по данной тематике видятся нам в расширении выборки в части исследования очередности появления ребенка в семье с расстройствами аутистического спектра, изучения отцов, а также в увеличении количества методик для анализа более широкого круга параметров эмоциональной сферы родителей. Кроме того, в качестве перспектив можно отметить возможность изучения когнитивных и поведенческих особенностей женщин, воспитывающих детей с расстройствами аутистического спектра.

Библиография

1. Семенова Л.Э., Божкова Е.Д., Конева И.А. Личностные ресурсы психологического благополучия матерей, воспитывающих детей с ограниченными возможностями здоровья и инвалидностью // Вестник Мининского университета. 2022 . Т. 10. № 1. 87–94.
2. Киселёва О.В. Роль семейных факторов в развитии детей с нервно-психическими расстройствами и расстройствами аутистического спектра // Вопросы психического здоровья детей и подростков. 2020. Т. 20. № 1. С. 100–111.
3. Ефимова И.Е. Результаты исследования чувства вины у родителей детей с ограниченными возможностями здоровья // Современные научные исследования и разработки. 2018. № 6 (23). С. 254–257.

4. Ефимова И.Е. Результаты исследования чувства вины у родителей детей с ограниченными возможностями здоровья // Современные научные исследования и разработки. 2018. № 6 (23). С. 254–257.
5. Фадеева Т. Ю. Психологические факторы родительского выгорания отцов и матерей // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2021. Т. 10. Вып. 4 (40). С. 334–343. https://doi.org/10.18500/2304-9790-2021-10-4-334-343
6. Баландова С.М. Исследование родительского выгорания в зарубежной науке и практике // Социальная работа в современном мире: тенденции и перспективы развития: сб. матер. III Международной научно-практич. конф. отв. ред. Н.М. Комарова, Т.Ф. Суслова. М.: МГОУ, 2020. С. 13–23.
7. Базалева Л.А. Возможности исследования эмоционального выгорания у матерей в психологии личности // Вестник Адыгейского государственного университета. 2010. №1. С. 168–176.
8. Шумская Н. А. Куликова Е. Г. Защитные механизмы матерей, воспитывающих детей с тяжелыми множественными нарушениями развития // Дефектология. 2021. № 1. С. 58–66.
9. Водопьянова Н. Е., Старченкова Е.С. Синдром выгорания. Диагностика и профилактика: практическое пособие. 3-е изд., испр. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2023. 299 с.
10. Конищева А.В. Подходы к исследованию родительского отношения в российской психологии // Психология и право. 2022. Т. 12. № 3. С. 88–96.
11. Брагина Е.А., Белозерова Л.А., Прокофьева М.В. Отношение к ребенку и семейной роли матерей детей с расстройствами аутистического спектра и детей с нарушениями речи // Вектор науки ТГУ. Серия: Педагогика, психология. 2021. № 2. С. 39–45.
12. Первушина О.Н., Киселева О.В., Мурашова Т.А., Дорошева Е.А., Эмоциональное состояние родителей детей с расстройствами аутистического спектра (РАС) // Вопросы психического здоровья детей и подростков: Научно-практический рецензируемый журнал психиатрии, психологии, психотерапии и смежных дисциплин. 2021 (21). № 1. С. 14–23.
13. Богачева О.И., Иванов М.В. Особенности материнского отношения к болезни детей с расстройствами аутистического спектра // Вопросы психического здоровья детей и подростков. 2019. № 3 (19). С. 21–28.
14. Краснощекова И.В., Ковшова О.С. Психологические характеристики личности матери, воспитывающей ребенка с психическим дизонтогенезом // Неврологический вестник. 2019. Т.LI (3). С. 36–42.
15. Власова Д. Е., Козлова Н. В. Факторы, способствующие сохранению социально-психологического здоровья родителей, воспитывающих детей с особенностями развития // Вопросы психического здоровья детей и подростков. 2019. Т. 19. № 1. С. 20–27.
16. Пустовая А.В., Пустовая Е.Н., Гуткевич Е.В. Взаимосвязи ведущих установок отношения родителей к болезни, поведенческим особенностям и социальным навыкам детей с аутизмом // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2021. Т. 10. № 2А. С. 83–94.
17. Конева И.А., Краснова Е.Н. Особенности детско-родительских отношений в семьях, воспитывающих детей с расстройствами аутистического спектра, и их коррекция // Проблемы современного педагогического образования. 2019. № 63-4. С. 113–116.

18. Mikolajczak M., Roskam I. A. Theoretical and Clinical Framework for Parental Burnout: The Balance Between Risks and Resources (BR2). Front Psychol. 2018 Jun 12;9:886. doi:10.3389/fpsyg.2018.00886. PMID: 29946278; PMCID: PMC6006266.

19. Одинцова М.А., Лубовский Д.В., Гусарова Е.С., Иванова П.А. Жизнестойкость, самоактивация и копинг-стратегии матерей в условиях инвалидности ребенка как вызова // Консультативная психология и психотерапия. 2023. Т. 31. № 1. С. 79–106.

20. Александрова О.В., Дерманова И.Б. Отношение взрослых родственников к тяжелобольному ребенку и оценка ими трудной жизненной ситуации в связи с характером его заболевания // Психология человека в образовании. 2019 Т. 1. № 1. С. 82–90.

21. Ханина М.А. Психолого-педагогическая поддержка семьи ребенка с ограниченными возможностями здоровья // Научен вектор на Балканите. 2019. Т. 3. № 1(3). С. 28-31.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.
Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться здесь.

Рецензия на статью «Отношение к болезни ребенка и родительское выгорание женщин, воспитывающих детей с расстройствами аутистического спектра»

Предмет исследования – родительское выгорание женщин, воспитывающих детей с расстройствами аутистического спектра.
Название статьи четко отражает суть работы.
Методология исследования построена на традиционных методах психологического исследования. В первой части применены методы анализа, систематизации и обобщения литературных данных, используется обзор более литературных источников.
Эмпирическая часть исследования представлена исследованием выборки 54 матерей, каждая из которых воспитывает ребенка с расстройствами аутистического спектра, которые является представителем разных возрастов – дошкольного или младшего школьного. Выборка отобрана по критериям возраста (от 32 до 43 лет, средний возраст 38,6 лет).
Описание группы по данным критериям детально представлено в статье.
В исследовании используются различные методы, которые образуют пакет высоконадежных и валидных методик:
1. Опросник «Родительское выгорание» И. Н. Ефимовой для диагностики трех показателей - эмоционального истощения, деперсонализации, редукции родительских достижений.
2. «Опросник детско-родительского эмоционального взаимодействия» Е.И. Захаровой (методика ОДРЭВ) и – для диагностики трех блоков детско-родительских отношений: блок чувствительности, блок эмоционального принятия, блок поведенческих проявлений эмоционального взаимодействия.
3. Опросник для диагностики отношения к болезни ребенка (ДОБР), разработанный В.Е. Каганом и И.П. Журавлевой, использовался для изучения уровня выраженности интернальности, тревоги, нозогнозии, контроля активности ребенка.
Методы математико-статистической обработки данных: В исследовании применены количественные методы, что позволяет оценить научность и достоверность полученных данных. Так, автор использует анализ средних значений, U-критерий Манна-Уитни, H-

критерий Краскела-Уоллеса, корреляционный анализ Спирмена, линейный регрессионный анализ с использованием статистического пакета «SPSS Statistics 23.0».

Актуальность представленной статьи не вызывает сомнения. Интерес к изучению индивидуальных особенностей детско-родительских отношений, особенно на семьях с особыми детьми представляет важность для организации коррекционной и консультационной помощи таким семьям.

Научная новизна – Во-первых, автором выявлены симптомы родительского выгорания женщин, воспитывающих детей с расстройствами аутистического спектра, определены взаимосвязи симптомов родительского выгорания и типов отношений к ребенку разного возраста. Во-вторых, на материалах исследования доказано, что родительское выгорание женщин, воспитывающих детей с расстройствами аутистического спектра, взаимосвязано с особенностью эмоциональных отношений с ребенком и отношением матери к своей родительской роли.

Стиль, структура, содержание

Статья имеет традиционную структуру – вводная, основная и заключительная части.

Вводная часть обосновывает выбор темы. Она отличается высоким уровнем проработки. Автор четко заявляет проблему, которая стала запускающим механизмом доя выбора темы исследования – увеличение числа родителей с развитием симптомов родительного выгорания и эмоционального истощения особенно у матерей таких детей

Представлен обзор отечественных статей по вопросам выгорания, эмоционального истощения, детально проанализированы особенности родительского выгорания на примере исследований Ефимовой, Никольской и др.

В основной части статьи представлена работа над целью – изучение взаимосвязи родительского выгорания с типом отношения ребенку и его болезни у женщин, воспитывающих детей с расстройствами аутистического спектра.

Автор заявляет гипотезу, которая проверяется в практической части исследования - симптомы родительского выгорания и типа отношения к болезни ребенка у женщин, воспитывающих детей с расстройствами аутистического спектра, взаимосвязаны с эмоциональным отношением к ребенку. Рекомендуется скорректировать гипотезу применительно к содержанию работы и особенностями выборки. Так очевидно, что автор анализирует такие особенности, как количество детей возраст ребенка. Раз они являются вмешивающимися переменными в исследовании, важно отметить данное условие.

Автор представляет результаты с количественными данными в структурированных таблицах. Данные грамотно интерпретированы.

В заключении автор делает системные и качественные выводы о параметрах, оказывающих ключевое влияние на родительское выгорание, на связь характеристик с расстройствами аутистического спектра детей в зависимости от их возраста.

Стиль изложения доступен для восприятия. Статья содержит таблицы, которые иллюстрируют полученные результаты исследования, в том числе по группирующим переменным.

Стиль статьи соответствует требованиям научности. Оформлен в целом грамотно. В работе есть незначительные опечатки, которые важно исправить. Например, «7 жещин имеют 3 детей».

Библиография

Насчитывает 21 литературный источник, в том числе издания на английском языке. Среди литературных источников представлены монографии, статьи, классические издания, сборники материалов конференций. Они датированы разными периодами, в том числе свежими данными за 2021-23 г.г.

Список литературы оформлен с некоторыми нарушениями требований к публикациям

научных статей. Например, некоторый источники начинаются с имени/отчества автора, а не с фамилии, как того требует ГОСТ Речь идет про источник № 1, 19. Данные нарушения необходимо исправить.

Апелляция к оппонентам – статья может быть рекомендована к публикации.

Выводы, интерес читательской аудитории – статья вызовет интерес читательской аудитории – педагогов, социальных работников, психологов (в том числе клинических психологов), исследователей, преподавателей психологии.

Психология и Психотехника
Правильная ссылка на статью:
Исаева Е.Р., Мухитова Ю.В., Дмитриев П.И. Особенности окуломоторной активности (движения глаз) у больных шизофренией при распознавании существенных признаков на примере методики «Исключение 4-го лишнего» // Психология и Психотехника. 2024. № 1. DOI: 10.7256/2454-0722.2024.1.69668 EDN: OEEUUF URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69668

Особенности окуломоторной активности (движения глаз) у больных шизофренией при распознавании существенных признаков на примере методики «Исключение 4-го лишнего»

Исаева Елена Рудольфовна

ORCID: 0000-0002-7731-7693

доктор психологических наук

профессор, заведующий кафедрой общей и клинической психологии, Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет им. акад. И.П. Павлова

197022, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Л.толстого, 6-8

isajeva@yandex.ru

Мухитова Юлиана Владимировна

ORCID: 0000-0003-4172-6257

кандидат психологических наук

доцент, кафедра общей и клинической психологии, Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет имени академика И.П. Павлова

197022, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Льва Толстого, 6/8

che88@mail.ru

Дмитриев Павел Иванович

ORCID: 0009-0000-1691-2838

кандидат технических наук

рук. отдела видеоаналитики, ООО «НПП «Видеомикс»

197342, Россия, г. Санкт-Петербург, пер. Красногвардейский, 15 литер п, оф. ООО «НПП «Видеомикс»

dmitriev@prointech.ru

Статья из рубрики "Клиническая психология"

DOI:

10.7256/2454-0722.2024.1.69668

EDN:

OEEUUF

Дата направления статьи в редакцию:

Дата направления статьи в редакцию:

25-01-2024

Аннотация: Исследование посвящено изучению специфики глазодвигательной (окуломоторной) активности у больных шизофренией при решении когнитивной задачи на поиск общих (схожих) признаков в 4 изображениях-стимулах и на этой основе исключение 1 лишнего предмета на карточках методики «Исключение 4-го лишнего». Окуломоторная активность является надежным биомаркером как сознательных, так и бессознательных когнитивных процессов, а паттерны движения глаз служат количественной (объективной) характеристикой процесса восприятия, внимания и мышления в реальном времени. При решении когнитивных задач предметом изучения являлись мыслительные процессы больных шизофренией: сравнение, классификация, обобщение, абстрагирование, которые выявлялись в ответах пациентов в методике «Исключение четвертого лишнего». Ответы респондентов анализировались в зависимости от уровня обобщения: по категориальному и функциональному признаку, по конкретно-ситуативному признаку, латентному признаку. Для оценки характеристик окуломоторной активности был использован метод ай-трекера с применением аппаратно-программного комплекса бесконтактной регистрации окуломоторной активности человека. Для оценки характеристик мыслительной деятельности применялась методика "Исключение четвертого лишнего". Больные шизофренией демонстрируют трудности в процессе распознавания, наблюдается акцентирование внимания на отдельных частях изображения, а также: хаотические перемещения взгляда между объектами и их деталями. Это свидетельствует о необходимости более длительного временного периода для распознавания изображений, а также о затруднениях в анализе и выделении общих существенных признаков предметов (изображений), вследствие чего больные шизофренией осуществляют мыслительные операции обобщения на основании разнообразных, чаще несущественных и латентных признаков, что отражается на принятии «неверного» решения. Изучение движения глаз во время решения подобных мыслительных задач показало, что характеристики взгляда во время поиска общих признаков отражают мыслительные акты сравнения и обобщения существенных признаков и могут дать объективные сведения о трудностях и нарушениях производимого. В результате исследования сделан вывод о том, что особенности глазодвигательной активности больных шизофренией тесно связаны с нарушениями когнитивной обработки зрительной информации на ранних уровнях мыслительного процесса. Движения глаз при решении когнитивных задач сопровождают мыслительный процесс поиска и выбора значимых признаков из общего фона разноообразной зрительной информации и отражают трудности ее селекции.

Ключевые слова:

шизофрения, мышление, айтрекер, зрительное восприятие, окуломоторная активность, когнитивные функции, зрительные фиксации, избирательность восприятия, селективность мышления, латентные признаки

Актуальность

В истории изучения шизофрении особое место всегда занимали исследования познавательной сферы (Поляков Ю.Ф., 1972; Кабанов М.М., 1985; Зотов М.В., 1998; Гурович И.Я., Шмуклер А.Б., Магомедова, 2001; Зейгарник Б.В., 2005; M. M. Kutz, I. C. Selter, I. K. Ferrnand et al, 2005; Абрамов, В.А., Путятин, Г.Г., Абрамов, А.В., 2008; Иванов М.В., Незнанов Н.Г., 2008;Блейхер В.М., Крук И.В., Боков С.Н. , 2009; Литвинцев С.В., Ершов Б.Б., Колчев А.И., Колчев С.А., 2010; Саркисян Г.Р., Гурович И.Я., Киф Р.С., 2010; Чередникова Т.В., 2009; Чередникова Т.В., 2011; Горьковая И.А., 2011; Критская, В. П., Мелешко Т.К., 2015 и др.; Исаева Е.Р., Лебедева Г.Г., 2016;Плотников В. В., Плотников Д. В., 2018 и др.; Мухитова Ю.В., Исаева Е.Р., Трегубенко И.А., Шошина И.И., Ханько А.В., Лиманкин О.В., 2021) Один из первых обратил внимание на изменение сферы восприятия больных шизофренией В. А. Гиляровский (1941), который утверждал, что познавательная деятельность больных шизофренией подвергается изменениям, начиная от первичных звеньев, заканчивая более высокоорганизованными процессами.

Значительное продвижение в понимании механизмов патологии мышления было сделано благодаря Б.В. Зейгарник – она придавала особое значение патопсихологическому методу в изучении расстройств мышления. Исходной позицией советских патопсихологов (Критская В. П., Мелешко Т. К., Поляков Ю. Ф., 1994; С. Я. Рубинштейн, 2004; Б. В. Зейгарник, 2005; Ю. Ф. Поляков, 1973, 1978) являлось понимание процесса мышления как рефлекторно обусловленной деятельности, формирующейся в процессе онтогенеза (Блейхер В.М., 2009). Критская В.П., Мелешко Т.К., Поляков Ю.Ф. (1994) в своих работах указывали на нарушение избирательности мышления, обусловленное нарушением вероятностной структуры прошлого опыта и ослаблением его влияния на актуальную мыслительную деятельность. При решении мыслительных задач (обобщение, сравнение, классификация) больные шизофренией с равной степенью вероятности и значимости используют как существенные, так и латентные признаки. Искажение процесса обобщения и нарушение избирательности мышления, как сквозные особенности психики больных шизофренией, проявляются во всей интеллектуальной деятельности (Критская В.П., Мелешко Т.К., Поляков Ю.Ф.,2004; Критская В.П., Мелешко Т.К., 2015). А.И Молочек указывал на большое значение наличия адинамического прошлого опыта и на сохранность самих знаний (Блейхер В.М., 2009). Фрумкин Я.П. и Лившиц С.М. (1979), в свою очередь, также отмечали участие прошлого опыта в формировании клинической картины, при этом особое значение придавалось механизмам патологического оживления следовых реакций. Л.С. Выготский рассматривал проявления снижения уровня понятийного мышления при шизофрении до уровня конкретных смыслообразований, в основе которого, по его мнению, лежит изменение значений слов (Зейгарник Б.В., 2005).

При изучении шизофрении всё большую актуальность и значимость приобретают исследования нейрокогнитивных, психо- и нейролингвистических аспектов нарушений когнитивных функций (нейрокогнитивный дефицит), которые рассматриваются в качестве одних из ведущих компонентов в симптоматике шизофрении при ее диагностировании (Зотов М.В., 1999; Velligan D. I, 1999; M. F. Green, R. S. Kern, D. L. Braff, J. Mintz, 2000; Гурович И.Я., Шмуклер А.Б., Магомедова М.В., 2001; Kim C. K., Kim S. H., Choe B. M, 2004; Nuechterlein K. H., Dawson M. E., Green, M. F., 2006; S. Van Hooren, 2008; Иванов М.В., Незнанов Н.Г., 2008; Исаева, Е. Р., Трегубенко, И. А., Мухитова, Ю. В., & Шошина И. И., 2021). Также – особое внимание уделяется поиску мозговых механизмов данных нарушений. Так, например, Е.Р. Исаева, Ю.В. Мухитова с соавт.(2018) отмечали, что нарушения когнитивных процессов выявляются еще на уровне ранней обработки зрительной информации.

Изучение познавательной, в том числе мыслительной деятельности при шизофрении требует поиска и применения новых подходов и диагностических методов, основанных на высоких информационных и медицинских технологиях, которые могут предоставить бóльшую объективность и надежность в исследованиях нарушений мышления. С применением метода ай-трекера становится возможным более детальный анализ паттернов движений глаз в процессе решения когнитивной задачи больными шизофрении, что имеет важное значение для понимания структуры и механизмов сенсорно-когнитивных нарушений при шизофрении и для разработки технологий объективной диагностики нарушений восприятия и мышления. Метод ай-трекера позволяет ответить на вопросы о том, как человек обрабатывает визуальные стимулы и использует полученную информацию для поиска успешной стратегии решения определенных поставленных задач. Учитывая, что процесс принятия решения часто является скрытым, бессознательным, возможность приблизиться к пониманию этого процесса с помощью отслеживания взгляда потенциально представляется важной и перспективной технологией исследования с точки зрения решения многих теоретических и практических вопросов по определению механизмов возникновения нарушений когнитивных функций, а также для выявления надежных диагностических биомаркеров. В данном исследовании была проведена попытка объективизации в оценке когнитивных процессов на основе регистрации движений глаз (окуломоторной активности) при решении мыслительных задач больными шизофренией.

Одним из основных способов получения информации о внешнем мире является зрение. У людей острота зрения снижается постепенно от центрального к периферическому полю зрения, поэтому для получения точной визуальной информации необходимо привести изображение визуального объекта к зоне наиболее четкого зрительного восприятия. В этом процессе важную роль играют движения глаз: окуломоторная активность обеспечивает получение, преобразование и дальнейшее использование зрительной информации, полученной благодаря зрительному аппарату (Ярбус А. Л., 1965; Барабанщиков В. А., 1997; Ананьева К. И., Барабанщиков В. А., Харитонов А. Н., 2010; Барабанщиков В. А., Жегалло А. В., 2014).

Примечательно, что движения глаз дают представление о гомеостатическом балансе человека и отражают процесс формирования решения. Следовательно, наука о зрении исследует качество наблюдаемой среды, определенное в различных экспериментальных условиях. Более того, она отвечает на вопросы о том, как человек обрабатывает визуальные стимулы и использует полученную информацию для успешной стратегии достижения определенных целей (Ярбус А. Л., 1965; Барабанщиков В. А., 1997; Ананьева К. И., Барабанщиков В. А., Харитонов А. Н., 2010; Барабанщиков В. А., Жегалло А. В., 2014). Учитывая, что примерно 95% принятия решений человеком происходит на бессознательном уровне (Zaltman, G., 2003; Pop, N., Al, Dabija, D. C., and Iorga, A. M.,2014; Nyoni, T., and Bonga, W. G., 2017), исследование когнитивных процессов с помощью отслеживания взгляда открывает возможность приблизиться к невидимой части нейронных связей, преодолевая ограничения, связанные субъективностью проводимых методик, основанных на саморефлексии и самонаблюдении: опросники, тесты (Connors, B. L., Rende, R., and Colton, T. J., 2016; Bell, L., Vogt, J., Willemse, C., Routledge, T., Butler, L. T., and Sakaki, M.,2018).

Теоретические модели, раскрывающие взаимосвязи паттернов движения взгляда и когнитивных процессов, на настоящие момент времени представляются недостаточными. Кроме того, следуя глобальному тренду так называемой «цифровой стратегии»,необходимы технологии, позволяющие выявлять нарушения когнитивных

функций при решении задач первичной и дифференциальной диагностики, а также – осуществлять мониторинг психического состояния и функционирования человека (Bryson G. B., 2001; Bestelmeyer P. E. G., Tatler B. W., Phillips L. H., Fraser G., Benson P. J., Clair St, 2006; Morita K., Miura K., Fujimoto M , 2017; Thakkar K. N., Diwadkar V. A., Rolfs M., 2017; Scholl, J., and Klein-Flügge, M., 2018; Rutkowski, T. M., Abe, M. S., Koculak, M., and Otake-Matsuura, M., 2020).

Ай-трекинг считается многообещающим подходом для повышения оценки достоверности результатов и объективизации этого процесса. Исследования установили, что окуломоторная активность является надежным биомаркером как сознательных, так и бессознательных когнитивных процессов. Например, характеристики глазодвигательных реакций позволяют дифференцировать достоверность получаемых ответов (отличают случаи лжи или недостоверности в ответах исследуемых). Исследования с применением ай-трекера экспериментально подтверждают, что паттерны движения глаз служат количественной (объективной) характеристикой процесса восприятия, внимания и мышления в реальном времени. Например, по результатам своих исследований P. Holzman и S. Levin, выдвинули предположение, что уже известный дефицит плавного слежения связан с нарушениями непроизвольного внимания, выражающегося в виде расторможенных саккад. Выделяется также характерная для больных шизофренией высокая частота коротких непроизвольных саккад, что подтверждает существующие гипотезы об избыточной отвлекаемости на вторичные, несущественные признаки и неспособность фильтровать информацию, отсекая более или менее значимые стимулы в условиях заданной деятельности (Ярбус А.Л., 1965; Владимиров А.Д., 1972; Барабанщиков В.А., 1997; Lee K. H, Williams L. M., 2000; Sereno, A. B., Holzman, P. S., 1993; Minassian A., Granholm E., Verney S., 2005; Kim, J., Park, S., and Blake, R., 2011; Ананьева К. И., Барабанщиков В. А., Харитонов А. Н., 2010; Домагалик и др., 2012; Барабанщиков В. А., Жегалло А. В., 2014; Daglas, R., Yücel, M., Cotton, S., Allott, K., Hetrick, S., and Berk, M., 2015; Бутенко В. В., 2016).

В последние годы было проведено множество исследований, посвященных описанию особенностей характеристик окуломоторной активности у больных с различными нервно-психическими расстройствами в сравнении с нормой. Так, например, Shiino T., Miura K., Fujimoto M. с соавторами выявили достоверно значимые отличия в пяти характеристиках окуломоторной активности у больных с расстройствами аутистического спектра и больных шизофренией, в сравнении с нормативной группой, при задачах «свободного просмотра» и просмотра с заданной целью (тесты плавного следования взгляда) (Shiino, T., Miura, K., Fujimoto, M., Kudo, N., Yamamori, H., Yasuda, Y., et al., 2020).

Эксперимент Д.А.Швайко и Е.А.Буденковой показал, что глазодвигательные реакции людей, страдающих шизофренией, отличаются высокой степенью дезорганизованности, наличие некорректных саккад, длительные фиксации на изолированных участках стимульного материала, не содержащих первостепенной для выполнения задачи информации, по сравнению с окулограммами здоровых людей (Ткаченко А. А., Демидова Л. Ю., Бабичева Н. В., 2018). Дисфункциональные движения глаз свидетельствуют о нарушении системы плавных слежений, что отражается в увеличении показателей различных окуломоторных характеристик (частота саккад, длительность фиксации взгляда и т.д.) у больных шизофренией, в сравнении с нормативной группой. Повышенная частота саккад во время следования взгляда при решении когнитивной задачи, вероятно, является компенсаторной, но данная интерпретация остается неоднозначной из-за отсутствия данных об определенные видах саккад (Бутенко В. В., 2016).

Было описано, что когнитивные нарушения, выявленные с помощью анализа взгляда, могут указывать или даже предсказывать психические заболевания (Fujioka, T., Inohara, K., Okamoto, Y., Masuya, Y., Ishitobi, M., Saito, D. N., et al. , 2016; Almubark, I., Chang, L.-C., Shattuck, K. F., Nguyen, T., Turner, R. S., and Jiang, X , 2020; Wolf, A., Ueda, K., and Hirano, Y., 2021). Кроме того, отслеживание взгляда может дать ценную информацию о когнитивных процессах как у здоровых взрослых, так и у пациентов со скрытыми формами расстройств. Предварительные результаты ряда исследований показывают, что параметры метрики взгляда, такие как: фиксации (их расположение, количество и длительность), саккады (их количество и амплитуды) и длина сканирования пути – являются аномальными при множестве неврологических и психических заболеваний (Скрипка Е. Ю, 2011; Beedie, S. A., St.Clair, D. M., and Benson, P. J., 2011; Beedie S. A., Benson P. J., Giegling I., 2012; Türkan, B. N., Amado, S., Ercan, E. S., and Perçinel, I., 2016; Morita K., Miura K., Fujimoto M. , 2017; Ткаченко А. А., Демидова Л. Ю., Бабичева Н. В. , 2018; Li, J., Zhong, Y., Han, J., Ouyang, G., Li, X., and Liu, H..,2020). Поскольку множество клинических работ требуют диагностики, основанной на этиологии (т.е. понимание процессов функционирования мозга у лиц, страдающих психическими расстройствами), разработка надежных биомаркеров является основной целью современных клинических исследований (Lee K. H, Williams L. M., 2000; Kim, J., Park, S., and Blake, R., 2011; Daglas, R., Yücel, M., Cotton, S., Allott, K., Hetrick, S., and Berk, M., 2015; Yahata, N., Kasai, K., and Kawato, M., 2017; Wolf, A., Ueda, K., and Hirano, Y., 2021).

Цель исследования: определение характеристик окуломоторной активности у больных шизофренией и у здоровых респондентов при решении когнитивной задачи на поиск и выбор общего (объединяющего) признака с определением неподходящего (лишнего) предмета по данному основанию.

Материалы и методы исследования В ходе исследования были обследованы пациенты 45 человек (26 человек – мужчины (56%), 19 человек– женщины (44%), средний возраст 39±11 лет) с диагнозом шизофрения, параноидная форма, на базе СПб ГБУЗ «Психиатрическая больница № 1 им. П.П. Кащенко». Диагноз устанавливался в соответствии с критериями МКБ-10. Участие пациентов в исследовании проходило добровольно, при условии отсутствия интеллектуального дефекта, активного психотического или иного состояния, препятствующего возможности проводить оценку своего состояния. Контрольная группа включала 59 здоровых испытуемых (15 человек – мужчины (25%), 44– женщины (75%), средний возраст 21±3 лет). Для оценки характеристик окуломоторной активности был использован метод ай-трекера с применением аппаратно-программного комплекса бесконтактной регистраций окуломоторной активности человека (частота камеры 250 Гц, точность 0,3º, рабочее расстояние камеры 60-85 см, область захвата 32-42 см с расстояния 70 см, диапазон камеры 850 нм (NIR). Для объединение точек взгляда в фиксации использовался штатный алгоритм I-DT (Dispersion Threshold Identification)с пороговым значением фиксаций 70 мс. Для оценки уровня обобщения и его нарушений в мышлении пациентов с шизофренией применялась методика "Исключение четвертого лишнего". Расчет математико-статистических данных производился в программе STATISTICA 10 с использованием следующих методов статистического анализа: описательная статистика, частотный анализ, сравнительный анализ с использованием критерия Манна-Уитни.

Результаты исследования.

Больные шизофренией при решении мыслительных задач по методике «Исключение 4-го лишнего» демонстрируют бóльшую частоту фиксаций, в сравнении с нормативной

группой, на зрительном стимуле (частота фиксаций выше, чем в группе нормы; p<0,001), фиксации носят более длительный характер (среднее время и максимальное время фиксаций, p<0,001), что может свидетельствовать о более длительном разглядывании стимулов и затруднениях в принятии решения при выборе лишнего предмета в карточке. Больные шизофренией демонстрируют меньший диаметр ширины зрачка (p<0,001), что может указывать на низкий уровень когнитивной нагрузки в период решения актуальной задачи, сложности в сосредоточении и концентрации внимания, а также это может быть следствием принимаемой медикаментозной терапии, (Таблица 1).

Таблица 1 Сравнительный анализ характеристик окуломоторной активности у больных шизофренией и в нормативной группе при решении мыслительных задач в методике «Исключение четвертого лишнего»

Характеристики окуломоторной активности при распознавании стимулов	*M± δ*		Сумма рангов		U	Z	ур
	Больные шизофренией (n=45)	Норма (n=59)	Больные шизофренией (n=45)	Норма (n=59)			
Количество фиксаций	*68,53± 46,9*	55,73 ± *49,24*	279952	681239	135749	6,658	0
Среднее время фиксации	262,77± 57,51	221,72± 56,33	302979,5	648530,5	108250,5	10,728	0
Максимальное время фиксации	1026,92± 637,87	694,53± 416,1	314619,5	636890,5	96610,5	12,554	0
Диаметр зрачка	3,58±0,61	4,04± 0,83	177012,5	774497,5	119042,5	-9,035	0

Был проведен сравнительный анализ характеристик окуломоторной активности в нормативной группе и у больных шизофренией при решении задач в зависимости от уровня обобщения выбранного признака: по категориальному и функциональному признаку, по конкретно-ситуативному признаку, латентному признаку. Результаты показали статистически значимые различия (p<0,01) по количеству зрительных фиксаций и длительности фиксаций во всех трех вариантах ответов: больные шизофренией затрачивают значительно больше времени на исследование зрительного стимула и совершают б□льшее количество фиксаций при выборе признака для проведения обобщения (Таблица 2, Таблица 3, Таблица 4).

Таблица 2 Сравнительный анализ характеристик окуломоторной активности у больных шизофренией при обобщении по категориальному и функциональному признакам при решении задач в методике «Исключение четвертого лишнего»

Характеристики окуломоторной активности при распознавании стимулов	*M± δ*		Сумма рангов		U
	Больные шизофренией (n=45)	Норма (n=59)	Больныешизофренией (n=45)	Норма (n=59)	
Количество фиксаций	363,84±222,1	55,73 ±49,24	68147,5	549568,5	4078,
Среднее время фиксации	234,78±59,63	221,72±56,33	43689	568482	2820
Минимальное					

время фиксации	80,25±1,36	86,9±16,96	18706	593465	1642
Максимальное время фиксации	1119,2±566,35	694,53±416,1	56434,5	555736,5	15456
Диаметр зрачка	3,29±0,6	4,04±0,83	18688	593483	1641

Таблица 3 Сравнительный анализ характеристик окуломоторной активности у больных шизофренией при обобщении по конкретно-ситуативному признаку в методике «Исключение четвертого лишнего»

Характеристики окуломоторной активности при распознавании стимулов	*M± δ*		Сумма рангов		U	Z
	Больные шизофренией (n=45)	Норма (n=59)	Больные шизофренией (n=45)	Норма (n=59)		
Количество фиксаций	236,85±*140,24*	55,73±*49,24*	116588,5	547539,5	2049,5	16,5
Минимальное время фиксации	*80,12±0,97*	*86,9*±16,96	33723,5	624654,5	27837,5	-8,6
Максимальное время фиксации	*1210,16±713,78*	694,53±416,1	95583,5	562794,5	22514,5	10,2
Диаметр зрачка	3,31±*0,62*	4,04±0,83	31609,0	626769	25723	-9,2

Таблица 4 Сравнительный анализ характеристик окуломоторной активности у больных шизофренией при решении задач по латентному признаку в методике «Исключение четвертого лишнего»

Характеристики окуломоторной активности при распознавании стимулов	*M± δ*		Сумма рангов		U	Z	p уро
	Больные шизофренией (n=45)	Норма (n=59)	Больные шизофренией (n=45)	Норма (n=59)			
Количество фиксаций	191,92±149,37	55,73 ± 49,24	47341	551624	6134	9,14805	0,
Среднее время фиксации	252,39±62,01	221,72± 56,33	34199	559306	19026	3,19872	0,
Минимальное время фиксации	80,86±3	86,9± 16,96	17275	576230	16000	-4,59172	0,
Максимальное время фиксации	1214,94±756,84	694,53± 416,1	41818	551687	11407	6,70609	0,
Диаметр зрачка	3,46±0,61	4,04± 0,83	16611	576894	15336	-4,89739	0,

Далее был проведен сравнительный анализ окуломоторной активности у больных

шизофрений при выборе верного ответа, т.е. по существенному признаку (категориальный и функциональный, конкретно-ситуативный), и неверного ответа, т.е. по несущественному признаку (латентный). Больные шизофренией при решении задачи с выбором неверного ответа (латентного признака) демонстрируют меньшее количество фиксаций и бóльшее время фиксации на изображениях-стимулах, в сравнении с аналогичными характеристиками окуломоторной активности у больных шизофренией при выборе верных ответов – по категориальному и конкретно-ситуативному признакам ($p<0,001$) (Таблица 5, Таблица 6).

Таблица 5 Сравнительный анализ характеристик окуломоторной активности у больных шизофренией при обобщении по конкретно-ситуативному и латентному признакам при решении задач в методике «Исключение четвертого лишнего»

Характеристики окуломоторной активности при распознавании стимулов	*M*± *δ*		Сумма рангов		U	
	Больные шизофренией, конкретно-ситуативный признак (n=67)	Больные шизофренией, латентный признак (n=50)	Больные шизофренией, конкретно-ситуативный признак (n=67)	Больные шизофренией, латентный признак (n=50)		
Количество фиксаций	236,85±140,24	191,92±149,37	4361	2542	1267	2
Минимальное время фиксации	80,12±0,97	80,86± 3	3614	3289	1336	3

Таблица 6 Сравнительный анализ характеристик окуломоторной активности у больных шизофренией при обобщении по категориальному и латентному признакам при решении задач в методике «Исключение четвертого лишнего»

Характеристики окуломоторной активности при распознавании стимулов	*M*± *δ*		Сумма рангов		U
	Больные шизофренией, категориальный признак (n=108)	Больные шизофренией, латентный признак (n=50)	Больные шизофренией, категориальный признак (n=108)	Больные шизофренией, латентный признак (n=50)	
Количество фиксаций	363,84±222,17	191,92±149,37	9987	2574	129
Минимальное время фиксации	80,26±1,36	80,86± 3	8129,5	4431,5	2243

Далее мы провели анализ ответов и особенностей движения взгляда при решении задач в простых по уровню сложности карточках. С ними больные шизофренией справлялись легче: они чаще давали ответы в соответствии с нормативными, демонстрировали категориальный уровень обобщений. Следует отметить, что при выполнении задачи в простых карточках больные шизофренией демонстрировали и схожие с нормативной группой тенденции окуломоторной активности: они длительнее и чаще фиксировали взгляд на верном ответе (изображении).

В нормативной группе в целом наблюдалось меньшее количество фиксаций на всех 4 изображениях в карточках. При выполнении задачи на выделение существенного

признака в простых карточках у здоровых респондентов было выявлено 2 паттерна движения глаз: 1) в одних случаях здоровые испытуемые производили длительные фиксации на 2-3 изображениях, исключая «лишний» предмет (верный ответ); обобщение производили на категориальном уровне; 2) в других случаях – исследуемые рассматривали все 4 изображения в карточке, но отмечали более длительную фиксацию на «лишнем» предмете (верный ответ) и также производили обобщение на категориальном уровне. Таким образом, окуломоторные характеристики в нормативной группе отличались минимальным числом фиксаций, меньшей длительностью фиксаций, отсутствием длительных фиксаций на всех изображениях, отсутствием фиксации либо увеличением времени фиксации на «лишнем» предмете (Рисунок 1). В норме изображения в карточках изучались преимущественно последовательно, чаще использовался алгоритм «по кругу» (или квадрат) или диагональный тип (Рисунок 2).

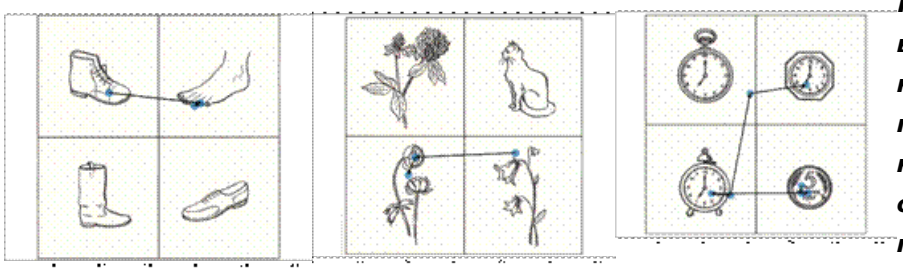


Рисунок 1 Движение взгляда в нормативной группе при решении задачи на выделение существенного признака на категориальном уровне обобщения в методике «Исключение четвертого лишнего»

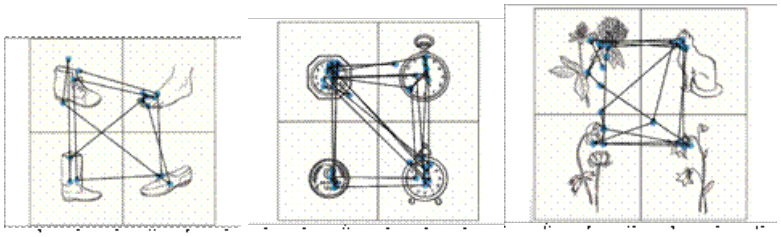


Рисунок 2. Движение взгляда (круговой или диагональный типы рассмотрения предметов) в нормативной группе при решении задачи на выделение существенного признака на категориальном уровне в методике «Исключение четвертого лишнего»

Больные шизофренией демонстрировали б□льшее число фиксаций, более подробное изучение деталей рисунков с последующим возвращением к ним, фиксации вне исследуемых картинок. Также отмечались разные типы алгоритмов движения взгляда при изучении изображений: линейный, диагональный, круговой. При исследовании картинок в карточках простого уровня сложности больные шизофренией демонстрировали схожие с нормативной группой тенденции: малое количество фиксаций, принятие решения осуществляется на основании рассмотрения 2-3 предметов на карточке при эффективном решении задачи. Однако в некоторых карточках больные шизофренией демонстрировали случаи хаотического перемещения взгляда, что может свидетельствовать о затруднениях в поиске и выделении общего признака в изображенных объектах (Рисунок 3, Рисунок 4, Рисунок 5).

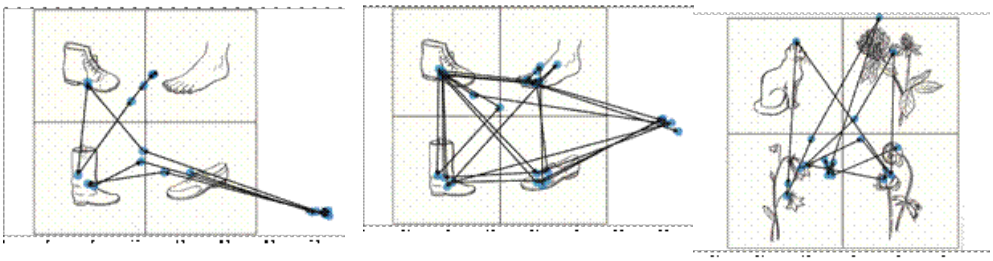


Рисунок 3 Движение взгляда в группе больных шизофренией с фиксацией вне исследуемой зоны при решении задачи на выделение существенного признака на категориальном уровне обобщения в методике «Исключение четвертого лишнего»

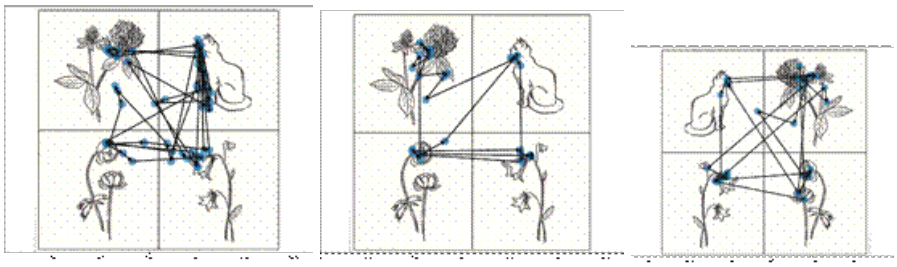


Рисунок 4 Движение взгляда в группе больных шизофренией с множеством фиксаций на деталях при решении задачи на выделение существенного признака на категориальном уровне обобщения в методике «Исключение четвертого лишнего»

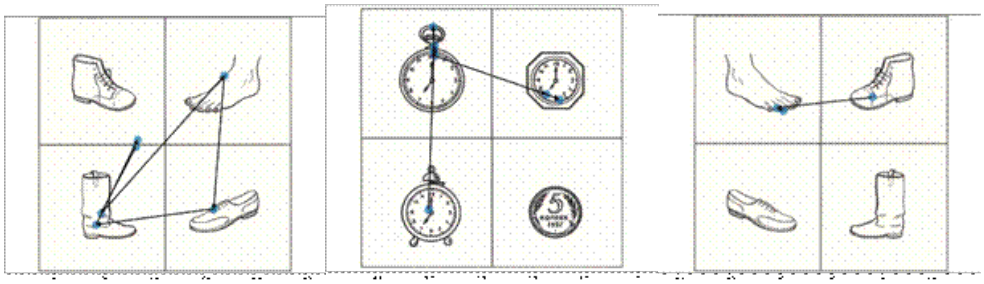


Рисунок 5 Движение взгляда в группе больных шизофренией с малым количеством фиксаций при решении задачи на выделение существенного признака на категориальном уровне обобщения в методике «Исключение четвертого лишнего»

Далее были проанализированы окуломоторные характеристики в норме и у больных шизофренией при рассмотрении карточек более сложного уровня и выделении «лишнего» предмета. Также сравнивались ответы на категориальном, конкретно-ситуативном уровне обобщения и на основе латентных признаков. Были обнаружены следующие тенденции.

В нормативной группе при решении сложных задач более длительные фиксации и бóльшая частота фиксаций взгляда осуществлялись на изображении-стимуле, который являлся «лишним» в карточке, и это были верные ответы.

В подгруппе больных шизофренией, которые давали верные ответы на категориальном уровне обобщения, пациенты также демонстрировали схожие с нормативной группой тенденции.

В подгруппе больных шизофренией, которые давали неверные ответы, сделанные на основе актуализации латентных признаков, пациенты не фиксировали взгляд на правильных «лишних» предметах, а более длительно рассматривали все четыре изображения. Т.е. в процессе принятия решения взгляд дольше останавливался не на изображениях, которые являются «лишними», с точки зрения большинства здоровых людей, а на совершенно разных изображениях-стимулах. Например, в карточке «сверло, шуруп, пила, топор» больные шизофренией этой подгруппы чаще и длительнее рассматривали изображение пилы; в карточке «гитара, радио, телефон, конверт» - одинаково долго разглядывали все 4 картинки; в карточке «зонт, фуражка, пистолет, барабан» - дольше фиксировали взгляд на пистолете. И в итоге, данные пациенты решали задачу выбора лишнего предмета в карточке совершено случайным образом, чаще на основе актуализации латентного признака и давали неверный ответ.

При оценке движения взгляда в процессе рассматривания карточек и выборе «лишнего» предмета нами обнаружена следующая закономерность: в нормативной группе – первые фиксации на стимуле направлены на распознавание объекта (2-3 фиксации), изучение объектов на карточке проводилось преимущественно по двум алгоритмам – по кругу (по или против часовой стрелки) или по диагонали. Минимальное количество фиксаций (2-3) представляетсядостаточным для того, чтобы изображение воспринималось целостно, и были выделены существенные признаки для обобщения предметов (Рисунок 6). После того, как начинается процесс поиска ответа на поставленную задачу, требуется больше движений взгляда на объектах для их сравнения и выбора группирующего признака: какой предмет лишний из 4-х представленных в карточке. Здоровые респонденты чаще делали обобщение на основании минимального числа фиксаций.

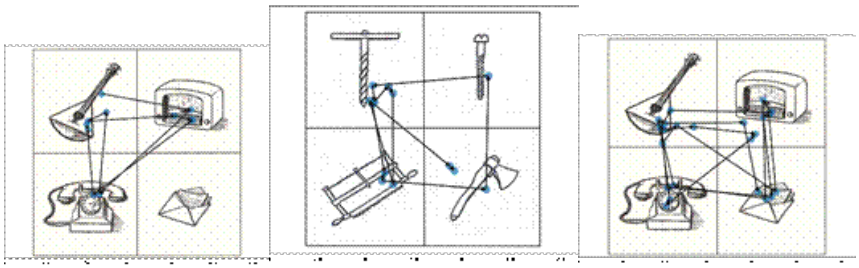


Рисунок 6. Движение взгляда в нормативной группе при решении задачи (карточки сложного уровня) на выделение существенного признака на категориальном уровне обобщения методики «Исключение четвертого лишнего»

Больные шизофренией обнаруживали б□льшее число фиксаций и движений взгляда, а также соскальзывания с поля изображений (Рисунок 7) при рассмотрении предметов в сложных карточках; было последовательное или попеременное сравнение, рассматривались отдельные части изображения (детали), зачастую наблюдалось хаотическое рассматривание (Рисунок 8, 9, 10).

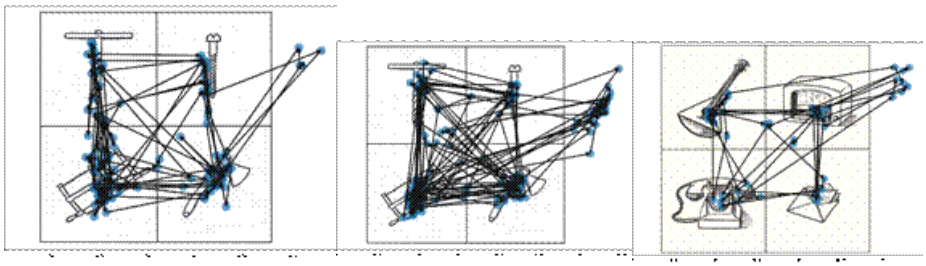


Рисунок 7 Движение взгляда и соскальзывания с поля изображения в группе больных шизофренией при решении задачи в карточках сложного уровня методики «Исключение четвертого лишнего»

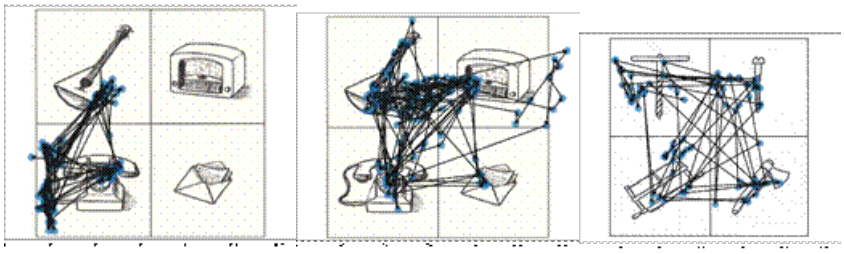


Рисунок 8 Движение взгляда и фиксация на отдельных деталях изображения в группе больных шизофренией при решении задачи в карточках сложного уровня методики «Исключение четвертого лишнего»

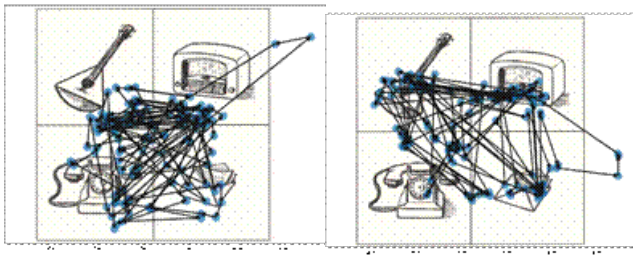


Рисунок 9 Движение взгляда и хаотическое рассматривание в группе больных шизофренией при решении задачи на выделение существенного признака в карточках сложного уровня методики «Исключение четвертого лишнего»

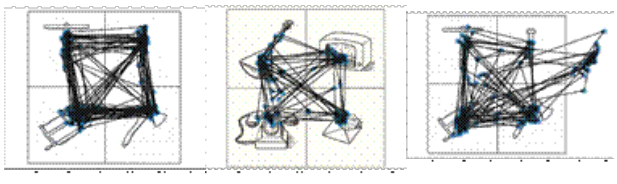


Рисунок 10 Движение взгляда в группе больных шизофренией при решении задачи на основе актуализации латентного признака в карточках сложного уровня методики «Исключение четвертого лишнего»

Следовательно, исходя из объективной регистрации движения глаз, мы можем сделать вывод: более длительная фиксация взгляда на предмете (изображении) и меньшее количество фиксаций на остальных изображениях карточки в норме могут указывать на процесс выбора группирующего признака. Хаотичные движения глаз, большое

количество фиксаций при отсутствии фиксации на каком-то одном (лишнем) предмете отражают трудности в поиске общих связей между изображенными предметами и выборе существенного группирующего признака.

Заключение

Таким образом, при проведении эксперимента, в котором с помощью айтрекера фиксировались движения глаз при решении мыслительной задачи на поиск общего существенного признака в изображениях предметов с выделением лишнего (неподходящего) предмета в методике «Исключение 4-го лишнего», были получены закономерности, характерные и для здоровых респондентов, и для больных шизофренией: характеристики движения глаз отражают активный процесс когнитивной обработки информации или его затруднения. Так, длительная фиксация взгляда на предмете (изображении) на фоне снижения количества фиксаций на других изображениях может указывать на процесс когнитивного анализа и выбора и принятия на этой основе решения. Хаотичные движения глаз, большое количество фиксаций при отсутствии фиксации на каком-то одном предмете отражают трудности в поиске значимой информации для принятия решения.

Также были получены и статистически значимые различия в окуломоторной (глаздвигательной) активности при решении мыслительных задач между группой здоровых испытуемых и группой больных шизофренией:

Нормативная группа производит минимальное количество зрительных фиксаций при рассмотрении изображений-стимулов в карточках: первые фиксации направлены на распознавание и целостное восприятие объекта (2-3 фиксации); последующие фиксации демонстрируют процесс сопоставления/сравнения объектов и выделение существенного, группирующего признака для их обобщения. При этом у здоровых респондентов используется преимущественно два типа алгоритмов движения взгляда в процессе решения поставленной мыслительной задачи: по кругу (по или против часовой стрелки) и по диагонали.

Малое количество фиксаций в нормативной группе может быть связано с более быстрыми фиксациями меньше 70 мс, которые выходят за рамки чувствительности прибора. Несмотря на то, что фиксациями принято считать более длинные (от 100 мс и выше) остановки взгляда (Wass, S.V., Smith, T.J. et al, 2013), ряд исследователей считает, что минимальное время фиксаций должно составлять 50 мс (Барабанщиков В. А., Жегалло А. В., 2014).

При решении задачи на обобщение в методике «Исключение четвертого лишнего» у больных шизофренией, в сравнении с нормативной группой, отмечается на высоком уровне статистической значимости повышение показателей частоты зрительных фиксаций, длительности фиксаций, увеличение диаметра зрачка. Помимо этого наблюдались соскальзывания с поля изображений при рассматривании изображений, большое количество фиксаций на отдельных частях изображения (деталях), хаотическое рассматривание, что может свидетельствовать о затруднениях не столько в целостном восприятии изображений, сколько в мыслительных операциях сравнения и обобщения изображенных предметов на основе общего группирующего признака. Как следствие, больные шизофренией чаще давали неверные ответы, основанные на случайных, несущественных, латентных признаках, не отражающих реальных взаимосвязей между изображенными в карточках предметами. При обобщении по латентному признаку больные шизофренией демонстрировали меньшее количество зрительных фиксаций на

очевидных, «верных» лишних предметах и б□льшее время фиксации на всех остальных изображениях, что может свидетельствовать о нарушении селективности в процессе зрительного восприятия и нарушениях селективности и критичности в процессе мыслительной деятельности. Можно предположить, что в процессе сопоставления зрительных стимулов, представленных на карточках методики «Исключение 4-го лишнего», больным шизофренией было сложно определить и выбрать из всего объема разнообразной зрительной информации наиболее значимые (существенные) признаки и свойства изображенных предметов. Вследствие этого им было сложно выделить общий группирующий признак и определить «лишний», неподходящий предмет.

Если провести аналогию наблюдаемых явлений с феноменами из гештальт-психологии, то можно предположить, что больные шизофренией испытывают затруднения с выделением фигуры из фона, но не на уровне зрительного восприятия, а на уровне базовых мыслительных процессов, где нужно выделить главный признак того или иного предмета или явления на фоне широкого спектра сопутствующих разнообразных признаков.

Вместе с тем, следует отметить, что при решении простых карточек больные шизофренией демонстрировали достаточный уровень продуктивности в выделении существенных признаков и схожие с нормативной группой тенденции, используя преимущественно линейный, диагональный, круговой типы алгоритмов движения глаз при рассматривании изображений. Единственное, что их отличало от здоровых респондентов, - это общее количество и длительность зрительных фиксаций при рассматривании изображений в карточках. Больные шизофренией затрачивали значительно больше времени на исследование зрительного стимула и совершали б□льшее количество фиксаций при выборе группирующего признака для проведения обобщения.

При решении сложных карточек больные шизофренией, давшие правильные ответы на категориальном уровне обобщения, демонстрировали схожие с нормативной группой тенденции в движениях глаз. При решении сложных карточек с выделением неверного «лишнего» предмета (на основе латентных признаков) больные шизофренией либо долго разглядывали все 4 изображения в карточке, застревая на деталях без фиксации взгляда на чем-то одном, что отражало затруднения в выделении значимого, общего признака или свойства предмета, либо более длительно рассматривали неверные «лишние» предметы.

Таким образом, проведенное исследование позволило сделать вывод о том, что движения глаз при решении когнитивных задач на определение значимого общего признака в представленных на карточках изображениях предметов, сопровождают когнитивный процесс обработки информации и отражают 2 его этапа: 1) распознавание зрительных образов, представленных на карточке – этап зрительного восприятия; 2) выдвижение и проверка гипотез, анализ, сравнение и обобщение зрительных стимулов, формулирование ответа (умозаключения) – собственно мыслительный процесс.

Определены закономерности глазодвигательной активности при осуществлении решении когнитивных задач у здоровых испытуемых и у больных шизофренией. Использование в исследовании айтрекера позволило осуществить попытку объективизации в оценке нарушений процесса поиска и выделения значимого (существенного) признака предметов через регистрацию движений глаз при решении задачи на обобщение предметов и исключение 4-го лишнего. Установлено, что хаотичные движения глаз отражают нарушенную мыслительную активность и связаны с главной проблемой

когнитивной деятельности больных шизофренией - с выбором значимого (главного, существенного) признака или свойства из всего многообразия воспринимаемых стимулов.

Ограничения и перспективы исследования: данное исследование, проведенное с использованием метода бесконтактной регистрации окуломоторной активности с помощью айтрекера, оставляет нераскрытым вопрос, на каком этапе обработки информации (мыслительных процессов) происходит сбой при решении когнитивных задач у больных шизофренией. Остается нерешенной проблема объективной диагностики и оценки нарушений мыслительной деятельности, а использование только данного метода не дает все полноты картины данных нарушений.

На наш взгляд перспективным шагом в изучении когнитивных нарушений при шизофрении может являться организация и проведение эксперимента, который позволит рассмотреть объективно и более детально психофизиологические и нейропсихологические уровни и этапы процесса решения логических задач и механизмы его нарушений.

Библиография

1. Абрамов В.А., Путятин Г.Г., Абрамов А.В. Психический дефект при шизофрении и проблема госпитализма // Психиатрия и медицинская психология. № 1 (18), 2008. С. 101-116.
2. Ананьева К. И., Барабанщиков В. А., Харитонов А. Н. Эксперимент в психофизике и психологии восприятия. М: Институт психологии РАН, 2010. 165 с.
3. Барабанщиков В. А., Жегалло А. В. Айтрекинг. Методы регистрации движений глаз в психологических исследованиях и практике. М.: Когито-Центр, 2014. 128 с.
4. Барабанщиков В. А. Окуломоторные структуры восприятия. М: Институт психологии РАН, 1997. 384 с.
5. Блейхер В.М., Крук И.В., Боков С.Н. Клиническая патопсихология: руководство для врачей и клинических психологов. М: Московский психолого-социальный институт, 2009. 624 с.
6. Бутенко В. В. Анализ методов и систем регистрации окуломоторной активности // Технические науки: проблемы и перспективы: материалы IV Международной научной конференции. СПб.: Свое издательство, 2016. С. 1-6.
7. Владимиров А. Д. Методы исследования движений глаз. М.: МГУ, 1972. 99 с.
8. Горьковая И.А. Основные направления исследований в патопсихологии /Известия Российского Государственного Педагогического университета им. А.И.Герцена, № 139, Спб: РГПУ им. А.И.Герцена, 2011, с. 21-26.
9. Гурович И.Я., Шмуклер А.Б., Магомедова М.В. Соотношение нейрокогнитивного дефицита и социального функционирования у больных шизофренией и шизоаффективными расстройствами на различных этапах заболевания // Социальная и клиническая психиатрия. №4, 2001, с. 31-35.
10. Зейгарник Б.Ф. Патопсихология. 3-е изд. М: Академия, 2005. 208 с.
11. Зотов М.В. Когнитивные нарушения и возможности их компенсации у больных шизофренией с различной степенью выраженности дефекта // Дисс. канд.псих.наук. Спб, 1999. 182 с.
12. Иванов М.В., Незнанов Н.Г. Негативные и когнитивные расстройства при эндогенных психозах: диагностика, клиника, терапия. Спб: Изд.НИПНИ им.В.М.Бехтерева, 2008. 288 с.

13. Исаева Е.Р., Лебедева Г.Г. Сравнительный анализ отечественного и зарубежного подходов к изучению когнитивных процессов у пациентов с шизофренией/ Диагностика в медицинской (клинической психологии): современное состояние и перспективы. Научное издание. Коллективная монография, под ред. Н.В.Зверевой, И.Ф.Рощиной. М.: ООО «Сам Полиграфист». 2016. С. 65-81.
14. Зейгарник Б. В. Патология мышления. М.: МГУ, 2005. 380 с.
15. Исаева, Е. Р., Трегубенко, И. А., Мухитова, Ю. В., Шошина, И. И. Функциональное состояние магно- и парвоцеллюлярных нейронных систем и когнитивные нарушения при шизофрении на разных этапах заболевания. Российский психологический журнал, 18(1), 74-90. 2021. DOI: https://doi.org/10.21702/rpj.2021.1.6
16. Исаева Е.Р., Трегубенко И.А. , Мухитова Ю.В., Шошина И.И Контрастная чувствительность зрительной системы и когнитивные функции при шизофрении и депрессии / Физиология человека, 2021. Т. 47, № 5. С. 1-13.
17. Кабанов М. М. Реабилитация психически больных. М.: Медицина, 1985. 216 с.
18. Критская В.П., Мелешко Т.К. Патопсихология шизофрении. М: «Институт психологии РАН». 2015. 389 с.
19. Критская В. П., Мелешко Т. К., Поляков Ю. Ф. Патология психической деятельности при шизофрении. Мотивация, общение, познание. М.: МГУ, 1991. 256 с.
20. Литвинцев С.В., Ершов Б.Б., Колчев А.И., Колчев С.А. Нейропсихология когнитивного дефекта и когнитивных расстройств у больных шизофренией позднего возраста / С. В. Литвинцев, Б. Б. Ершов, А. И. Колчев, С. А. Колчев / Клиническая психология: Итоги. Проблемы. Перспективы. Сб. материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (27-28 апреля 2010 г.). – СПб, 2010. – С. 151-156.
21. Мухитова Ю.В., Исаева Е.Р., Трегубенко И.А., Шошина И.И., Ханько А.В., Лиманкин О.В. Особенности взаимодействия когнитивных функций с работой магноцеллюлярной и парвоцеллюлярной нейронных систем у больных шизофренией и больных с эндогенной депрессией// Клиническая и специальная психология 2021. Том 10. № 4. С. 93-117. DOI: 10.17759/cpse.2021100405
22. Плотников В. В., Плотников Д. В. Познавательная деятельность при различных типах течения шизофрении // Социальная и клиническая психиатрия. 2018. Т. 28. № 1. С. 22-28.
23. Поляков Ю.Ф. Патология познавательных процессов / Шизофрения: мультидисциплинарное исследование, под ред. Снежневского А.В., М: Медицина, 1972. 399 с.
24. Рубинштейн С.Я. Экспериментальные методы патопсихологии и опыт применения их в клинике. Практическое руководство. М: Апрель – Пресс, 2004.
25. Саркисян Г.Р., Гурович И.Я, Киф Р.С. Нормативные данные для российской популяции и стандартизация шкалы ≪Краткая оценка когнитивных функций у пациентов с шизофренией≫ (BACS) // Социальная и клиническая психиатрия. Том 20 Выпуск 3 Москва 2010 С. 13-19.
26. Скрипка Е. Ю. Исследования нарушений познавательных процессов при шизофрении в клинической психологии // Молодой ученый. 2011. Т. 2. № 11 (34). С. 107-110.
27. Ткаченко А. А., Демидова Л. Ю., Бабичева Н. В. Окуломоторная активность как показатель нарушения восприятия и программирования у лиц с шизотипическим расстройством // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 2018. № 118(6). С. 50-57.

28. Ярбус А. Л. Роль движений глаз в процессе зрения. М.: Наука, 1965. 167 с.

29. Almubark, I., Chang, L.-C., Shattuck, K. F., Nguyen, T., Turner, R. S., and Jiang, X. (2020). A 5-min Cognitive Task With Deep Learning Accurately Detects Early Alzheimer's Disease. Front. Aging Neurosci. 12:603179. doi: 10.3389/fnagi.2020.603179

30. Beedie S. A., Benson P. J., Giegling I. Smooth pursuit and visual scanpaths: Independence of two candidate oculomotor risk markers for schizophrenia // World J. Biol. Psychiatry. 2012. Vol. 13. P. 200-210.

31. Beedie, S. A., St.Clair, D. M., and Benson, P. J. (2011). Atypical scanpaths in schizophrenia: evidence of a trait- or state-dependent phenomenon? J. Psychiatry Neurosci. 36, 150-164. doi: 10.1503/jpn.090169

32. Bell, L., Vogt, J., Willemse, C., Routledge, T., Butler, L. T., and Sakaki, M. (2018). Beyond self-report: a review of physiological and neuroscientific methods to investigate consumer behavior. Front. Psychol. 9:1655. doi: 10.3389/fpsyg.2018.01655

33. Bryson G. B. Initial and final work performance in schizophrenia. Cognitive and symptoms predictions // J. Nerv. Ment. Dis. 2001. Vol. 191. P. 87-92.

34. Connors, B. L., Rende, R., and Colton, T. J. (2016). Beyond self-report: emerging methods for capturing individual differences in decision-making process. Front. Psychol. 7:1-5. doi: 10.3389/fpsyg.2016.00312

35. Daglas, R., Yücel, M., Cotton, S., Allott, K., Hetrick, S., and Berk, M. (2015). Cognitive impairment in first-episode mania: a systematic review of the evidence in the acute and remission phases of the illness. Int. J. Bipolar Disord. 3:9. doi: 10.1186/s40345-015-0024-2

36. Fujioka, T., Inohara, K., Okamoto, Y., Masuya, Y., Ishitobi, M., Saito, D. N., et al. (2016). Gazefinder as a clinical supplementary tool for discriminating between autism spectrum disorder and typical development in male adolescents and adults. Mol. Autism. 7:19. doi: 10.1186/s13229-016-0083-y

37. Global visual scanning abnormalities in schizophrenia and bipolar disorder / Bestelmeyer P. E. G., Tatler B. W., Phillips L. H., Fraser G., Benson P. J., Clair St. // Schizophrenia Research. 2006. Vol. 87. P. 212-222.

38. Green M.F. Neurocognitive deficits and functional outcome in schizophrenia / M. F. Green, R. S. Kern, D. L. Braff, J. Mintz // Schizophrenia Bull, 2000. Vol. 26. P. 119-136.

39. Kim C. K., Kim S. H., Choe B. M. Symptoms and cognitive function in chronic schizophrenia: 6 Months Follow-up Study // Sleep Medicine and Psychophysiology. 2004. Vol. 11. P. 44-49.

40. Kim, J., Park, S., and Blake, R. (2011). Perception of Biological Motion in Schizophrenia and Healthy Individuals: a Behavioral and Fmri Study. PLoS One 6:e19971. doi: 10.1371/journal.pone.0019971

41. Lee K. H, Williams L. M. Eye movement dysfunction as a biological marker of risk for schizophrenia // The Australian and New Zealand journal of psychiatry. 2000. Vol. 34. P. 91-100.

42. Li, J., Zhong, Y., Han, J., Ouyang, G., Li, X., and Liu, H. (2020b). Classifying ASD children with LSTM based on raw videos. Neurocomputing 390, 226–238. doi: 10.1016/j.neucom.2019.05.106

43. Minassian A., Granholm E., Verney S. Visual scanning deficits in schizophrenia and their relationship to executive functioning impairment // Schizophr. Res. 2005. Vol. 74. P. 69-79.

44. Morita K., Miura K., Fujimoto M. Eye movement as a biomarker of schizophrenia: Using an integrated eye movement score // Psychiatr. Clin. Neurosci. 2017. Vol. 71. P. 104-114.
45. Neurocognitive function in schizophrenia at a 10 Year Follow-up. A prelminlaty investigation / M. M. Kutz, I. C. Selter, I. K. Ferrnand et al. // CNS Spectr, 2005. Vol. 10. P. 277-280.
46. Nuechterlein K. H., Dawson M. E., Green, M. F. Information-processing abnormalities as neuropsychological vulnerability indicators for schizophrenia // Acta Psychiatrica Scandinavica. 2006. Vol. 384. P. 71-79.
47. Nyoni, T., and Bonga, W. G. (2017). Neuromarketing: no brain. No Gain! J. Econ. Financ. 2, 17-29.
48. Pop, N., Al, Dabija, D. C., and Iorga, A. M. (2014). Ethical responsibility of neuromarketing companies in harnessing the market research - A global exploratory approach. Amfiteatru Econ. 16, 26-40.
49. Rutkowski, T. M., Abe, M. S., Koculak, M., and Otake-Matsuura, M. (2020). "Classifying Mild Cognitive Impairment from Behavioral Responses in Emotional Arousal and Valence Evaluation Task - AI Approach for Early Dementia Biomarker in Aging Societies - AI A," in Proceedings of the Annual International Conference of the IEEE Engineering in Medicine and Biology Society, EMBS. (United States: Institute of Electrical and Electronics Engineers Inc). doi: 10.1109/EMBC44109.2020.917580
50. Scholl, J., and Klein-Flügge, M. (2018). Understanding psychiatric disorder by capturing ecologically relevant features of learning and decision-making. Behav. Brain Res. 355, 56-75. doi: 10.1016/j.bbr.2017.09.050
51. Shiino, T., Miura, K., Fujimoto, M., Kudo, N., Yamamori, H., Yasuda, Y., et al. (2020). Comparison of eye movements in schizophrenia and autism spectrum disorder. Neuropsychopharmacol. Rep. 40, 92-95. doi: 10.1002/npr2.v40.1
52. Sereno, A. B., Holzman, P. S. Express Saccades and Smooth Pursuit Eye Movement Function in Schizophrenic, Affective Disorder, and Normal Subjects // Journal of Cognitive Neuroscience. 1993. Vol. 5. P. 303-316.
53. Social cognition and neurocognition as independent domains in psychosis / S. Van Hooren [et al.] // Schizophr. Res. 2008. Vol. 103. P. 257-265.
54. Thakkar K. N., Diwadkar V. A., Rolfs M. Oculomotor prediction: A window into the psychotic mind // Trends Cog. Sci. 2017. Vol. 21. P. 344-356.
55. Türkan, B. N., Amado, S., Ercan, E. S., and Perçinel, I. (2016). Comparison of change detection performance and visual search patterns among children with/without ADHD: evidence from eye movements. Res. Dev. Disabil. 4, 205-215. doi: 10.1016/j.ridd.2015.12.002
56. Velligan D. I. Executive function in schizophrenia / D.I. Velligan, C.C. Bow-Thomas // Sem Clin Neuropsychiatry, 1999. Vol. 4. P. 24-33.
57. Wass, S.V., Smith, T.J. & Johnson, M.H. Parsing eye-tracking data of variable quality to provide accurate fixation duration estimates in infants and adults. Behav Res 45, 229-250 (2013). doi:10.3758/s13428-012-0245-6
58. Wolf, A., Ueda, K., and Hirano, Y. (2021). Recent updates of eye movement abnormalities in patients with schizophrenia: a scoping review. Psychiatry Clin. Neurosci. 75, 82-100. doi: 10.1111/pcn.13188
59. Yahata, N., Kasai, K., and Kawato, M. (2017). Computational neuroscience approach to biomarkers and treatments for mental disorders. Psychiatry Clin. Neurosci. 71, 215-237. doi: 10.1111/pcn.12502

60. Zaltman, G. (2003). How Customers Think: essential Insights into the Mind of the Market, 1st Edn. United States: Harvard Business School Press.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.
Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться здесь.

На рецензирование представлена работа «Особенности окуломоторной активности (движения глаз) у больных шизофренией при распознавании существенных признаков на примере методики «Исключение 4-го лишнего»».
Предмет исследования. Работа направлена на определение характеристик окуломоторной активности у больных шизофренией и у здоровых респондентов при решении когнитивной задачи на поиск и выбор общего (объединяющего) признака с определением неподходящего (лишнего) предмета по данному основанию. В целом, автором была достигнута цель и решены задачи.
Методологией исследования являются приоритетные направления в истории изучения шизофрении, которые представили в своих работах И.Я. Гурович, Б.В. Зейгарник, М.В. Зотов, Критская В.П., Магомедова М.В., Velligan D.I. и др.
Особое внимание уделено работам, которые рассматривают окуломоторную активность, обеспечивая получение, преобразование и дальнейшее использование зрительной информации, полученной благодаря зрительному аппарату: К.И. Ананьева, В.А. Барабанщиков, А. В. Жегалло, А.Н. Харитонов, А.Л. Ярбус, и др.
В работе рассмотрены технологии, позволяющие выявлять нарушения когнитивных функций при решении задач первичной и дифференциальной диагностики, а также – осуществлять мониторинг психического состояния и функционирования человека (Bryson G. B., Bestelmeyer P. E. G., Tatler B. W., Phillips L. H., Fraser G., Benson P. J., Clair St, Morita K., Miura K., Fujimoto M , Thakkar K. N., Diwadkar V. A., Rolfs M., Scholl, J., and Klein-Flügge, M., Rutkowski, T. M., Abe, M. S., Koculak, M., and Otake-Matsuura, M.
Автором были проанализированы исследования, которые посвящены описанию особенностей характеристик окуломоторной активности у больных с различными нервно-психическими расстройствами в сравнении с нормой (Miura K., Shiino T., Fujimoto M. И др.).
Актуальность исследования обусловлена дефицитарностью исследований, которые рассматривают развитие мышления у больных шизофренией.
Научная новизна исследования. Автором определены характеристики окуломоторной активности у больных шизофренией и у здоровых респондентов при решении когнитивной задачи на поиск и выбор общего (объединяющего) признака с определением неподходящего (лишнего) предмета по данному основанию.
Стиль, структура, содержание. Стиль изложения соответствует публикациям такого уровня. Язык работы научный. Структура работы прослеживается четко, автором выделены основные смысловые части.
Во введении обозначена актуальность затронутой проблемы. Автором обозначена постановка актуальности, выделены актуальные проблемы. В работе описана цель статьи, а также выделена теоретико-методологическая основа исследования.
Следующий раздел посвящен описанию основных теоретических подходов, которые рассматривают: исследования познавательной сферы, механизмы патологии мышления, нарушения избирательности мышления;особенности нейрокогнитивных, психо- и нейролингвистических аспектов нарушений когнитивных функцмй (нейрокогнитивный дефицит), особенности движения глаз и пр. Особое внимание уделено рассмотрение ай-

трекинга, который считается многообещающим подходом для повышения оценки достоверности результатов и объективизации этого процесса, а также исследований, которые посвящены описанию особенностей характеристик окуломоторной активности у больных с различными нервно-психическими расстройствами в сравнении с нормой.

В данном разделе представлен организационно-методический аппарат исследования, описаны респонденты, описаны особенности анализа и математической обработки полученных результатов.

Автор для того, чтобы оценить уровень обобщения и его нарушений в мышлении пациентов с шизофренией, использовал методику "Исключение четвертого лишнего". Расчет математико-статистических данных производился в программе STATISTICA 10 с использованием следующих методов статистического анализа: описательная статистика, частотный анализ, сравнительный анализ с использованием критерия Манна-Уитни.

Основной раздел посвящен описанию результатов исследования. Автор представил:

- сравнительный анализ характеристик окуломоторной активности у больных шизофренией и в нормативной группе при решении мыслительных задач в методике «Исключение четвертого лишнего»;
- сравнительный анализ характеристик окуломоторной активности у больных шизофренией при обобщении по категориальному и функциональному признакам при решении задач в методике «Исключение четвертого лишнего»;
- сравнительный анализ характеристик окуломоторной активности у больных шизофренией при обобщении по конкретно-ситуативному признаку в методике «Исключение четвертого лишнего»;
- сравнительный анализ характеристик окуломоторной активности у больных шизофренией при решении задач по латентному признаку в методике «Исключение четвертого лишнего»;
- сравнительный анализ характеристик окуломоторной активности у больных шизофренией при обобщении по конкретно-ситуативному и латентному признакам при решении задач в методике «Исключение четвертого лишнего»;
- сравнительный анализ характеристик окуломоторной активности у больных шизофренией при обобщении по категориальному и латентному признакам при решении задач в методике «Исключение четвертого лишнего»;
- движение взгляда в нормативной группе при решении задачи на выделение существенного признака на категориальном уровне обобщения в методике «Исключение четвертого лишнего»;
- движение взгляда (круговой или диагональный типы рассмотрения предметов) в нормативной группе при решении задачи на выделение существенного признака на категориальном уровне в методике «Исключение четвертого лишнего»;
- движение взгляда в группе больных шизофренией с фиксацией вне исследуемой зоны при решении задачи на выделение существенного признака на категориальном уровне обобщения в методике «Исключение четвертого лишнего»;
- движение взгляда в группе больных шизофренией с множеством фиксаций на деталях при решении задачи на выделение существенного признака на категориальном уровне обобщения в методике «Исключение четвертого лишнего»;
- движение взгляда в группе больных шизофренией с малым количеством фиксаций при решении задачи на выделение существенного признака на категориальном уровне обобщения в методике «Исключение четвертого лишнего»;
- движение взгляда в нормативной группе при решении задачи (карточки сложного уровня) на выделение существенного признака на категориальном уровне обобщения методики «Исключение четвертого лишнего»;
- движение взгляда и соскальзывания с поля изображения в группе больных

шизофренией при решении задачи в карточках сложного уровня методики «Исключение четвертого лишнего»;

- движение взгляда и фиксация на отдельных деталях изображения в группе больных шизофренией при решении задачи в карточках сложного уровня методики «Исключение четвертого лишнего»;

- движение взгляда и хаотическое рассматривание в группе больных шизофренией при решении задачи на выделение существенного признака в карточках сложного уровня методики «Исключение четвертого лишнего»;

- движение взгляда в группе больных шизофренией при решении задачи на основе актуализации латентного признака в карточках сложного уровня методики «Исключение четвертого лишнего».

Автор приходит к выводу, что, исходя из объективной регистрации движения глаз, более длительная фиксация взгляда на предмете (изображении) и меньшее количество фиксаций на остальных изображениях карточки в норме могут указывать на процесс выбора группирующего признака. Хаотичные движения глаз, большое количество фиксаций при отсутствии фиксации на каком-то одном (лишнем) предмете отражают трудности в поиске общих связей между изображенными предметами и выборе существенного группирующего признака.

Завершает статью раздел с заключением и подведением итогов.

В завершении работы автором были подведены основные результаты и сделано ряд выводов. Помимо этого, выделены ограничения и перспективы исследования. Автором отмечено, что не раскрыт вопрос, на каком этапе обработки информации (мыслительных процессов) происходит сбой при решении когнитивных задач у больных шизофренией, а также не решена проблема объективной диагностики и оценки нарушений мыслительной деятельности. В качестве перспективы дальнейшего исследования выделено организация и проведение эксперимента, который позволит рассмотреть объективно и более детально психофизиологические и нейропсихологические уровни и этапы процесса решения логических задач и механизмы его нарушений.

Библиография. Библиография статьи включает в себя 60 отечественных и зарубежных источников, незначительная часть которых издана за последние три года. В списке представлены, в основном, статьи и тезисы. В то же время, имеются учебно-методические материалы, монографии и интернет-источники. Источники оформлены, в основном, корректно, но не во всех позициях однородно.

Апелляция к оппонентам.

Рекомендации:

- осуществить анализ информации, которая представлена в каждой таблице и на каждом рисунке.

Выводы. Проблематика статьи отличается несомненной актуальностью, теоретической и практической ценностью; будет интересна специалистам, которые занимаются проблемами развития мышления у больных шизофренией. Статья может быть рекомендована к опубликованию, важно учесть выделенные рекомендации. Это позволить представить в редакцию научно-исследовательскую статью, отличающуюся научной новизной и значимостью.

Психология и Психотехника
Правильная ссылка на статью:
Пономарева Е.С. Видеоигра как исследовательский инструмент. Экспертные оценки видеоигр // Психология и Психотехника. 2024. № 1. DOI: 10.7256/2454-0722.2024.1.70080 EDN: OELAQG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70080

Видеоигра как исследовательский инструмент. Экспертные оценки видеоигр

Пономарева Екатерина Сергеевна

ORCID: 0000-0002-1899-9807

аспирант, кафедра "Юридическая психология и право" факультета "Юридическая психология", Московский государственный психолого-педагогический университет

127051, Россия, Московская область, г. Москва, ул. Сретенка, 29

esp_st@mail.ru

Статья из рубрики "Психотехника"

DOI:

10.7256/2454-0722.2024.1.70080

EDN:

OELAQG

Дата направления статьи в редакцию:

08-03-2024

Аннотация: Для ряда психологических исследований, направленных на изучение особенностей увлеченности видеоиграми, актуальна проблема наличия противоречивых результатов и упрощенного видения объекта исследований. С точки зрения автора статьи, недостаточно уделяется внимания особенностям деятельности, реализуемой в пространстве видеоигр, и ее игровому характеру, накладывающему специфику на протекание игрового процесса и его восприятие пользователем. Цель статьи состоит в описании возможного алгоритма разработки критериев поиска видеоигры, позволяющей эффективно осуществить наблюдение за игровым процессом, и последующего подбора платформы, отвечающей этим критериям. Уделяется внимание специфике игровой деятельности. Для этого необходимо рассматривать индивидуальные особенности протекания игрового процесса, как на внешнюю сторону игровой деятельности, и в рамках наблюдения за ним, учитывать особенности строения видеоигр. Представлено описание возможного алгоритма разработки критериев выбора видеоигры, позволяющей эффективно осуществить наблюдение за игровым процессом. В статье описано

исследование с использованием метода экспертных оценок, в котором приняли участие специалисты в области гейм-дизайна (общее итоговое количество – 15 респондентов). Были определены критерии выбора видеоигры, отвечающей цели исследования, и была подобрана компьютерная игра «Minecraft», которую предполагается использовать в дальнейшем как платформу для наблюдения за реализацией игрового процесса участниками исследования. Возможности компьютерной игры «Minecraft» позволят гибко настроить игровое пространство для эффективного наблюдения за респондентами и соотнесения собранных данных с особенностями их игровой деятельности. Полученные в будущем результаты представляется перспективным использовать в разработке методик проведения экспертизы видеоигр, что предполагает учет специфики взаимодействия с элементами видеоигры и их переосмысления в ходе игровой деятельности. Возможность корректной оценки видеоигр как психологического инструментария позволит разрабатывать эффективные психодиагностические, психокоррекционные и развивающие программы, в том числе для профилактики девиантного поведения.

Ключевые слова:

психологические исследования видеоигр, компьютерные игры, игровая деятельность, игровой процесс, структура видеоигры, критерии выбора видеоигры, метод экспертных оценок, экспертная оценка видеоигр, гейм-дизайнеры, девиантное использование видеоигр

Благодарности: Автор благодарит за помощь в организации проведения экспертных оценок видеоигр руководителя направления «Гейм-дизайн» в Школе дизайна НИУ ВШЭ А. С. Казакова, а также обучающихся Школы дизайна НИУ ВШЭ и К. О. Грабовского за предоставление экспертных оценок.

Введение

В фокусе внимания настоящей статьи особенности разработки дизайна исследований, посвященных психологическому аспекту взаимодействия с видеоиграми. Необходимо отметить факт развития индустрии видеоигр, и ее тесную связь с технологическим прогрессом, во многом обуславливающим ее экономическую значимость [1]. В рамках философского рассмотрения технологический прогресс характеризуется постоянным ускорением, что отражается в постепенном уменьшении временных интервалов между информационными революциями — моментами качественной перестройки общества. Эта точка зрения представляется общей несмотря на независимость разработки соответствующих концепций [2; 3]. Например, В. И. Аршинов выделяет в истории развития общества 6 информационных революций, обусловленных изменением качества связей между элементами социальной системы и их реорганизацией [2]. А А. И. Ракитов [3] подчеркивает, что информационные революции идут параллельно с технологическими, он указывает на значимость роли информации в направлении развития технологий и роли последних в скорости и качестве циркуляции информации.

Последняя информационная революция характеризуется появлением Интернета и популяризацией технических устройств, что иллюстрируется данными аналитической платформы «DataReportal». Так, на январь 2023 доступ к Интернету имеет 5,16 млрд человек (64,4 %), с каждым годом это число увеличивается. Широкая распространенность мобильных устройств (5,44 млрд уникальных пользователей), по

словам экспертов платформы, способствует увеличению доступности цифровых технологий и отражает этот процесс [4].

Динамику распространенности видеоигр иллюстрируют данные аналитической платформы FinancesOnline. С каждым годом количество пользователей видеоигр в мире увеличивается. В 2023, в соответствии с прогнозами, их число составит 3,07 млрд [5]. Следует отметить, технологический прогресс — это одна из основополагающих характеристик, определяющих использование видеоигр и возможности их разработки. Этот момент подчеркивает гейм-дизайнер Дж. Шелл. Он в том числе предполагает, что некоторые современные видеоигры характеризуют один из начальных этапов реализации возможности моделирования миров как средства прогнозирования развития социума [6]. Это позволяет указать не только на актуальность исследований видеоигр, но и на учет их возможных быстрых изменений с течением времени, а также особенностей взаимодействия с ними.

В качестве примера стоит привести одну из достаточно актуальных проблем на текущий момент — связь увлеченности видеоиграми и агрессии. Отметим, что ранее (в период с 2011 по 2015 г.) в медиа-пространстве имело место преувеличение роли видеоигр в процессе возникновения агрессивных тенденций. В рамках соответствующих обсуждений это давало возможность транслировать существенно упрощенную (без достаточных оснований) точку зрения на рассматриваемую связь [7]. Указанная позиция также находит отражение в публикациях СМИ [8; 9]. Анализ научных исследований позволяет выявить сохраняющуюся противоречивость выводов, получаемых различными авторами. При этом все большую значимость начинает приобретать проблема разрешения указанного противоречия. В частности, в фокусе внимания оказываются теоретико-методологические вопросы и проблема выбора корректных методов сбора эмпирических данных [10]. Представляется, что в указанном контексте значимыми являются следующие тенденции в разработке дизайна исследований:

· Видеоигровая сессия, рассматриваемая как целостная переменная и предполагающая возникновение определенных эффектов [10]. Внутри этой переменной выделяют существенные факторы, усиливающие агрессивные тенденции [11; 12].

· Факт достижения цели (один из параметров видеоигры, задаваемый механикой — правилами), а также — выводимая из него возможная характеристика видеоигры — соревновательность [13].

Учитывая указанные особенности исследования видеоигр, необходимо подчеркнуть ряд моментов.

Во-первых, рассмотрение видеоигры как репрезентативной модели реального пространства, и ее распространение на реальную среду наблюдаемых феноменов (в том числе поведения пользователей) не совсем корректно. Необходимо учитывать психологические характеристики игровой деятельности. Применительно к этому пункту целесообразно упомянуть такую ее особенность, выделяемую Г. Г. Кравцовым и Е. Е. Кравцовой, как наличие воображаемой ситуации, в рамках которой игровые объекты имеют иной субъективный смыл по сравнению с аналогичными объектами реальной действительности. Наиболее ярко это прослеживается в играх дошкольников, в которых воображение занимает основополагающую позицию. При этом, подчеркивается, что для игр по правилам, в которых задана механика, а игровые объекты могут иметь наглядное воплощение, воображаемая ситуация также актуальна. Представляется, что видеоигры

также относятся к категории игр по правилами [14], что в том числе отражается в суждении гейм-дизайнеров об эндогенной ценности игровых объектов, значимость которых высока в пространстве видеоигры, но в реальном пространстве отсутствует.

Во-вторых, роль фактора фрустрации потребности чувствовать себя компетентным, мотивирующей достижение игровой цели, в возникновении агрессивных тенденций в реальной среде актуализирует вопрос о возможности характеризовать конкретную деятельность как игровую. Авторы (А. А. Максимов, А. Н. Леонтьев, С. Л. Рубинштейн), описывающие специфику игровой деятельности, особенно выделяют ее мотивационный компонент. Это ориентированность на процесс, а не на итоговый результат и его значимость для практики [14; 15]. Допустимо пояснить, что действия, составляющие практическую деятельность, могут не иметь самостоятельной значимости для человека (их совершение продиктовано необходимостью), в то время как субъективная важность игровых действий имеет непосредственный характер [16]. Отметим, что в играх по правилам и видеоиграх игровая цель подразумевается, как элемент механики (правил), но она существует не как необходимый для достижения результат, а как фактор, направляющий играющего человека. В том числе, это подчеркивает Дж. Шелл, отмечая, что неясно поставленная цель, являясь плохим ориентиром, способствует снижению интереса к игре.

Таким образом, вопрос углубленного рассмотрения специфики деятельности в видеоиграх представляется актуальным. На первый план он выходит при решении задач, связанных с анализом индивидуально-психологических характеристик, включая девиантное поведение. В частности, можно отметить изучение особенностей увлеченности видеоиграми в качестве фактора риска или источника развития, что важно в рамках разработки комплексных профилактических и реабилитационных программ, а также для раскрытия психодиагностического потенциала видеоигр.

Второй круг задач касается разработки методик корректного проведения психологической экспертизы видеоигр и присвоения им возрастного рейтинга. В свою очередь это требует не только оценки воспринимаемых игровых объектов и событий, но и учет особенностей взаимодействия пользователя с контентом видеоигр, а также его переосмысления в рамках игровой деятельности.

Соответственно, если игровой процесс избирается в качестве переменной в ходе разработки дизайна исследования, то на первый план выходит необходимость его достаточно полной содержательной характеристики как внешней стороны протекания игровой деятельности. Следовательно, выбор наиболее подходящей платформы (конкретной видеоигры) для решения указанной задачи представляется как проблема, требующая применения специальных знаний в области гейм-дизайна. Принимая во внимание, что любая видеоигра — это отдельная система, отличающаяся от реальной действительности, необходимо учитывать особенности ее строения и взаимодействия ее элементов. Без участия специалистов выстроить исследование и корректно соотнести игровые действия с их психологической стороной затруднительно. Дополнительно для разрешения поставленной проблемы приветствуется наличие игрового опыта, а также широкая осведомленность в сфере видеоигр.

Целью статьи является описание возможного алгоритма разработки критериев поиска видеоигры, позволяющей эффективно осуществить наблюдение за игровым процессом, и последующего подбора платформы, отвечающей этим критериям.

Игровая деятельность в видеоиграх

Вслед за Н. Эспозито (N. Esposito), **видеоигра** в настоящей статье определяется как «a *game* which we *play* thanks to an *audiovisual apparatus* and which can be based on a *story*» («*игра*, в рамках которой осуществляется *игровая активность*, опосредованная *аудиовизуальной аппаратурой*, и которая может базироваться на *истории*» [Цит. по: 10]). Подчеркнем, что игра (game) обозначает структурный компонент или механику (правила), в то время как игровая активность (play) рассматривается как движение внутри структуры, то есть поведение играющего в соответствии с правилами.

Видится целесообразным отметить ключевые моменты, которые гейм-дизайнеры выделяют в контексте разработки видеоигр.

Первый из них — структура видеоигры. Авторы приводят разные варианты своего видения структуры. Например, Дж. Шелл предлагает четырехкомпонентную модель (*технология — механика* и *история — эстетика*) [6], а Р. Ханике (R. Hunicke) — трехкомпонентную (*механика — динамика — эстетика*) [17]. Общий момент состоит в том, что обе модели предполагают различие точек зрения гейм-дизайнеров и пользователей на видеоигру. Для гейм-дизайнера основным компонентом становится механика, так как он проектирует правила и архитектуру видеоигры. Для пользователя основным компонентом становится наиболее очевидный — эстетика. Механика с этой позиции проявляется опосредованно: через нарратив, элементы интерфейса (в том числе физического), изменения пространства видеоигры и взаимодействие с ним [6; 17].

Второй ключевой момент — это опыт играющего, поскольку целью создания видеоигры является попытка предоставления опыта. Важно отметить, что опыт разных людей, воспринимающих медиапродукты с линейной подачей информации (например, книги или фильмы) не одинаков в силу индивидуальных особенностей ее психической обработки [6; 16]. Этот аспект накладывается на нелинейный характер повествования в видеоиграх, поскольку пользователь имеет возможность влиять на игровое пространство, тем самым сильнее изменяя получаемую информацию или изменяя смысловые акценты, изначально поставленные разработчиками. Таким образом, особенно подчеркивается непредсказуемость и увеличение индивидуализации игрового опыта [6].

Поэтому представляется целесообразным при разработке дизайна исследования обратить внимание на особенности игровой деятельности. Подводя итог сказанному выше, необходимо отметить ее опосредованность игровыми правилами и, соответственно, зависимость от игровых механик, с одной стороны. Это характеризует ее внешне наблюдаемый аспект — поведение. С другой стороны, нужно подчеркнуть, что понятие «**игровая деятельность**» имеет выраженный психологический компонент. Следовательно, в рамках статьи необходимо раскрыть этот аспект, а также проследить связь игровой деятельности с игровым опытом.

Опираясь на точку зрения Г. Г. Кравцова и Е. Е. Кравцовой, отметим, что определяющей характеристикой игровой деятельности является **двупозиционность**, или **двусубъектность**. Это способность человека удерживать одновременно 2 позиции: *внутри игровой ситуации* (как элемент игрового пространства, подчиняющийся правилам) и *вне игровой ситуации* (как играющий человек, находящийся в реальном пространстве — позиция, внешняя относительно игры и себя в ней). В свою очередь, это предполагает значительно более высокие возможности ее контроля и рефлексии. Двупозиционность позволяет выделить игру как отдельную подконтрольную систему на фоне реальной ситуации, развести реальную и игровую ситуации, а также подчеркнуть

подчиненный характер игры, зависимый от субъекта [18].

Г. Г. Кравцов и Е. Е. Кравцова подвергают анализу другие особенности игры (игрушка, мнимая ситуация, игровая роль), также выделяемые в различных работах как основополагающие критерии. Критический момент заключается в том, самостоятельно эти особенности не являются достаточными, чтобы охарактеризовать игровую деятельность, и нуждаются в соответствующем контексте [18]. Дж. Шелл, рассматривая игру с технической стороны, приводит подобную точку зрения, отмечая среди ключевых особенностей игры ее эндогенную ценность (значимость компонентов игры только в ее контексте) [6]. Таким образом, обобщив точки зрения авторов, подчеркнем, что игрушки определяются механикой игры как средства, мнимая ситуация — как игровое пространство, а роль — как включенность в игровой процесс в качестве элемента системы (отметим, что это качество шире, чем роль, рассматриваемая, как правило, в контексте сюжетно-ролевой игры). В том числе, необходимо отметить различия в смыслах одних и тех же объектов относительно игровой и реальной ситуаций (наиболее ярко это прослеживается в процессе переосмысления предметов на ранних стадиях развития игровой деятельности, когда игра, как система, максимально гибкая, а игровые правила имплицитны).

Методы

Наблюдение за какой-либо деятельностью предполагает создание категориальных сеток для сортировки и последующего обобщения наблюдаемых фактов [19]. В этом плане игровой процесс удобен для анализа, так как видеоигра, являясь системой, в которую пользователь встраивается в качестве одного из элементов, накладывает на него определенные ограничения, сужая и организуя перечень доступных действий. Это позволяет упростить их классификацию и свести к минимуму количество доступных ошибок в ее процессе. С другой стороны, видеоигра должна позволять реализовывать разные тактики достижения поставленной в ней цели, чтобы было возможно дифференцировать игровые стили.

Для того, чтобы выбрать компьютерную игру, в которой было бы возможно максимально эффективно осуществить наблюдение, необходимо понимать особенности ее архитектуры и изменений связей между ее элементами в динамике игрового процесса. С этой целью был применен метод экспертных оценок. В качестве респондентов в рамках реализации указанного метода должны выступать люди, достаточно проинформированные для того, чтобы предоставить адекватную оценку по рассматриваемому вопросу. Это достигается за счет привлечения компетентных людей, обладающих специальными знаниями и широким кругозором в области, к которой относится предмет экспертных оценок [20; 21; 22]. Было решено привлечь людей, профессионально занимающихся разработкой видеоигр — гейм-дизайнеров, так как эта группа специалистов разрабатывает систему правил игры и обладает достаточным опытом в следующих аспектах, касающихся создания видеоигр [6; 23]:

1. способность ориентироваться в особенностях работы игровых механик (правил) и их взаимодействия; соотнесение игровых механик с нарративным и эстетическим компонентом видеоигры [6].

2. осведомленность о максимально широком количестве видеоигр, принадлежащих разным жанрам [23]; способность их анализировать, рассматривая их как системы,

функционирующие в соответствии с заложенными механиками [6; 23].

Поиск экспертов осуществлялся на базе НИУ ВШЭ среди обучающихся по специальностям 54.03.01 и 54.04.01 «Дизайн» [24; 25], по профилям «Гейм-дизайн» и «Системный гейм-дизайн». Указанные направления реализуют обобщенные профессиональные функции, позволяющие определить критерии для подбора видеоигры для использования в качестве исследовательского инструмента, такие как:

1. Проектирование сложных пользовательских интерфейсов [24].

2. Анализ программных продуктов на предмет соответствия задачам пользователей [24].

3. Определение возможных вариантов интерфейсных решений, наилучшим образом [24].

Рассмотренные профессиональные функции соответствуют приведенным выше аспектам деятельности гейм-дизайнера и предполагают целесообразность привлечения рассматриваемой группы респондентов в качестве экспертов.

Общее количество экспертов, обучающихся в НИУ ВШЭ, составило 14 человек (12 получают специальность 54.03.01 (бакалавриат) [24] и 2 — специальность 54.04.01 (магистратура) [25]).

Дополнительными значимыми характеристики выборки экспертов представляются наличие опыта работы у 35,7 % респондентов от полугода до 3-х лет, а также приближенность экспертов по возрасту к возрастной группе, которую в дальнейшем предполагается исследовать (подобранная видеоигра будет использована для фиксирования особенностей игрового процесса, реализуемого респондентами, соотнесения их со спецификой осуществления игровой деятельности и индивидуально-психологических характеристик респондентов).

Помимо этого, участие принял эксперт-консультант, не относящийся к указанной организации, но имеющий в области разработки видеоигр стаж более 12-ти лет.

Далее, в табл. 1 представлены этапы проведения экспертных оценок, а также основные параметры, при которых она была реализована.

Таблица 1

Этапы разработки критериев и подбора видеоигры с опорой на них методом экспертных оценок

Характеристика этапа проведения экспертных оценок	**Количество туров**	**Количество экспертов**
Подготовительный этап. Разработка и формулировка критериев, подбор оптимального способа регистрации оценок экспертов.	-	1
1-й этап. Оценка критериев выбора видеоигры.	3 тура	7
2-й этап. Подбор видеоигр, в соответствии с критериями.	1 тур	8
3-й этап. Оценка 5-ти наиболее популярных видеоигр по критериям.	1 тур	4

Рассмотрим представленные этапы подробнее.

Подготовительный этап проведения экспертных оценок был нацелен на разработку критериев подбора и оценки видеоигр, оптимизация процедуры сбора данных, характеризующих мнение экспертов.

Были определены следующие условия, обеспечивающие возможность корректно организовать наблюдение за игровым процессом разных пользователей и выявить его особенности:

· наличие в видеоигре однопользовательского режима;

· возможность запуска видеоигры на персональном компьютере;

· возможность достижения цели игры различными способами и с использованием разнообразных тактик;

· возможность выделить в рамках видеоигры информативные категории для классификации действий пользователей.

Эти условия важны с точки зрения разработки дизайна исследования относительно организации сбора эмпирических данных, но они недостаточно учитывают системный характер видеоигры. Соответственно, был также разработан перечень критериев подбора и оценки видеоигры (табл. 2) с привлечением эксперта-консультанта, подразумевающий учет структурно-динамических особенностей видеоигр.

Первый этап проведения экспертных оценок был направлен на установку приоритетности каждого из критериев относительно остальных при осуществлении подбора и оценки видеоигр.

В рамках текущего этапа эксперты должны были оценить каждый сформулированный на подготовительной стадии критерий по семибалльной шкале с точки зрения того, насколько он важен для подбора оптимальной платформы, позволяющей наиболее качественно осуществить наблюдение за внешней стороной игровой деятельности.

Чтобы получить от экспертов согласованную информацию, их взаимодействие было организовано по методу Дельфи, позволяющему респондентам сохранять анонимность и учитывать мнения, отличные от большинства [21; 22].

Вывод об уровне согласованности оценок экспертов производился на основании расчета коэффициента конкордации (W) [20; 26; 27; 28]:

$$W = \frac{S}{\frac{1}{12}m^2(n^3 - n) - m\sum_{j=1}^{m} T_j},$$

где

$$S = \sum_{i=1}^{n}\left\{\sum_{j=1}^{m} x_{ij} - \frac{1}{2}m(n+1)\right\}^2,$$

а

$$T_j = \frac{1}{12}\sum_{t_j}\left(t_j^3 - t_j\right).$$

Соответственно, m — количество экспертов; n — количество рангов; xij — ранг, присвоенный конкретным экспертом определенному критерию; tj — количество дублирующихся рангов в перечне оценок конкретного эксперта.

Перед вычислением коэффициента конкордации критерии ранжировались на основании оценок экспертов. Статистическая значимость полученного значения коэффициента оценивалась по критерию $\chi 2$ [27; 28]:

$$\chi^2 = (n-1)mW.$$

Следовательно,

$$\chi^2 = \frac{S}{\frac{1}{2}mn(n+1) - \frac{1}{n-1}\sum_{i=1}^{m} T_j}.$$

По результатам 1-го этапа была выявлена приоритетность каждого критерия относительно остальных. Это отражено в табл. 2.

Таблица 2

Ранжирование критериев и расчет их удельных весов

№	Критерий	Средняя оценка	Средняя взвешенная оценка
1	Высокая вариативность тактик и способов достижения игровой цели, предусмотренных механиками видеоигры	6,71	0,096
2	Отсутствие доминирующей стратегии достижения цели	6,57	0,094
3	Возможность реализовать подсчет различных игровых действий с помощью сторонних программ	6,57	0,094
4	Возможность задать всем игрокам одинаковый старт	6,14	0,088
5	Высокая степень эмерджентности игрового процесса **Пояснение критерия.** Подразумевается возникновение незаскриптованных событий в результате случайного взаимодействия элементов игры или действий игрока (это расширило бы набор возможных тактик, сделало бы их применение более гибким). Например, случайные встречи, использование элементов окружения для достижения цели.	5,86	0,082
6	Возможность различать используемые в ходе игры тактики по частотам игровых действий	5,43	0,077
7	Низкая требовательность к навыкам игрока	5,43	0,077
8	Возможность провести короткую сессию, примерно на 30 минут	5,00	0,071
9	Возможность реализовать подсчет различных игровых действий посредством внутриигровых	4,57	0,066

	технических средств		
10	Возможность корректировать отдельные параметры старта **Пояснение критерия.** Подразумевается, что возможность корректировать отдельные параметры старта будет только у организаторов исследования. Это позволит более тонко настроить игровое пространство, и лучше проконтролировать равенство условий для игроков. Мы предполагали, что это может быть важно в случае рассмотрения игр с генерируемыми мирами или отдельными случайно изменяющимися компонентами.	4,57	0,064
11	Низкая требовательность к ресурсам персонального компьютера	4,29	0,061
12	Отсутствие сложных игровых механик, о которых необходимо знать игроку	3,71	0,052
13	Наличие итоговой ситуации выигрыша или проигрыша	3,29	0,047
14	Низкая популярность видеоигры	2,14	0,031

Коэффициент конкордации (*W*) составил 0,74. Его уровень значимости — $p<0,01$ ($\chi 2=57,86$).

Второй этап был направлен на то, чтобы выявить видеоигры, соответствующие сформулированным критериям.

Таким образом, каждому эксперту необходимо представить список видеоигр, наиболее точно, соответствующих критериям, либо частично соответствующих, с учетом приоритетности каждого критерия.

По результатам этапа, был получен общий список из 48 компьютерных игр. Некоторые из них были отмечены несколько раз различными экспертами. Они представлены далее:

1. *Baldur's Gate 3* (была упомянута 3 раза).

2. *Disco Elysium* (была упомянута 2 раза).

3. *Minecraft* (была упомянута 3 раза).

4. *Fallout 2* (была упомянута 2 раза).

Эти компьютерные игры было предложено оценить на заключительном этапе экспертам.

Третий этап. Цель текущего этапа — выявить среди отобранных компьютерных игр, наиболее точно соответствующую сформулированным критериям с учетом удельного веса каждого из них.

Задача экспертов заключалась в том, чтобы в индивидуальном порядке оценить степень соответствия видеоигр каждому из критериев. Далее, путем суммирования оценок каждого критерия, были выявлены обобщенные оценки каждой видеоигры по ним с поправкой на удельные веса критериев. После были выведены интегральные оценки видеоигр посредством суммирования обобщенных оценок по каждому критерию.

По результатам 3-го этапа, компьютерные игры получили следующие оценки:

1. *Baldur's Gate 3* (16,323).

2. *Disco Elysium* (18,043).

3. *Minecraft* (20,143).

4. *Fallout 2* (17,557).

Таким образом, наиболее полно критериям выбора видеоигры для проведения исследования, с учетом их приоритетности, соответствует ***«Minecraft»***. Дополнительно, экспертами было отмечено, что существует возможность создания пользовательских модификаций для этой компьютерной игры, либо использования уже существующих. С точки зрения проведения исследования, это позволит сделать более тонкую настройку условий сбора эмпирических данных об особенностях реализации игрового процесса респондентами.

Результаты экспертных оценок и их обсуждение

В первую очередь необходимо привести характеристику видеоигры ***«Minecraft»***:

· Взаимодействие с пространством видеоигры происходит через *аватар*, которым управляет пользователь.

· *Игровое пространство* — трехмерное, представлено кубическими блоками, которые можно разрушать, либо устанавливать в определенные места. Механики видеоигры также позволяют получать таким образом внутриигровые ресурсы, используемые в последствии для создания искусственных объектов, часть из которых можно размещать в игровом пространстве, в том числе получая возможность их практического применения. Другая часть создаваемых объектов используется в качестве орудий.

· В игровом пространстве встречаются *мобильные объекты* (неигровые персонажи), с которыми можно взаимодействовать: сражаться с враждебными персонажами, торговать с нейтральными, приручать нейтральных персонажей-животных и др.

· В видеоигре есть 2 основных режима: *выживание* (необходимость следить за параметрами аватара; частичная ограниченность ресурсов; наличие требования использовать орудия в определенных случаях) и *творческий* (возможность свободно передвигаться по всем осям трехмерного пространства; неограниченность ресурсов).

· Играть возможно *онлайн*, с другими пользователями, или в *индивидуальном* формате.

· Для видеоигры доступны созданные пользователями *модификации*, вносящие изменения в механики.

Отталкиваясь от определения видеоигры Н. Эспозито (N. Esposito), выделим 2 важных компонента: «game» (игра как система — ее механика) и «play» (реализуемая пользователем степень свободы в рамках механики) [29].

Обратим внимание на то, что в психологическом смысле «правила» игры — более широкое понятие, чем «механика». На первый план они выходят в играх по правилам [18] (например, в настольных), непосредственно диктуя особенности взаимодействия играющих в системе. В этом случае правила характеризуют механику игры. Правила образных, сюжетно-ролевых, режиссерских игр опосредованы сюжетом, и соответственно, помимо механики, в неявном виде, характеризуют нарративную и контекстную составляющие, которые могут достаточно легко переосмысливаться и

изменяться играющими.

Подчеркнем, что указанные выше виды игр, вместе с особенностями реализации правил в них, воплощаются в развитой режиссерской игре, характеризующей завершение становления игровой деятельности [18]. К ней, а также к играм по правилам, относятся видеоигры. Важно сделать поправку на то, что в видеоиграх соотношение явных и неявных правил изменяется в пользу последних, так как все механики реализуются автоматически, и у играющих нет необходимости их отслеживать. В результате часть правил (механик) может не осознаваться.

Таким образом, игровая деятельность предположительно реализуется в ***«Minecraft»***, с одной стороны, через восприятие контекста (сюжета) и отношение к нему. Особенности реализации правил зависят от возможного сюжета, который пользователь развивает, и от специфики воображаемой ситуации в целом (имеется в виду условный план, в соответствии с которым играющий может представить возникновение определенных событий, не находящих отражения в наблюдаемом игровом процессе или пространстве. Отметим, что это может быть применимо к играм по правилам с ограничениями).

С другой стороны, реализация игровой деятельности возможна через восприятие игровых правил и отношение к ним. Например, играющий может совершать действия подчеркнуто инструментального характера, придавая им специфический, не соответствующий аналогичному в реальной действительности, смысл. При этом правила могут быть более гибкими, если у пользователя есть определенная степень свободы (возможность переключения между режимами; поиск, создание и установка модификаций; ввод собственных правил, не предусмотренных механикой).

Предположительно это должно проявляться в различиях между избираемых пользователями тактиками. По сравнению с другими оцениваемыми видеоиграми ***«Minecraft»*** не получила высоких показателей в плане большой вариативности тактик. Но более высокие значения, характеризующие возможность организовать короткий сеанс игры и тонко настроить параметры старта, вероятно, позволят указанным различиям проявиться достаточно быстро в максимально идентичных для каждого испытуемого условиях, а это важно для оптимального выстраивания процесса сбора эмпирических данных.

Дополнительно необходимо прокомментировать наличие аватара в компьютерной игре, так как он подразумевает взятие на себя игровой роли. Представляется, что это упростит дифференциацию позиций внутри игры и вне игры как в рамках организации проведения исследования, так и с точки зрения испытуемых.

Ограничения исследования

Ограничением проведенных экспертных оценок стала маленькая выборка специалистов, принявших участие во 2-м и 3-м этапах, а также малый опыт работы в области гейм-дизайна у большинства экспертов. Указанные факторы могли внести искажение в полученные результаты. Кроме этого, маленький объем выборки ограничивает возможность применения методов статистической обработки данных, и соответственно, их достаточно глубокого анализа.

Дополнительно отметим, что поиск экспертов в области гейм-дизайна для участия в психологическом исследовании представляется затрудненным. В качестве возможных вариантов разрешения этой проблемы представляется привлечение иностранных специалистов, либо включение в перечень условий участия дополнительных мотиваторов

(денежное вознаграждение; предоставление ключей для активации видеоигр; разработка полезных, с точки зрения гейм-дизайнеров, рекомендаций, позволяющих повысить качество создаваемых видеоигр).

Выводы

Таким образом, подведем следующие итоги описанных в настоящей статье экспертных оценок:

1. Разработан перечень критериев, позволяющий подобрать и оценить игру как психодиагностический инструмент с технической стороны.

2. В рамках проведения экспертных оценок опрашиваемые респонденты выделили компьютерную игру ***«Minecraft»***, а также ***«Disco Elysium»***, ***«Fallout 2»*** и ***«Baldur's Gate 3»***.

Такие компоненты видеоигры (и, в частности, компьютерной игры ***«Minecraft»***), как механика, эстетика и нарратив дают возможность пользователю в рамках игровой деятельности переосмысливать свои игровые действия через:

· вывод на первый план правил и повышенную ориентацию на них;

· имеющийся или задаваемый самостоятельно сюжетный контекст.

Полученную по итогу проведения экспертных оценок компьютерную игру ***«Minecraft»*** планируется использовать в рамках дальнейшего исследования как инструмент для сбора эмпирических данных об игровом процессе. Базовые функции, реализуемые в видеоигре, а также возможность ее модификации позволят гибко настроить игровое пространство и сделать процесс наблюдения за испытуемыми максимально эффективным. Представляется целесообразным рассматривать особенности игровой деятельности, в частности, указанные формы, как опосредующий параметр для анализа реализации игрового процесса в связи с индивидуально-психологическими характеристиками. В том числе, это важно для рассмотрения практических вопросов, предполагающих возможность использования видеоигр как ресурса для составления психодиагностических, психокоррекционных и развивающих программ, а также разработки методик проведения психологических экспертиз видеоигр, направленных на получение обоснованной и комплексной оценки.

В заключение, подчеркнем, что использование методов самоотчета и наблюдения как самостоятельных представляется недостаточно информативным. Их необходимо рассматривать как взаимодополняющие ввиду того, что с одной стороны это позволяет позиционировать пользователя как субъекта игрового процесса и исследовать выстраиваемый игровой процесс как взаимодействие с игровым пространством. С другой стороны, такой подход подразумевает учет особенностей восприятия пользователем игровой ситуации и себя в ней.

Библиография

1. Пономарева Е.С. Игровая деятельность в видеоиграх и агрессия // Коченовские чтения–2022. Психология и право в современной России: сборник тезисов участников: Всероссийская онлайн-конференция по юридической психологии с международным участием: Москва 2022 ноябрь 09-11. М.: МГППУ, 2022. С. 203–204.
2. Аршинов В.И., Буданов В.Г. Сетевые информационные революции и большой антропологический переход: эволюционный аспект // Сложность. Разум.

Постнеклассика. 2020. № 4. С. 40–51. DOI: 10.12737/2306-174X-2021-46-56.

3. Ракитов А.И. Информация, наука, технология в глобальных исторических изменениях. М.: Директ-Медиа, 2014. 105 с. DOI: 10.23681/230128.
4. Digital Around the World [Электронный ресурс] // DataReportal – Global Digital Insights. 2023. URL: https://datareportal.com/global-digital-overview (дата обращения: 04.03.2024).
5. Gilbert N. Number of Gamers Worldwide 2022/2023: Demographics, Statistics, and Predictions [Электронный ресурс] // FinancesOnline: rewiews for business. 2023. URL: https://financesonline.com/number-of-gamers-worldwide/ (дата обращения: 15.10.2023).
6. Schell J. The Art of Game Design: A Book of Lenses. Burlington: Elsevier, 2008. 512 p.
7. Соколов Е.С. Игры, которые нас убивают: видеоигры и насилие в дискурсе российской печатной прессы // Социология власти. 2020. Том 32. № 3. С. 165–188. DOI:10.22394/2074-0492-2020-3-165-188.
8. Влияют ли игры на агрессивное поведение? Есть целое исследование [Электронный ресурс] // Кибер. 2018. URL: https://cyber.sports.ru/tribuna/blogs/metahumans/2215754.html (дата обращения: 04.03.2024).
9. Лацинская М. Как видеоигры влияют на уровень насилия на самом деле [Электронный ресурс] // РБК Тренды. 2023. URL: https://trends.rbc.ru/trends/social/60c24c329a7947f3b2223dc1 (дата обращения: 04.03.2024).
10. Пономарева Е.С. Видеоигры и агрессия: обзор зарубежных исследований // Вестник Московского Университета. Серия 14. Психология. 2022. № 3. С. 169–199. DOI:10.11621/vsp.2022.03.09.
11. Allen J.J., Anderson C.A., Bushman B.J. The General Aggression Model // Current Opinion in Psychology. 2018. Vol. 19. P. 75–80. DOI: 10.1016/j.copsyc.2017.03.034.
12. Kersten R., Greitemeyer T. Why do habitual violent video game players believe in the cathartic effects of violent video games? A misinterpretation of mood improvement as a reduction in aggressive feelings // Aggressive Behavior, 2021. Vol. 48. No. 2. P. 219–231. DOI: 10.1002/ab.22005.
13. Video games, frustration, violence, and virtual reality: Two studies / Ferguson C.J. et al. // British journal of social psychology. 2021. Vol. 61. No. 1. P. 83–99. DOI: 10.1111/bjso.12471.
14. Кравцова Е.Е., Максимов А.А. Чему мешает и чему помогает игра // Образовательная политика. 2014. № 4(66). С. 31–43.
15. Леонтьев А.Н. Психологические основы дошкольной игры // Психологическая наука и образование. 1996. Том 1. № 3. С. 19–31.
16. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб: Питер, 2000. 720 с.
17. Hunicke R., LeBlanc M., Zubek R. MDA: A Formal Approach to Game Design and Game Research // AAAI Workshop – Technical Report. 2004. WS-04-04. P. 1–5.
18. Кравцов Г.Г., Кравцова Е.Е. Психология игры: культурно-исторический подход. М.: Левъ, 2017. 338 с.
19. Социальная психология: практикум: учебное пособие для студентов вузов / Под ред. Т.В. Фоломеевой. М.: Аспект Пресс, 2006. 480 с.
20. Бешелев С.Д., Гурвич Ф.Г. Математико-статистические методы экспертных оценок. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статистика, 1980. 263 с.

21. Мендель А.В. Модели принятия решений: учебное пособие. М.: Юнити-Дана, 2017. 464 с.
22. Секретарев Ю.А., Панова Я.В. Выбор и принятие решений в электроэнергетике: учебное пособие. Новосибирск: Новосибирский государственный технический университет, 2018. 95 с.
23. Гэзеуэй Д. Введение в дизайн игровых систем: пошаговое руководство по созданию сбалансированных игр. М.: Эксмо, 2023. 448 с.
24. Образовательный стандарт бакалавриата (с 2020 года набора) [Электронный ресурс] // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». URL: https://standart.hse.ru/educational_standards/00000000173 (дата обращения: 04.03.2024).
25. Образовательный стандарт высшего образования федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Уровень высшего образования: Магистратура. Направление подготовки: 54.04.01 Дизайн. Квалификация: Магистр. М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2019. 20 с.
26. Рязанцев В.И., Морозов А.В. Методика проведения согласования экспертных оценок полученных путем индивидуального анкетирования методом анализа иерархий // Инженерный вестник. 2014. № 12. С. 1–9.
27. Чистяков, В.А. Анализ методов ранжирования в психолого-педагогических исследованиях // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2016. № 2(132). С. 197–201. DOI: 10.5930/issn.1994-4683.2016.02.132.p197-201.
28. Экспертные оценки: методология и практика применения / И.П. Артюхов [и др.] // Фундаментальные исследования. 2012. № 10. С. 11–15.
29. Esposito N. A Short and Simple Definition of What a Videogame Is [Электронный ресурс] // DiGRA 2005 Conference: Changing Views – Worlds in Play. 2005. 6 p. URL: http://www.digra.org/wp-content/uploads/digital-library/06278.37547.pdf (дата обращения: 04.03.2024)

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.
Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться здесь.

Предметом исследования в представленной статье являются видеоигра как исследовательский инструмент и экспертные оценки видеоигр.

В качестве методологии предметной области исследования в данной статье были использованы дескриптивный метод, метод категориализации, метод анализа, метод наблюдения, метод самоотчета, а также для того, чтобы выбрать компьютерную игру, в которой было бы возможно максимально эффективно осуществить наблюдение и понимать особенности ее архитектуры и изменений связей между ее элементами в динамике игрового процесса был применен метод экспертных оценок. Поиск экспертов осуществлялся на базе НИУ ВШЭ среди обучающихся по специальностям 54.03.01 и 54.04.01 «Дизайн», по профилям «Гейм-дизайн» и «Системный гейм-дизайн». Чтобы получить от экспертов согласованную информацию, их взаимодействие было организовано по методу Дельфи, позволяющему респондентам сохранять анонимность и учитывать мнения, отличные от большинства. Вывод об уровне согласованности оценок

экспертов производился на основании расчета коэффициента конкордации.

Актуальность статьи не вызывает сомнения, поскольку последняя информационная революция характеризуется появлением Интернета и популяризацией технических устройств, что иллюстрируется данными аналитической платформы «DataReportal». Так, на январь 2023 доступ к Интернету имеет 5,16 млрд человек (64,4 %), с каждым годом это число увеличивается. Широкая распространенность мобильных устройств (5,44 млрд уникальных пользователей), по словам экспертов платформы, способствует увеличению доступности цифровых технологий и отражает этот процесс. Динамику распространенности видеоигр иллюстрируют данные аналитической платформы FinancesOnline. С каждым годом количество пользователей видеоигр в мире увеличивается. В 2023, в соответствии с прогнозами, их число составит 3,07 млрд. Следует отметить, технологический прогресс — это одна из основополагающих характеристик, определяющих использование видеоигр и возможности их разработки. Этот момент подчеркивает гейм-дизайнер Дж. Шелл. Он в том числе предполагает, что некоторые современные видеоигры характеризуют один из начальных этапов реализации возможности моделирования миров как средства прогнозирования развития социума. Это позволяет указать не только на актуальность исследований видеоигр, но и на учет их возможных быстрых изменений с течением времени, а также особенностей взаимодействия с ними. В качестве примера стоит привести одну из достаточно актуальных проблем на текущий момент — связь увлеченности видеоиграми и агрессии. Отмечается, что ранее (в период с 2011 по 2015 г.) в медиа-пространстве имело место преувеличение роли видеоигр в процессе возникновения агрессивных тенденций. Таким образом, вопрос углубленного рассмотрения специфики деятельности в видеоиграх представляется актуальным. На первый план он выходит при решении задач, связанных с анализом индивидуально-психологических характеристик, включая девиантное поведение. В частности, можно отметить изучение особенностей увлеченности видеоиграми в качестве фактора риска или источника развития, что важно в рамках разработки комплексных профилактических и реабилитационных программ, а также для раскрытия психодиагностического потенциала видеоигр.

Научная новизна исследования заключается в описании возможного алгоритма разработки критериев поиска видеоигры, позволяющей эффективно осуществить наблюдение за игровым процессом, и последующего подбора платформы, отвечающей этим критериям, а также исследовании по авторской методике игровой деятельности в видеоиграх с применением экспертных оценок. Общее количество экспертов, обучающихся в НИУ ВШЭ, составило 14 человек (12 с программы 54.03.01 (бакалавриат) и 2 — с программы 54.04.01 (магистратура). Дополнительными значимыми характеристики выборки экспертов представляются наличие опыта работы у 35,7 % респондентов от полугода до 3-х лет, а также приближенность экспертов по возрасту к возрастной группе, которую в дальнейшем предполагается исследовать (подобранная видеоигра будет использована для фиксирования особенностей игрового процесса, реализуемого респондентами, соотнесения их со спецификой осуществления игровой деятельности и индивидуально-психологических характеристик респондентов). Помимо этого, участие принял эксперт-консультант, не относящийся к указанной организации, но имеющий в области разработки видеоигр стаж более 12-ти лет.

Статья написана языком научного стиля с грамотным использованием в тексте исследования изложения различных позиций ученых к изучаемой проблеме и применением научной терминологии, а также подробным описанием процедуры исследования.

Структура выдержана с учетом основных требований, предъявляемых к написанию научных статей. Структура данного исследования включает благодарности, введение,

описание игровой деятельности в видеоиграх, методы, результаты экспертных оценок и их обсуждение, ограничения исследования, выводы и библиографию.

Содержание статьи отражает ее структуру. Особенно ценным в содержании исследования следует отметить очень подробное описание этапов разработки критериев и подбора видеоигры с опорой на них методом экспертных оценок. Очень наглядно эти этапы продемонстрированы в таблице 1. В тексте статьи подробно описаны следующие этапы: подготовительный этап. Разработка и формулировка критериев, подбор оптимального способа регистрации оценок экспертов; 1-й этап. Оценка критериев выбора видеоигры; 2-й этап. Подбор видеоигр, в соответствии с критериями; 3-й этап. Оценка 5-ти наиболее популярных видеоигр по критериям.

Библиография содержит 29 источников, включающих в себя отечественные и зарубежные периодически и непериодические издания.

В статье приводится описание различных позиций и точек зрения известных ученых, характеризующих подходы и различные аспекты к пониманию видеоигр и особенностей игровой деятельности в видеоиграх, а также содержится апелляция к различным научным трудам и источникам, посвященных этой тематике, которая входит в круг научных интересов исследователей, занимающихся указанной проблематикой в нашем государстве и других странах.

В представленном исследовании содержатся выводы, касающиеся предметной области исследования. В частности, отмечается, что полученную по итогу проведения экспертных оценок компьютерную игру «Minecraft» планируется использовать в рамках дальнейшего исследования как инструмент для сбора эмпирических данных об игровом процессе. Базовые функции, реализуемые в видеоигре, а также возможность ее модификации позволят гибко настроить игровое пространство и сделать процесс наблюдения за испытуемыми максимально эффективным. Представляется целесообразным рассматривать особенности игровой деятельности, в частности, указанные формы, как опосредующий параметр для анализа реализации игрового процесса в связи с индивидуально-психологическими характеристиками. В том числе, это важно для рассмотрения практических вопросов, предполагающих возможность использования видеоигр как ресурса для составления психодиагностических, психокоррекционных и развивающих программ, а также разработки методик проведения психологических экспертиз видеоигр, направленных на получение обоснованной и комплексной оценки.

Материалы данного исследования рассчитаны на широкий круг читательской аудитории, они могут быть интересны и использованы учеными в научных целях, педагогическими работниками в образовательном процессе, разработчиками видеоигр, психотерапевтами, психологами, экспертами и аналитиками.

В качестве недостатков данного исследования следует отметить, что в тексте статьи для наглядности и улучшения восприятия информации целесообразно было бы использовать не только таблицы, но и рисунки. Название статьи, возможно, следовало бы сформулировать как единое целое предложение. При описании характеристик экспертов не совсем корректно в тексте статьи использован термин «специальность» применительно к образовательным программам 54.03.01 (бакалавриат) и 54.04.01 (магистратура), поскольку они относятся к соответствующим уровням высшего образования. Указанные недостатки не снижают высокую научную и практическую значимость самого исследования, а скорее относятся к оформлению текста статьи. Статью рекомендуется опубликовать.

Англоязычные метаданные

Synthetic concept of working with dreams: approbation in the field of psychological psychotherapy and personality development

Bogachev Aleksei Mikhailovich

Researcher at the Center for the Prevention of Extremism in Education and Youth Environment, A. I. Herzen Russian State Pedagogical University; Senior Lecturer of the Department of Practical Psychology, Mariupol State Humanitarian University named after A.I. Kuindzhi

197198, Russia, Saint Petersburg, Bolshaya Pushkarskaya str., 6, sq. 20

amb1976@mail.ru

Abstract. This paper presents the results of a scientific study aimed at determining the effectiveness of the synthetic concept of dreams when applied in the field of psychological psychotherapy (psychocorrection) and (or) in the field of personality development. Accordingly, the mental reality of the subjects is presented as an object of research, and as its subject of research – "transformation of the states and (or) personality characteristics of the participants in the experiment in the context of the use of a synthetic algorithm for working with dreams." The research was conducted in the form of an experiment, the participants of which, in interaction with the experimenter, who performed the function of interpreter and "guide", comprehended their dreams and carried out direct work with them. The main conclusions drawn on the basis of the results of the study were the confirmation of the effectiveness of the presented synthetic concept of dreams and, therefore, the idea of dreaming as a natural psychotherapeutic (psychocorrective) mechanism, as well as the material with which work contributes to the development of personality. Taking into account the high scientific interest and practical significance of studying the integral structure of a person's mental reality in the context of improving his psychological well-being in a stressful environment and, at the same time, the known complexity of the study of such a phenomenon as dreams, the work can claim the status of one of the steps to scientific discovery.

Keywords: Psychocorrection, Psychotherapy, Anxiety, Integration, Integrity, Development, Transformation, The dream, Personality, Archetype

References (transliterated)

1. Bion, W.R. (1958). „On Hallucination". International Journal of Psycho-Analysis 39: 341 – 9.
2. Winnicott, D. W. (1953). Transitional objects and transitional phenomena. In Playing and reality. New York: Basic Books, 1971, pp. 1-25.
3. Vion, W.R. (1957). Differentiation of the psychotic from the non-psychotic personalities. International Jounal of Psycho-Analysis 38: 266 – 75.
4. Klein, M., Heimann, P., Money-Kyrle, R. (eds.). (1955). New Directions in Psycho-Analysis. The Significance of Infant Conflict in the Pattern of Adult Behaviour., London: Tavistock Publications, 573 pp.
5. Assadzhioli R «Psikhosintez. Printsipy i tekhniki» /-Izdatel'stvo Persona, Moskva : EKSMO-Press, 2002. – 413 c.
6. Barash M. «Istselyayushchie snovideniya». M.: Izd-vo Instituta Psikhoterapii, 2003. – 350 c.

7. Bogachev, A. M. Mir snovidenii i simvoly / A. M. Bogachev, A. M. Mezheritskaya // Nauchnoe mnenie. – 2019. – № 1-2. – S. 29-34. – DOI: 10.25807/PBH.22224378.2019.1-2.29.34. – EDN RCGCNS.
8. Bogachev, A. M. O nekotorykh aspektakh prakticheskoi raboty so snovideniyami // Psikhologiya i psikhotekhnika. – 2020. – № 1. – S. 54-67. – DOI: 10.7256/2454-0722.2020.1.32332. – EDN FXNAMX.
9. Bogachev, A. M. Put' k Drugomu. O nekotorykh zakonomernostyakh prakticheskoi psikhologii: monografiya. – 2-e izdanie, ispravlennoe i dopolnennoe. – Sankt-Peterburg: Asterion, 2019. – 221 s. – ISBN 978- 5-00045-655-2. – EDN YSEHCP.
10. Bogachev, A. M. Fil'my uzhasov i nochnye koshmary: nekotorye aspekty psikhologicheskogo analiza yavlenii // Psikhologiya i psikhotekhnika. – 2019. – № 4. – S. 39-49. – DOI: 10.7256/2454-0722.2019.4.31301. – EDN RSVLUQ.
11. Grof Stanislav. Puteshestvie v poiskakh sebya. Izmereniya soznaniya. – M., AST, Izdatel'stvo Instituta transpersonal'noi psikhologii, Izdatel'stvo K. Kravchuka, 2004. – 346 c.
12. Lomonos, A. A. Zhiznennye «yakorya» lichnosti kak faktor nravstvennogo razvitiya / A. A. Lomonos, N. V. Bobrova, A. M. Bogachev // Obshchestvo. Sreda. Razvitie. – 2023. – № 2(67). – S. 137-145. – DOI: 10.53115/19975996_2023_02_137-145. – EDN ZMDXIO.
13. Mindell A. «Uchenik sozdatelya snovidenii (ispol'zovanie bolee vysokikh sostoyanii soznaniya dlya interpretatsii snovidenii)». M.: izdatel'stvo AST, 2003. – 208 s.
14. Mindell A., Mindell E. Vskach', zadom napered: Protsessual'naya rabota v teorii i praktike, M.: Nezavisimaya firma “Klass”, Izdatel'stvo Transpersonal'nogo instituta, 1999. – 224 s.
15. Parfent'ev, S. A. Analiz snovidenii kak metod psikhodiagnostiki i psikhokorrektsii lichnosti v sotsial'noi psikhologii : spetsial'nost' 19.00.05 "Sotsial'naya psikhologiya" : dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata psikhologicheskikh nauk / Parfent'ev Sergei Aleksandrovich. – Yaroslavl', 2006. – 243 s. – EDN NOCOBP.
16. Perlz, Frederik Solomon. Geshtal't-podkhod i Svidetel' terapii : [Per. s angl.] / Frits Perlz. M.: Libris, 1996. – 240 s.
17. Prilutskii, A. M. Psikhologo-teologicheskie aspekty podgotovki k tainstvam pokayaniya i prichashcheniya v pravoslavii / A. M. Prilutskii, A. M. Bogachev // Voprosy teologii. – 2020. – T. 2, № 2. – S. 297-314. – DOI: 10.21638/spbu28.2020.208. – EDN HQKDOF.
18. Religioznye, eticheskie i bytovye kategorii v bessoznatel'noi oblasti psikhicheskoi real'nosti sovremennoi rossiiskoi molodezhi: popytka sravnitel'nogo analiza / A. M. Bogachev, A. O. Blinkova, A. M. Prilutskii [i dr.] // Filosofiya i kul'tura. – 2020. – № 8. – S. 53-67. – DOI: 10.7256/2454-0757.2020.8.33359. – EDN TWQYMM.
19. Svirepo O. A., Tumanova O. S. Obraz, simvol, metafora v sovremennoi psikhoterapii. M.: Izd-vo Instituta Psikhoterapii, 2004. – 268 s.
20. Slezin V.B., Muzalevskaya N.I., Uritskii V.M., Rybina I.Ya. Izmeneniya funktsional'nogo sostoyaniya golovnogo mozga pri khristianskoi molitve // Nezavisimyi psikhiatricheskii zhurnal. 1999. T. 4. S. 30.
21. Freid Z. Tolkovanie snovidenii / Per. s nem. M. K. – M.: Sovremennye problemy, 1913. – 448. S. 12.
22. Kholl Dzheims A. Yungianskoe tolkovanie snovidenii : Prakt. ruk.; Per. na rus. yaz. pod obshch. red. V. Zelenskogo. SPb.: TOO "B.s.k.", 1996. – 168 s.
23. Yung K.G «Arkhetip i simvol» Moskva: Renessans, 1991. – 297 s.
24. Yung K.G. Chelovek i ego simvoly : Per. s angl. / Karl Gustav Yung, Mariya-Luiza fon

Frants, Dzhozef Khendersen i dr.; [Vved. D. Frimana]. - Moskva : Serebryanye niti ; SPb.: AST, 1997. – 367 s.
25. Yung K.G. «Vospominaniya, snovideniya, razmyshleniya». Izdatel'stvo «Kharvest», 2003 15. Yung K.G. Psikhologiya bessoznatel'nogo. – M.: Kanon, 1994. – 320 s.

Algorithm of conceptualization in rational-emotional-behavioral therapy by A. Ellis

Kachay Ilya Sergeevich

Senior Lecturer, Department of Philosophy, Siberian Federal University

660041, Russia, Krasnoyarskii krai, Krasnoyarsk, pr. Svobodnyi, 82A, aud. 428

monaco-24-llya@mail.ru

Fedorenko Pavel Alekseevich

Director General, Institute of Cognitive Behavioral Psychotherapy

420111, Russia, Republic of Tatarstan, Kazan, ul. Levo-Bulachnaya, 16

pavelfdrk@yandex.ru

Abstract. The object of this research is the practical principles of rational-emotional-behavioral therapy (REBT) by A. Ellis. The subject of the research is the specifics of the formation of the conceptualization of the client within the framework of a rational-emotional-behavioral approach. The aim of this research is to develop an algorithm for compiling client conceptualization in the therapeutic direction under consideration based on the systematization of activating events, irrational beliefs, key contesting counterarguments and rational statements. The conceptualization developed in this research also allows the client to form abstract ideas about problematic areas of life, to discover common cognitive behavioral patterns ("schemes") peculiar to him, to derive abstract irrational beliefs and rational statements (a new effective philosophy) and behaviorally reinforce the latter in order to realize significant (including global) life goals and values. The methodological basis of the work is the research of the founders and representatives of rational-emotional-behavioral and cognitive psychotherapy. The main result of the conducted research is the developed REBT conceptualization, which until now was absent in rational-emotional-behavioral therapy, but is actively used in a related psychotherapeutic approach – A. Beck's cognitive therapy. The presented conceptualization and the described algorithm of its compilation contribute to eliminating the risks associated with an insufficiently systematic understanding by the client of the abstract structure of his emotional and behavioral disorders during the passage of rational-emotional-behavioral therapy, known for its deep philosophical approach to solving specific problems, mainly due to philosophical disputation of specific irrational beliefs of the client. The scientific novelty of the work also lies in the description of cognitive-behavioral patterns ("schemes") characteristic of the majority of clients suffering from affective disorders, formulated on the basis of twelve typical irrational beliefs identified by A. Ellis in 1956.

Keywords: cognitive behavioral pattern, rational statement, irrational belief, conceptualization, cognitive behavioral therapy, cognitive therapy, rational-emotional-behavioral therapy, schema, emotional disorder, therapeutic intervention

References (transliterated)

1. Ellis, A., Maklaren, K. Ratsional'no-emotsional'naya povedencheskaya terapiya. Rostov n/D.: Feniks, 2008. 157 s.
2. Romek, E.A. Logika emotsii // Analitika kul'turologii. 2010. № 1 (16). S. 281-285.
3. Didzhuzeppe, R., Doil, K., Draiden, U., Baks, U. Ratsional'no-emotivno-povedencheskaya terapiya. SPb.: Piter, 2021. 480 s.
4. Kachai, I.S., Fedorenko P.A. Otlichitel'nye osobennosti podkhodov ratsional'no-emotsional'no-povedencheskoi terapii A. Ellisa i kognitivnoi terapii A. Beka v klinicheskoi praktike i psikhoterapii emotsional'nykh rasstroistv // Psikhologiya i Psikhotekhnika. 2023. № 4. S. 118-136. doi: 10.7256/2454-0722.2023.4.69064.
5. Fedorenko, P.A., Kachai, I.S. Metod «ot simptoma k lichnosti» // IX Mezhdunarodnyi Forum Assotsiatsii Kognitivno-Povedencheskoi Psikhoterapii CBTFORUM. SPb.: Lema, 2023. S. 309-335.
6. Ellis, A., Draiden, U. Praktika ratsional'no-emotsional'noi povedencheskoi terapii. SPb.: Izd-vo «Rech'», 2002. 352 s.
7. Lazarus, A. Kratkosrochnaya mul'timodal'naya psikhoterapiya. Prakticheskoe rukovodstvo. M.: Izdatel' Bazenkov I.L. 2022. 214 s.
8. Draiden, U., Ninan, M. Ratsional'no-emotivno-povedencheskaya terapiya. 100 klyuchevykh osobennostei. SPb.: OOO «Dialektika», 2023. 320 s.
9. Dzhoshi, A., Pkhadke, K. Ratsional'no-emotivno-povedencheskaya terapiya. – Kh.: Izd-vo «Gumanitarnyi tsentr», 2021. 300 s.
10. Bek, Dzh. Kognitivno-povedencheskaya terapiya. Ot osnov k napravleniyam. SPb.: Piter, 2018. 416 s.
11. Murtazin, A.I., Kovpak, D.V. Rabota s pozitivnymi ubezhdeniyami i ispol'zovanie kontseptualizatsii sil'nykh storon v kognitivno-povedencheskoi terapii // IX Mezhdunarodnyi Forum Assotsiatsii Kognitivno-Povedencheskoi Psikhoterapii CBTFORUM. SPb.: Lema, 2023. S. 237-246.
12. Kachai, I.S., Fedorenko, P.A. Kognitivno-povedencheskaya terapiya. Prakticheskoe posobie dlya spetsialistov. Ekaterinburg: Izdatel'skie resheniya, 2023. 800 s.
13. Uoltman, S., Kodd, R., Makfarr, L., Mur, B. Sokratovskie voprosy v psikhoterapii i konsul'tirovanii. SPb.: Piter, 2023. 320 s.
14. Overkholzer Dzh. Metod Sokrata v psikhoterapii. SPb.: OOO «Dialektika», 2021. 304 s.
15. Khollon, S. Formulirovka sluchaya v standartnoi kognitivnoi terapii // Formulirovka sluchaya v KPT kak terapevticheskii protsess / red.: Dzh. Rudzhero, G. Kazelli, S. Sassaroli. Kiev: «Dialektika». 2022. 450 s.
16. Bek, A., Frimen, A. Kognitivnaya psikhoterapiya rasstroistv lichnosti. SPb.: Piter, 2017. 448 s.
17. Crum, Ja. E. A Clinical Strategy to Strengthen the Connection Between Cognition, Emotion, and Behavior: From Philosophical Principles to Psychotherapy Practice // Journal of Rational-Emotive & Cognitive-Behavior Therapy. 2019. Vol. 37. No. 3. Pp. 241-250. doi 10.1007/s10942-018-0308-4.
18. Heidenreich, T., Noyon, A., Worrell, M., Menzies, R. Existential Approaches and Cognitive Behavior Therapy: Challenges and Potential // International Journal of Cognitive Therapy. 2021. Vol. 14. No. 1. Pp. 209-234. doi 10.1007/s41811-020-00096-1.
19. Bartucz, M.B., David, D.O. Irrational beliefs at country level functioning: A cross-cultural extension of the cognitive-behavioral model // Journal of Evidence-Based

Psychotherapies. 2019. Vol. 19. No. 1. Pp. 1-26. doi 10.24193/jebp.2019.1.1.

20. Alfonsson, S., Karvelas, G., Linde, J., Beckman, M. A new short version of the Cognitive Therapy Scale Revised (CTSR-4): preliminary psychometric evaluation // BMC Psychology. 2022. Vol. 10. No. 1. Pp. 1-7. doi 10.1186/s40359-022-00730-x.
21. Blackwell, S.E., Heidenreich, T. Cognitive Behavior Therapy at the Crossroads // International Journal of Cognitive Therapy. 2021. Vol. 14. No. 1. Pp. 1-22. doi 10.1007/s41811-021-00104-y.
22. Fishman, J., Yang, C., Mandell, D. Attitude theory and measurement in implementation science: a secondary review of empirical studies and opportunities for advancement // Implementation Science. 2021. Vol. 16. No. 1. Pp. 1-10. doi 10.1186/s13012-021-01153-9.
23. Feinstein, R.E. Descriptions and Reflections on the Cognitive Apprenticeship Model of Psychotherapy Training & Supervision // Journal of Contemporary Psychotherapy. 2021. Vol. 51. No. 2. Pp. 155-164. doi 10.1007/s10879-020-09480-6.
24. Sassaroli, S., Caselli, G., Mansueto, G. Validating the Diathesis-Stress Model Based Case Conceptualization Procedure in Cognitive Behavioral Therapies: The LIBET (Life Themes and Semi-Adaptive Plans – Implications of Biased Beliefs, Elicitation and Treatment) Procedure // Journal of Rational-Emotive & Cognitive-Behavior Therapy. 2022. Vol. 40. No. 3. Pp. 527-565. doi 10.1007/s10942-021-00421-3.
25. Beks, V. REBT – prochnoe osnovanie dlya formulirovki sluchaya s pomoshch'yu postoyannoi, implitsitnoi i gipotetiko-deduktivnoi formy sbora dannykh v polnost'yu otkrytykh, kollaborativnykh i ravnykh otnosheniyakh s klientom // Formulirovka sluchaya v KPT kak terapevticheskii protsess / red.: Dzh. Rudzhero, G. Kazelli, S. Sassaroli. Kiev: «Dialektika». 2022. 450 s.

Characteristics of visual perception of patients' faces and the formation of "observation" in the process of training cosmetologists

Yarovaya Natalia Pavlovna

Postgraduate student, Department of General and Clinical Psychology, St. Petersburg State Medical University named after Academician Pavlov

196105, Russia, Saint Petersburg, Yakovlevsky str., 7-1

dr.yarovaya@gmail.com

Abstract. Professional experience assists specialists in processing information more quickly and effectively making precise decisions. Visual expertise, as a crucial component of experience, refers to the capability to rapidly perceive visual information within a specific professional domain, acquired through systematic education, professional development, and practice. Numerous studies utilize eye-tracking methods to analyze the relationship between professional experience and gaze patterns. For instance, experienced dermatologists have developed optimal scanning patterns, allowing them to efficiently allocate attention and accurately identify key diagnostic features within images amidst numerous secondary details. The purpose of this study is to analyze changes in oculomotor patterns after completing the author's training program for doctors, aimed at versatile aesthetic analytics of the face, building individual treatment protocols and increasing the patient's adherence to aesthetic medicine in order to assess the possibility of developing observation in the conditions of short-term training. Thirty cosmetic doctors participated in the study, which utilized eye-tracking methods with the Neuroburo program-hardware complex. The study was conducted in

two phases – before and after training – with 15 patient facial images exhibiting various dermatological issues presented on a computer screen to the cosmetic doctors. Participants were tasked with identifying signs of dermatological disorders of the patients. Following training, a decrease in the number of fixations, an increase in saccadic amplitude, and a reduction in the overall scanning path length were observed among the cosmetic doctors. These findings indicate a more optimized perception strategy and suggest a more systematic and directed approach to diagnostic image analysis. The results suggest an enhanced global perception ability among the doctors, which may aid in recognizing broader patterns and structures and understanding the wider context and relationships between details.

Keywords: tracking eye movements, specialist, professional experience, aesthetic medicine, dermatocosmetologist, short-term training, visual perception, eye movements, eye-tracking, cosmetologist

References (transliterated)

1. Vospriyatie lits patsientov vrachami dermatokosmetologami v zavisimosti ot ikh opyta meditsinskoi praktiki / N. P. Yarovaya, E. Yu. Shelepin, K. A. Skuratova // Peterburgskii psikhologicheskii zhurnal. – 2021. – № 36. – S. 81-105.
2. Opticheskii poisk i zritel'nyi navyk / K. A. Skuratova, E. Yu. Shelepin, N. P. Yarovaya // Opticheskii zhurnal. – 2021. – T. 88, № 12. – S. 28-35. – DOI: 10.17586/1023-5086-2021-88-12-28-35
3. Programmnye vozmozhnosti primeneniya metoda aitrekinga v issledovaniyakh zritel'nogo vospriyatiya / K. A. Skuratova, E. Yu. Shelepin, K. Yu. Shelepin // Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal. – 2022. – T. 19, № 4. – S. 173-185. – DOI: 10.21702/rpj.2022.4.12. – EDN TPCFTO.
4. Arthur, P., Khuu, S., & Blom, D. (2016). Music sight-reading expertise, visually disrupted score and eye movements. Journal of Eye Movement Research, 9(7) doi:10.16910/jemr.9.7.1
5. Cain M.S., Adamo S.H., Mitroff S.R. A taxonomy of errors in multiple-target visual search // Visual Cognition, 2013. Vol.21. Pp. 899-921. doi:10.1080/13506285.2013.843627.
6. Cain M.S., Mitroff S.R. Memory for found targets interferes with subsequent performance in multiple-target visual search // Journal of experimental psychology. Human perception and performance, 2013. Vol. 39(5). Pp.1398-1408. https://doi.org/10.1037/a0030726
7. Ericsson, K. A., & Charness, N. (1994). Expert performance: Its structure and acquisition. American Psychologist, 49(8), 725-747.
8. Holmqvist K., et al. Eye tracking: A comprehensive guide to methods and measures. New York, Oxford University Press, 2011.
9. Komogortsev, O. V., Gobert, D. V., Jayarathna, S., Koh, D. H., & Gowda, S. M. (2010). Standardization of automated analyses of oculomotor fixation and saccadic behaviors. IEEE Transactions on Biomedical Engineering, 57(11), 2635-2645. doi:10.1109/TBME.2010.2057429
10. Kümmerer M., Wallis T.S.A., & Bethge M. Saliency benchmarking made easy: Separating models, maps and metrics, 2018. doi:10.1007/978-3-030-01270-0_47
11. Lévêque, L., Berg, B. V., Bosmans, H., Cockmartin, L., Keupers, M., Ongeval, C. V., & Liu, H. (2019). A statistical evaluation of eye-tracking data of screening mammography: Effects of expertise and experience on image reading. Signal

Processing: Image Communication, 78, 86-93. doi:10.1016/j.image.2019.06.008

12. Navon, D. (1977). Forest before trees: The precedence of global features in visual perception. *Cognitive Psychology 9*, 353–383. doi:10.1016/0010-0285(77)90012-3
13. Reingold, E. M., & Sheridan, H. (2012). Eye movements and visual expertise in chess and medicine. The oxford handbook of eye movements. doi:10.1093/oxfordhb/9780199539789.013.0029
14. Wolfe, J. M., Alvarez, G. A., Rosenholtz, R., Kuzmova, Y. I., & Sherman, A. M. (2011). Visual search for arbitrary objects in real scenes. Attention, Perception, & Psychophysics, 73(1), 165-179.
15. Wu, W., Hall, A. K., Braund, H., Bell, C. R., & Szulewski, A. (2021). The development of visual expertise in ECG interpretation: An eye-tracking augmented re situ interview approach. Teaching and Learning in Medicine, 33(3), 258-269. doi:10.1080/10401334.2020.1844009

Relationship with Mother and Satisfaction with Motherhood of Middle-Aged Women

Mordas Ekaterina Sergeevna

PhD in Psychology

Associate Professor at Moscow Institute of Psychoanalysis

121170, Russia, g. Moscow, ul. Kutuzovskii Prospekt, d.34, str.14

morkaty@yandex.ru

Demidova Aleksandra Mikhailovna

Master of Psychology, Consultant psychologist, Private psychological practice.

34 Kutuzovsky Prospekt str., p. 14, Moscow, 121170, Russia

sivillia@gmail.com

Abstract. The object of the study: the relationship of women's attitude to their mother and satisfaction with their own motherhood.

The novelty of the study is that empirical data have been obtained showing how the nature of the relationship with the mother, the type of attachment and the style of separation from the mother are interrelated with a woman's satisfaction with her motherhood. The present study was focused on finding the interrelationships of the nature of the current relationship of an adult woman with her mother and the degree of satisfaction of a woman with her parenting. The relationship between a woman's current level of satisfaction with her motherhood and her emotional and evaluative attitude towards her mother, the degree of psychological separation from her and the formed nature of attachment in adult relationships with her mother was studied. The main conclusions of the study: 1. Regarding the attachment style to the mother: higher satisfaction with motherhood is characteristic of women with a lower level of avoidance and anxiety in the relationship with the mother. 2. Regarding the level of separation from the mother: higher satisfaction with motherhood corresponds to higher conflict independence, but lower attitude. 3. A study of the nature of a woman's emotional and evaluative perception of her mother showed that the lowest satisfaction with motherhood was noted only among women with a negative attitude towards their mother, and is not typical for those whose attitude towards their mother is more positive.

Keywords: conflict, identification, dependence, mother-daughter relationship, separation, attachment, satisfaction, motherhood, transgenerational transmission, ambivalence

References (transliterated)

1. Brutman V.I., Varga A.Ya., Khamitova I.Yu. Vliyanie semeinykh faktorov na formirovanie deviantnogo povedeniya materi // Psikhologicheskii zhurnal. – 2000. – T. 21. - S. 79–87.
2. Vinnikott D.V. Malen'kie deti i ikh materi [Tekst] / Per. s angl. N.M. Padalko – M.: Nezavisimaya firma «Klass», 1998. – 80 s.
3. Zakharova E.I. Otnosheniya docheri s mater'yu kak faktor osvoeniya eyu sobstvennogo materinstva // Mir psikhologii. M: Moskovskii psikhologo-sotsial'nyi universitet. 2018. № 1(93). S. 134-143.
4. Meshcheryakova S.Yu. Psikhologicheskaya gotovnost' k materinstvu. // Voprosy psikhologii. 2000. № 5. S. 18-27.
5. Painz D. Bessoznatel'noe ispol'zovanie svoego tela zhenshchinoi [Tekst] / SPb.: sovmestnoe izdanie Vostochno-Evropeiskogo instituta psikhoanaliza i B.S.K. 1997. 195 s.
6. Savenysheva S.S. Otnoshenie k materinstvu u sovremennykh zhenshchin // Vestnik Sankt peterburgskogo universiteta.-Ser. 12. Vyp. 4. 2008. S. 45-54.
7. Savina E.A. Determinanty roditel'skogo otnosheniya // Roditeli i deti: Psikhologiya vzaimootnoshenii / Pod red. E.A. Savinoi, E.O. Smirnovoi. M.: «Kogito-Tsentr», 2003. S. 51-65.
8. Sadovnikova T.Yu, Karabanova O.A., Burmenskaya G.V., Zakharova E.I., Almazova O.V., Dolgikh A.G., Molchanov S.V. Detsko-roditel'skie otnosheniya kak uslovie formirovaniya otnosheniya k roditel'skoi pozitsii materi u devushek v period vkhozhdeniya vo vzroslost'. // Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii. Pedagogicheskaya statistika. 2018. № 9. S. 52-60.
9. Filippova G. G. Psikhologiya materinstva: Uchebnoe posobie [Tekst] / G.G. Filippova.- M.: Izd-vo instituta psikhoterapii, 2002. - 240 s.
10. Filippova G.G. Razvitie materinskogo povedeniya v ontogeneze // Psikhologiya segodnya. Ezhegodnik Rossiiskogo Psikhologicheskogo Obshchestva. T. 2. Vyp. 3. 1996. S. 133.
11. Uddenberg, N. Reproductive adaptation in mother and daughter: A study of personality development and adaptation to motherhood // Acta Psychiatrica Scandinavica. 1974. Suppl 254. P. 115.

Comparative analysis of sensorimotor reactions of female boxers and non-boxing female university students

Druzhinin Oleg Aleksandrovich

Postgraduate student of the Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen

191186, Russia, Leningrad region, Saint Petersburg, nab. Moika River, 48

oleg.a.druzhinin@gmail.com

Efimova Viktoriya Leonidovna

Doctor of Psychology

Professor, Department of Developmental Pedagogy and Family Psychology, Russian State Pedagogical

University. A.I. Herzen

191186, Russia, Leningrad region, Saint Petersburg, nab. Moika River, 48

prefish@ya.ru

Yakubova Guzal Asatulaevna

Doctor of Psychology

Professor at the Department of Psychology, Tashkent State Pedagogical University named after Nizami

Bunyodkor str., 27, Tashkent region, Uzbekistan, 100161

maryam_17@bk.ru

Rasulov Elshod Yunusovich

Teacher of the of high-altitude and physical training, Specialized training center of the National Guard of Uzbekistan

40 Khalka Yuli str., Tashkent region, Uzbekistan, 100099

boxing-uzb@mail.ru

Abstract. The subject of the study is sensorimotor reactions of female boxers and not boxers female university students. The study involved 20 female athletes who are members of the Uzbek national boxing team and 46 female students of the pedagogical university who are not engaged in boxing. Sensorimotor tests were performed on high-precision analog equipment. The study consisted of 6 tests. The statistical analysis was carried out using the Python programming language. Female boxers showed significantly higher results in instrumental tests evaluating motor responses to auditory and visual stimuli. The advantage of the athletes was manifested in both simple and complex sensorimotor reactions. Female athletes showed a shorter reaction time to auditory and visual stimuli, both in simple and complex sensorimotor tests: more target reactions to a moving object; more of target reactions under time constraints in a dynamic test; higher endurance of the nervous system during the tapping test. The high quality of sensorimotor reactions is a prerequisite for the success of athletes in female boxing. Sensorimotor tests are considered cognitive, so the results of the study show a high cognitive potential of female athletes. The results of sensorimotor tests are related to the quality of executive functions, including memory, cognitive flexibility and inhibitory control. A comparative analysis of the sensorimotor reactions of female boxers and female students using instrumental diagnostic methods was carried out for the first time. The data obtained complement the understanding of the relationship between human motor and cognitive development. A high level of development of simple and complex sensorimotor reactions contributes to success, both in sports and other activities. Playing sports can contribute not only to the physical development of a person, but also increase his cognitive potential.

Keywords: memory, cognitive flexibility, sports, cognitive abilities, executive functions, boxing, female's boxing, reaction time, sensorimotor tests, inhibitory control

References (transliterated)

1. Aizenk G. Kak izmerit' lichnost' / Gans Aizenk i Glenn Vil'son; [Per. s angl. Andrei Belopol'skii].-Moskva : Kogito-tsentr, 2000.-281, [2] s. : il.; 17 sm.; ISBN 5-89353-028-4
2. Akimova, A. Yu. Zhenshchina v strukture Federatsii boksa Rossii: professional'naya motivatsiya i svyaz' s psikhologicheskim blagopoluchiem / A. Yu. Akimova, E. N. Vasil'eva, O. M. Isaeva // Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal. – 2021. – № 1(41). –

S. 149-159. – DOI 10.11621/npj.2021.0112. – EDN JBWBFC.

3. Aslaev, T.S. Dinamika pokazatelei˘ sensomotornoi˘ koordinatsii devushek, zanimayushchikhsya boksom, na nachal'nom etape sportivnoi˘ spetsializatsii // Fizicheskaya kul'tura. Sport. Turizm. Dvigatel'naya rekreatsiya. – 2016. – T. 1. No 1. – S. 51–55.
4. Druzhinin O.A. Poisk psikhofiziologicheskikh prediktorov uspeshnosti obucheniya v shkole // Psikhologiya i Psikhotekhnika. 2023. № 3. S. 87-96. DOI: 10.7256/2454-0722.2023.3.43891 EDN: WVJFUM URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43891
5. Evsina, A. O. Zhenskii boks i ego vliyanie na psikhofizicheskoe sostoyanie u studentok RGAU-MSKhA im. K. A. Timiryazeva // Aktual'nye voprosy sovremennoi nauki: teoriya, tekhnologiya, metodologiya i praktika : Sbornik nauchnykh statei po materialam XII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Ufa, 21 aprelya 2023 goda. Tom Chast' 3. – Ufa: Obshchestvo s ogranichennoi otvetstvennost'yu "Nauchno-izdatel'skii tsentr "Vestnik nauki", 2023. – S. 243-248. – EDN ZLIIZT.
6. Efimova V. L. Ispol'zovanie slozhnoi sensomotornoi reaktsii dlya prognoza uspevaemosti v shkole / V. L. Efimova, E. I., O. A. Druzhinin, I. S. Mazurova // Psikhologiya i psikhotekhnika. – 2023. – № 1. – S. 1-11. – DOI: 10.7256/2454-0722.2023.1.39631. – EDN CZPOUE.
7. Kalabina, T. N. Osobennosti lichnosti zhenshchin, zanimayushchikhsya boksom / T. N. Kalabina, V. I. Kalabin // Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya. – 2021. – № 72-4. – S. 85-88. – DOI: 10.18411/lj-04-2021-152. – EDN CQCNUP.
8. Lisitsyn, V. V. Zhenskii boks: istoriya i sovremennost' // Uchenye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta. – 2013. – № 5(99). – S. 73-83. – EDN QCMQDF.
9. Rud', N. V. Formirovanie stressoustoichivosti bokserov-zhenshchin na etape sovershenstvovaniya sportivnogo masterstva / N. V. Rud', V. V. Fedorov // Resursy konkurentosposobnosti sportsmenov: teoriya i praktika realizatsii. – 2023. – № 13. – S. 144-145. – EDN BGQPGE.
10. Khagai, V. S. Zhenshchiny v bokse. Vliyanie Boksa na zhenskii organizm / V. S. Khagai, M. P. Osipenko // Sovershenstvovanie professional'noi i fizicheskoi podgotovki kursantov, slushatelei obrazovatel'nykh organizatsii i sotrudnikov silovykh vedomstv : Sbornik materialov XXV mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Irkutsk, 26 oktyabrya 2023 goda. – Irkutsk: Vostochno-Sibirskii institut MVD RF, 2023. – S. 507-510. – EDN FCSGOM.
11. Chuprikova N.A. Vremya reaktsii cheloveka. Fiziologicheskie mekhanizmy, verbal'no-smyslovaya regulyatsiya,svyaz' s intellektom i svoistvami nervnoi sistemy. M., Izdatel'skii dom YaSK-2019. 432 s.

Attitude of Russians to Economic Inequality: Substantiation of Economic-Psychological Experiment

Nikolskaya Anastasiya Vsevolodvna

PhD in Psychology

Associate professor of the Department of Psychology at Kosygin Russian State University of Technology, Design and Art

119071, Russia, Moskovskaya oblast', g. Moscow, ul. Malaya Kaluzhskaya, 1

tonokazutoya@gmail.com

Kostrigin Artem Andreevich

PhD in Psychology

Associate professor of the Department of Psychology at Kosygin Russian State University

119071, Russia, Moscow, Malaya Kaluzhskaya str., 1

artdzen@gmail.com

Abstract. Nowadays Russian society is experiencing changes in attitudes towards various social phenomena and processes, among which the attitude towards economic inequality takes a special place. The consideration of the social-psychological aspects of the attitude to economic inequality in the scientific literature is insufficiently reflected. The study of the peculiarities of attitudes towards inequality will make it possible to clarify public attitudes and attitudes necessary for further social and economic reforms. In addition, traditional research methods do not always reflect representative characteristics of the population's attitude to various social problems, so there is a need to develop a more relevant method (economic-psychological experiment) to identify personal aspects of respondents' economic behavior. The aim was to study the features of the Russian population's attitude to economic inequality in society by the economic-psychological experiment and substantiating this method as promising for studying attitudes towards social and economic phenomena. Focus groups, which included group interviews and discussions on problems of inequality; a survey aimed at examining attitudes towards inequality and behavior in relation to charity; an economic and psychological experiment (quasi-experiment), in the framework of which situations were simulated for respondents to make economic decisions (choosing a society for a hypothetical grandson). Russian respondents equally want to live both in a risk unequal society, to get higher incomes, and in a society with fixed average incomes. Most Russians are not ready to give up part of their income in order to help those who live worse. The attitude to inequality (the preference of equal and unequal societies) among Russian respondents does not change in any simulated economic conditions. The results obtained using the economic-psychological experiment represent original aspects of respondents' attitudes towards economic inequality in comparison with survey and testing methods.

Keywords: risk society, Russian society, income distribution, experimental situation, experimental economics, attitude to inequality, economic inequality, equal society, economic psychology, income

References (transliterated)

1. Gagarina M.A., Muratnazarov A.K. Otnoshenie k bezuslovnomu bazovomu dokhodu u lits s razlichnym urovnem motivatsii izbeganiya neudach // Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya. 2019. T. 7. № 2. S. 44.
2. Gimpel'son V.E., Monusova G.A. Vospriyatie neravenstva i sotsial'naya mobil'nost' // Ekonomicheskii zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki. 2014. T. 18. № 2. S. 216–248.
3. Gorchakova O.Yu., Larionova A.V., Kozlova N.V. Sovremennoe ekonomicheskoe povedenie: ustanovki, predstavleniya i psikhologicheskie osobennosti molodezhi // Psikhologiya i psikhotekhnika. 2021. № 4. S. 15–32. DOI:10.7256/2454-0722.2021.4.36778 4.
4. Gorchakova O.Yu., Larionova A.V., Obukhovskaya V.B., Kozlova N.V. Issledovanie ekonomicheskogo povedeniya lichnosti: svyaz' psikhologicheskikh osobennostei i monetarnykh ustanovok // Psikholog. 2021. № 5. S. 18–35. DOI: 10.25136/2409-8701.2021.5.36807

5. Druzhinin V.N. Eksperimental'naya psikhologiya. SPb.: Piter, 2011.
6. Eremicheva G.V., Evdokimova E.P. Sotsial'noe neravenstvo v postsotsialisticheskikh stranakh: otnoshenie naseleniya // Peterburgskaya sotsiologiya segodnya. 2010. T. 1. S. 228–254.
7. Zhuravlev A.L., Drobysheva T.V. Predstavleniya o bednom i bogatom cheloveke kak fenomen ekonomicheskogo soznaniya formiruyushcheisya lichnosti // Psikhologicheskii zhurnal. 2011. T. 32. № 5. S. 46–68.
8. Zubkov V.I. Risk v strukture ekonomicheskogo povedeniya // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sotsiologiya. 2001. № 2. S. 76–93.
9. Kargapolova E.V., Aryasova A.Yu. Progressivnyi nalog kak mekhanizm regulyatsii sotsial'nogo neravenstva v otsenkakh naseleniya // Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2019. № 2 (59). S. 212–218. DOI: 10.26105/SSPU.2019.59.2.028
10. Komissarova I.M., Bolotova E.V. Povyshenie effektivnosti profilakticheskogo konsul'tirovaniya v sel'skoi populyatsii krasnodarskogo kraya // Profilakticheskaya meditsina. 2019. T. 22. № 2. S. 68–75. DOI: 10.17116/profmed20192202168
11. Maksimova S.G., Omel'chenko D.A., Noyanzina O.E. Obrazovatel'nye i lingvisticheskie sostavlyayushchie chelovecheskogo kapitala naseleniya altaiskogo kraya: aktual'noe sostoyanie i strukturnye determinanty // Society and Security Insights. 2021. T. 12. 4. № 1. S. 13–39. DOI: 10.14258/ssi(2021)1-01
12. Mironova T.Yu. Ekonomicheskie predstavleniya podrostkov i yunoshei o sotsial'nom neravenstve, formiruyushchiesya v protsesse ekonomicheskoi sotsializatsii v Rossii // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika. 2011. T. 11. № 4. S. 72–75.
13. Monusova G.A. Chem opredelyaetsya vospriyatie neravenstva v dokhodakh // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 2016. T. 60. № 1. S. 53–67.
14. Pigu A. Ekonomicheskaya teoriya blagosostoyaniya. M.: Progress, 1985. S. 98–112.
15. Reiting rossiiskikh regionov po urovnyu zarplat – 2019 [Elektronnyi resurs]. URL: https://ria.ru/20191202/1561756977.html (data obrashcheniya: 15.10.2022)
16. S 1 yanvarya 2019 goda razmer MROT sostavit 11 280 rublei [Elektronnyi resurs]. URL: https://mintrud.gov.ru/labour/salary/113 (data obrashcheniya: 02.02.2024)
17. Sobkin V.S., Rudnev M.G. Zavist': opyt sotsiologicheskogo issledovaniya ekonomicheskogo neravenstva // Tolerantnost' v podrostkovoi i molodezhnoi srede. Trudy po sotsiologii obrazovaniya / Pod red. V.S. Sobkina. M.: Institut sotsiologii obrazovaniya RAO, 2004. S. 152–159.
18. Folomeeva T.V., Fedotova S.V. Differentsiatsiya obrazov vysokostatusnogo i nizkostatusnogo cheloveka u molodezhi // Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo. 2018. T. 9 (3). S. 197–207. DOI: 10.17759/sps.2018090319
19. Frolova E.A., Malanina V.A., Klemasheva E.I., Kashapova E.R. Predstavleniya o neravenstve i pereraspredelenii: mezhstranovoi sravnitel'nyi analiz // Terra Economicus. 2022. T. 20. № 1. S. 81–101. DOI:10.18522/2073-6606-2022-20-1-81-101
20. Khashchenko V.A. Sub''ektivnoe ekonomicheskoe blagopoluchie i ego izmerenie: postroenie oprosnika i ego validizatsiya // Eksperimental'naya psikhologiya. 2011. T. 4. № 1. S. 106–127.
21. Amiel Y., Cowell F.A. Measurement of income inequality: Experimental test by questionnaire // Journal of Public Economics. 1992. Vol. 47 (1). P. 3–26. DOI:10.1016/0047-2727(92)90003-X

22. Amiel Y., Cowell F., Gaertner W. Distributional orderings: an approach with seven flavors // Theory and Decision. 2012. Vol. 73 (3). P. 381–399. DOI:10.1007/s11238-011-9243-x
23. Amiel Y., Creedy J., Hurn S. Measuring attitudes towards inequality // Scandinavian Journal of Economics. 1999. Vol. 101 (1). P. 83–96. DOI:10.1111/1467-9442.00142
24. Beckman S.R. et al. Efficiency, equity and democracy: Experimental evidence on Okun's leaky bucket // Research on Economic Inequality. 2004. Vol. 11. P. 17–42. DOI:10.1016/S1049-2585(04)11002-8
25. Camerer C.F., Fehr E. Measuring social norms and preferences using experimental games: A guide for social scientists // J. Henrich, R. Boyd, S. Bowles, C. Camerer, E. Fehr, H. Gintis, R. McElreath (Ed.). Foundations of human sociality. Oxford: Oxford University Press, 2004. P. 55–95. DOI:10.1093/0199262055.001.0001
26. Camerer C.F., Fehr E. When does "economic man" dominate social behavior? // Science. 2006. Vol. 311 (5757). P. 47–52. DOI:10.1126/science.1110600
27. Carlsson F., Daruvala D., Johansson-Stenman O. Are people inequality-averse, or just risk-averse? // Economica. 2005. Vol. 72 (287). P. 375–396. DOI:10.1111/j.0013-0427.2005.00421.x
28. Cheng G.H.L., Chan D.K.S., Yeung D.Y. Correlates of Acceptance of Wealth Inequality: A Moderated Mediation Model // Frontiers in psychology. 2019. Vol. 10. P. 900. DOI:10.3389/fpsyg.2019.00900
29. Chung K., Hwang G., Ryu D.S. Scandal and social inequality: how young Koreans feel relative deprivation to sport celebrities // Sport in Society. 2019. Vol. 22 (8). P. 1396–1414. DOI:10.1080/17430437.2019.1609949
30. Clark A.E., d'Ambrosio C. Attitudes to income inequality: Experimental and survey evidence // Handbook of income distribution. 2015. Vol. 2. P. 1147–1208. DOI:10.1016/B978-0-444-59428-0.00014-X
31. Condon M., Wichowsky A. Inequality in the Social Mind: Social Comparison and Support for Redistribution // The Journal of Politics. 2020. Vol. 82 (1). P. 149–161. DOI:10.1086/705686
32. Engelhardt C., Wagener A. What do Germans think and know about income inequality? A survey experiment // Socio-Economic Review. 2018. Vol. 16 (4). P. 743–767. DOI:10.1093/ser/mwx036
33. García-Castro J.D., Willis G.B., Rodríguez-Bailón R. I know people who can and who cannot: A measure of the perception of economic inequality in everyday life // The Social Science Journal. 2019. Vol. 56 (4). P. 599–608. DOI:10.1016/j.soscij.2018.09.008
34. Gimpelson V., Treisman D. Misperceiving inequality // Economics & Politics. 2018. Vol. 30 (1). P. 27–54. DOI:10.1111/ecpo.12103
35. Johansson-Stenman O., Carlsson F., Daruvala D. Measuring future grandparents' preferences for equality and relative standing // The Economic Journal. 2002. Vol. 112 (479). P. 362–383. DOI:10.1111/1468-0297.00040
36. Kroll Y., Davidovitz L. Inequality aversion versus risk aversion // Economica. 2003. Vol. 70 (277). P. 19–29. DOI:10.1111/1468-0335.t01-1-00269
37. Kteily N.S., Sheehy-Skeffington J., Ho A.K. Hierarchy in the eye of the beholder: (Anti-) egalitarianism shapes perceived levels of social inequality // Journal of Personality and Social Psychology. 2017. Vol. 112 (1). P. 136–159. DOI:10.1037/pspp0000097
38. Loughnan S. et al. Economic inequality is linked to biased self-perception // Psychological science. 2011. Vol. 22 (10). P. 1254–1258.

DOI:10.1177/0956797611417003
39. Norton M.I., Ariely D. Building a better America – One wealth quintile at a time // Perspectives on psychological science. 2011. Vol. 6 (1). P. 9–12. DOI:10.1177/1745691610393524
40. Oishi S., Kushlev K., Schimmack U. Progressive taxation, income inequality, and happiness // American Psychologist. 2018. Vol. 73 (2). P. 157–168. DOI:10.1037/amp0000166
41. Osborne D., García-Sánchez E., Sibley C.G. Identifying the Psychological Mechanisms Underlying the Effects of Inequality on Society: The Macro-Micro Model of Inequality and Relative Deprivation (MIRED) // The social psychology of inequality / J. Jetten, K. Peters (Eds.). Cham: Springer, 2019. P. 249–266. DOI:10.1007/978-3-030-28856-3_16
42. Pedersen R.T., Mutz D.C. Attitudes toward economic inequality: The illusory agreement // Political Science Research and Methods. 2019. Vol. 7 (4). P. 835–851. DOI:10.1017/psrm.2018.18
43. Piff P.K., Kraus M.W., Keltner D. Unpacking the inequality paradox: The psychological roots of inequality and social class // Advances in experimental social psychology. 2018. Vol. 57. P. 53–124. DOI:10.1016/bs.aesp.2017.10.002
44. Pirttilä J., Uusitalo R. A "leaky bucket" in the real world: estimating inequality aversion using survey data // Economica. 2010. Vol. 77 (305). P. 60–76. DOI:10.1111/j.1468-0335.2008.00729.x
45. Roex K.L.A., Huijts T., Sieben I. Attitudes towards income inequality: "Winners" versus "losers" of the perceived meritocracy // Acta Sociologica. 2019. Vol. 62 (1). P. 47–63. DOI:10.1177/0001699317748340
46. Rudman L.A., Saud L.H. Justifying Social Inequalities: The Role of Social Darwinism // Personality and Social Psychology Bulletin. 2020. P. 1–17. DOI:10.1177/0146167219896924
47. Sobel J. Interdependent Preferences and Reciprocity // Journal of Economic Literature. 2005. Vol. 43(2). P. 392–436. DOI:10.1257/0022051054661530
48. Sychev O.A., Protasova I.N. The relationships between moral foundations, social beliefs and attitudes towards economic inequality among Russian youth: a case study of Altai Krai // RUDN Journal of Psychology and Pedagogics. 2020. T. 17. № 4. S. 705–718. DOI:10.22363/2313-1683-2020-17-4-705-718
49. Wiwad D. et al. The support for economic inequality scale: Development and adjudication // PloS one. 2019. Vol. 14 (6). P. e0218685. DOI:10.1371/journal.pone.021868

Individual-psychological features of patriotism and value orientations of Russian students

Cveks Mihails Vasil'evich

Postgraduate student, Department of Psychology and Pedagogy, Peoples' Friendship University of Russia

17 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russia

mihail001@inbox.lv

Rushina Marina Aleksandrovna

PhD in Psychology

Associate professor, Department of psychology and pedagogy, Peoples' Friendship University of Russia

117198, Russia, Moscow, Miklukho-Maklaya str., 10

rushina-ma@rudn.ru

Abstract. The subject of the study is individual-psychological features of patriotism and value orientations of Russian students. The authors consider patriotism in the context of A.I. Krupnov's system-functional approach. In this case, patriotism acts as a personality property consisting of eight components. Each of the components is represented by harmonic and anharmonic variable. The features of the relationship between patriotism and personality factors and the structure of value orientations are investigated in detail. The authors used the form test of patriotism research "Patriogram" (S. I. Kudinov, A. V. Potemkin); Five-factor personality questionnaire NEO FFI (Costa, McCray) in the adaptation of M. V. Bodunov and S. D. Biryukov; Diagnostic personality questionnaire NEO FFI (Costa, McCray). D. Biryukov; Diagnostics of the real structure of value orientations of personality (S. S. Bubnova). An important result of the study is the revealed statistically reliable features of Russian students' patriotism, as well as the correlations of this property with personality factors and value orientations. The obtained results make it possible to say that patriotism of students of modern Russian universities is characterized by socially significant orientation, aenergy, stenichnost, internality, sociocentricity, meaningfulness and dominant difficulties of operational content in the process of realization of this property of personality. It is also revealed that conscientiousness, openness to experience and extraversion are important personality factors that facilitate the process of student's manifestation of patriotism. In turn, neuroticism aggravates operational and personality difficulties accompanying the realization of patriotism. It was revealed that the values of love and health are interrelated with a stable and emotionally positive manifestation of patriotism, and the value in recognition and respect correlates with sociocentric motivation in the context of the realization of this personality property.

Keywords: anharmonicity, harmony, personality trait, system-functional approach, value orientations, personality factors, patriotism as personality trait, patriotism, values-ideals, the components of personality traits

References (transliterated)

1. Bubnova S.S. Printsipy i metody issledovaniya tsennostnykh orientatsii kak sistemy s nelineinoi strukturoi // Psikhologicheskoe obozrenie. 1997. № 1(4). S. 15-20.
2. Bubnova, S. S. Metodika diagnostiki individual'noi struktury tsennostnykh orientatsii lichnosti / Metody psikhologicheskoi diagnostiki. M.: Institut psikhologii RAN. 1994. № 2. S. 144-157.
3. Bubnova S.S, Sytin A.N. Tsennostnye orientatsii molodezhi razlichnykh regionov Rossii: printsipy, metody, rezul'taty issledovaniya / Nauchnye materialy mezhdunarodnogo foruma i shkoly molodykh uchenykh IP RAN: Aktual'nye problemy sovremennoi rossiiskoi psikhologii. – Sochi: 2006. URL: http://www.ipras.ru/cntnt/rus/dop_dokume/mezhdunaro/nauchnye_m/razdel_3_a/bubnova_ss.html (Data obrashcheniya 06.06.2023)
4. Dal' V.I. Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t. – M.: Rus. yaz. - 1998. 1351 s.
5. Kudinov S.I., Kudinova I.B., Kudinov S.S. Psikhologicheskii analiz proyavleniya patriotichnosti lichnosti studentov // Vestnik RUDN. Seriya: Psikhologiya i pedagogika. 2013. №2. S. 5-14.
6. Krys'ko V.G. Etnopsikhologicheskii slovar'. M., 1999.

7. Naumenkov S.M. Sovremennye issledovaniya faktorov formirovaniya patriotizma lichnosti // Sotsial'naya pedagogika i psikhologiya. 2015. № 1. S. 233-241.
8. Narbut N.P., Trotsuk I.V. Tsennostnye orientatsii studencheskoi molodezhi v transformiruyushchemsya obshchestve // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sotsiologiya. 2008. № 4. C. 66-77.
9. Nizova L.M., Rybakova A.P. Patriotizm v studencheskoi srede // Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk. 2016. S. 70-74.
10. Nikulova G.A., Bobrova L.N. Studenty pereselilis' v internet: prisutstvie, predpochteniya, vliyanie / Obrazovatel'nye tekhnologii i obshchestvo. Kazan': Kazanskii natsional'nyi issledovatel'skii tekhnologicheskii universitet. 2016. T.19. №. 2. S. 645-661.
11. Nurekeeva A.B., Kudinova I.B., Gavrilushkin S.A. Klasternaya model' patriotichnosti studentov // Vestnik RUDN. Seriya: Pedagogika i psikhologiya. 2015. № 4. S. 27-33.
12. Potemkin A.V. Natsional'no-psikhologicheskie osobennosti proyavleniya patriotizma lichnosti: dis. … kand. psikhol. nauk: 19.00.01. – Tol'yat. gos. universitet, Tol'yatti, 2009. - 256 s.
13. Potemkin A.V. Novye metody diagnostiki patriotizma // Izvestiya VGPU: Sovremennye problemy vospitaniya: metodologiya, teoriya, praktika. 2008. S. 39-42.
14. Pedagogicheskii entsiklopedicheskii slovar' / Gl. red. B. M. Bim-Bad. – M. : Bol'shaya ros. entsikl. 2002.
15. Khoptyanaya V.S. Problema formirovaniya patrioticheskogo soznaniya i povedeniya molodezhi // Bulgakovskie chteniya. 2017. № 11. S. 189-194.
16. Shevchenko S.N. Formirovanie patrioticheskogo soznaniya studentov agrarnogo vuza v usloviyakh sovremennogo obshchestva // Azimut nauchnykh issledovanii: pedagogika i psikhologiya. 2017. T.6. №. 4(21). S. 254-258.
17. Shurukhina G.A., Zhdanova L.A. Psikhologicheskii analiz proyavleniya patriotichnosti u starshikh shkol'nikov // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Psikhologiya i pedagogika. 2015. № 3. C. 45-50.
18. Scott J., & Marshall G. A Dictionary of Sociology.: Oxford University Press, 2009. Retrieved from https://www.oxfordreference.com/view/10.1093/acref/9780199533008.001.0001/acref-9780199533008
19. Baumeister A. Patriotism // Encyclopedia Britannica, 10 Jul. 2017. Retrieved from https://www.britannica.com/topic/patriotism-sociology. Accessed 1 June 2023.
20. Hamada T., Shimizu M., Ebihara, T. Good patriotism, social consideration, environmental problem cognition, and pro-environmental attitudes and behaviors: a cross-sectional study of Chinese attitudes // SN Appl. Sci. 2021. № 3. Pp. 1-17.
21. Livi S., Leone L., Falgares G., Lombardo F. Values, ideological attitudes and patriotism // Personality and Individual Differences. 2014. Vol. 64. Pp. 141-146.
22. The Stanford Encyclopedia of Philosophy. Ed. By N. Edward. Retrieved from https://plato.stanford.edu/index.html
23. Rokeach M. The nature of human values. New York: Free Press, 1973.
24. Schatz R.T. A Review and Integration of Research on Blind and Constructive Patriotism / Handbook of Patriotism. Springer, Cham, 2018. Pp. 1-19.
25. Schatzki T.R. Symbolic patriotism / In The Oxford Handbook of Political ideologies. Oxford University Press. Oxford, UK, 2017. Pp. 326-333.

Features of the formation of patriotism in the course of teaching humanitarian academic disciplines of the Department of Psychology and Pedagogy of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Kipreev Sergei Nikolaevich

Postgraduate of the Department of Social and Humanitarian Disciplines of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

350005, Russia, Krasnodar Territory, Krasnodar, Korenovskaya str., 2/4, sq. 273

komissar.1917@mail.ru

Abstract. This author discusses the features of the research of the sense of patriotism among the cadets of the educational organization of the Ministry of Internal Affairs, conducted at the Department of Psychology and Pedagogy of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. The purpose of the study was to determine the effectiveness of the introduction of methods to supplement the content of academic disciplines in the educational process. For this purpose, the author conducted experimental work on the formation of a sense of patriotism among police cadets at the Department of Psychology and Pedagogy. The article describes the types of information elements directly introduced into the content of educational material or indirectly used during training sessions, reveals the specifics of their use for patriotic education.

The specifics of the education of patriotism in the course of teaching humanitarian academic disciplines are revealed. The description of promising areas of further research on the topic of education of patriotism is given, and recommendations for improving the system of patriotic education in a departmental university are proposed. The transformation of the content of humanitarian disciplines is described in order to form a sense of patriotism among cadets. The researcher gives the author's typology of the feeling of patriotism, actualizes the question of the need to improve the process of patriotic education in new information and political conditions. The paper managed to show the peculiarities of the formation of patriotism in educational practice, in the process of teaching academic disciplines of the humanities cycle at the Department of Psychology and Pedagogy in the educational system of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Keywords: education, scientific research, features of the formation of patriotism, humanitarian academic disciplines, components of a sense of patriotism, types of a sense of patriotism, patriotism, upbringing, a sense of patriotism, cadets

References (transliterated)

1. Vinogradov P. L. Razvitie pulevoi strel'by v Rossii kak effektivnogo patrioticheskogo i motivatsionnogo sredstva dlya obuchayushchikhsya. // V sbornike: Sovershenstvovanie metodiki prepodavaniya spetsial'nykh professional'nykh distsiplin v obrazovatel'nykh organizatsiyakh MVD Rossii. Materialy VIII Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Krasnodar, 2021. S. 37-42.
2. Glushko T. M. Traditsii patriotizma v prepodavanii gumanitarnykh nauk // Gumanitarnye aspekty vysshego professional'nogo obrazovaniya: sbornik nauchnykh trudov 3-i Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Makeevka, 28 fevralya 2018 goda / Otvetstvennyi za vypusk: Yakovenko N.B.. – Makeevka: Donbasskaya natsional'naya akademiya stroitel'stva i arkhitektury, 2018. – S. 307-309.
3. Gyurdzhyan G. A. Volevye kachestva lichnosti kak sub''ektnye kharakteristiki

spetsialista v sfere bezopasnosti zhiznedeyatel'nosti // Nauka i sovremennost'. – 2010. – № 4-1. – S. 285-288.

4. Ivanov E. N. Pedagogicheskie usloviya vospitaniya patriotizma u kursantov vuza sredstvami gumanitarnykh distsiplin. // Vestnik Tambovskogo universiteta. 2007. № S. 56-61.
5. Mazur M. A. Sushchnost' i osobennosti patrioticheskogo vospitaniya sotrudnikov organov vnutrennikh del v sovremennykh usloviyakh MOVD «Khanty-Mansiiskii» // Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk. – 2009. – № 7-2. – S. 131-133.
6. Mazur M. A. Sushchnost' i osobennosti patrioticheskogo vospitaniya sotrudnikov organov vnutrennikh del // Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena. – 2011. – № 129. – S. 203-208.
7. Sakharova L. G. Dukhovno-nravstvennoe vospitanie studencheskoi molodezhi kak emotsional'no-tsennostnyi fenomen / L. G. Sakharova, V. A. Sakharov, N. V. Ponomareva // Sotsial'no-gumanitarnaya podgotovka studentov meditsinskogo vuza: patrioticheskie i dukhovno-nravstvennye traditsii: sbornik nauchno-metodicheskikh trudov. – Kirov: Kirovskii gosudarstvennyi meditsinskii universitet, 2017. – S. 118-130.
8. Stepanova N. G. Rol' gumanitarnykh nauk v vospitanii grazhdanstvennosti i patriotizma studencheskoi molodezhi / N. G. Stepanova, N. A. Vasil'eva // Klimat, ekologiya, sel'skoe khozyaistvo Evrazii: Materialy VII mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Irkutsk, 24–26 maya 2018 goda. – Irkutsk: Irkutskii gosudarstvennyi agrarnyi universitet im. A.A. Ezhevskogo, 2018. – S. 270-276.
9. Tumasyan L. L. Prepodavanie fizicheskoi kul'tury i fizicheskogo vospitaniya v obrazovatel'nykh organizatsiyakh sistemy MVD Rossii kak uslovie razvitiya patrioticheskogo soznaniya obuchayushchikhsya. // Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Krasnodarskii universitet MVD Rossii. 2020. S. 242-244.
10. Chuikov O. E. Sushchnost' patriotizma v kontekste sotsial'no-gumanitarnykh nauk // Pokolenie budushchego: vzglyad molodykh uchenykh: sbornik nauchnykh statei 4-i mezhdunarodnoi molodezhnoi nauchnoi konferentsii: v 3 tomakh, Kursk, 10–11 noyabrya 2016 goda. – Kursk: Zakrytoe aktsionernoe obshchestvo «Universitetskaya kniga», 2016. – S. 116-119.

Features of the time perspective in youth, depending on the level of education received: the results of a comparative study

Shilova Natalia Petrovna

PhD in Psychology

Deputy Head of the Federal Supervision Service for Education and Science

129323, Russia, Moscow, Lazorevy Ave., 1

npshilova@outlook.com

Abstract. The article presents the results of a study on the role of the level of education received in shaping the time perspective of the future in adolescence. The object of the study is boys and girls from 15 to 23 years old. The subject of the study is the peculiarities of the time perspective in youth, related to the level of education received. The purpose of this research is to study the differences in the characteristics of the time perspective in adolescence, depending on the level of education received. And the hypothesis was the assumption that there are differences in the characteristics of the time perspective of boys

and girls related to the level of education received. The author examines in detail the aspect of the topic related to the differences in the time perspective of boys and girls depending on the level of education received. The study was conducted using the method of unfinished sentences of J.Nyutten. The main conclusions of the study were the following statements:
- the future of teenagers, boys and girls studying at school is focused on the time period "schooling", and for boys and girls studying at colleges this is the time of "vocational education after school";
- the future of university students is focused on the time period "professional autonomy, work", but this is not relevant for college students.
The author's scientific contribution to the study of the topic was to clarify the available data on the formation of a time perspective in youth. The novelty of the study lies in the fact that for the first time the features of the time perspective in youth associated with studying in educational institutions such as schools, institutions of secondary special education or universities have been identified.

Keywords: meaningful characteristics of the future, temporary characteristics of the future, level of education, secondary vocational education, higher education, school education, temporary perspective, boys and girls, adolescence, future

References (transliterated)

1. Bukharina, A.Yu., Tolstykh, N.N. Vremennaya perspektiva i vremennaya kompetentnost' kak faktory uchebnoi motivatsii [Elektronnyi resurs] // Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya. 2019. Tom 8. №2. S. 36–48. doi: 10.17759/jmfp.2019080204
2. Bekhter, A.A., Skoreva, A.N. Vzaimosvyaz' vremennoi perspektivy i proaktivnogo sovladayushchego povedeniya u budushchikh defektologov // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika. 2023. T. 29, № 2. S. 82–91. https://doi.org/10.34216/2073-1426-2023-29-2-82-91
3. Gridneva, D.A. Tolstykh, N.N. Vremennaya perspektiva sovremennykh starshikh podrostkov na puti ikh professional'nogo samoopredeleniya // Sotsial'naya psikhologiya: voprosy teorii i praktiki : materialy VII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. pamyati M.Yu. Kondrat'eva : Moskva, 12–13 maya 2022 g. / retsenzent E.N. Volkova. – M.: MGPPU, 2022. – S. 97–99.
4. Kurus', I.A., Soldatova, E.L. Napravlennost' i spetsifika vremennoi transspektivy v svyazi s intensivnost'yu krizisnykh perezhivanii v yunosheskom vozraste // Vektor nauki TGU. Seriya: Pedagogika, psikhologiya. 2020. № 2. S. 43-48. doi: 10.18323/2221-5662-2020-2-43-48
5. Molodye professionaly dlya novoi ekonomiki: srednee professional'noe obrazovanie v Rossii / F.F. Dudyrev, O.A. Romanova, A.I. Shabalin, I.V. Abankina; pod red. F. F. Dudyreva, I. D. Frumina. – M. : Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2019. – 272 c.
6. Nyutten, Zh. Motivatsiya, deistvie i perspektiva budushchego / pod red. D.A. Leont'eva. M.: Smysl, 2004. 608 s.
7. Olport, G. Stanovlenie lichnosti: izbr. tr. / pod obshch. red. D.A. Leont'eva. – M.: Smysl, 2002. – 462 s.
8. Osobennosti realizatsii programm srednego professional'nogo obrazovaniya v professional'nykh obrazovatel'nykh organizatsiyakh, raspolozhennykh v sel'skoi mestnosti: inform. byul. / F.F. Dudyrev, V.M. Malik, O.A. Romanova, E.S. Pavlenko. M.: NIU VShE, 2017. 36 s. (Monitoring ekonomiki obrazovaniya; T. 108, № 9)

9. Saporovskaya, M.V., Konzhin, S.I., Tikhomirova, E.V., Samokhvalova, A.G. Lichnostnye regulyatory postroeniya obraza budushchego na raznykh etapakh professionalizatsii // Teoreticheskaya i eksperimental'naya psikhologiya. 2023. № 4 (16). S. 122-143. https://doi.org/10.11621/TEP-23-31
10. Trubnikova, N.I., Trubnikov, V.E. Dinamika zhiznennoi perspektivy v studencheskom vozraste // Tsennostnye orientatsii molodezhi v usloviyakh modernizatsii sovremennogo obshchestva: sbornik nauchnykh trudov Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem. Pod redaktsiei G.Yu. Lizunovoi. 2019. S. 242–247.
11. Shilova, N.P. Osobennosti vremennoi transspektivy studentov srednego professional'nogo obrazovaniya: rezul'taty sravnitel'nogo issledovaniya // Vestnik MGPU. Seriya: Pedagogika i psikhologiya. – 2022. – T. 16, № 1. – S. 94–110. – DOI: 10.25688/2076-9121.2022.16.1.05.
12. Shilova, N.P. Postroenie polya sobstvennoi zhizni yunoshami i devushkami v zavisimosti ot urovnya poluchaemogo obrazovaniya // Pedagogika. – 2020. – № 4. – S. 76–81.
13. Shilova, N.P. Predstavleniya o zhiznennom puti v yunoshestve // Teoreticheskaya i eksperimental'naya psikhologiya. 2020. T. 13, № 3. S. 29–37.
14. Allemand, M., Hill, P. L., Ghaemmaghami, P., & Martin, M. (2012). Forgivingness and subjective well-being in adulthood: The moderating role of future time perspective. Journal of Research in Personality, 46, 32–39. https://doi.org/10.1016/j.jrp.2011.11.004
15. Arnett, J. J. Emerging adulthood: The winding road from the late teens through the twenties (2nd ed.). New York, NY: Oxford University Press. 2015. doi:10.1017/CBO9781107415324.004
16. Brothers, A., Gabrian, M., Wahl, W., & Diehl, M. Future time perspective and awareness of age-related change: Examining their role in predicting psychological well-being // Psychology and Aging, 2016. 31, 605–617. https://doi.org/10.1037/pag0000101
17. Cate, R. A., & John, O. P. Testing models of the structure and development of future time perspective: Maintaining a focus on opportunities in middle age // Psychology and Aging, 2007. 22, 186–201. https://doi.org/10.1037/0882-7974.22.1.186
18. Demiray, B., & Bluck, S. Time since birth and time left to live: Opposing forces in constructing psychological wellbeing // Ageing & Society, 2014. 34, 1193–1218. https://doi.org/10.1017/S0144686X13000032
19. Brianza, E. & Demiray, B. Future Time Perspective and Utterances GeroPsych, 2019. 32(4), 161–173. https://doi.org/10.1024/1662-9647/a000216
20. Fonseca, G., da Silva, J. T., Paixa, M.P., Cunha, D., Crespo, C., Relvas, A.P. Emerging Adults Thinking About Their Future: Development of the Portuguese Version of the Hopes and Fears // Questionnaire Emerging Adulthood, 2019. Vol. 7(6) 444-450. DOI: 10.1177/2167696818778136 journals.sagepub.com/home/eax
21. Kooij, D., Kanfer, R., Betts, M., & Rudolph, C. W. Future time perspective: A systematic review and meta-analysis // Journal of Applied Psychology, 2018. 103, 867–893. https://doi.org/10.1037/apl0000306
22. Nurmi, J.-E., & Salmela-Aro, K. Goal construction, reconstruction and depressive symptoms in a life-span context: The transition from school to work // Journal of Personality, 2002. 70, 385–420. doi:10.1111/1467-6494.05009
23. Recinos, A.E. Time Perspective as Mediator of the Relationship Between Parenting and

Academic Success Among Emerging Adults [Elektronnyi resurs]: a thesis submitted to the fac. of San Francisco State Univ. in partial fulfillment of the requirements for the degree : master of arts in psychology : developmental psychology, 2022. San Francisco. 42 p. URL: https://scholarworks.calstate.edu/downloads/nv935892z (data obrashcheniya: 21.01.2023).

Attitude to the child's illness and parental burnout of women raising children with autism spectrum disorders

Kuzmina Anna Sergeevna

PhD in Psychology

Associate Professor, Department of Clinical Psychology, Altai State University

656049, Russia, Altai Krai, Barnaul, Lenin str., 61, office 302

annakuz87@yandex.ru

Krivoshei Kristina Olegovna

Postgraduate Student, Department of Clinical Psychology, Altai State University

656000, Russia, Altai Territory, Barnaul, Lenin str., 61, office 302

03fomina@mail.ru

Abstract. The subject of the study is the parental burnout of women raising children with autism spectrum disorders. Special attention is paid to the type of attitude to the mother's child's illness and her emotional burnout. The aim of the study is to identify the relationship of parental burnout with the type of attitude to the child and his illness in women raising children with autism spectrum disorders.

Theoretical analysis of scientific research on the problem of emotional burnout of parents raising children with autism spectrum disorder allows us to conclude that each family faces huge problems of a different nature, which leads to chronic stress, flowing into emotional burnout. Different types of attitudes to the disease can aggravate this condition. The main conclusions of the study are presented in the provisions. Parental burnout of women raising children with autism spectrum disorders is determined by the peculiarities of emotional relationships with the child. Data were obtained on different relationships between the symptoms of parental burnout and the type of relationship with a child of different ages. Emotional exhaustion, depersonalization, reduction of parental achievements are interrelated with the peculiarities of contact with the child, the inability to understand the child, feelings arising in interaction with the child, the inability to provide emotional support to the child. The type of attitude to the child's illness is determined by the peculiarities of the emotional relationship between mother and child. Thus, the predictors of the types of attitude to the child's illness are the feelings that arise in the mother's relationship with the child, a negative attitude towards herself as a mother, unconditional child, restrictions on activity and physical contact.

Keywords: emotional relationships, child's illness, kid, family, emotional exhaustion, parental burnout, nosognosia, anxiety, autism spectrum disorders, autism

References (transliterated)

1. Semenova L.E., Bozhkova E.D., Koneva I.A. Lichnostnye resursy psikhologicheskogo

blagopoluchiya materei, vospityvayushchikh detei s ogranichennymi vozmozhnostyami zdorov'ya i invalidnost'yu // Vestnik Mininskogo universiteta. 2022 . T. 10. № 1. 87–94.

2. Kiseleva O.V. Rol' semeinykh faktorov v razvitii detei s nervno-psikhicheskimi rasstroistvami i rasstroistvami autisticheskogo spektra // Voprosy psikhicheskogo zdorov'ya detei i podrostkov. 2020. T. 20. № 1. S. 100–111.
3. Efimova I.E. Rezul'taty issledovaniya chuvstva viny u roditelei detei s ogranichennymi vozmozhnostyami zdorov'ya // Sovremennye nauchnye issledovaniya i razrabotki. 2018. № 6 (23). S. 254–257.
4. Efimova I.E. Rezul'taty issledovaniya chuvstva viny u roditelei detei s ogranichennymi vozmozhnostyami zdorov'ya // Sovremennye nauchnye issledovaniya i razrabotki. 2018. № 6 (23). S. 254–257.
5. Fadeeva T. Yu. Psikhologicheskie faktory roditel'skogo vygoraniya ottsov i materei // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Akmeologiya obrazovaniya. Psikhologiya razvitiya. 2021. T. 10. Vyp. 4 (40). S. 334–343. https://doi.org/10.18500/2304-9790-2021-10-4-334-343
6. Balandova S.M. Issledovanie roditel'skogo vygoraniya v zarubezhnoi nauke i praktike // Sotsial'naya rabota v sovremennom mire: tendentsii i perspektivy razvitiya: sb. mater. III Mezhdunarodnoi nauchno-praktich. konf. otv. red. N.M. Komarova, T.F. Suslova. M.: MGOU, 2020. S. 13–23.
7. Bazaleva L.A. Vozmozhnosti issledovaniya emotsional'nogo vygoraniya u materei v psikhologii lichnosti // Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. 2010. №1. S. 168–176.
8. Shumskaya N. A. Kulikova E. G. Zashchitnye mekhanizmy materei, vospityvayushchikh detei s tyazhelymi mnozhestvennymi narusheniyami razvitiya // Defektologiya. 2021. № 1. S. 58–66.
9. Vodop'yanova N. E., Starchenkova E.S. Sindrom vygoraniya. Diagnostika i profilaktika: prakticheskoe posobie. 3-e izd., ispr. i dop. Moskva: Izdatel'stvo Yurait, 2023. 299 s.
10. Konishcheva A.V. Podkhody k issledovaniyu roditel'skogo otnosheniya v rossiiskoi psikhologii // Psikhologiya i pravo. 2022. T. 12. № 3. S. 88–96.
11. Bragina E.A., Belozerova L.A., Prokof'eva M.V. Otnoshenie k rebenku i semeinoi roli materei detei s rasstroistvami autisticheskogo spektra i detei s narusheniyami rechi // Vektor nauki TGU. Seriya: Pedagogika, psikhologiya. 2021. № 2. S. 39–45.
12. Pervushina O.N., Kiseleva O.V., Murashova T.A., Dorosheva E.A., Emotsional'noe sostoyanie roditelei detei s rasstroistvami autisticheskogo spektra (RAS) // Voprosy psikhicheskogo zdorov'ya detei i podrostkov: Nauchno-prakticheskii retsenziruemyi zhurnal psikhiatrii, psikhologii, psikhoterapii i smezhnykh distsiplin. 2021 (21). № 1. S. 14–23.
13. Bogacheva O.I., Ivanov M.V. Osobennosti materinskogo otnosheniya k bolezni detei s rasstroistvami autisticheskogo spektra // Voprosy psikhicheskogo zdorov'ya detei i podrostkov. 2019. № 3 (19). S. 21–28.
14. Krasnoshchekova I.V., Kovshova O.S. Psikhologicheskie kharakteristiki lichnosti materi, vospityvayushchei rebenka s psikhicheskim dizontogenezom // Nevrologicheskii vestnik. 2019. T.LI (3). S. 36–42.
15. Vlasova D. E., Kozlova N. V. Faktory, sposobstvuyushchie sokhraneniyu sotsial'no-psikhologicheskogo zdorov'ya roditelei, vospityvayushchikh detei s osobennostyami razvitiya // Voprosy psikhicheskogo zdorov'ya detei i podrostkov. 2019. T. 19. № 1. S. 20–27.
16. Pustovaya A.V., Pustovaya E.N., Gutkevich E.V. Vzaimosvyazi vedushchikh ustanovok

otnosheniya roditelei k bolezni, povedencheskim osobennostyam i sotsial'nym navykam detei s autizmom // Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya. 2021. T. 10. № 2A. S. 83–94.

17. Koneva I.A., Krasnova E.N. Osobennosti detsko-roditel'skikh otnoshenii v sem'yakh, vospityvayushchikh detei s rasstroistvami autisticheskogo spektra, i ikh korrektsiya // Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. 2019. № 63-4. S. 113–116.
18. Mikolajczak M., Roskam I. A. Theoretical and Clinical Framework for Parental Burnout: The Balance Between Risks and Resources (BR2). Front Psychol. 2018 Jun 12;9:886. doi:10.3389/fpsyg.2018.00886. PMID: 29946278; PMCID: PMC6006266.
19. Odintsova M.A., Lubovskii D.V., Gusarova E.S., Ivanova P.A. Zhiznestoikost', samoaktivatsiya i koping-strategii materei v usloviyakh invalidnosti rebenka kak vyzova // Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya. 2023. T. 31. № 1. S. 79–106.
20. Aleksandrova O.V., Dermanova I.B. Otnoshenie vzroslykh rodstvennikov k tyazhelobol'nomu rebenku i otsenka imi trudnoi zhiznennoi situatsii v svyazi s kharakterom ego zabolevaniya // Psikhologiya cheloveka v obrazovanii. 2019 T. 1. № 1. S. 82–90.
21. Khanina M.A. Psikhologo-pedagogicheskaya podderzhka sem'i rebenka s ogranichennymi vozmozhnostyami zdorov'ya // Nauchen vektor na Balkanite. 2019. T. 3. № 1(3). S. 28-31.

Features of oculomotor activity (eye movement) in patients with schizophrenia in recognizing essential signs using the example of the "Exclusion of the 4th superfluous" technique

Isaeva Elena Rudol'fovna

Doctor of Psychology

Professor, Head of the Department of General and Clinical Psychology, FSBEI HE I.P. Pavlov SPbSMU MOH Russia

197022, Russia, Saint Petersburg, L.Tolstogo str., 6-8

isajeva@yandex.ru

Mukhitova Yuliana Vladimirovna

PhD in Psychology

Associate Professor, Department of General and Clinical Psychology, First St. Petersburg State Medical University named after Academician I.P. Pavlov

197022, Russia, Saint Petersburg, 6/8 Lva Tolstogo str.

che88@mail.ru

Dmitriev Pavel Ivanovich

PhD in Technical Science

Head of Department of video Analytics of LLC "NPP Videomix",

197342, Russia, Saint Petersburg, trans. Krasnogvardeisky, 15 liter p, office of NPP Videomix LLC

dmitriev@prointech.ru

Abstract. The research is devoted to the study of the specifics of oculomotor activity of patients with schizophrenia when solving the cognitive task of searching for common (similar) signs in 4 stimulus images and, on this basis, the exclusion of 1 superfluous object on the cards of the "Exclusion of the 4th superfluous" technique. Oculomotor activity is a reliable

biomarker of both conscious and unconscious cognitive processes, and eye movement patterns serve as a quantitative (objective) characteristic of the process of perception, attention and thinking in real time. When solving cognitive tasks, the subject of study was the mental processes of patients with schizophrenia: comparison, classification, generalization, abstraction, which were revealed in the responses of patients in the "Exclusion of the fourth superfluous" technique. The respondents' answers were analyzed depending on the level of generalization: by categorical and functional criteria, by specific situational criteria, and latent criteria. To assess the characteristics of oculomotor activity, the AI tracker method was used using a hardware and software complex for contactless registration of human oculomotor activity. To assess the characteristics of mental activity, the "Exclusion of the fourth superfluous" technique was used. Patients with schizophrenia demonstrate difficulties in the recognition process, there is an emphasis on individual parts of the image, as well as: chaotic movements of the gaze between objects and their details. This indicates the need for a longer time period for image recognition, as well as difficulties in analyzing and identifying common essential features of objects (images), as a result of which schizophrenia patients carry out mental generalization operations based on a variety of, more often insignificant and latent signs, which is reflected in making the "wrong" decision. The study of eye movement during the solution of such mental tasks has shown that the characteristics of the gaze during the search for common features reflect the mental acts of comparison and generalization of essential features and can provide objective information about the difficulties and violations of the produced. As a result of the study, it was concluded that the features of oculomotor activity in patients with schizophrenia are closely related to disorders of cognitive processing of visual information at early levels of the thought process. Eye movements in solving cognitive tasks accompany the mental process of searching and selecting significant features from the general background of diverse visual information and reflect the difficulties of its selection.

Keywords: latent signs, selectivity of thinking, the selectivity of perception, visual fixations, cognitive functions, oculomotor activity, visual perception, the eytracker, mind, schizophrenia

References (transliterated)

1. Abramov V.A., Putyatin G.G., Abramov A.V. Psikhicheskii defekt pri shizofrenii i problema gospitalizma // Psikhiatriya i meditsinskaya psikhologiya. № 1 (18), 2008. S. 101-116.
2. Anan'eva K. I., Barabanshchikov V. A., Kharitonov A. N. Eksperiment v psikhofizike i psikhologii vospriyatiya. M: Institut psikhologii RAN, 2010. 165 s.
3. Barabanshchikov V. A., Zhegallo A. V. Aitreking. Metody registratsii dvizhenii glaz v psikhologicheskikh issledovaniyakh i praktike. M.: Kogito-Tsentr, 2014. 128 s.
4. Barabanshchikov V. A. Okulomotornye struktury vospriyatiya. M: Institut psikhologii RAN, 1997. 384 s.
5. Bleikher V.M., Kruk I.V., Bokov S.N. Klinicheskaya patopsikhologiya: rukovodstvo dlya vrachei i klinicheskikh psikhologov. M: Moskovskii psikhologo-sotsial'nyi institut, 2009. 624 s.
6. Butenko V. V. Analiz metodov i sistem registratsii okulomotornoi aktivnosti // Tekhnicheskie nauki: problemy i perspektivy: materialy IV Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. SPb.: Svoe izdatel'stvo, 2016. S. 1-6.
7. Vladimirov A. D. Metody issledovaniya dvizhenii glaz. M.: MGU, 1972. 99 s.
8. Gor'kovaya I.A. Osnovnye napravleniya issledovanii v patopsikhologii /Izvestiya

Rossiiskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo universiteta im. A.I.Gertsena, № 139, Spb: RGPU im. A.I.Gertsena, 2011, s. 21-26.

9. Gurovich I.Ya., Shmukler A.B., Magomedova M.V. Sootnoshenie neirokognitivnogo defitsita i sotsial'nogo funktsionirovaniya u bol'nykh shizofreniei i shizoaffektivnymi rasstroistvami na razlichnykh etapakh zabolevaniya // Sotsial'naya i klinicheskaya psikhiatriya. №4, 2001, s. 31-35.
10. Zeigarnik B.F. Patopsikhologiya. 3-e izd. M: Akademiya, 2005. 208 s.
11. Zotov M.V. Kognitivnye narusheniya i vozmozhnosti ikh kompensatsii u bol'nykh shizofreniei s razlichnoi stepen'yu vyrazhennosti defekta // Diss. kand.psikh.nauk. Spb, 1999. 182 s.
12. Ivanov M.V., Neznanov N.G. Negativnye i kognitivnye rasstroistva pri endogennykh psikhozakh: diagnostika, klinika, terapiya. Spb: Izd.NIPNI im.V.M.Bekhtereva, 2008. 288 s.
13. Isaeva E.R., Lebedeva G.G. Sravnitel'nyi analiz otechestvennogo i zarubezhnogo podkhodov k izucheniyu kognitivnykh protsessov u patsientov s shizofreniei/ Diagnostika v meditsinskoi (klinicheskoi psikhologii): sovremennoe sostoyanie i perspektivy. Nauchnoe izdanie. Kollektivnaya monografiya, pod red. N.V.Zverevoi, I.F.Roshchinoi. M.: OOO «Sam Poligrafist». 2016. S. 65-81.
14. Zeigarnik B. V. Patologiya myshleniya. M.: MGU, 2005. 380 s.
15. Isaeva, E. R., Tregubenko, I. A., Mukhitova, Yu. V., Shoshina, I. I. Funktsional'noe sostoyanie magno- i parvotsellyulyarnykh neironnykh sistem i kognitivnye narusheniya pri shizofrenii na raznykh etapakh zabolevaniya. Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal, 18(1), 74-90. 2021. DOI: https://doi.org/10.21702/rpj.2021.1.6
16. Isaeva E.R., Tregubenko I.A. , Mukhitova Yu.V., Shoshina I.I Kontrastnaya chuvstvitel'nost' zritel'noi sistemy i kognitivnye funktsii pri shizofrenii i depressii / Fiziologiya cheloveka, 2021. T. 47, № 5. S. 1-13.
17. Kabanov M. M. Reabilitatsiya psikhicheski bol'nykh. M.: Meditsina, 1985. 216 s.
18. Kritskaya V.P., Meleshko T.K. Patopsikhologiya shizofrenii. M: «Institut psikhologii RAN». 2015. 389 s.
19. Kritskaya V. P., Meleshko T. K., Polyakov Yu. F. Patologiya psikhicheskoi deyatel'nosti pri shizofrenii. Motivatsiya, obshchenie, poznanie. M.: MGU, 1991. 256 s.
20. Litvintsev S.V., Ershov B.B., Kolchev A.I., Kolchev S.A. Neiropsikhologiya kognitivnogo defekta i kognitivnykh rasstroistv u bol'nykh shizofreniei pozdnego vozrasta / S. V. Litvintsev, B. B. Ershov, A. I. Kolchev, S. A. Kolchev / Klinicheskaya psikhologiya: Itogi. Problemy. Perspektivy. Sb. materialov Vserossiiskoi nauchno- prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem (27-28 aprelya 2010 g.). – SPb, 2010. – S. 151-156.
21. Mukhitova Yu.V., Isaeva E.R., Tregubenko I.A., Shoshina I.I., Khan'ko A.V., Limankin O.V. Osobennosti vzaimodeistviya kognitivnykh funktsii s rabotoi magnotsellyulyarnoi i parvotsellyulyarnoi neironnykh sistem u bol'nykh shizofreniei i bol'nykh s endogennoi depressiei// Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya 2021. Tom 10. № 4. S. 93-117. DOI: 10.17759/cpse.2021100405
22. Plotnikov V. V., Plotnikov D. V. Poznavatel'naya deyatel'nost' pri razlichnykh tipakh techeniya shizofrenii // Sotsial'naya i klinicheskaya psikhiatriya. 2018. T. 28. № 1. S. 22-28.
23. Polyakov Yu.F. Patologiya poznavatel'nykh protsessov / Shizofreniya: mul'tidistsiplinarnoe issledovanie, pod red. Snezhnevskogo A.V., M: Meditsina, 1972. 399 s.
24. Rubinshtein S.Ya. Eksperimental'nye metody patopsikhologii i opyt primeneniya ikh v

klinike. Prakticheskoe rukovodstvo. M: Aprel' – Press, 2004.

25. Sarkisyan G.R., Gurovich I.Ya, Kif R.S. Normativnye dannye dlya rossiiskoi populyatsii i standartizatsiya shkaly ≪Kratkaya otsenka kognitivnykh funktsii u patsientov s shizofreniei≫ (BACS) // Sotsial'naya i klinicheskaya psikhiatriya. Tom 20 Vypusk 3 Moskva 2010 S. 13-19.
26. Skripka E. Yu. Issledovaniya narushenii poznavatel'nykh protsessov pri shizofrenii v klinicheskoi psikhologii // Molodoi uchenyi. 2011. T. 2. № 11 (34). S. 107-110.
27. Tkachenko A. A., Demidova L. Yu., Babicheva N. V. Okulomotornaya aktivnost' kak pokazatel' narusheniya vospriyatiya i programmirovaniya u lits s shizotipicheskim rasstroistvom // Zhurnal nevrologii i psikhiatrii im. S.S. Korsakova. 2018. № 118(6). S. 50-57.
28. Yarbus A. L. Rol' dvizhenii glaz v protsesse zreniya. M.: Nauka, 1965. 167 s.
29. Almubark, I., Chang, L.-C., Shattuck, K. F., Nguyen, T., Turner, R. S., and Jiang, X. (2020). A 5-min Cognitive Task With Deep Learning Accurately Detects Early Alzheimer's Disease. Front. Aging Neurosci. 12:603179. doi: 10.3389/fnagi.2020.603179
30. Beedie S. A., Benson P. J., Giegling I. Smooth pursuit and visual scanpaths: Independence of two candidate oculomotor risk markers for schizophrenia // World J. Biol. Psychiatry. 2012. Vol. 13. P. 200-210.
31. Beedie, S. A., St.Clair, D. M., and Benson, P. J. (2011). Atypical scanpaths in schizophrenia: evidence of a trait- or state-dependent phenomenon? J. Psychiatry Neurosci. 36, 150-164. doi: 10.1503/jpn.090169
32. Bell, L., Vogt, J., Willemse, C., Routledge, T., Butler, L. T., and Sakaki, M. (2018). Beyond self-report: a review of physiological and neuroscientific methods to investigate consumer behavior. Front. Psychol. 9:1655. doi: 10.3389/fpsyg.2018.01655
33. Bryson G. B. Initial and final work performance in schizophrenia. Cognitive and symptoms predictions // J. Nerv. Ment. Dis. 2001. Vol. 191. P. 87-92.
34. Connors, B. L., Rende, R., and Colton, T. J. (2016). Beyond self-report: emerging methods for capturing individual differences in decision-making process. Front. Psychol. 7:1-5. doi: 10.3389/fpsyg.2016.00312
35. Daglas, R., Yücel, M., Cotton, S., Allott, K., Hetrick, S., and Berk, M. (2015). Cognitive impairment in first-episode mania: a systematic review of the evidence in the acute and remission phases of the illness. Int. J. Bipolar Disord. 3:9. doi: 10.1186/s40345-015-0024-2
36. Fujioka, T., Inohara, K., Okamoto, Y., Masuya, Y., Ishitobi, M., Saito, D. N., et al. (2016). Gazefinder as a clinical supplementary tool for discriminating between autism spectrum disorder and typical development in male adolescents and adults. Mol. Autism. 7:19. doi: 10.1186/s13229-016-0083-y
37. Global visual scanning abnormalities in schizophrenia and bipolar disorder / Bestelmeyer P. E. G., Tatler B. W., Phillips L. H., Fraser G., Benson P. J., Clair St. // Schizophrenia Research. 2006. Vol. 87. P. 212-222.
38. Green M.F. Neurocognitive deficits and functional outcome in schizophrenia / M. F. Green, R. S. Kern, D. L. Braff, J. Mintz // Schizophrenia Bull, 2000. Vol. 26. P. 119-136.
39. Kim C. K., Kim S. H., Choe B. M. Symptoms and cognitive function in chronic schizophrenia: 6 Months Follow-up Study // Sleep Medicine and Psychophysiology. 2004. Vol. 11. R. 44-49.
40. Kim, J., Park, S., and Blake, R. (2011). Perception of Biological Motion in Schizophrenia

and Healthy Individuals: a Behavioral and Fmri Study. PLoS One 6:e19971. doi: 10.1371/journal.pone.0019971

41. Lee K. H, Williams L. M. Eye movement dysfunction as a biological marker of risk for schizophrenia // The Australian and New Zealand journal of psychiatry. 2000. Vol. 34. R. 91-100.
42. Li, J., Zhong, Y., Han, J., Ouyang, G., Li, X., and Liu, H. (2020b). Classifying ASD children with LSTM based on raw videos. Neurocomputing 390, 226–238. doi: 10.1016/j.neucom.2019.05.106
43. Minassian A., Granholm E., Verney S. Visual scanning deficits in schizophrenia and their relationship to executive functioning impairment // Schizophr. Res. 2005. Vol. 74. P. 69-79.
44. Morita K., Miura K., Fujimoto M. Eye movement as a biomarker of schizophrenia: Using an integrated eye movement score // Psychiatr. Clin. Neurosci. 2017. Vol. 71. P. 104-114.
45. Neurocognitive function in schizophrenia at a 10 Year Follow-up. A prelminlaty investigation / M. M. Kutz, I. C. Selter, I. K. Ferrnand et al. // CNS Spectr, 2005. Vol. 10. P. 277-280.
46. Nuechterlein K. H., Dawson M. E., Green, M. F. Information-processing abnormalities as neuropsychological vulnerability indicators for schizophrenia // Acta Psychiatrica Scandinavica. 2006. Vol. 384. P. 71-79.
47. Nyoni, T., and Bonga, W. G. (2017). Neuromarketing: no brain. No Gain! J. Econ. Financ. 2, 17-29.
48. Pop, N., Al, Dabija, D. C., and Iorga, A. M. (2014). Ethical responsibility of neuromarketing companies in harnessing the market research - A global exploratory approach. Amfiteatru Econ. 16, 26-40.
49. Rutkowski, T. M., Abe, M. S., Koculak, M., and Otake-Matsuura, M. (2020). "Classifying Mild Cognitive Impairment from Behavioral Responses in Emotional Arousal and Valence Evaluation Task - AI Approach for Early Dementia Biomarker in Aging Societies - AI A," in Proceedings of the Annual International Conference of the IEEE Engineering in Medicine and Biology Society, EMBS. (United States: Institute of Electrical and Electronics Engineers Inc). doi: 10.1109/EMBC44109.2020.917580
50. Scholl, J., and Klein-Flügge, M. (2018). Understanding psychiatric disorder by capturing ecologically relevant features of learning and decision-making. Behav. Brain Res. 355, 56-75. doi: 10.1016/j.bbr.2017.09.050
51. Shiino, T., Miura, K., Fujimoto, M., Kudo, N., Yamamori, H., Yasuda, Y., et al. (2020). Comparison of eye movements in schizophrenia and autism spectrum disorder. Neuropsychopharmacol. Rep. 40, 92-95. doi: 10.1002/npr2.v40.1
52. Sereno, A. B., Holzman, P. S. Express Saccades and Smooth Pursuit Eye Movement Function in Schizophrenic, Affective Disorder, and Normal Subjects // Journal of Cognitive Neuroscience. 1993. Vol. 5. R. 303-316.
53. Social cognition and neurocognition as independent domains in psychosis / S. Van Hooren [et al.] // Schizophr. Res. 2008. Vol. 103. P. 257-265.
54. Thakkar K. N., Diwadkar V. A., Rolfs M. Oculomotor prediction: A window into the psychotic mind // Trends Cog. Sci. 2017. Vol. 21. P. 344-356.
55. Türkan, B. N., Amado, S., Ercan, E. S., and Perçinel, I. (2016). Comparison of change detection performance and visual search patterns among children with/without ADHD: evidence from eye movements. Res. Dev. Disabil. 4, 205-215. doi: 10.1016/j.ridd.2015.12.002

56. Velligan D. I. Executive function in schizophrenia / D.I. Velligan, C.C. Bow-Thomas // Sem Clin Neuropsychiatry, 1999. Vol. 4. P. 24-33.
57. Wass, S.V., Smith, T.J. & Johnson, M.H. Parsing eye-tracking data of variable quality to provide accurate fixation duration estimates in infants and adults. Behav Res 45, 229-250 (2013). doi:10.3758/s13428-012-0245-6
58. Wolf, A., Ueda, K., and Hirano, Y. (2021). Recent updates of eye movement abnormalities in patients with schizophrenia: a scoping review. Psychiatry Clin. Neurosci. 75, 82-100. doi: 10.1111/pcn.13188
59. Yahata, N., Kasai, K., and Kawato, M. (2017). Computational neuroscience approach to biomarkers and treatments for mental disorders. Psychiatry Clin. Neurosci. 71, 215-237. doi: 10.1111/pcn.12502
60. Zaltman, G. (2003). How Customers Think: essential Insights into the Mind of the Market, 1st Edn. United States: Harvard Business School Press.

Video game as a research tool. Video games expert assessments

Ponomareva Ekaterina

Postgraduate student, Department of Legal Psychology and Law, Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education

127051, Russia, Moscow region, Moscow, Sretenka str., 29

esp_st@mail.ru

Abstract. The contradictive results presence and the simplified vision of the research object are considered as an actual problem for psychological studies exploring video games use specificity. According to the author's viewpoint, the psychological aspect of the activity realized in video games tends to be missed. This is true additionally for the ludic nature of the mentioned activity that imposes specificity on the gameplay and the user's perception of it. The aim of the article is to describe the possible criteria elaboration algorithm to search a video game allowing effective gameplay observation, and to select subsequently the suitable for these criteria platform. Attention is paid to play activity specificity. This means the necessity to consider the individual peculiarities of gameplay realization as play activity outer side and to take into account the video games structure specifics in the framework of gameplay observation. The description of a possible algorithm of the video game selection criteria elaboration is presented. The criteria are implied to allow the performance of the effective gameplay observation. The article describes the study with expert assessment method use. It was participated by the game design specialists (total final number is 15 respondents). The criteria for a video game selection suitable for the purpose of the research achievement were determined. The computer game «Minecraft» was selected. It is supposed to be used as a platform for observation of the future research participants' gameplay realization. The features of the computer game «Minecraft» will allow the game space flexible configuration to observe the respondents effectively and to correspond the received data with respondents' play activity specifics. The results obtained in the future will be useful for the video game expertise methodics development and for effective psychodiagnostic, psychocorrective and developmental programs elaboration as well as useful for the deviant behaviour prevention.

Keywords: deviant video games use, game designers, video game expert assessment, expert assessment method, video game selection criteria, video game structure, gameplay, play

activity, computer games, video games psychological studies

References (transliterated)

1. Ponomareva E.S. Igrovaya deyatel'nost' v videoigrakh i agressiya // Kochenovskie chteniya–2022. Psikhologiya i pravo v sovremennoi Rossii: sbornik tezisov uchastnikov: Vserossiiskaya onlain-konferentsiya po yuridicheskoi psikhologii s mezhdunarodnym uchastiem: Moskva 2022 noyabr' 09-11. M.: MGPPU, 2022. S. 203–204.
2. Arshinov V.I., Budanov V.G. Setevye informatsionnye revolyutsii i bol'shoi antropologicheskii perekhod: evolyutsionnyi aspekt // Slozhnost'. Razum. Postneklassika. 2020. № 4. S. 40–51. DOI: 10.12737/2306-174X-2021-46-56.
3. Rakitov A.I. Informatsiya, nauka, tekhnologiya v global'nykh istoricheskikh izmeneniyakh. M.: Direkt-Media, 2014. 105 s. DOI: 10.23681/230128.
4. Digital Around the World [Elektronnyi resurs] // DataReportal – Global Digital Insights. 2023. URL: https://datareportal.com/global-digital-overview (data obrashcheniya: 04.03.2024).
5. Gilbert N. Number of Gamers Worldwide 2022/2023: Demographics, Statistics, and Predictions [Elektronnyi resurs] // FinancesOnline: rewiews for business. 2023. URL: https://financesonline.com/number-of-gamers-worldwide/ (data obrashcheniya: 15.10.2023).
6. Schell J. The Art of Game Design: A Book of Lenses. Burlington: Elsevier, 2008. 512 p.
7. Sokolov E.S. Igry, kotorye nas ubivayut: videoigry i nasilie v diskurse rossiiskoi pechatnoi pressy // Sotsiologiya vlasti. 2020. Tom 32. № 3. S. 165–188. DOI:10.22394/2074-0492-2020-3-165-188.
8. Vliyayut li igry na agressivnoe povedenie? Est' tseloe issledovanie [Elektronnyi resurs] // Kiber. 2018. URL: https://cyber.sports.ru/tribuna/blogs/metahumans/2215754.html (data obrashcheniya: 04.03.2024).
9. Latsinskaya M. Kak videoigry vliyayut na uroven' nasiliya na samom dele [Elektronnyi resurs] // RBK Trendy. 2023. URL: https://trends.rbc.ru/trends/social/60c24c329a7947f3b2223dc1 (data obrashcheniya: 04.03.2024).
10. Ponomareva E.S. Videoigry i agressiya: obzor zarubezhnykh issledovanii // Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 14. Psikhologiya. 2022. № 3. S. 169–199. DOI:10.11621/vsp.2022.03.09.
11. Allen J.J., Anderson C.A., Bushman B.J. The General Aggression Model // Current Opinion in Psychology. 2018. Vol. 19. P. 75–80. DOI: 10.1016/j.copsyc.2017.03.034.
12. Kersten R., Greitemeyer T. Why do habitual violent video game players believe in the cathartic effects of violent video games? A misinterpretation of mood improvement as a reduction in aggressive feelings // Aggressive Behavior, 2021. Vol. 48. No. 2. P. 219–231. DOI: 10.1002/ab.22005.
13. Video games, frustration, violence, and virtual reality: Two studies / Ferguson C.J. et al. // British journal of social psychology. 2021. Vol. 61. No. 1. P. 83–99. DOI: 10.1111/bjso.12471.
14. Kravtsova E.E., Maksimov A.A. Chemu meshaet i chemu pomogaet igra // Obrazovatel'naya politika. 2014. № 4(66). S. 31–43.
15. Leont'ev A.N. Psikhologicheskie osnovy doshkol'noi igry // Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie. 1996. Tom 1. № 3. S. 19–31.
16. Rubinshtein S.L. Osnovy obshchei psikhologii. SPb: Piter, 2000. 720 s.

17. Hunicke R., LeBlanc M., Zubek R. MDA: A Formal Approach to Game Design and Game Research // AAAI Workshop – Technical Report. 2004. WS-04-04. P. 1–5.
18. Kravtsov G.G., Kravtsova E.E. Psikhologiya igry: kul'turno-istoricheskii podkhod. M.: Lev'', 2017. 338 s.
19. Sotsial'naya psikhologiya: praktikum: uchebnoe posobie dlya studentov vuzov / Pod red. T.V. Folomeevoi. M.: Aspekt Press, 2006. 480 s.
20. Beshelev S.D., Gurvich F.G. Matematiko-statisticheskie metody ekspertnykh otsenok. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Statistika, 1980. 263 s.
21. Mendel' A.V. Modeli prinyatiya reshenii: uchebnoe posobie. M.: Yuniti-Dana, 2017. 464 s.
22. Sekretarev Yu.A., Panova Ya.V. Vybor i prinyatie reshenii v elektroenergetike: uchebnoe posobie. Novosibirsk: Novosibirskii gosudarstvennyi tekhnicheskii universitet, 2018. 95 s.
23. Gezeuei D. Vvedenie v dizain igrovykh sistem: poshagovoe rukovodstvo po sozdaniyu sbalansirovannykh igr. M.: Eksmo, 2023. 448 s.
24. Obrazovatel'nyi standart bakalavriata (s 2020 goda nabora) [Elektronnyi resurs] // Natsional'nyi issledovatel'skii universitet «Vysshaya shkola ekonomiki». URL: https://standart.hse.ru/educational_standards/00000000173 (data obrashcheniya: 04.03.2024).
25. Obrazovatel'nyi standart vysshego obrazovaniya federal'nogo gosudarstvennogo avtonomnogo obrazovatel'nogo uchrezhdeniya vysshego obrazovaniya «Natsional'nyi issledovatel'skii universitet «Vysshaya shkola ekonomiki». Uroven' vysshego obrazovaniya: Magistratura. Napravlenie podgotovki: 54.04.01 Dizain. Kvalifikatsiya: Magistr. M.: Natsional'nyi issledovatel'skii universitet «Vysshaya shkola ekonomiki», 2019. 20 s.
26. Ryazantsev V.I., Morozov A.V. Metodika provedeniya soglasovaniya ekspertnykh otsenok poluchennykh putem individual'nogo anketirovaniya metodom analiza ierarkhii // Inzhenernyi vestnik. 2014. № 12. S. 1–9.
27. Chistyakov, V.A. Analiz metodov ranzhirovaniya v psikhologo-pedagogicheskikh issledovaniyakh // Uchenye zapiski universiteta imeni P.F. Lesgafta. 2016. № 2(132). S. 197–201. DOI: 10.5930/issn.1994-4683.2016.02.132.p197-201.
28. Ekspertnye otsenki: metodologiya i praktika primeneniya / I.P. Artyukhov [i dr.] // Fundamental'nye issledovaniya. 2012. № 10. S. 11–15.
29. Esposito N. A Short and Simple Definition of What a Videogame Is [Elektronnyi resurs] // DiGRA 2005 Conference: Changing Views – Worlds in Play. 2005. 6 p. URL: http://www.digra.org/wp-content/uploads/digital-library/06278.37547.pdf (data obrashcheniya: 04.03.2024)